

КАЗАНОВА

Елена
Морозова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Джакомо Джироламо Казанова вошел в историю как великий любовник. Вечный странник, авантюрист, игрок, алхимик, тайный агент, писатель, переводчик, журналист — каких только занятий он не перепробовал! Но чем бы он ни занимался, на первом месте у него всегда стояли женщины. Подчинив всю свою жизнь стремлению к наслаждению, возведенному галантным XVIII веком до уровня философии. Казанова сделал любовь высшим смыслом своего существования.

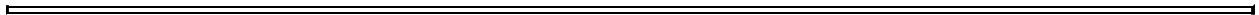
Несмотря на знакомство с монархами и знаменитостями, на переписку с просвещеннейшими людьми своего времени, известность пришла к Казанове только посмертно — после публикации его «Мемуаров», написанных в преклонные годы, когда, не в силах одерживать новые любовные победы, он скрашивал свой досуг воспоминаниями. Неутомимое и живое перо гения повседневности сумело воссоздать яркий калейдоскоп жизни и быта галантного XVIII столетия, передать беззаботную атмосферу авантюризма. Большая история обошла его стороной, и ни Казанова — тайный агент, ни Казанова — дипломат не оставили в ней заметного следа. В настоящей книге Казанова представлен как герой своего времени, герой, занятый поисками наслаждений и удовлетворением своих амбициозных планов.

-
- [Е. В. Морозова](#)
 -
 - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
 - [ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ КАЗАНОВЫ, АВАНТЮРИСТА, СОБЛАЗНИТЕЛЯ, ЛЮБОВНИКА](#)
 - [ГАЛОПОМ ПО ИТАЛИИ](#)
 - [СЧАСТЛИВОЕ ОБРЕТЕНИЕ ПОКРОВИТЕЛЯ. ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ КАЗАНОВЫ](#)
 - [ПАРИЖ — АКАДЕМИЯ АВАНТЮРИСТА](#)
 - [ВЕНЕЦИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ ВТРОЕМ](#)
 - [ТЮРЬМА ПЬОМБИ. ПОБЕГ](#)
 - [ПОКОРЕНИЕ ПАРИЖА](#)
 - [ЛЮБОВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ГЕРМАНИИ И ШВЕЙЦАРИИ. ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМИ СОВРЕМЕННОКАМИ](#)
 - [СТРАНСТВИЯ ПО ИТАЛИИ. ЛЮБОВНАЯ КРУГОВЕРТЬ](#)

- [«ПЕРЕРОЖДЕНИЕ» ЛЕГКОВЕРНОЙ МАРКИЗЫ](#)
- [АНГЛИЯ И АНГЛИЙСКИЕ НРАВЫ. ЗЛОКОЗНЕННАЯ ШАРПИЙОН](#)
- [ВСТРЕЧА С ФРИДРИХОМ II. ПОИСКИ СИНЕКУРЫ](#)
- [ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ. БЕСЕДЫ С ЕКАТЕРИНОЙ II, ИЛИ ОТВЕРГНУТЫЕ УТОПИИ](#)
- [ВАРШАВСКАЯ ДУЭЛЬ. БЕССЛАВНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ](#)
- [НЕГОСТЕПРИИМНАЯ ИСПАНИЯ И РОКОВЫЕ ИСПАНКИ](#)
- [НИ ДЕНЕГ, НИ ПРИСТАНИЩА. У ВЕНЕЦИАНСКОГО ПОРОГА](#)
- [СТАРСТЬ И СОБЛАЗНИТЕЛЬ — ПОНЯТИЯ НЕСОВМЕСТИМЫЕ. ПРОЩАНИЕ С ВЕНЕЦИЕЙ](#)
- [БИБЛИОТЕКАРЬ ГРАФА ВАЛЬДШТЕЙНА. ЛЕГЕНДА О КАЗАНОВЕ, НАПИСАННАЯ ИМ САМИМ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

**Е. В. Морозова
Казанова**

Портрет Казановы. А. Р. Менгс.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Рассуждения о Казанове, Любовнике и Авантюристе, и о его времени

XVIII столетие, галантный век, эпоха обворожительных женщин и красивых мужчин, время острословов и философов, период вызревания цивилизации столетия XX, создания прообраза единой Европы. Столетие, чарующее своим блеском, своей ослепительной порочностью и причудливой добродетелью. Эпоха дня сегодняшнего, без «завтра» и без «вчера», время наслаждений и удовольствий, сиюминутной любви и метко сказанного слова. В любой столице, в любом городе всегда найдется собеседник, говорящий по-французски, готовый обсудить последние парижские моды и новую трагедию Вольтера, поспорить об очередном томе Энциклопедии и рассказать анекдот из жизни придворных знаменитостей. Во всех монархиях, княжествах и герцогствах чувствительные души оплакивают гибель Юлии^[1] и несчастного Вертера^[2], а жуиры и ловеласы ходят в театр не столько ради представлений, сколько ради хорошеньких актрис. Юная, взбалмошная, очаровательная, капризная актриса, мечта вельможи, готового на любые траты, лишь бы заполучить в любовницы это искрометное существо, становится своего рода идеалом женщины, ибо в моде любовь-игра, любовь-ритуал. Вечные чувства, трагические страсти, возвышенное служение идеалу преданы забвению, их вытеснили чувственные наслаждения. Сладострастный угар, праздник, который никогда не кончается, непрерывная игра чувств и разума — удел привилегированных сословий, отгородившихся от остальной части общества глухой стеной законов, созданных специально для них, законов писанных и неписанных. Но Просвещение, Книжность, Науки проникают сквозь все сословные барьеры, способствуя появлению новых людей — безродных, но умных и деятельных, готовых применить свои знания и энергию как для личного обогащения, так и на благо всего общества. В недрах европейского сообщества, и прежде всего во Франции, начинается подспудное брожение духа — бесправное, но предприимчивое третье сословие устремляется «в люди», желая потеснить держащую в своих руках бразды правления аристократию. Франция того времени — это законодательница мод и придворного этикета, Париж — интеллектуальная столица мира, где

сосредоточены передовые достижения человеческой мысли, где творят философы и писатели, чьи имена давно стали символами духовности XVIII столетия: Вольтер, Дидро, Монтескье, Гельвеций, Гольбах, Руссо... В Париже начинается отсчет времени, получившего название эпохи Просвещения. Просветители верят в справедливость и разум, и, не нуждаясь в Боге, забывают о нем вовсе, зло высмеивая его продажных слуг. В Париже рождаются, кристаллизуются и оттачиваются идеи, ради осуществления которых 14 июля 1789 года взметнется страшный революционный вихрь и тысячи безвинных людей падут его жертвами.

В области нравов Франция также подает пример всей Европе. Французская литература до тонкости разрабатывает теорию соблазна, «науки страсти нежной», а королевский двор, которому подражает все остальное общество, грубо и цинично реализует утонченный литературный эротизм на практике. Начало эпохи чувственной, временами более напоминающей распутство, любви, практически узаконившей институт любовниц, соотносится с приходом к власти герцога Филиппа Орлеанского [3], ставшего после смерти (в 1715 году) Людовика XIV регентом при малолетнем Людовике XV. Начав свое правление с амнистии, давшей свободу сотням опасных преступников, регент вверг страну в финансовый кризис, доверив управление казной шотландцу Лоу [4], соорудившему гигантскую финансовую пирамиду и благополучно бежавшему из страны, когда пирамида рухнула. В свободное время регент предавался любовным усладам, ввел в моду и по сути легализовал неслыханный доселе разврат и безнаказанность для привилегированного сословия. О скандальных ужинах в Люксембургском саду, устраиваемых дочерью регента, герцогиней Беррийской, знал весь Париж. К концу трапезы участники их обнажались и устраивали настоящие оргии. Говорят, в них принимал участие и сам регент. Чем не картинка из романа зловещего маркиза де Сада? Но, как свидетельствуют современники, герцог Орлеанский был человеком по-своему справедливым и талантливым, просто он «не умел направить свою энергию в нужное русло», отчего предавался разнообразным порокам, к числу которых причисляют кровосмешение и пристрастие к отравлениям.

Людовик XV по части разврата стал достойным преемником своего дяди. Долгое время делами государства занимался умный и энергичный кардинал Флери [5], и только после его смерти в 1743 году Людовику пришлось задуматься об управлении своим королевством. Но не чувствуя к этому занятию никакого интереса, он с радостью отдал государственные дела на откуп своим любовницам и министрам, а сам отправлялся на охоту

или в маленький домик в Оленьем парке, где его всегда ждала очередная юная одалиска, готовая удовлетворить любую прихоть монарха. Когда король проходил по дворцу, его буквально за каждым поворотом подстерегала дама, жаждущая угодить монарху. Получить статус официальной фаворитки, которого удостоились мадам де Помпадур^[6] и мадам Дюбарри^[7], мечтала каждая честолюбивая красавица. Не только придворные, но и иностранные послы воздавали любовницам почести наравне с королевой. Европейские дворы следовали примеру двора французского. Атмосфера французской столицы, пропитанная страстью к наслаждению плодами возвышенной духовности и самым низменным развратом, была питательной средой для авантюристов всех мастей. Казалось, что именно здесь можно было безнаказанно удить рыбку в мутной воде и выйти из воды сухим, прославиться на весь мир и приобщиться к последним достижениям человеческой мысли, завязать интригу с самой красивой женщиной и познакомиться с величайшими умами Европы, преисполниться верой в разум и пройти магический обряд посвящения в тайное братство. Искатели приключений рвались в Париж, где, подобно губке, впитывали в себя отравленный ядом тщеславия и честолюбия воздух, а потом вновь отправлялись странствовать по свету, насаждая и распространяя французские обычаи и нравы.

Европейские государи равнялись на французский двор. Царившая повсюду утонченность была подобна легкому флеру, под покровом которого предавались изысканным чувственным наслаждениям. Искусство прославляло беспечность и красоту, люди искусства были в моде, равно как и меценаты: первые развеивали скуку последних. Обыденность и скука — главные враги наслаждения, с ними боролись маскарадами, балами, театральными действиями, остроумием, магией и чародейством. В обществе все, от королевы до судомойки, регулярно посещали гадалок и обращались за советами к чернокнижникам, все, от монарха до простого буржуа, с упоением изучали оккультные науки и мечтали вступить в тайный орден то ли масонов, то ли розенкрейцеров. Философия тайных обществ, члены которых претендовали на звание «благотворителей света», густо замешена на мистике и иррационализме, что делало их особенно привлекательными для авантюристов и мошенников всех мастей. Мистицизм прекрасно уживался со свободой нравов и аристократической вседозволенностью.

XVIII столетие — век Казановы. Родившись в год смерти великого русского реформатора Петра I, Казанова уходит из жизни вместе с веком, не дожив до конца его всего двух лет. Гражданин мира, как он сам

именовал себя, он принадлежит европейской культуре, точнее, культуре европейского быта своего времени. Великий эгоист, он жил повседневностью, интересуясь только самим собой, своими ощущениями, своими впечатлениями. Великие события обходили его стороной, он в них не участвовал, а посему интереса они для него не представляли. Великолепный рассказчик, в центре его повествований всегда был он сам; финансовые кризисы или смены правительств занимали его постольку, поскольку они могли отразиться на состоянии его кошелька и его личных удобствах. Ему было все равно, какому монарху и какому государству служить, лишь бы получать за это должное вознаграждение; он был готов приспособиться к любым обычаям, выучить любой язык, если труд этот мог принести удачу, деньги или доставить удовольствие. Его «Мемуары» являются поистине неподражаемым описанием повседневной жизни XVIII столетия. Многие современники Казановы оставили для потомства свои воспоминания, но он один из немногих, кто писал, не задумываясь ни об эпохе, ни об истории, ни о вечности. Его любовницы значили для него больше, чем монархи, а отменная работа желудка — больше, чем война за австрийское наследство или Семилетняя война. (Обе эти войны, сыгравшие немалую роль в европейской истории, прошли мимо Казановы, он их практически не заметил.) Он был далек от политики, высокие материи интересовали его в облегченном, прикладном виде. Он был готов говорить на любую тему, но всегда скользил по поверхности, не вдаваясь в подробности. Подобно журналисту, он воспринимал и описывал жизнь в ее отдельных фактах и проявлениях, и делал это с блеском и со вкусом. Для него имело значение все, что ему доступно; то, что находилось вне сферы его личных интересов, важности не представляло. «Мы — мельчайшие частицы в этом мире, где смешались добро и зло. Мы бросаем слова и совершаем поступки, не зная, как они откликнутся. Значит, нам должно делать то, что будет удобно и выгодно сегодня, ибо внутренне чутье наше не ошибается», — писал Казанова и жил днем сегодняшним. Живописание дня сегодняшнего снискало ему литературную славу (которой он жаждал, но так и не получил при жизни), поставив его в один ряд с такими мемуаристами, как Брантом^[8], кардинал де Рец^[9] и Таллеман де Рео^[10]. Его любовные похождения, трудолюбиво описанные в «Мемуарах», сохранили для нас образ легендарного Любовника. Великий Авантюрист, вся жизнь которого является одним большим приключением, исписал горы бумаги, но вошел в историю автором одной книги, написанной по-французски, ибо всегда чувствовал в себе особое пристрастие ко всему французскому.

Венеция, открытая всем ветрам, город между небом и водой, то залитый лазоревым светом, то затянутый серой пеленой дождя. Город, где и роскошным дворцам, и скромным жилищам, вытянувшимся вдоль темных нешироких каналов, ночная тишина противопоставлена, ибо камень, из коего они сложены, истончается, обращаясь в призрачный саван, наброшенный на каркас черной пустоты. Венеция живет многолюдьем, весельем, карнавалом. Сегодня говорят, что если из города исчезнут туристы, он превратится в призрак.

В начале XVIII столетия Венеция постепенно становилась местом паломничества празднующающегося люда: туда прибывали знатные прожигатели жизни и мелкие авантюристы без гроша в кармане. И первые и вторые находили себе занятие: одни тратили свои цехины, другие сравнительно честным путем приобретали их. В церковь шли как в театр — поглазеть на красивых женщин, послушать хорошую музыку и оценить ораторский талант и актерский дар проповедника. Жизнь проходила на улицах и площадях, в кофейнях и трактирах, гондолах и челнах, открытая для взоров любопытствующих и соглядатаев. В этом спектакле, именуемом «жить в Венеции», каждый исполнял свою роль в меру собственных талантов. Правительственная машина Венецианской республики напоминала громоздкую, но хорошо смазанную телегу, медленно двигавшуюся по накатанной колее: ответственные посты переходили из одних знатных рук в другие, не менее знатные, и все шпионили друг за другом. К 1760 году население города насчитывало сто тридцать пять тысяч жителей; среди них было тринадцать тысяч слуг, целая армия гондольеров, готовых везти щедрого пассажира куда угодно, и восемьсот пятьдесят парикмахеров; на всех жителей приходилось семь театров, две сотни кафе и множество игорных столов, расположенных повсюду, вплоть до театральных фойе. Знатные картежники собирались в игорном доме Ридотто, где можно было играть, не снимая маски.

С раннего утра улицы заполняли цветочницы, разносчики питьевой воды, бродячие актеры, точильщики и нищие — истинные артисты и виртуозы своего дела. Патриции направлялись в Сенат, а их праздные жены развлекались с чичисбеями, молодыми людьми, чья роль, бесспорно, была выше роли доверенного слуги, но неизмеримо ниже, чем любовника. Досужие сплетники быстро заполняли кафе, окружавшие центральную площадь перед собором Сан-Марко. Бедняки и обнищавшие дворяне

отправлялись на поиски хлеба насущного, но если первые старались заработать его трудом, то вторые предпочитали плутовать в игре и торговать голосами: вертелись, как могли. Большие состояния были сосредоточены в руках старинных аристократических родов — Мочениго, Джустиниани, Морозини, Фоскарини^[11].

Вечером все отправлялись в театр. Театральные залы до отказа заполнялись самой разнообразной публикой: в дешевом партере размещалось простонародье, в пышных ложах щеголяли нарядами аристократы и богатые венецианцы. Но и в партере, и в ложах все шумели, смеялись, жестикулировали, переживая не столько действие на сцене, сколько пьесу своей собственной жизни. Трагедии успеха не имели. Зрители жаждали комедии, игры слов и игры ума. Жизнь актеров и актрис, певцов и певиц, танцовщиков и танцовщиц была у всех на виду, все бурно обсуждали актерские успехи, равно как и промахи и неудачи. Патриции, беря на содержание хорошеньких актрис, часто оплачивали не только счета их портних, но и учителей. Для театрального репертуара каждый месяц предлагалось не менее дюжины комедий. Процветало искусство словесности — изящной и пустой. В моде были поэты и острословы, в городе печаталось множество книг, газет, брошюр, книжечек и листков, которые, едва выпорхнув из типографии, тотчас становились предметом бурных обсуждений и жарких споров в многочисленных литературных кафе, а затем стремительно улетали в небытие, уступая место своим преемникам и способствуя поддержанию славы знаменитых венецианских типографов. Заставить умолкнуть слово могла только музыка — при звуках ее замирали все, от епископа до водоноса: пение и музыку обожали все без исключения. Приют для сирот и внебрачных детей превратился в своего рода консерваторию, где отбирались и шлифовались юные голоса. Там часто устраивались концерты, собиравшие многочисленную публику. Оркестры, выступавшие во дворцах и соборах, иногда насчитывали до четырех сотен музыкантов.

Толпы собирались всюду, где было на что поглазеть, будь то женитьба или похороны знатного аристократа, церемония прибытия иностранного посла, церковный праздник или всеми горячо любимая ежегодная церемония обручения Венеции с морем, когда парадная галера дожей, сопровождаемая ярко разукрашенными судами и суденышками, vyplывала в залив, дож бросал в воды Адриатики золотое кольцо, символизировавшее обручение города с морем. «Дождь золотой, что в облаке пурпурном, на Буцентавре золотом плывет», — писал поэт. Ни один театр не был в состоянии сделать декорации, способные соперничать с пышностью красок

уличной процессии, с феерическим нарядом гондол, с многоцветьем богатых одежд и пестротой окон и балконов, облепленных возбужденными зрителями. Кульминация изобилующей зрелищами венецианской жизни — знаменитый карнавал, продолжавшийся более полугода, с небольшими перерывами. Чтобы принять в нем участие или просто полюбоваться пестрой толпой, в город съезжались иностранцы. Оставляя деньги в многочисленных кофейнях и лавках, они способствовали развитию торговли и, как следствие, процветанию Венеции.

Традиция карнавала восходит к римским сатурналиям, празднику, когда раб становился господином, а господин — прислужником, подносящим рабам своим чаши с вином. Карнавал — праздник, которого ждут и к которому готовятся с той самой минуты, когда гаснет последняя свеча уходящего карнавала, событие, без которого немыслима жизнь города. Начиная с конца XV века в Венеции создается ежегодный «карнавальный фонд». Венецианский карнавал XVIII столетия — это знаменитая *баута* — белая маска и длинный черный плащ с капюшоном, это блеск роскошных, шитых золотом и драгоценными камнями костюмов, это толпы Арлекинов, Пьеро и Коломбин, знаменитых персонажей комедии дель арте, и маски, маски, маски... Маска уравнивала простолюдина и аристократа, сенатора и куртизанку, разрушала сословные и общественные преграды, скрывала робость и прибавляла дерзости. Карнавал — благодатная среда для авантюристов всех мастей. Надев маску, человек становился анонимом, проникался чувством безнаказанности; он видел все, его же не видел никто, а значит, можно было дать выход страстям. В маске влюблялись и убивали соперников, танцевали и мошенничали, а когда наступала темнота и пестрые карнавальные костюмы скрывались под широкими черными плащами с капюшонами, наступало время любителей легкой наживы — игроков, отправлявшихся опустошать чужие карманы и пополнять собственные, и влюбленных, спешивших на свидания с чужими мужьями и женами, любовниками и любовницами. Несомненно, карнавал не лучшим образом влиял на мораль и нравственные устои венецианцев, однако и городские власти, и церковь на супружеские измены смотрели сквозь пальцы.

Авантюрист, Соблазнитель и Любовник (все определения с большой буквы!), бытописец своей эпохи, Джакомо Джироламо Казанова — плоть от плоти знаменитого карнавала, его беспокойное дитя. За свой век он успел перепробовать не один десяток масок: был студентом, проповедником, игроком, финансистом, фабрикантом, тайным агентом, алхимиком, врачевателем, предсказателем, драматургом, философом,

издателем, журналистом, переводчиком, масоном, путешественником... Едва очередная маска переставала приносить выгоду, нужда в ней отпадала, он сбрасывал ее и надевал новую. Когда он был самим собой? Скорее всего, в детстве, когда мальчишкой украл у хозяйки пансиона копченую рыбу и до отказа набил ею голодный желудок, когда за несколько месяцев обогнал в учении всех великовозрастных недорослей в классе, когда изо всех сил старался понравиться матушке, примеряя свою первую — и ставшую главной — маску остролова и любимца общества. Искренен ли он в своих «Мемуарах»? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Описывая свою жизнь, Казанова прежде всего лепил для истории фигуру «гражданина мира», коим он всегда себя считал, и — вольно или невольно — старался выставить себя в наилучшем свете. Однако чем ближе к концу продвигалась его работа, тем чаще из-под маски самоуверенного себялюбца выглядывал старый растерявшийся человек, внезапно осознавший, что жизненная круговерть выбросила его на обочину, где его подстерегает смертельный враг — скука. И Казанова, вооружившись пером и забыв про сон, бросался в очередной бой с могущественным противником, в очередной раз вспоминая любимых и просто встреченных им женщин, друзей и недругов, театральное закулирье и дворы монархов, мрачные своды тюрьмы Пьюмби и покосившийся домишко на острове Мурано, где колдунья излечила его от кровотечений.

Для всех женщин, упомянутых в мемуарах, кроме, пожалуй, куртизанки Шарпийон и почтенной, одураченной им маркизы д'Юрфе, Казанова нашел доброе слово. Ведь он действительно искренне любил их всех — как любят хорошее вино, одинаково вкусное и в придорожном трактире, и в королевской трапезной. Влюбившись в женщину, он добивался ее, а добившись, старался доставить удовольствие не только себе, отчего бывшие любовницы не держали на него зла, а напротив, вспоминали о нем с большой теплотой. Но как бабочка не в состоянии утолить свой голод одним цветком, так и Казанова не мог постоянно любить одну женщину. Однолюб способен на концентрацию всех своих душевных сил, он сродни творцу, для него любовь заключает в себе целый мир. А Казанова не творец, он — Авантюрист, всю свою энергию и знания употреблявший на то, чтобы жить, доставляя себе удовольствие — каждую минуту, каждую секунду, не задумываясь над тем, долговечно ли нынешнее его счастье или нет и что с ним будет завтра. Он бежал от скуки, а скука, как известно, творцам несвойственна. Авантюрист Казанова подобен пестрой сверкающей бабочке, радующей глаз своим полетом, заставляющим нас забыть о вреде, приносимом ее гусеницей.

Авантюрист — искатель приключений, вечный странник, кочующий по свету по велению души или в силу обстоятельств. Не обладая глубокими познаниями, он тем не менее широко и разносторонне образован, знает несколько языков, обладает живым умом и наделен даром красноречия, благодаря чему легко завязывает знакомства в любом обществе. Ему не составляет труда общаться «ни с королями, ни с извозчиками», он возбуждает интерес первых и вызывает почтение у вторых. Для придания себе большей значимости он набрасывает на себя покров тайны: скрывает свое происхождение, берет новое имя, объявляет себя знатоком неведомого, намекает, что знает ответы на вечные вопросы, волнующие человечество. Он подобен паучку, снующему меж столицами и провинциальными городками, дворцами и трактирами и опутывающему их своей невидимой паутиной, дабы ловить в нее доверчивых мушек с туго набитыми кошельками. Великолепный актер, он тонко улавливает настроение зрительного зала, то есть аристократической гостиной, кабинета министра или приемной монарха, и всегда готов подыграть собеседнику, подав ему именно ту реплику, которую тот от него ожидает. Природный дар внушения и наблюдательность помогают ему убедить партнера буквально в чем угодно. Таков Казанова, таковы его «собратья по профессии» — беспокойное племя авантюристов XVIII столетия, кочевавшее по Европе и возбуждавшее любопытство скучающих вельмож и князей. Всегда в курсе последних новостей, новинок моды и литературы, знакомые с трудами философов и экономистов, эти люди исполняли роль живых газет и превратили Европу в единое пространство без границ.

Авантюристы галантного века — разночинцы, выходцы из богатого талантами, но бесправного третьего сословия, правдами и неправдами стремятся занять свое место под солнцем, стать вровень с родовитой аристократией. Для этого у них есть талант, образование, энергия — все, кроме гербов и длинной вереницы вельможных предков. Изобретательный Казанова, рано ощутивший сей недостаток, быстро сочиняет и выучивает наизусть свою благородную родословную, которую он возводит к некоему Хакобо Казанове, уроженцу Сарагосы. В 1428 году этот Хакобо (побочный сын какого-то дона Франциско), будучи секретарем короля Альфонса Великодушного^[12], похитил из монастыря юную монахиню Анну Палафокс, бежал с нею в Рим, где, добившись у папы освобождения Анны от обетов, женился на ней. От него и пошел род Казановы. Помимо

родословной Казанова заодно присваивает себе и титул — шевалье де Сейнгальт, коим широко пользуется, не вдаваясь в подробности его происхождения. Получив от папы скомпрометировавший себя орден Золотой шпоры, он вместо того, чтобы спрятать никчемную награду поглубже в карман, гордо выставляет ее напоказ: среди дворян принято носить ордена. Свой орденский крест Казанова украшает таким количеством сияющих камней, что разобрать происхождение его становится невозможным. Он делает все, чтобы уподобиться сильным мира сего. Но вельможи терпят в своей среде выскочек только женского пола — за их неотразимые прелести, без обладания которыми не могут обходиться даже монархи. Классический пример — карьера дочери армейского поставщика Жанны-Антуанетты Пуассон, знаменитой маркизы де Помпадур, официальной любовницы Людовика XV, вершившей внешнюю политику Франции, до которой у безвольного и сластолюбивого короля просто «не доходили руки».

Что ж, авантюрист свободен, ничто не связывает его ни с одной страной, ни с одним правительством, у него нет ничего постоянного: ни друзей, ни женщин, ни покровителей. Подобно древнему мудрецу, он все свое несет с собой; багаж вечного странника Казановы чаще всего вмещался в один дорожный чемодан. Вольнодумцы, эпикурейцы, ниспровергатели религиозных догматов, знатоки модных в те (и не только) времена оккультных наук, авантюристы жили за счет собственной изобретательности, карт и вельмож, которые ценили их как остроумных собеседников, чародеев и людей сведущих, платили им за это и приглашали в свои дома. Откровенно потакая людской глупости, авантюристы гордились своим умением извлекать выгоду из легковерия и тщеславия своих ближних. «Обмануть дурака — поступок, вполне достойный умного человека», — пишет Казанова, для которого «обман дураков» является одним из существенных источников дохода. Он занимается сомнительной ворожбой, продает заведомо бессмысленные алхимические рецепты, проделывает более или менее сложные фокусы, выдавая их за результаты магических действий. Казанова не гнушается и более серьезными махинациями: шулерством, или, выражаясь его словами, умением «подправить форуну», шпионажем, сомнительными финансовыми операциями.

В то время как просветители, которым, впрочем, также не было чуждо ничто человеческое, желали исправить пороки этого «лучшего из миров», авантюристы стремились всего лишь найти свою нишу в обществе сильных мира сего, стать с ними на равных, чтобы затем наслаждаться

преимуществами издревле заведенного миропорядка. Именно для этого Казанова то и дело надевал маску «человека сведущего», предлагая монархам и князьям свои услуги: проект разведения шелковичных червей — императрице Екатерине Второй, план проведения праздника в китайском стиле — императору Иосифу II, проект заселения Сьерра-Морены — королю Карлу III. Однако во всех начинаниях себялюбивый венецианец, в сущности, всегда исповедовал принцип, сформулированный величайшим авантюристом всех времен и народов Наполеоном Бонапартом: «Главное — ввязаться в бой, а там будет видно». Всю жизнь Казанова «ввязывается»: становится послушником и через несколько лет самовольно расстаётся со священническим облачением; поступает на службу в армию и, не выдержав военной дисциплины, самовольно оставляет службу; издает театральный журнал, но после нескольких номеров, не имевших успеха, на который он рассчитывал, бросает издательское дело; устраивает фабрику по изготовлению набивных тканей, но, соблазнившись прелестями молоденьких работниц, начинает обольщать их, забывает о производстве и разоряется. Его начинания напоминают бег по кругу, когда бегущий каждый раз возвращается на исходную позицию, то есть на прежнее пустое место, и вновь начинает все с начала.

«Добро проистекает из зла, а зло из добра, — утверждал Казанова, — а потому надо радоваться жизни такой, какая она есть». Великое жизнелюбие, стремление познать жизнь во всех ее проявлениях — отличительная черта Джакомо Казановы. Жизнь — единственное богатство, данное человеку Богом, и тот, кто не любит ее, ее не достоин. «Я всегда шел туда... куда гнал меня ветер», — пишет он. Авантюрист живет за счет репутации, которую сам же и творит, и не столько поступками, сколько своими рассказами о них.

При кочевой жизни Казановы недостатка ни в сюжетах для повествования, ни в слушателях у него не наблюдалось. Постоянно путешествуя, иногда не по собственной воле, он везде находил людей, готовых выслушать его, приветить, посочувствовать и даже предоставить на время в его распоряжение свой кошелек. Но он и не задерживался долго на одном месте. Получив все, что можно, от очередных друзей и покровителей, он спешил дальше, навстречу неведомым приключениям и новым знакомствам. Самоуверенный и невоздержанный на язык, он своими неуместными и дерзкими высказываниями нередко наживал себе могущественных врагов. Сумев вовремя унести ноги и почувствовав себя в безопасности, Казанова вновь стремился обернуть себе на пользу свою общительность, острый ум и наблюдательность. Очередное путешествие —

это возврат к исходной позиции, очередной забег по кругу, новое вечное возвращение.

Авантюристу Казанове приходится постоянно заботиться о своем физическом здоровье, ибо путешествия, равно как и женщины, требуют недюжинных сил и выносливости. Ведь дороги, соединяющие города, где сосредоточены достижения цивилизации, ужасающе плохи, тряские экипажи, куда пассажиров набивается как сельдей в бочку, часто ломаются, а путешественников со всех сторон подстерегают разбойники, жаждущие завладеть их чемоданами и кошельками. В придорожных харчевнях и гостиницах царят грязь и зловоние, ползают клопы, прыгают блохи, снуют крысы, над отхожими местами роятся тучи мух, еда малосъедобна, а постели жесткие и сырые. Но у Авантюриста луженый желудок и крепкий сон, он оптимист и приучил себя стоически переносить дорожные неудобства. В любую погоду он едет из города в город, из страны в страну, равнодушный, как и большинство его современников (мода на любование природой еще не наступила), к пейзажам, будь то английские луга или виноградники Прованса, русские снега или ущелья Пиренеев, прусская равнина или морские просторы. Не влекут его и достопримечательности, будь то античные развалины или знаменитые музеи; он знакомится с ними, потому что это модно и дает возможность лишний раз продемонстрировать свою эрудицию, процитировав античного автора или обронив пару знаменитых имен. Главное для него — найти *живую красоту*, завести роман, начать интригу, его интересуют живые люди, готовые сегодня удовлетворить его запросы, его тщеславие, доставить ему удовольствие. Прошлого не вернешь, а заботиться о будущем не имеет смысла, ибо оно все равно отойдет в прошлое. Поэтому *carpe diem!* — лови мгновение!

Казанова — Соблазнитель и Любовник

Каждый знаменитый авантюрист галантного века был личностью по-своему выдающейся и запоминающейся. Калиостро прославился как предсказатель, с его именем связывают загадочную и запутанную историю с похищением ожерелья французской королевы Марии-Антуанетты. Сен-Жермен слыл изобретателем эликсира молодости и философского камня, именно он сообщил тайну трех карт русской красавице-графине, сгубившей алчного Германна.

Долгая карьера Авантюриста Казановы является одновременно и карьерой великого Соблазнителя и Любовника. Всей своей жизнью, а затем

и своими «Мемуарами», почти три четверти которых посвящены его любовным похождениям, Казанова доказывает, что любовь является для него главным и наиболее приятным занятием. Характерно, что обрывается его труд как раз на том периоде жизни героя, когда тот больше не может одерживать побед на любовном поприще. По его собственному утверждению, женщин было у него несколько сотен, и, разумеется, далеко не все они упомянуты в его «Мемуарах». Есть утверждение, что женщин у Казановы было более трех тысяч.

Исследователь жизни Казановы испанец Хуанчо Крус называет цифру 132, при которой на год в среднем приходилось по три любовных приключения. По социальному положению среди этих дам было 15 представительниц королевских дворов Европы, 18 дам благородного происхождения, семь актрис, три монахини, три певицы, четыре куртизанки, шесть танцовщиц, 24 служанки, шесть крестьянок, 11 женщин легкого поведения и даже одна рабыня. Примерно столько же женщин насчитывает и французская исследовательница Сюзанна Рот — 144, иначе говоря, три с половиной романа в год. Исследовательница проанализировала национальный состав любовниц Казановы. На первом месте оказались его землячки — итальянки (47), далее — француженки (19), потом — уроженки Швейцарии (10), затем немки (8), англичанки (5) и испанки (2). Разброс в цифрах обусловлен, скорее всего, принципами подсчета — одни стремятся охватить все возможные связи Казановы, включая знакомства в веселых домах, завсегдатаем которых он являлся, другие — те, о которых упоминает он сам.

Каждая женщина в глазах Казановы обладала своей неповторимой прелестью. «Тот, кто полюбил чтение, будет из любопытства прочитывать все встретившиеся ему книги; тот, кто полюбил женщин, будет добиваться любви каждой встретившейся ему особы, невзирая на то, красавица она или дурнушка», — пришел он к выводу, любясь дочерью графа Бонафедо, угловатой девочкой-подростком в коротком платьице. Знакомясь с очередной женщиной, Казанова мгновенно оценивал ее, обнаруживал массу достоинств и устремлялся на штурм. Красноречивый, обаятельный, решительный, отличавшийся оригинальностью суждений и стремительностью в исполнении решений, он сразу пускал в ход все свои чары, ибо искренне жаждал понравиться очередной избраннице. «Мужчина, который словами говорит о своей влюбленности, дурак; умный человек доказывает свою любовь действиями», — утверждал великий Соблазнитель. Он обожал ухаживать за женщинами, осыпать их подарками, исполнять их капризы, потакать их прихотям. И за это стремление найти с

ними общий язык, угадать их тайные желания женщины ценили его и сами проявляли к нему вполне объяснимый интерес. Так что если особа была недурна собой — а любое приятное личико пробуждало в Соблазнителе желание, — она вполне могла рассчитывать на ответное внимание. Усладив свой взор, Казанова приступал к штурму: невзначай касался колена, груди, прически, находил предлог завязать бант (с чем он справлялся превосходно), примерить подаренные им чулки или подвязки. Тонкий знаток процедуры ухаживания и великий ее ценитель, он рассматривал обольщение как необходимую прелюдию, делающую завершающий аккорд еще более приятным. Тем более что благодаря своей физической крепости он был готов повторять сей аккорд многократно; эта способность являлась особым предметом его мужской гордости и льстила его тщеславной натуре.

Иногда — очень редко! — ему все же случалось потратить время на ухаживание, но так и не достичь цели. Ежели он понимал, что усилия его напрасны, то, воспринимая любовь как естественное здоровое чувство, он без промедления отказывался от осады неприступной крепости и искал утешения в доступных объятиях других невинных красавиц или жриц продажной любви. Женщины, сопротивлявшиеся особенно долго, никогда не привлекали внимания Казановы. Конечно, ухаживание придает пикантность любовному приключению, но всему есть предел. Казанова никогда не овладевал женщиной против ее воли, предпочитая, чтобы та сама отдалась ему, но желательно поскорее, и вдобавок осознавая последствия своего поступка. Достижение сей цели требовало досконального знания женской психологии, в чем Соблазнителю никак нельзя отказать. Столь же превосходно Казанова изучил и собственную натуру; он знал, что любое поражение, любые нежелательные последствия любовного приключения уязвят его самолюбие и станут досадной помехой, которая наверняка стеснит его безграничную свободу. Значит, главное — не ошибиться в выборе и, доставляя удовольствие избраннице, полностью удовлетворить собственное самолюбие.

А еще лучше — превратить процесс соблазнения в увлекательную игру, дабы избежать скуки и лишний раз продемонстрировать все свои таланты. Когда ему это удастся, его уже влечет не столько сама женщина, сколько преодоление препятствий, связанных с обладанием ею: опасности подогревают страсть и возбуждают кровь. Любовь — та же игра. И в ней он, как и за игорным столом, в своей стихии: разрабатывает тактику, использует каждый промах противника в свою пользу и, полный энергии, упорства и сил, наносит решающий удар. Обольстить жену под самым носом у мужа, влюбить в себя неопытную девицу и дать ей первый

любовный урок буквально на глазах у бдительной мамы, совратить невесту накануне свадьбы, приобщить к служению Венере молоденькую монахиню — успех подобных приключений приятно щекочет его самолюбие. И тут уже не важно, достанется ли ему в результате юная красавица с лукавым взглядом и лилейной кожей или женщина в летах, с внешностью, далекой от идеала.

Да и есть ли у любвеобильного Казановы идеал? Вряд ли на этот вопрос можно дать однозначный ответ. Соблазнитель нравятся выразительные глаза, яркие губы, белоснежные зубы, здоровый цвет лица, упругая грудь и статная фигура, особенно когда она облачена в изящные наряды. Он не поклонник употребления косметики и предпочитает естественные краски природы, свидетельствующие об отменном самочувствии, не любит дряблых телом. Обрюзгшей аристократке он может предпочесть крепенькую служаночку, хотя, скорее всего, соблазнит и первую, и вторую. А так как любовная интрига для Казановы является одним из средств рассеять скуку, то помимо естественности и свежести он не может не ценить в женщине качества, дарованные ей образованием и воспитанием: красноречие, остроумие, начитанность, умение вести себя в обществе и поддерживать любую беседу. Поэтому нередко Соблазнитель стремится покорить женщину-личность, стоящую на одном интеллектуальном уровне с мужчиной и только в силу общественных условностей пребывающую в зависимом положении. Встретив такую красавицу, Соблазнитель превращается в традиционного Любовника, то есть заводит длительный — для Казановы — роман, безумствует и даже страдает. Подобные истории в жизни Казановы нечасты, ведь несмотря на всю свою галантность он всегда считал женщину низшим созданием, для завоевания которого недостойно прилагать излишние усилия.

Иногда возлюбленные Казановы превосходили его умом и силою характера. Отвечая ему любовью, они прекрасно понимали, что страсть великого Соблазнителя эфемерна, ибо всегда и во всем он любит исключительно себя. Но волшебное обаяние Любовника, готового подарить возлюбленной всего себя без остатка, все свое время и все свои деньги (последними, впрочем, его нередко наделяли сами любовницы), оказывалось сильнее логики и прозорливости. Женские чувства брали верх над разумом.

Несколько месяцев продолжался роман Казановы и загадочной француженки Анриетты. Прекрасная затворница из Мурано, восхитительная М. М., утонченная аристократка, днем прятавшая свое роскошное тело под темной рясой из грубой шерсти, а ночью, надев

ослепительное платье и скрыв под маской лицо, отправлявшаяся на поиски удовольствий, сама избрала Казанову своим любовником. Сразу же разгадали Казанову Эстер, услаждавшая его утонченными беседами в Голландии, рассудительная и отличавшаяся трезвостью суждений мадам Дюбуа и любительница теологических споров юная швейцарка Гедвига.

После каждого из *прочувствованных* романов Казанова впадал в тоску — не ел, не пил, по нескольку дней не покидал гостиничного номера, не мог ни писать, ни читать. Однако время шло, и все возвращалось на круги своя. Казанова снова возвращался к реальности, а значит, снова видел женщин, влюблялся, соблазнял, обольщал, подыскивал мужей своим любовницам, наделял их приданым — словом, как обычно, старался угодить тем, кто имел счастье ему понравиться. Одни женщины искренне любили его и мечтали стать спутницами его жизни: Тереза, ставшая знаменитой певицей; дочь актеров Итальянской комедии Манон Балетти, очаровательная и наивная К. К... (список можно продолжить). Для других интрижка с Казановой была очередным развлечением, и как бы ни складывались у женщин отношения с Соблазнителем, какой бы продолжительной ни была их связь, расставались они без горечи и мук.

Любовник и Соблазнитель — эти две роли Казанова играет постоянно, ибо не может жить без любви. Природа наградила его внешностью, как нельзя лучше подходящей под его амплуа: высокий, стройный, мускулистый, с большим орлиным носом на смуглом лице и черными живыми глазами. Но в «живых глазах, полных ума, всегда сквозит обида, тревога или злость, и оттого-то он кажется свирепым», — написал о Казанове его друг, утонченный аристократ принц Шарль де Линь^[13], который именно из-за выражения глаз считал венецианца уродливым. Впрочем, де Линь познакомился с Казановой, когда тот уже был в зрелом возрасте; к тому же женское понятие красоты нередко расходится с мужским, тем более когда речь идет о Соблазнителе. И все же — откуда этот тревожный взгляд?..

У Казановы были любовницы во всех слоях общества, всех возрастов, во всех странах, где ему довелось побывать: аристократки, авантюристки, непорочные девицы и продажные девки, служанки, кухарки, содержанки, чужие жены... Но всякий раз, обольщая очередную приглянувшуюся ему красотку, он в глубине души, подсознательно, боялся получить отказ, ущемляющий его гордыню и унижающий его самолюбие. В детстве первая возлюбленная обманула его и посмеялась над ним. Правда, позднее она раскаялась и подарила ему свою любовь, однако боязнь отказа затаилась где-то в сокровенной глубине души Казановы. В середине жизни на пути

его вновь встретила женщина, неподвластная его чарам и отказавшая ему в любви. И не только отказавшая, но и жестоко насмевшаяся над ним. Ею стала лондонская куртизанка Шарпийон, сумевшая обвести Соблазнителя вокруг пальца и выставить его в неприглядном виде перед обществом. Моральные страдания потерпевшего поражение Казановы были столь велики, что он буквально заболел с досады и даже подумывал о самоубийстве. После истории с Шарпийон у него иногда стало возникать несбыточное, по его собственному убеждению, желание начать оседлый образ жизни.

Достигший зрелости Казанова являет собой характерный образ распутника, атеиста и вольнодумца, иначе говоря, либертена, личности, порожденной свободой нравов эпохи Регентства во Франции и распространившейся по всей Европе. Однако после выхода в 1761 году в свет «Новой Элоизы» Жан-Жака Руссо в моду постепенно входят любовные страдания, возвышенные и трагические чувства; рядом с образом либертена появляется образ воздыхателя. Но неразделенная любовь, ревность, вздохи и переживания чужды Казанове. Жизнелюбивый, он смеется, когда ему весело, соблазняет красотку, когда вид ее пробуждает в нем чувственность, и сохраняет здоровую, чуждую непристойности, естественность. Любовь для него — забава, изысканная, веселая и пикантная, физическое влечение, а не духовная страсть. Но в отличие от многих своих современников он не сторонник извращенных форм любви, тем более однополый, чурается массовых оргий. Для его темперамента вполне хватает достичь цели вполне традиционным способом, его стремление к новизне находит удовлетворение в процедуре ухаживания и соблазнения. Приверженец естественности, он предпочитает во всем следовать природе. В природе нет ничего вечного, значит, нет и вечной любви. Когда цель достигнута, пора следовать дальше. Все когда-нибудь уходит в прошлое, так почему же любовный роман должен быть бесконечным? Лучше с улыбкой встретить неизбежное, нежели тратить силы, пытаясь остановить неумолимый бег времени. Расставание заложено в природе вещей, так не стоит омрачать его слезами и сценами ревности; лучше с удовольствием вспоминать о том, что было. Сколь мудрой может оказаться философия погони за наслаждениями!

Казанова не любит женщин. Женщина для него является чем-то вроде домашнего зверька ценной породы, коего заводят, дабы от скуки забавляться с ним. Поэтому он на редкость быстро забывает своих любовниц и гордится тем, что ему неведомо чувство ревности. Правда, иногда он опрометчиво обещает жениться, но, опомнившись, всегда

находит самые неожиданные, самые веские причины, дабы не сдержать слово. Женитьба — как, впрочем, и все, что может стеснить его свободу, — вызывает у него содрогание. Женщины сменяют друг друга, как города на карте Европы, по которой путешествует знаменитый Авантюрист. Ничто и никто не может удержать его — ни женщины, ни деньги, ни почести, ибо он любит только самого себя и потакает только собственным капризам. Он готов любыми, в том числе и не слишком честными, способами добывать и женщин, и деньги, и почести — но только *под настроение*, когда ему этого хочется. Беспечный, не обремененный никакими моральными нормами или обязательствами, он путешествует по жизни, стараясь извлечь из нее как можно больше удовольствия. Женщина, которой он улыбается утром, вечером уже готова броситься к нему в объятия, а ночь провести у него в постели, где они вместе будут предаваться радостям плотской любви. Быть может, великий мастер любовной игры впервые вознесет свою любовницу на самую вершину страсти, откроет для нее бескрайнее и упоительное царство Венеры, и она будет ему за это благодарна.

Казанова дарил женщине наслаждение, ибо не мог наслаждаться в одиночку. В глубине души презирая женщин, он тем не менее делал все, чтобы его любовная победа доставила радость не только ему, но и ей. Только, разумеется, никакой морали, никаких обязательств, просто немного удовольствия. Расставаясь, Казанова всегда старался *пристроить* бывшую любовницу или хотя бы оставить приятное воспоминание о себе в виде красивого платья или кошелька с золотом. Бросая женщину, он никогда не говорил, что разлюбил ее; конечно же, он будет любить ее вечно, просто сейчас он любит еще и мадам X или мадемуазель Z... Отсутствие жестокости в отношениях с женщинами, пожалуй, является основным отличием Казановы от многих аристократов, для которых надругательство над добродетелью было делом банальным и никаких кар за собой не влекло.

Любовные связи Казановы никогда не оканчивались трагически. В чем причина? В мудрости Казановы? В его богатом и разностороннем жизненном опыте? Нет, скорее в неспособности любить по-настоящему. Сын комедиантов, он сам всю жизнь был актером, играя собственный образ на сцене жизни. Всем известно, что игра в чувства и подлинные чувства не имеют между собой ничего общего. Но хорошего актера трудно заподозрить в неискренности, а Казанова был блестящим актером. И, может быть, именно поэтому женщины всегда уступали ему, а расставаясь, уносили в своем сердце кусочек радости.

В обыденном сознании Казанову нередко отождествляют с Дон

Жуаном, оба имени стали нарицательными, обоих вспоминают, когда говорят о любвеобильных и непостоянных мужчинах. Разумеется, сходство у этих обольстителей есть: оба реализуют себя, свою натуру посредством женщины, точнее ее соблазнения, у обоих было множество женщин, и оба не умеют *любить вечно*. На этом сходство практически заканчивается. И дело не только в том, что Казанова — лицо историческое, а Дон Жуан — легендарный персонаж, образ которого получил свое развитие в произведениях мировой литературы, что Казанова как реальный человек неизмеримо сложнее и противоречивее литературного образа и принадлежит определенной исторической эпохе, а Дон Жуан как фигура мифическая является прежде всего носителем моральных категорий, сводимых к универсальным понятиям Добра и Зла.

Дон Жуан — персонаж трагический, воплощение насилия и унижения, заложенного в соблазне, точнее в совращении: последнее понятие подразумевает отрицательный характер любовных домогательств. Дон Жуан добивается расположения женщины в угоду своей гордыне; как только женщина уступила, он немедленно бросает ее, нисколько не заботясь ни о ее оскорбленных чувствах, ни о причиненном ей унижении. Женщины, брошенные Дон Жуаном, глубоко несчастны, одних уж нет в живых, другие жаждут отомстить ему. Несчастлив и сам обольститель; его любовные похождения не дают ему ни утешения, ни покоя, а лишь иссушают душу. Может быть, поэтому он с радостью бросает вызов изваянию Командора, хотя предчувствует, что их поединок станет для него роковым.

Казанова никогда не совращает женщину, он всегда соблазняет ее. Любовницы Казановы не чувствуют себя ни униженными, ни оскорбленными, и если судьба случайно сводит их вновь, они с радостью бросаются Соблазнителю на шею. Правда, он не всегда узнает их — этих женщин было так много... Но будь то новый роман или повторение пройденного, поведение Казановы не меняется. Незлобливость венецианца по отношению к женщинам столь всеобъемлюща, что даже к куртизанкам, награждавшим его дурными болезнями, он не испытывает горьких чувств. Казанова может причинить женщине зло, но спонтанно, не сознавая, что поступок его влечет за собой это зло. Он не любит причинять себе лишние хлопоты, не знает, что такое угрызения совести, впрочем, совесть его весьма покладиста и, случайно пробудившись, быстро засыпает вновь.

В обыденном сознании имя Казановы стало синонимом Соблазнителя и Любовника, великого знатока женской натуры, второго Дон Жуана. Этой славе Казанова обязан своим «Мемуарам», опубликованным почти через

двадцать лет после его смерти. К этому времени сменилась эпоха, изменились вкусы и идеалы. Утонченные и порочные герои Кребийона^[14] и Дора^[15] ушли в прошлое вместе с либертенами де Нерсиа^[16] и де Сада, им на смену пришли романтические влюбленные Констана^[17] и Байрона, чувственную любовь сменила любовь роковая и возвышенная. В литературе романтизма усиленно разрабатывался образ великого соблазнителя Дон Жуана, и Казанова был воспринят прежде всего как ипостась этого образа. Кем был бы для нас Казанова без своих «Мемуаров»? Скорее всего, никем, одним из «типичных представителей» прожектеров и шарлатанов, кочевавших по Европе, чье имя было бы известно лишь узкому кругу специалистов-историков. Он не мог претендовать на литературную славу, ибо многочисленные сочинения его, от философских писем до математических трактатов, оригинальностью не отличаются и представляют интерес лишь как характерный образец продукции плодovitого на всевозможные писания XVIII столетия. Единственный роман Казановы «Икозамерон», изданный автором за собственный счет, успеха не имел. Разумеется, впоследствии он снискал положительные отзывы и Гейне, и Мюссе, и ряда наших современников, но это — после выхода «Мемуаров», когда на все, связанное с Казановой, лег отблеск его талантливо описанной жизни, его живых и сочных записок.

Казанова, этот, говоря современным языком, *self made man* галантного века, человек, обожавший блеск, шум, славу, всеобщее внимание и остро страдавший, оказавшись в одиночестве и не у дел, сумел победить и старость, и одиночество, и саму Смерть: «Мемуары» обессмертили его имя. Казанова не столько описывал свою жизнь как сторонний наблюдатель, сколько переживал ее заново, ткал свое повествование из кусочков; каждый кусочек — очередной виток жизни, пройденный героем, его новый старт. Все кусочки прочно скреплены витой нитью, скрученной из Любви и Жизнелюбия. Любовь — главная сила, двигавшая жизнелюбцем Казановой, и сколь бы велики ни были прочие его таланты, главным оставался талант Любовника и Соблазнителя — пылкого, чувственного, радостного, благодарного, всегда готового подарить Любовь — сиюминутную, мимолетную, но необходимую как воздух. Теперь трудно сказать, хотел ли сам Казанова войти в историю как великий Соблазнитель. Но именно в этом образе он предстал перед нами, этот образ вдохновлял писателей и поэтов, драматургов и кинематографистов. Став персонажем, Казанова превратился в миф, символ блистательного и неотразимого Любовника-Соблазнителя. Наверное, он все же этого хотел, ведь он гордился своим

любовным даром и ему всегда льстила известность.

Имя Казановы стало нарицательным. Казанова — тот, кто всегда имеет успех у женщин, кто меняет их как перчатки. Тот, перед кем не устоит ни одна красавица. Все остальные таланты великого Авантюриста канули в Лету. Перепробовав за свою долгую жизнь множество занятий, Казанова ни в одном не поднялся выше уровня посредственного ремесленника. Его главный, неиссякаемый талант заключался в слове. История жизни Казановы — это жизнеописание замечательного любовника, рассказанная им самим. Бурные любовные приключения Казановы давно привлекают к себе писателей и кинематографистов. И автор настоящей книги следовал прежде всего за Любовником и Соблазнителем, так как именно эту роль Казанова с блеском играл всю свою жизнь. Авантюрист мог надевать на себя любые маски, заниматься любой профессией, но жизни без женщин он не мыслил.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ КАЗАНОВЫ, АВАНТЮРИСТА, СОБЛАЗНИТЕЛЯ, ЛЮБОВНИКА

Джакомо Джироламо Казанова родился 2 апреля 1725 года в Венеции. «Матушка произвела меня на свет в Венеции, 2 числа апреля, в пасхальный день 1725 года. Накануне очень захотелось ей отведать раков. Я большой охотник до раков», — в «Очерке моей жизни» написал о своем рождении Казанова. Родителями его были Гаэтано Джузеппе Джакомо Казанова и Джованна Мария Фарусси по прозванию Дзанетта, дочь сапожника Джироламо и его жены Марции. Еще было у Дзанетты прозвище Буранелла, ибо родилась она на острове Бурано, что близ Венеции.

Гаэтано был на десять лет старше жены и к тому времени, когда они встретились, успел немало повидать. В девятнадцать лет он влюбился в очаровательную Фраголетту, исполнявшую роли субреток, оставил родной дом в Парме и отправился вслед за возлюбленной. Вынужденный зарабатывать на жизнь, он выучился танцам и поступил на сцену, где выделялся не столько талантом, сколько благородством манер и нрава. Брак с Фраголеттой не состоялся, влюбленные поссорились, и Гаэтано, приехав в Венецию, поступил в театр Сан-Самуэле. Увидев Дзанетту, он мгновенно влюбился в нее, девушка ответила ему взаимностью, и влюбленные, понимая, что родители Дзанетты не захотят выдать дочь за актера, в сопровождении двух свидетелей отправились к священнику, который и сочел их браком. В городе солнца, моря и веселья влюбленным всегда шли навстречу.

Отец новобрачной, узнав о поступке дочери, с горя умер, и хотя Гаэтано пообещал теще не побуждать жену выходить на сцену, Дзанетта сама с восторгом вылетела на подмостки, снискала успех и вскоре стала примадонной театра Сан-Самуэле, принадлежавшего знатному патрицианскому семейству Гримани. Говорили, что Дзанетта приглянулась Микеле Гримани и Джакомо был плодом их связи. По крайней мере, некоторые находят в этом объяснение, почему аббат Альвизо, брат Микеле Гримани, стал наставником и покровителем юного Джакомо. Однако, скорей всего, верна самая банальная версия — Джакомо Казанова был законным сыном своих родителей — в отличие от своих младших братьев и сестер, которые, по убеждению казановистов, имели совершенно разных,

но весьма знатных отцов, проявивших интерес к очаровательной Буранелле во время гастрольных поездок труппы. Старший из братьев Джакомо, Франческо (предположительно сын английского короля Георга II), сделался известным батальным живописцем, членом Французской академии художеств; он долго жил в Вене, где ему оказывал покровительство князь Кауниц^[18]. Второй брат, Джованни, также стал художником, учился у знаменитого живописца Рафаэля Менгса, получил должность директора Академии художеств в Дрездене и до конца жизни им оставался. Третий брат, Гаэтано, родившийся после смерти мужа Дзанетты, стал аббатом, однако всю жизнь был неудачником и умер молодым. Одна сестра, Фаустина Маддалена умерла в пятилетнем возрасте, другая, Мария Маддалена Антония Стелла, стала танцовщицей и жила в Дрездене вместе с матерью.

С младенчества Казанова был отдан на воспитание бабушке, почтенной Марции, быстро простившей дочери легкомысленный, по ее мнению, брак. Марция была неграмотна, но умна и великодушна и обожала внука. Она заботилась о нем и сама занималась его воспитанием. Поэтому смерть отца, случившаяся в 1733 году, по сути прошла для мальчика незамеченной. Единственным запомнившимся ему ярким эпизодом, связанным с отцом, была кража обточенного отцом кристалла. Гаэтано Казанова, к концу жизни окончательно покинувший театр, много времени уделял занятиям оптикой и механикой. Однажды Джакомо, прельстившись блестящей стекляшкой, схватил оставленный отцом на столе кристалл и решил поиграть им. Когда отец, хватившись кристалла, разъяренный принялся его искать, Джакомо, понимая, что, если кристалл найдут у него, наказания ему не избежать, незаметно сунул кристалл в карман брата Франческо. Брата наказали, а через несколько лет, уже после смерти отца, Джакомо весело и беспечно (к слову пришлось) поведал брату о своей *шутке*. Франческо не простил ему этого обмана. Гаэтано Казанова умер в своей постели, поручив заботы о Дзанетте и детях братьям Гримани.

Когда Гаэтано не стало, Джакомо было уже восемь лет, но он даже не ходил в школу. Причиной тому были частые кровотечения из носа, скорее всего, от полипов, и он постоянно ходил с открытым ртом, и поэтому вид у него, по его собственному признанию, был *идиотский*. Врачи, которым не раз показывали мальчика, не знали, как ему помочь. Мать, блистательная актриса, постоянно гастролирующая по заграницам, не имела ни времени, ни желания заниматься лечением сына. Из-за кровотечений маленькому Джакомо подчас бывало трудно произносить слова, поэтому никто, включая родителей, с ним не разговаривал.

Спасителем мальчика стала бабушка. Она отвезла его на остров Мурано, к местной колдунье, проживавшей в скособоченном домике в обществе многочисленных кошек. Колдунья завернула Джакомо в простыню, пропитанную пряными запахами, помазала чем-то затылок и виски, дала съесть пять вкусных, как конфетки, шариков, а затем уложила его в сундук и закрыла крышкой. К вечеру она открыла сундук, и из него вылез исцеленный Джакомо. С этого дня у него больше не было кровотечений. Колдовское лечение произвело на мальчика огромное впечатление, и с тех пор в нем проснулся неиссякаемый интерес к целительству. Он никогда не упускал возможности приобрести и расширить свои познания в медицине. Впоследствии он не раз применял эту науку на практике.

Колдунья не только вылечила недуг мальчика, она вдохнула в него уверенность в себе, стремление опередить своих сверстников (быстро переросшее в непомерное тщеславие), и, возможно, даже пробудила заложенные в нем природой способности. Правда, это сделала не она сама, а «дама в белом», явившаяся к мальчику, как и предсказала ворожея из Мурано, в полночь после его исцеления. В ту памятную для него ночь Джакомо действительно увидел женщину в роскошном платье и сверкающей короне на голове. Она вышла из камина, села подле него на кровать, чем-то посыпала ему голову, а потом долго-долго бормотала какие-то слова; исчезла она только под утро. Мальчик бросился к бабушке рассказать, о чем говорила ему дама, но мудрая Марция запретила ему. Привыкнув слушаться бабушку, он умолк. Никогда больше не возникало у него желания поделиться своими впечатлениями о таинственной незнакомке в пышном белом наряде, однако сам он, как написано в «Мемуарах», запомнил и женщину, и ее загадочные речи на всю жизнь. Была ли ночная красавица порождением возбужденного воображения Джакомо, или же колдунья, сговорившись с Марцией, подслала к нему одну из своих молодых приятельниц, предварительно научив ее нужным словам, — неизвестно. Главное, с этого времени для мальчика началась новая жизнь; его отдали в школу, где прежде вечно унылый, молчаливый ребенок стал первым учеником, обогнал в развитии своих товарищей, пристрастился к чтению и начал проявлять все задатки личности незаурядной.

Стремление мальчика быть первым всегда и везде поощряла Дзанетта, время от времени приезжавшая повидаться с сыном. Мать всегда была для Джакомо кем-то вроде феи — красивая, нарядная, окруженная шумными и блистательными поклонниками, недостижимая и обожаемая. Пока Казанова

был «маленьким идиотом» с вечно открытым ртом и испачканным кровью носом, Дзанетта редко удостоивала его вниманием. Узнав, что Джакомо избавился от терзавших его кровотечений, Дзанетта пожелала заняться сыном. Ей всегда хотелось видеть своего первенца красивым, разговорчивым, остроумным, ей нравилось, когда он был одет и причесан по последней моде, и она мечтала, чтобы когда-нибудь он смог легко и непринужденно беседовать с ее поклонниками и почитателями ее таланта. Поэтому выздоровление Джакомо было для нее настоящим праздником: теперь у нее были все основания надеяться, что мечты ее осуществляются. И Джакомо действительно стал таким, каким хотела его видеть мать. Каждое из качеств, которыми тщеславная актриса мечтала наделить сына, развилось в нем до предела, являя собой и его украшение, и его недостатки. Но, как известно, наши недостатки — продолжение наших достоинств.

Решив отдать Джакомо в учение, Дзанетта вместе с аббатом Гримани и другом семьи, венецианским патрицием и поэтом Джорджио Баффо, в промежутке между гастролями отправилась в Падую, где на скорую руку определила сына в пансион к славянке Мадо и записала в школу, руководимую аббатом Гоцци. Содержание в пансионе обходилось не слишком дорого — цехин в месяц, поэтому кормили несчастных мальчишек впроголодь; о чистоте также пришлось забыть: постельное белье меняли редко, а вот блохи и вши водились в изобилии. Пытаясь утолить вечный голод, Джакомо крал все съестное, до которого только мог дотянуться. В классе, где кроме него учились еще тридцать мальчиков, он оказался самым старшим, и поначалу над ним все смеялись — ведь он не умел ни писать, ни читать. Но Джакомо быстро догнал насмешников и стремительно оставил их всех далеко позади. Свои поразительные способности он быстро сделал предметом торга — за кусок жареной курицы или мяса он был готов исправлять ошибки в письменных, работах даже самым заядлым лентяям. Особенно удавались ему переводы с латыни и сочинения на латыни.

Однажды кто-то из товарищей нажаловался на Джакомо учителю, аббату Гоцци. Тот, почитая Казанову своим лучшим и любимым учеником, вызвал его к себе и, убедившись в отчаянном положении мальчика, посоветовал ему написать домой бабушке и матери, а также покровителям: синьору Баффо и аббату Гримани, дабы те забрали его от славянки и поместили бы на хлеба в иное, чистое и достойное место. Откликнулись синьора Марция и Гримани. Аббат прислал письмо, полное упреков, а неграмотная бабушка вместо письма прибыла сама. Увидев, в каких условиях содержится ее внук, она быстро покидала в чемодан его нехитрые

пожитки и забрала его из пансиона. Для начала они устроились в гостинице; после грязного чердака обычный трактир показался Джакомо настоящим раем; с тех пор он выучился смотреть на постоянный двор как на вполне пригодное жилье. К этому времени учеников в его школе осталось мало, и аббат решил открыть собственный пансион, воспитанники которого должны были учиться, столоваться и жить у него в доме. Он с удовольствием взял к себе Джакомо, поручился присматривать за ним хорошенько, и старая Марция, заплатив вперед, отбыла, довольная, что сумела исправить оплошность, в спешке допущенную ее дочерью.

Аббат Гоцци, преподаватель по призванию, стал единственным наставником Джакомо. Ухоженный, в тепле, начавший забывать, что такое голод, мальчик теперь все силы отдавал учению. Живой и любознательный Джакомо быстро продвинулся в изучении наук: музыки, латыни, основ стихосложения и математики. Обладая поистине феноменальной памятью, он с удовольствием заучивал наизусть поэмы Ариосто^[19] и стихи Горация, а по ночам, за шкафом, втайне от наставника, с упоением читал непристойные «Беседы куртизанок» Аретино^[20], быстро развившие эротическую фантазию здорового и физически развитого подростка.

Джакомо положил глаз на Беттину, четырнадцатилетнюю сестру аббата, в ее обязанности входило умывать его и причесывать по утрам. Прикосновения нежных рук девушки пробуждали в душе юного Казановы неведомые доселе чувства, а тело откликалось на них неведомыми ранее позывами. На робкие ухаживания подростка бойкая девушка отвечала кокетливыми улыбками, а однажды даже пообещала навестить его ночью. Но увы, обещания Беттина не сдержала. Любознательный Джакомо быстро обнаружил, что она проводит ночи в комнате второго ученика аббата, некоего Кандиани, который был старше его несколькими годами. Это открытие опечалило юношу и навсегда определило его отношение к женщинам: он перестал им верить и воспринимать их всерьез. Любовь — игра, в которой выигрывает тот, кто ставит на верную карту, иначе говоря на женщину, которая не обманет. Поэтому Казанова никогда не увлекался недоступными красавицами, а ухаживал за теми, которым нравился он сам. В сущности, потерпев первое поражение, он стал стремиться не столько соблазнить, сколько самому быть соблазненным. Ощувив внутренним чутьем, что к нему проявляют интерес, он по всем правилам разыгрывал партию и оказывался победителем — к обоюдному удовольствию сторон.

Желая скрыть свои ночные похождения и избежать скандала, которым пригрозил ей Кандиани, обнаруживший, что у него есть соперник, Беттина

симулировала приступ одержимости. Внезапно ее стало трясти, глаза закатились, речь стала несвязной. Родные вызвали к ней двух монахов-экзорцистов, старого уродливого капуцина и молодого красивого якобинца, и те по очереди принялись заклинять вселившегося в девушку дьявола. Джакомо, у которого еще были свежи воспоминания о колдунье из Мурано, со смешанным чувством наблюдал за монахами. Ему было страшно, но вместе с тем он был уверен, что все участники процедуры разыгрывают грандиозный спектакль, главная роль в котором отведена Беттине. Иногда им все же овладевали сомнения: а вдруг темные силы действительно завладели несчастной девушкой? К счастью, все обошлось благополучно: молодой красивый якобинец одержал победу над злыми духами. Беттина выздоровела, но вскоре снова заболела — на этот раз оспой, всерьез и надолго. Разбитое сердце Джакомо не ожесточилось; он преданно ухаживал за красавицей и, разложив на коленях тетради, дежурил у ее постели, уговаривая ее не расчесывать лицо, дабы потом на нем не осталось следов.

Судьба не пощадила Беттину. Через несколько лет она вышла замуж за сапожника Пигоццо, пьяницу и грубияна, постоянно ее колотившего; в конце концов она сбежала от него домой. Казанова встретился с Беттиной много лет спустя, когда та, тяжело больная, уже стояла на пороге вечности. Вглядываясь в изможденное лицо своей первой возлюбленной, Казанова видел перед собой прежнюю красавицу и горько сожалел, что она досталась не ему, а недостойному сапожнику. Память Соблазнителя навсегда запечатлела Беттину юной и прекрасной. Была ли она его платонической возлюбленной или же стала его первой женщиной — теперь этого уже никто не узнает; впрочем, это не важно.

Тем временем Дзанетта вместе с труппой итальянских актеров отправилась в Санкт-Петербург, надеясь получить там ангажемент. Однако императрице Анне Иоанновне не пришлась по вкусу игра очаровательной итальянки, и менее чем через год Дзанетта вернулась в Венецию, где вскоре получила приглашение в Дрезден, столицу курфюрста Саксонского [21]. Подписав пожизненный контракт с придворным театром, она больше не покидала Дрезден. Обаяние Дзанетты было столь велико, что, даже войдя в возраст, она продолжала исполнять исключительно заглавные роли юных красавиц и имела огромный успех у зрителей. Ее старший сын сполна унаследовал обаяние матери, но если синьора Казанова была актрисой только на сцене, то Джакомо стал актером в жизни, превратив Европу в громадную сцену, где он ставил и разыгрывал свой собственный спектакль. К сожалению, режиссура не всегда зависела от главного исполнителя.

Перед отъездом в Дрезден Дзанетта захотела повидаться с Джакомо и попросила аббата Гоцци привезти его к ней в Венецию. К этому времени аббат успел обучить своего питомца всему, что знал сам, в том числе и игре на скрипке. Будучи настроенным чрезвычайно ортодоксально во всем, что касалось религии, наставник попытался внушить аналогичные убеждения Джакомо, однако потерпел полное фиаско. Не желая огорчать доброго аббата, юноша со всем соглашался — и мгновенно выбрасывал из головы его увещевания, особенно те, что осуждали плотский грех, который наставник считал одним из самых тяжких, а Джакомо — одним из самых извинительных. Формированию подобных взглядов у подростка способствовало беспорядочное чтение малопрстойных романов и стихов, а также фривольные и вольнодумные разговоры, которые велись в окружении Дзанетты.

Редкие встречи с матерью были праздниками для Джакомо, поэтому он как губка впитывал каждое слово, услышанное им от ее приятелей и друзей, каждое движение, подмеченное им у ее поклонников, и потом долго вспоминал об этом среди размеренного однообразия пансионной жизни. Расставаясь с сыном, Дзанетта решила: раз аббат более не может ничему научить Джакомо, значит, мальчику следует продолжить образование в университете. Вернувшись вместе с аббатом в Падую, юный Казанова записался на курс права, через год представил требуемую дипломную работу, защитил ее и в шестнадцать лет стал доктором права.

За год студенческой жизни Джакомо успел познакомиться со всеми значными местами города, принять участие в буйных попойках и драках, постоянно затеваемых студентами с отрядами сборов (городской милицией), и, разумеется, приобщиться к утехам Венеры. Наделав долгов, он был вынужден написать письмо домой и попросить денег. Денег из дома не пришло, зато прибыла бабушка; убедившись воочию, какую жизнь ведет ее внук, она разогнала кредиторов и объявила, что увозит мальчика домой. Прощание ученика и наставника, в чьем доме он до сей поры жил, было теплым; аббат Гоцци подарил Джакомо золотой образок, и тот пообещал хранить его вечно. Если бы подарок был не столь дорогим, Джакомо, быть может, и сохранил бы его; но он вечно нуждался в деньгах и в один из периодов безденежья продал его.

Вместе с бабушкой Джакомо вернулся в Венецию; там он и его брат Франческо поселились в доме, где прежде жил его отец. Плату за дом присылала из Дрездена Дзанетта. Франческо всегда хотел рисовать. А перед юным Казановой встал вопрос: чем заниматься дальше? Ему хотелось бы изучать медицину, однако и мать, и аббат Примани считали, что

с его прирожденным красноречием ему лучше продолжить изучение права, причем права канонического, дабы потом принять сан и читать проповеди. Впоследствии Казанова напишет, что родственники его глубоко заблуждались: умение убедительно говорить врачу потребно гораздо больше, нежели адвокату, ибо среди врачей значительно больше шарлатанов, чем среди судей. В результате бурных дискуссий Казанова проникся отвращением и к первым, и ко вторым и, как следует из его записок, не любил обращаться ни к врачам, ни в суд.

В судьбе юного Казановы принял деятельное участие почтенный патер Тозелло, настоятель церкви Сан-Самуэле. Он представил новоиспеченного доктора права патриарху Венеции^[22], который посвятил его в духовный сан. Казанова через год получил звание аббата с правом читать проповеди, чем несказанно обрадовал бабушку. В Италии, равно как и во Франции, звание аббата соответствовало самой первой, младшей церковной должности и не привязывало ее обладателя к приходу. Аббат мог даже не носить рясу, довольствуясь небольшим воротничком, напоминавшим манишку, надеваемую поверх кружевного жабо.

Аббат Гримани познакомил Казанову с семидесятилетним Альвизо Гаспаро Малипьеро, патрицием и сенатором, одним из влиятельнейших людей Венеции. Отошедший от политики престарелый сенатор страдал от подагры, наполовину парализовавшей его тело, однако ум его был ясен, дух крепок, и сам он оставался превосходным собеседником и ценителем женской красоты. В доме Малипьеро собирался цвет венецианского общества, хозяин всегда был в курсе всех новомодных веяний. Правда, с тех пор как у него выпали последние зубы, он к великому неудовольствию своего повара вынужден был обедать в одиночку, ибо, по его словам, не считал возможным утомлять сотрапезников своей медлительностью; его беззубые челюсти с трудом пережевывали даже лакомые кусочки. Услышав как-то подобные рассуждения, Джакомо дерзко заметил, что лично он на месте сенатора стал бы приглашать к столу людей с хорошим аппетитом и просторным желудком: пока хозяин медленно пережевывал бы свой обед, гость его без ущерба для собственного здоровья успевал бы расправиться с двумя обедами; тогда никому не было бы скучно и никто бы не заметил, что сенатор жует медленно. Ценитель острого словца, Малипьеро расхохотался и тотчас предложил Джакомо стать его сотрапезником. С этих пор дом Малипьеро стал вторым домом Казановы. Джакомо столовался у патриция, развлекал его рассказами о своих любовных интрижках и в случае нужды обращался за помощью. Малипьеро давал Джакомо деньги, приглашал к нему лучших портных и парикмахеров. Звание аббата, поначалу

смущавшее молодого человека, начало ему даже нравиться, ибо благодаря этому званию почтенные матроны не боялись оставлять с ним наедине своих юных дочек.

Юношеское обаяние молоденького аббата импонировало старому патрицию; желая обучить Джакомо великой науке светского обхождения, он приглашал его на свои приемы, знакомил с влиятельными людьми и красивыми женщинами. Казанова все замечал, запоминал и в конце концов со свойственным ему легкомыслием пришел к выводу, что для достижения успеха в обществе достаточно быть уверенным в себе, шикарно одеваться, складно судить обо всем и вся и нравиться собеседнику. Быстро усвоив небрежные манеры вельмож, он начал играть в карты, посещать балы и волочиться за знатными красавицами. Из куколки-пансионера аббата Гоцци выпорхнула и расправила крылья бабочка-соблазнитель Джакомо Джироламо Казанова.

С детства оторванный от дома и предоставленный самому себе, привыкший заботиться исключительно о собственной персоне, юный Казанова был эгоистичен, неблагодарен, самовлюблен и самоуверен. В силу этих черт характера он не всегда замечал, как снисходительно взирали на него знатные гости Малипьеро: они, конечно, приветят юного светского аббатика, но он никогда не станет им ровней. Казанова же благодаря Малипьеро купался в роскоши, нисколько не задумываясь над тем, кому он обязан своим положением. Возмущенный его броскими нарядами и вычурными прическами, патер Тозелло сделал ему внушение; увидев, что юноша не прислушался к нему, он с согласия бабушки ночью потихоньку остриг ему над ушами пару кудрявых прядей, которые юнец каждое утро тщательно укладывал в букли. Утром юный аббат в негодовании устремился к Малипьеро за советом, не следует ли ему подать на патера в суд за причиненный моральный ущерб. Усмехнувшись, сенатор порекомендовал ему остыть, прежде чем начинать судиться из-за такой малости, и в тот же день прислал к нему домой своего парикмахера. Тот столь ловко исправил положение, что Тозелло оставалось лишь кусать локти с досады, глядя на прическу своего бывшего протеже.

Подошло время публичной проповеди Джакомо. Первое выступление принесло начинающему аббату успех скорее всего потому, что в нем, несмотря на возражения Тозелло, было больше цитат из Горация, нежели из Евангелия. После выступления в кошельке Джакомо стало на пятьдесят цехинов больше, а карманы наполнились любовными записочками от умиленных прихожанок. Цехины, несомненно, пригодились, записочки же действия не возымели, ибо юный аббат неожиданно влюбился в свою

ровесницу Анджелу, племянницу Тозелло. Но потерпел поражение. Несмотря на ангельское имя и такую же внешность, девушка была благоразумна, и добродетель ее была тверда как камень: сначала брак, а потом любовь. Казанова же не собирался отказываться ни от свободы, ни от сана аббата. Надеясь разжалобить неприступную красавицу, он преследовал ее и дома, и в мастерской, где она с подругами Мартон и Нанеттой училась вышивать. Тозелло, заметив повышенный интерес, проявляемый его подопечным к племяннице, мягко отказал ему от дома. Казанова более не мог являться к нему в любое время. Тогда Джакомо зачастил в мастерскую, но и там двери перед ним вскоре закрылись.

Как это часто случалось в жизни Казановы, выход нашелся сам, и довольно неожиданно. Сестры Мартон и Нанетта, шестнадцати и пятнадцати лет, сострадая несчастному влюбленному, предложили ему встречаться с Анджелой у них в доме, где девушка была частым гостем. Казанове предложение понравилось; он быстро завоевал расположение тетки, под опекой которой жили девушки, и вскоре стал вхож в дом на правах старого друга. Обе сестры взирали на молоденького аббата с плохо скрываемым восхищением и любопытством, и наблюдательный Джакомо не мог этого не заметить. Многообещающие взгляды сестер действовали на него возбуждающе, но пока он надеялся заполучить Анджелу, он старался не обращать на них внимания. Приключение с Анджелой завершилось поражением Джакомо, зато своего добились сестры: видя, как обаятельный аббатики переживает отказ их подруги, они решили утешить его и сумели сделать это так славно, что Казанова тотчас отказался от поимки журавля и с удовольствием заключил в объятия обеих синичек, тем более что в крошечной тьме каморки, где происходило действие, разобрать, где Нанетта, а где Мартон, не было никакой возможности. Комната девушек имела отдельный вход. Отныне Джакомо каждую свободную ночь проводил в спальне сестер, и все трое были счастливы и довольны. Тетушка ни о чем не догадывалась, ибо помыслить не могла, чтобы духовное лицо предавалось плотскому греху. Сестры нежно любили Джакомо и продолжали любить еще долго; когда же он покинул Венецию, они с нетерпением ждали его возвращения. Всякий раз, оказываясь в родном городе, Казанова непременно навещал Мартон и Нанетту, которые всегда были рады видеть его и одарить ласками. Так продолжалось до тех пор, пока судьба не разлучила сестер.

Везение покинуло Джакомо во время его второй публичной проповеди. Окрыленный успехом первого выступления, самоуверенный юнец решил не тратить время на составление письменного текста. Более того, он

дерзнул явиться в церковь прямо из-за праздничного стола, где ни в чем себе не отказывал, и взошел на кафедру, когда голова его еще была затуманена винными парами. Сумев связно начать свою речь, он быстро сбился и стал нести чушь; тотчас со всех сторон раздались смешки и шиканье прихожан; в те времена в церкви и в театре публика вела себя одинаково. Уязвленное самолюбие юного аббата не выдержало такого оглушительного удара, и он потерял сознание. Впрочем, возможно, Джакомо просто сыграл нужную в тот момент роль. Но как бы там ни было, рухнувшего на пол проповедника унесли. Прихожане, посмеиваясь, разошлись, на том дело и кончилось.

Казанова не умел долго огорчаться; потерпев поражение, он убеждал себя, что такова была воля судьбы, а судьба, как известно, всегда найдет себе дорогу, *fata viam inveniunt*. Общество отнеслось к молодому аббату снисходительно: его не воспринимали всерьез, а потому простили. Восприняв прощение как должное, Казанова продолжил привольную жизнь, совершенно позабыв о своем духовном сане. В это время Казанова начал читать эзотерические сочинения и знакомиться с оккультными науками, знание которых в будущем не раз помогало ему добывать средства для безбедного существования. В Венеции, крупнейшем центре книгопечатания того времени, несмотря на гонения инквизиции, можно было найти практически любые книги. Деятельная натура Джакомо не терпела праздности, живой ум и феноменальная память помогали ему быстро осваивать азы любых наук. Для досконального же изучения предмета нужно было целиком погрузиться в науку, то есть ущемить свою безграничную свободу, чего Казанова совершенно не терпел. Но великий дар красноречия всегда помогал Казанове убедить собеседника в том, что тот имеет дело с несравненным знатоком обсуждаемого вопроса.

Спонтанные поступки, к коим был склонен Джакомо, часто шли ему во вред, однако обдумывать свои действия, а тем более их последствия, нарушая тем самым собственный комфорт, было не в его привычках. Старик Малипьеро имел платоническую возлюбленную, девицу Терезу Имер, которую он не собирался ни с кем делить, и Джакомо было об этом известно. Уступая минутному капризу, Казанова соблазнил Терезу. Застав молодых людей в объятиях друг друга, патриций побил наглеца костью и выгнал из дома. В ответ Джакомо написал ему дерзкое письмо. Разрыв был полным. В этой истории насмешливые венецианцы стали на сторону Казановы, полагая, что немощный Малипьеро был не вправе сберегать для себя такой лакомый кусочек, заведомо зная, что не может им воспользоваться. Поговаривали даже, что Казанова наградил Терезу

ребенком, но это были всего лишь слухи, каковые обычно сопровождают подобные скандалы. Ребенок от Казановы у Терезы, вероятней всего, был, но только зачат он был позднее, а именно через несколько лет, когда Тереза, уже будучи замужем, проездом остановилась в Венеции и имела любовное свидание с Соблазнителем.

Патриции не одобряли поведения молодого аббата. Казанова отбыл в Парму, чтобы заняться науками и переждать шум, возникший вокруг его разрыва с Малипьеро. Но учеба не заладилась. Казанова привык жить в свое удовольствие, отдавая предпочтение картам и женщинам. Поэтому, выждав время, он вернулся в Венецию, где с удивлением обнаружил, что остался без средств к существованию. Привыкнув жить за счет покровителя, он был поставлен перед пренеприятной необходимостью зарабатывать себе на жизнь. И еще одно событие опечалило удрученного Джакомо: скончалась бабушка, единственный человек, о чьей смерти он искренне сожалел. Детские воспоминания, те самые, которые ощущаются кожей, были связаны у него именно с сеньорой Марцией, подарившей всю свою доброту и ласку любимому внуку. Если бы не бабушкино воспитание, Джакомо, возможно, была бы вовсе несвойственна жалость.

Вскоре Джакомо лишился и жилья. Дзанетта решила продать дом мужа и перестала за него платить. Заново обустроить сына она поручила аббату Гримани. Пока Гримани подыскивал ему приличное жилье, молодой человек решил распродать мебель из дома, дабы расплатиться с карточными долгами. На стражу имущества Дзанетты встал полицейский чиновник Рацетта: препятствуя Джакомо выносить вещи, он опечатал дом. Между Рацеттой и Казановой началась настоящая война, перевес в которой был на стороне представителя власти. В конце концов утомленный боевыми действиями Джакомо отправился искать утешения в объятиях сестричек Мартон и Нанетты, с радостью предоставивших ему и крышу над головой, и место в своей постели.

Между тем Дзанетта, мечтавшая сделать из сына князя церкви, нашла ему службу у своего давнего знакомого, патера де Бернардиса, получившего по ее протекции сан епископа и епархию Мартирано. Благодарный епископ предложил ей взять на свое попечение Джакомо и воспитать из него достойного члена церкви. Но в ближайший год почтенный епископ намеревался путешествовать, и в ожидании его возвращения Гримани решил поместить подопечного в семинарию Святого Киприана. Молодой человек из любопытства согласился, тем более что семинарская скамья избавляла его от необходимости зарабатывать в поте лица хлеб насущный. Ненавистный Рацетта отвез Джакомо на Мура-но, где

находилась семинария. Первое время Казанова, уже получивший докторскую степень, откровенно издевался над учителями, разыгрывая из себя невежду и тупицу. Прибывший из Пармы священник узнал его и разоблачил. За этот проступок Джакомо получил нареkanie ректора.

В семинарии Казанова пробыл недолго: однажды в дортуаре его нашли в постели с другим воспитанником. По всеобщему убеждению, Казанова не питал пристрастия к лицам своего пола, скорее, напротив, испытывал отвращение к подобного рода связям, и происшествие это действительно было нелепой игрой случая: воротившись в дортуар много позже отбоя, Джакомо слышал обход и второпях, по ошибке, нырнул не в свою кровать. Оправданиям его не поверили и под присмотром все того же Рацетты отправили в расположенный на острове форт Святого Андрея; там его определили под надзор к сержанту и выделили на содержание 10 сольдо в день — как солдату. Ему дозволили свободно передвигаться в пределах форта, но запретили выходить за ворота. От нечего делать, а также чтобы заработать немного денег, бывший семинарист по просьбе неграмотных вояк гарнизона писал письма и, превосходно владея витиеватой юридической терминологией, составлял прошения. В благодарность одна из офицерских жен подарила ему свою любовь и вместе с ней гонорею. Когда Джакомо попытался упрекнуть красотку, та простодушно заявила, что отблагодарила его чем могла. Видимо, предвидя, что подарок сей — не последний, Джакомо, не доверяя врачам, разрабатывает собственный метод лечения дурных болезней с помощью ртутных примочек и строгого режима воздержания.

Общаясь с внешним миром посредством писем, Джакомо просил присылать ему побольше книг, чтобы они скрашивали его унылое существование. Помимо чтения единственным развлечением были карты. Став постоянным участником офицерских собраний и застолий, Джакомо не только играл в карты, но и забавлял партнеров смешными историями. Однажды, прослышав, что ненавистный Рацетта продолжает строить против него козни, он решил разделаться с ним, избрав верный простонародный способ: отдубасить его палкой. Для этого ему было надо как минимум покинуть крепость. Задача была не из легких, зато, взявшись решать ее, Джакомо выплеснул наконец накопившуюся в нем за несколько месяцев пребывания в крепости энергию. Для начала он симулировал вывих и убедил всех, что не может ходить; в это время он ухитрился тайно договориться с лодочником, взяв с него обещание в условленный вечер отвезти его в город, а потом доставить обратно ' за приличное вознаграждение. В заранее оговоренный день Казанова симулировал

желудочную колику и, картинно расхворавшись, улегся в постель. Вечером он ловко споил своего стража-сержанта и отбыл в город, где подкараулил Рацетту, поколотил его, воротился обратно и громкими столами и воплями разбудил своего незадачливого цербера. Спектакль удался на славу: страдающего животом и с вывихнутой ногой Казанову никак нельзя было заподозрить в покушении на Рацетту, как бы несчастная жертва ни кричала о виновности Джакомо на всех углах. Неоспоримое алиби Казановы сослужило ему двойную службу. Не сумев привлечь обидчика к суду, полицейский пристав своими жалобами невольно убедил всех, что поколотил его именно Казанова, а значит, месть свершилась. Ибо какая же это месть, если о ней никто не знает?

Наконец в Венецию прибыл долгожданный де Бернардис. Аббат Гримани, вызволив Казанову из форта, отвез его к новому епископу Мартирано и оставил их наедине. Проговорив на латыни более трех часов, епископ и Джакомо с облегчением расстались, сознавая, что абсолютно не понравились друг другу. Но епископ чувствовал себя обязанным Дзанетте, а Джакомо плыл по течению, ибо собственных планов у него не было. Была договоренность, что до Рима каждый добирается сам, а уже из папской столицы они вместе поедут в епархию де Бернардиса, расположенную на самом юге Италии. Гримани договорился, чтобы часть пути его подопечный проделал в свите венецианского посла, а на оставшуюся дорогу выделил ему шесть цехинов. Сумма эта показалась Джакомо небольшой.

Не откладывая дело в долгий ящик, юный Казанова пустился в путь. Помимо шести цехинов Гримани у него в кармане имелось еще сорок, полученных им за утварь из бабушкиного дома, часть которой, сумев обвести вокруг пальца и бдительного пристава, и покровителя, он ухитрился продать. Казанова чувствовал себя богачом. Приключения начались буквально с первого дня. Прибыв в Кьоджу, городок неподалеку от Венеции, откуда посольство отплывало в Анкону, Джакомо встретил в трактире университетских приятелей. Далее развернулось банальное действие под названием «мальчик вырвался на свободу». Казанова напился, проиграл все деньги, отыгрался, отправился в бордель, где его вновь наградили дурной болезнью, заночевал в незнакомом месте, снова напился и снова проиграл... Словом, когда Джакомо наконец добрался до причала, где должна была стоять посольская тартана, на которой ему предстояло плыть до Анконы, той уже и след простыл. Она отбыла, увозя с собой багаж Казановы.

Разумеется, молодой человек мог бы вернуться в Венецию, повиниться

и попросить денег на дорогу. Но самолюбие не позволило, он решил самостоятельно добираться до Рима. Неожиданная помощь явилась ему в лице странствующего монаха-францисканца, брата Стефано. Монах был без денег, ибо святой Франциск^[23] запрещал членам своего ордена их иметь, зато котомка его была полна съестных припасов, которыми щедро делились с ним почитатели и почитательницы святого из Ассизи. Монах предложил Казанове путешествовать вместе, тот согласился, и они направились в Рим пешком, ночуя и кормясь в домах почитателей ордена. Подхвативший очередной сюрприз в злачном месте Кьоджи, в пути Джакомо страдал неимоверно: среди почитательниц святого Франциска встречались такие очаровательные создания! Но совесть не позволяла ему награждать красавиц болезнью. Наконец после множества злоключений Джакомо добрался до Рима, где обнаружил, что епископ, не дождавшись его, уехал к себе в епархию. Не посчитав нужным осмотреть Вечный город, Джакомо отправился в Мартирано. Уроки брата Стефано по части добывания еды и крова пошли ему на пользу. На подступах к Мартирано Джакомо удалось основательно поправить свои дела, продав богатому греческому купцу секрет *приумножения ртути*. Впервые его алхимические познания вкупе с умением заговорить собеседника, утопив его в потоке бессвязных ученых слов, принесли ему ощутимый доход. Он купил себе новую одежду, заказал место в карете и так прибыл на место.

В Мартирано Джакомо ожидало разочарование. Епископ жил в маленьком домике, с единственным слугой, кухаркой и еще одним священником. Чтобы разместить гостя на ночлег, добрый хозяин уступил ему свое место. Ознакомившись с городком, Джакомо пришел в совершеннейший ужас: там не было ни кафе, ни салонов, ни библиотек, женщины были исключительно уродливы, а мужчины напоминали дикарей. Неужели этот милый епископ, которому едва исполнилось двадцать четыре, добровольно обрекает себя на заточение в этой глуши? Джакомо предложил де Берnardису вместе покинуть сей Богом забытый угол. Епископ отказался, но Джакомо отпустил и даже благословил его, понимая, что не всем дано быть подвижниками. Чувствуя себя виноватым в том, что невольно заставил молодого человека напрасно совершить дальнейшее путешествие и потратиться, он снабдил его рекомендациями в Неаполь, дабы тот смог завязать там полезные знакомства, а также получить деньги на обратную дорогу у его банкира. Растроганный Казанова оставил епископу отличное вино, полученное им в подарок от доверчивого греческого купца.

ГАЛОПОМ ПО ИТАЛИИ ПУТЕШЕСТВИЯ НА КОРФУ И В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Считается, что именно в Неаполе, куда Авантюрист Казанова прибыл в сентябре 1743 года, началось его победоносное шествие по жизни. В этом городе его прекрасно приняли, обласкали. Неаполь — исходная точка нового круга странствий Джакомо. Но если Венецию покидал самолюбивый школяр, готовый из принципа идти пешком хоть на край света, то из Неаполя в дорожной карете уезжал самоуверенный Авантюрист, чьи карманы были набиты цехинами. Свое пешее безденежное странствие по городам Италии Авантюрист вспоминал со снисходительной усмешкой. Первое путешествие юного Казановы обогатило его ни с чем не сравнимым жизненным опытом. Он понял главный жизненный принцип: окружающие достойны вашего внимания в той степени, в какой они могут оказаться вам полезными.

В Неаполе Джакомо свел множество полезных знакомств, и в том числе с неким Антонио Казановой. Обаятельный молодой венецианец так понравился неаполитанскому Казанове, что он признал его своим родственником, а Джакомо не стал его в этом разубеждать. В самом деле, почему бы и нет? Для собственной пользы Джакомо был готов сочинить любую родословную. Узнав о желании *родственника* отправиться в Рим, чтобы сделать карьеру, Антонио в изобилии снабдил его рекомендательными письмами и деньгами, то есть помог сделать первые шаги на избранном им поприще служения церкви. За то недолгое время, что Джакомо провел в Вечном городе, он своим тонким чутьем уловил, что там неимущему аббату легче выбиться в люди, не имея у себя за спиной поддержки нескольких поколений знатных предков.

Если Неаполь можно считать родиной Авантюриста, то Рим стал местом рождения великого Соблазнителя и Любовника. До сих пор любовные победы нисколько не затрагивали струн души Казановы. Когда юные неопытные девицы, которых он так любил первым приобщать к радостям Венеры, влюблялись в обаятельного венецианца, он предпочитал этого не замечать. Но в Риме Казанова встретил красавицу, впервые заставившую трепетать его сердце, женщину, ответившую на его страсть еще большей страстью, любовницу, расставание с которой повергло его в

отчаяние.

По дороге из Неаполя в Рим попутчиками Казановы стал пожилой адвокат Джакомо Кастелли, его жена Лукреция и сестра Лукреции, девушка-подросток Анджелика. Красота Лукреции произвела на венецианца столь сильное впечатление, что он на время даже лишился дара речи и долго сидел молча в углу кареты, любуясь восхитительным созданием и украдкой бросая в ее сторону наивыразительнейшие взгляды. Вскоре он заметил, что страстные взоры его не остались без ответа, и счастьем его не было границ. Особенно радовало его, что Лукреция — замужняя дама, а значит, добившись успеха, можно не заботиться о возможных последствиях. Окрыленный надеждой, Казанова начал поддерживать беседу и постепенно расположил к себе попутчиков. Однако доказать Лукреции свою любовь ему никак не удавалось, даже когда в придорожном трактире всех четверых разместили на ночь в смежных комнатах. Подъезжая к Риму, Казанова забеспокоился: он не мыслил себя без обладания Лукрецией, ощущал в ней ответную страсть, однако никак не мог улучшить момент и остаться с ней наедине. Они прибыли в Вечный город, так и не познав сладости любовных утех. Расставаясь, адвокат Кастелли, проникшийся за дорогу искренней симпатией к молодому аббату, попросил его не забывать своих попутчиков и дал ему адрес своей тещи, у которой они собирались остановиться. Адвокат настойчиво приглашал Казанову навестить их. Выразительный взгляд Лукреции подсказал Казанове, что теперь она будет искать для них возможность остаться наедине.

Однако пройдет еще немало недель, прежде чем влюбленным удастся на миг соединиться в карете, едва ли не на глазах у мужа и матери Лукреции. «Боже, как мы несчастны!» — шепотом произнесет Лукреция, медленно спускаясь по ступенькам кареты, дабы дать любовнику время успеть привести в порядок одежду. А вскоре семейство вместе с Казановой отправится на прогулку по окрестностям Рима, и, пока все будут осматривать красивейшую виллу Лодовизи, влюбленные убегут в окружающий виллу сад и там, наконец, в полной мере предадутся своему счастью.

«Я не знал ничего подобного! — воскликнет Казанова. — Ты — моя первая любовь!»

«А ты — моя! — ответит ему Лукреция и, помолчав, добавит: — Первая любовь души моей и последняя. Больше я уже никого не полюблю. Счастлива та, которая будет с тобой после меня. Нет, я не ревную, просто жаль, если она не сумеет любить тебя так, как я».

Шорох в кустах заставит Казанову разжать объятия: он опасливо озирается вокруг, ведь каждую минуту их могут застать гуляющие где-то рядом родные Лукреции.

«Не бойся, любимый, — говорит красавица, — это наш Гений оберегает нас».

И она указывает на притаившуюся неподалеку переливчатую змейку, уставившуюся на них своим холодным взглядом.

«Если она вдруг захочет укусить, я спрячу тебя в своих объятиях, — продолжает она. — Но смотри! Она уползает, подает нам знак, что сюда идут!»

Потом, в конце прогулки, Казанова спросит у матери Лукреции, боится ли ее дочь змей. «Больше всего на свете!» — ответит донна Чечилия.

После свидания в садах Лодовизи любовники еще не раз предавались запретным радостям. Однажды Лукреция, опьянев от наслаждения и желая поделиться своей радостью с дорогим ей существом, бросила в объятия Соблазнителя свою младшую сестру Анджелику, единственную свидетельницу пылких встреч влюбленных. Не смея перечить своей повелительнице, Казанова поначалу смутился, но потом, поощряемый ею, принялся ласкать растерявшуюся девушку, вошел во вкус и, наконец, посвятил девственную Анджелику в таинство чувственной любви. Это было последнее свидание Джакомо с Лукрецией. На следующий день Лукреция с мужем уехала обратно в Неаполь.

Опечаленный Казанова целый день просидел, затворившись у себя в комнате, он переживал невосполнимую, как ему тогда казалось, утрату. Но долго горевать он не умел, и водоворот жизни подхватил его и понес дальше. Впереди ему виделась скорая и блистательная церковная карьера.

Если в первый раз Казанова прибыл в Вечный город бедным пешим странником, то теперь он въезжал в карете, роскошно одетый и с набитым кошельком. Рекомендации Антонио Казановы обеспечили ему благожелательный прием в папском окружении. Покровителями его стали аббат Джорджио и остроумный португальский аббат Гама. Они представили молодого венецианца могущественному кардиналу Аквавиве. Аквавива принял его хорошо и поселил в своем дворце. Аббат Джорджио снабдил молодого прелата массой ценных советов, выхлопотал ему небольшую стипендию и нашел учителя французского языка. Хотя Джакомо читал по-французски вполне прилично, разговаривать на этом языке он еще не умел. Подготавливая Казанову к будущей карьере, его определили переписывать дипломатическую корреспонденцию, которая в те времена велась исключительно по-французски. Таким образом жизнь

молодого человека в Риме поделилась надвое: одна половина была посвящена Лукреции, другая — учению и общению с окружением кардинала Аквавивы, слывшего не только человеком острого ума, но и распутником, питавшим слабость к несовершеннолетним девочкам. Кардинал благоволил к Казанове и помог ему получить аудиенцию у папы, Бенедикта XIV. Папа был человек обходительный, любивший поговорить. Слушая бойкий рассказ молоденького аббата про приключения, пережитые им по дороге Рим, папа весело смеялся, а когда рассказчик умолк, похвалил его и позволил обратиться с просьбой. Ничтоже сумняшеся Казанова попросил разрешения читать запрещенные книги, внесенные в «*Index librorum prohibitorum*», и из-за слабого здоровья — не соблюдать посты. Читать книги папа ему позволил, кушать скоромное по постным дням — тоже, но постоянно не соблюдать посты не советовал. Затем понтифик благословил его.

Вечный город не уставал выказывать венецианцу свое благоволение. Он приблизил его к сильным мира сего. Перед молодым прелатом открывались блестящие перспективы. Он успел перезнакомиться с бывшими и нынешними любовницами кардинала Аквавивы, сумел войти в доверие ко многим высокопоставленным церковникам. Он уже чувствовал себя при папском дворе как рыба в воде. Любой интриган и карьерист на его месте наверняка бы сделал скорую и удачную карьеру. Но в жизни Казановы все решал либо каприз, либо случай.

Однажды ночью к Джакомо явилась заплаканная молоденькая девушка, закутанная в монашескую рясу, она молила его о помощи и приюте, уверяя, что идти ей больше некуда. Узнав в просительнице Барберину, дочь своего учителя французского языка, венецианец принялся ее успокаивать. Оказалось, что Барберина беременна от своего возлюбленного, молодые люди хотели бежать, но приготовления их были обнаружены, друга ее схватили и бросили в тюрьму. Отец пожелал заточить ее в монастырь, но она сумела убежать из дома, теперь она не знает, что ей делать и куда податься. Прекрасно понимая, что если девушку обнаружат у него в комнате, карьере его конец, Джакомо все же оставил ее у себя ночевать. Она была так несчастна, что он проникся к ней искренней жалостью и даже не попытался обольстить. Желая избежать скандала и огласки, он убедил ее написать письмо кардиналу с просьбой о защите и покровительстве. Но труды их были напрасны, беглянку схватили и отправили в монастырь, а Казанову обвинили в пособничестве и соведении несовершеннолетней. Сплетни, закружившиеся вокруг Казановы, не могли не достичь ушей кардинала Аквавивы. Решив, что во

всем виноват его протее, кардинал пригласил его к себе и мягко, но настойчиво предложил покинуть и его дворец, и Рим. Но Аквавива поинтересовался, куда бы Джакомо хотел поехать. Никогда не строивший никаких планов, Казанова ответил наугад: «В Константинополь». Он хотел сказать, что ему все равно, лишь бы куда-нибудь подальше. Кардинал удивился, но возражать не стал. Перед отъездом он щедро снабдил Казанову деньгами и дал рекомендательное письмо к графу Бонвалю^[24], состоявшему на службе у падишаха.

Поначалу Казанова растерялся, но постепенно путешествие в Константинополь стало казаться ему все более заманчивым. Получив деньги на дорожные расходы и спрятав во внутренний карман письмо, он без особых сожалений покинул Вечный город. В сущности, кроме приятных воспоминаний, его здесь больше ничего не удерживало: Лукреция уехала, а переписывать французские бумаги ему порядком надоело. Предстоящая поездка не налагала на него никаких обязательств, кошелек был полон, погода — прекрасна, впереди — вечность. Путь в Константинополь лежит через Венецию, где его всегда с нетерпением и радостью ждали очаровательные сестрички Мартон и Нанетта, их ласки ему пока еще не приелись. Без особых приключений Джакомо прибыл в Анкону, оттуда он морем предполагал переправиться в Венецию. Но неожиданная встреча надолго задержала его в Анконе.

В гостинице, где он для придания себе большего веса назвался секретарем кардинала Аквавивы, случай свел его с примечательным семейством, состоявшим из матери, сына-подростка, двух дочерей, двенадцати и одиннадцати лет, и молодого воспитанника, кастрата Беллино, наделенного чудесным голосом. Семейство пребывало в стесненных обстоятельствах и все надежды возлагало на ангажемент Беллино. В Папском государстве, где женщине доступ на сцену был запрещен, голоса кастратов ценились особенно высоко, ибо они исполняли все женские партии. Нежная красота Беллино навела Соблазнителя на мысль, что перед ним не кастрат, а переодетая женщина. Любопытство Казановы было столь велико, что он мгновенно позабыл о целях своей поездки и принялся усиленно добиваться расположения семейства, дабы поближе свести знакомство с Беллино. Он угощал всех его членов обедами, поил кофе матушку и вскоре стал своим человеком в снимаемых семейством апартаментах. Беспредельная щедрость Соблазнителя привела в его объятия малолетних сестричек, чрезвычайно возгордившихся, когда богатый и красивый господин сумел по достоинству оценить их совсем еще юные прелести. Сгоравший от любопытства и пробудившегося вожделения

Казанова готов был даже полюбить их братца-танцора, выступавшего на сцене в женском костюме, если бы любовь эта приблизила его к Беллино. Наконец он не выдержал и, улучив момент, дерзко запустил руку между ног кастрата; каково же было его разочарование, когда он убедился, что Беллино одного с ним пола! Полная свобода нравов царила среди актеров, поэтому Беллино не обиделся на его поступок, а лишь посмеялся над незадачливым исследователем.

Все же сомнения не покидали Казанову, он хотел убедиться в своем несчастье не только руками, но и глазами, поэтому он оставался в городе и продолжал обхаживать черноглазого Беллино, лицом удивительно напоминавшим ему Лукрецию. Терпение его увенчалось успехом. Во время загородной прогулки им с Беллино пришлось заночевать в гостинице, где их по понятным причинам разместили в одной комнате. Посреди ночи спутник Казановы сам пришел к нему в постель. Зоркий глаз не подвел соблазнителя: под личиной кастрата скрывалась очаровательная девушка Тереза. Она поведала Казанове свою незамысловатую историю.

Рано пробудившееся музыкальное дарование Терезы заметил знаменитый музыкант и певец, кастрат Феличе Салимбени, он взялся обучать ее своему искусству, а потом сделал ее своей любовницей. Салимбени привязался к Терезе, но понимая, что такой талант, как у нее, скрыть нельзя, решил выпустить ее на сцену в обличье кастрата, дабы у богатых бездельников не возникало желания поволочиться за ней, как это было принято среди любвеобильных прожигателей жизни. Для придания правдоподобия ее истории он поместил девицу в семью недавно скончавшегося кастрата Беллино, и она заняла его место. Под именем Беллино Тереза должна была выйти на сцену. Чтобы она прошла проверку на пол, устраиваемую кастратам в Папском государстве, Салимбени подарил ей хитрое каучуковое приспособление, прочно прикреплявшееся между ног и не позволявшее проверяющим святым отцам усомниться в обмане. Но Салимбени внезапно умер, и Тереза-Беллино, не успев получить ангажемент, осталась в приемной семье. И теперь все они направлялись в Болонью, где, по слухам, легче было заключить контракт с каким-нибудь театром. В пути же они застряли, потому что у них кончились деньги. В Казанову Тереза влюбилась с первого взгляда, но пока не убедилась, что страсть ее не безответна, она не решалась ему открыться.

Тереза настолько вскружила голову Соблазнителю, что он сам предложил ей стать его женой, она с восторгом согласилась. Когда же Казанова, одумавшись, стал уверять ее, что жених он незавидный, она заявила, что последует за ним на край свете даже в рубище. «Мы оба

свободны, у нас нет родных, способных воспрепятствовать нашему браку. Пусть у тебя нет ни денег, ни прочного положения в обществе, я привыкла довольствоваться малым. Когда же я поступлю на сцену, я смогу содержать и себя, и тебя», — отвечала она, выслушивая очередную отговорку Соблазнителя. Казанову перспектива рая с милой в шалаше не вдохновляла, но энергичная Тереза продолжала настаивать на свадьбе. Уверенная, что больше уже никогда и никого не полюбит, она полагала, что и он любит ее, а посему мнила брак естественным продолжением их страсти. Соблазнитель не разуверял ее, наслаждался ее любовью и не предпринимал никаких шагов, как обычно, полагаясь на случай. Привыкнув произносить слова ради самих слов, он никогда не задумывался над тем, что, возможно, есть еще люди, этим словам верящие.

Случай явился в образе испанского патруля, производившего проверку документов. Паспорт у Казановы был потерян, поэтому его задержали для выяснения личности и посадили на гауптвахту. Когда недоразумение разъяснилось и из Рима был прислан новый паспорт взамен утерянного, красавица Тереза была уже далеко. Она заключила контракт с театром Сан-Карло в Неаполе и уехала; перед отъездом она написала Соблазнителю письмо, в котором звала его с собой, уверяя, что теперь им хватит средств на двоих. Тот подумал — и отказался; выглядеть откровенным альфонсом ему не позволяло самолюбие. Но не желая слишком сильно огорчать возлюбленную, он пообещал приехать к ней, когда дела его поправятся, но не приехал. Красавица Тереза, настоящее имя которой было Анджиола Калори, стала выдающейся певицей и приобрела европейскую известность.

Пребывая на гауптвахте, Казанова пришел к мысли, что в смутное время (на земле Италии шла война за австрийское наследство) гораздо выгодней быть лицом военным, нежели духовным. А так как церковная карьера у него явно не задалась, он выбросил свой подрясник и облачился в бело-голубой мундир офицера испанской армии, хотя носить таковой не имел никакого права. Но расцветка мундира выгодно оттеняла красоту его смуглого точеного лица, сшит он был на заказ у лучшего портного, сидел отлично, и выглядел в нем Авантюрист великолепно. Остальное его не интересовало. В новом облачении он прибыл в родной город, где, поддавшись уговорам приятелей, записался в армию и сменил испанский мундир на форму лейтенанта Венецианской республики. Он был назначен адъютантом командующего галеасами и отбыл к месту службы — на остров Корфу, форпост Республики в Адриатическом море. Сестры Нанетта и Мартон, коих Соблазнитель не забыл посетить, горькими слезами провожали своего ненаглядного возлюбленного.

Случившаяся в пути буря, действительно, едва не лишила их милого друга. Вместе с Казановой на судне плыл священник, вскоре сделавшийся его злейшим врагом, ибо Казанова постоянно подшучивал над ним. В разгар бури священник принялся заклинять демонов, отвлекая и без того перепуганных матросов от борьбы со стихией. Чтобы призвать команду к порядку, Казанова забрался на мачту и стал кричать, что никаких демонов не существует и пора спасать корабль. В ответ священник обозвал Казанову безбожником и настроил против него матросов. Когда буря наконец утихла, один из приверженцев патера попытался вышвырнуть венецианца за борт, и тот только чудом удержался на корабле. Но порт назначения был уже близко.

Основными занятиями Казановы на Корфу были карты, застолье и разговоры. В карты ему, скорее, везло, в любви — скорее, нет. Он влюбился в Адриану Фоскарини, жену капитана одной из галер, именуемую им в «Мемуарах» мадам Ф. Впервые Соблазнитель увидел ее за общим столом и тотчас потерял голову от страсти. Чего только он ни делал, чтобы добиться расположения надменной патрицианки! Он оплачивал карточные долги ее мужа; привез из Отранто труппу комедиантов для развлечения скушающей красавицы: глотал пилули из ее волос, сплел из этих волос удавку и носил ее на шее, по ночам, подавляя желание, с готовностью развлекал ее разговорами. Но вся его изобретательность, все мучения оказались напрасны: мадам Ф. не позволила ему вкусить вожаделенной любви. Едва он проник в заветное святилище, как она с силой оттолкнула его, воскликнув: «Нет, мы можем погубить себя!» В отчаянии Соблазнитель отправился к местной куртизанке Мелуле, та утешила его и — в очередной раз — наградила дурной болезнью.

Пребывание в Константинополе, куда Казанова ездил представляться венецианскому посланнику и вручать письмо кардинала Аквавивы графу де Бонвалю, также не принесло Соблазнителю новых любовных побед. Знатный турок Юсуф, с которым его познакомил Бонваль, несколько часов беседовал с Казановой, а потом предложил ему принять магометанскую веру и жениться на его юной дочери, красавице Зельми, которой он намеревался завещать все свои богатства. Предложение было заманчивым, и Соблазнитель призадумался. Его смущали переход в магометанство и очевидная необходимость изучения турецкого языка. Тогда Казанова стал ждать указания Фортуны или хотя бы своего верного друга Случая. Указаний не было, и от щедрого дара турка пришлось отказаться. Другой знатный турок, Исмаил, устроил для Казановы *пиршество для глаз*, показав венецианцу вечернее омовение своих одалисок. Очарованный прелестями

восточных красавиц, Казанова, будучи в доме Юсуфа, попытался соблазнить молодую жену хозяина дома. Предприятие завершилось неудачей: по неведению Казанова нанес красавице страшное оскорбление, попытавшись сдернуть с нее чадру. Умудренный годами Юсуф простил молодому венецианцу его шалость и перед отъездом щедро одарил его. Подарки Юсуфа пришлось как нельзя кстати, продав их, Казанова рассчитался с карточными долгами.

И на Корфу, и в Константинополе Казанова имел успех как занимательный рассказчик. «Если хочешь вызвать слезы, надобно плакать самому, но, желая насмешить, самому смеяться нельзя», — когда-то учил его сенатор Малипьеро, и Казанова, навсегда запомнивший эти слова, не раз имел возможность убедиться в правильности его наставлений. (К концу жизни он почти разучился смеяться сам, зато всегда умел насмешить окружающих.) Но постепенно Казанова стал замечать, что сколь бы приятным ни находили офицеры его общество, продвигать по службе его никто не собирался. Даже когда открылась вакансия, его обошли и чин достался другому. Военская дисциплина и связанные с нею обязанности все больше тяготили Казанову: натура его не терпела даже разумного принуждения. Деньги и дары, полученные от местных поклонников своего красноречия, он проиграл в карты, любовные интрижки перестали скрашивать его существование, ибо все сколько-нибудь достойные женщины, склонные завести с ним роман, уже побывали в его постели. И Казанова подал в отставку.

СЧАСТЛИВОЕ ОБРЕТЕНИЕ ПОКРОВИТЕЛЯ. ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ КАЗАНОВЫ

Оставив службу, он вернулся в Венецию — без денег и видов на будущее. Однако для себя он уже все решил: жизнь — это удовольствие, значит, жить надо в свое удовольствие. Подобную философию гедонизма в галантный век исповедовали многие. Жизненное кредо аристократической части общества выразил Людовик XV: «После нас — хоть потоп». Чувственное наслаждение было возведено в ранг государственной политики, в обществе царил культ женщины как предмета для наслаждения *par excellence*, и любвеобильный Соблазнитель в своем стремлении насладиться каждым существом противоположного пола, встретившимся ему на пути, был далеко не одинок. Женщины, не желавшие отстать от моды, также утверждали себя посредством приумножения списка своих любовников. Любовь превращалась в дурман, изощренный умственный разврат, ритуал, пикантной приправой к которому служила игра. Играли везде — от кабака до королевского дворца, карточный долг почитался долгом чести. Жизнь в дурмане требовала праздности и денег. Темпераментный Казанова хотел бы изощряться в праздных забавах, но плебейское происхождение не обеспечивало его ни деньгами, ни кредитом.

Галантный век был не только золотым временем для праздных бездельников, это была эпоха думающих, пытливых, ищущих людей, стремившихся постичь тайны природы и человеческого духа, смелых путешественников и естествоиспытателей. Была создана электрическая машина, выдвинуто понятие эволюции в биологии, поднят в воздух первый воздушный шар... Отважные капитаны бороздили моря, открывая неведомые прежде острова и проливы, поселенцы осваивали новые земли, в Европе утверждалась новая сельскохозяйственная культура — картофель... Одно только перечисление ученых, натуралистов и путешественников этого великого столетия займет целый том. Казанова — сын своего времени, противоречия, из которых соткана его натура, отчасти присущи и его эпохе. Он не терпит скуки, точнее, пустопорожного времяпрепровождения, не дающего наслаждения ни уму, ни телу. Поэтому он все время в движении, куда-то едет, во что-то ввязывается, за кем-то волочится, играет, пишет, сочиняет, переводит. Пытливый ум его постоянно требует пищи, но нежелание причинить «себе любимому» хотя бы малейшее неудобство, неспособность поступиться сиюминутным

желанием выхолащивают его недюжинные дарования, превращают его в дилетанта. Итальянское слово «дилетант», «*dilettante*», происходит от «*dilettare*», «получать наслаждение». Казанова — великий мастер наслаждаться, извлекать удовольствие из всего, что рядом, и при этом он нисколько не задумывается, какие чувства испытывают при этом окружающие.

Знаменитый Соблазнитель не умел и не любил работать, он никогда не связывал себя обязательствами. После возвращения с Востока обстоятельства потребовали от него какого-нибудь устройства, позволяющего заработать на жизнь и пропитание. Он попытался прожить игрой и сомнительными связями, но вскоре проигрался и влез в долги. Занять ему денег никто не хотел. Его милые подружки-сестрички вылетели из-под тетушкиного крыла и покинули город; одна из них вышла замуж, а другая ушла в монастырь. Когда-то аббат Гоцци научил Казанову играть на скрипке. Это умение ему еще применять не приходилось. По рекомендации приятелей Казанова поступил скрипачом в театр Сан-Самуэле, на сцене которого когда-то выступали его отец и мать. Нищенское жалованье не позволяло ему вести ту жизнь, которую он вел под покровительством Малипьеро. Тщеславному Джакомо приходилось подрабатывать на свадьбах и других торжествах. В свободное время он играл в карты и кости, плутовал, соблазнял несовершеннолетних бродяжек, ходил к проституткам, вместе с такими же, как он, беспутными приятелями дебоширил, дрался и облапошивал простаков. Опускаясь все ниже, в мечтах он продолжал обнимать красивых женщин, вдыхать аромат изысканных духов, носить модные кафтаны. Он ждал, когда Фортуна ему улыбнется. Фортуна — женщина, он — великий Соблазнитель, поэтому она просто не могла ему не улыбнуться. Так и случилось.

Однажды идя по улице, Казанова заметил, как некий патриций обронил письмо. Подобрав его, он догнал патриция и вручил ему конверт; патриций поблагодарил услужливого молодого человека и предложил подвезти его в своей гондоле. На причале у патриция случился сердечный приступ. Не растерявшись, Джакомо быстрее вихря сбегал за хирургом, проследил, чтобы тот по всем правилам пустил больному кровь, а после кровопускания отвез сенатора домой и остался дежурить у его постели. Приглашенный врач сказал, что больной не доживет до утра, но на всякий случай поставил ему ртутный компресс. Вскоре больному стало еще хуже, и Казанова, подчиняясь интуиции, убрал компресс и обмыл грудь патриция теплой водой. Умиравший задышал, заснул и утром проснулся здоровым. Так Джакомо стал спасителем знатного патриция Маттео Джованни

Брагадина, сенатора, бывшего инквизитора и брата одного из прокураторов Республики. В молодости Брагадин был большим повесой, имел успех у женщин и славился как оратор и государственный муж. Состарившись, он отошел от дел и стал жить уединенно, философом-отшельником.

У Брагадина было двое преданных друзей, патриции Марко Дандоло и Марко Барбаро. Ранним утром они явились к другу, дабы оказать ему необходимую помощь. Увидев, что Брагадин излечен стараниями молодого скрипача, они решили, что тот, несомненно, наделен сверхъестественными способностями — иначе как бы он узнал, что надо отменить назначение лучшего в городе врача? Трое почтенных друзей были склонны к мистицизму, почитали оккультные науки и везде и во всем были готовы увидеть влияние тайных сил. Они решили, что Казанова — великий чародей и посвященный, а Джакомо не стал их разубеждать. Напротив, он напустил тумана в своих речах и после долгих уговоров нехотя признался, что владеет секретом магического оракула, иначе говоря, *ключом Соломоновым*, тайну которого ему поведал старый испанский отшельник. Оракул всегда сопровождает его; с помощью магического квадрата он задает ему вопросы и получает ответы. На самом же деле Джакомо, знакомясь с каббалой, выучил несложное гадание с помощью цифр. Надо было взять вопрос, желательно короткий, зашифровать слова с помощью цифр, переставить в нем цифры, затем составить из них квадрат и на основании новых сочетаний прочесть ответ. А так как обычно формулировал вопрос и толковал ответ один и тот же человек, не удивительно, что спрашивающие получали именно те ответы, которые им хотелось бы услышать. На протяжении долгой карьеры Авантюриста Казанова неоднократно пользовался своим оракулом. Предсказания его обычно бывали точны, ибо будучи человеком сообразительным, он — когда не знал ответа наверняка — всегда отвечал так, что слова его можно было истолковать как угодно.

Обмануть того, кто сам страстно желал быть обманутым, труда не составляло. Трое патрициев поверили, что Казанова — кладезь оккультной премудрости и только благодаря ей он спас жизнь Брагадина. Когда же Казанова с помощью своего *оракула* ответил на какой-то туманный вопрос Дандоло (ответ был значительно туманнее вопроса), друзья пришли в восторг, и Брагадин предложил находчивому венецианцу стать его приемным сыном и переселиться к нему во дворец. Сенатор предоставил в его распоряжение гондолу, карманные деньги, снял еще одну квартиру в городе и назначил ежемесячную стипендию в десять цехинов, которую Казанова будет получать до самой смерти сенатора. Без лишних уговоров

молодой человек согласился, бросил унижающую его достоинство работу и возобновил жизнь богатого повесы. Помня свою бурную молодость, патриций снисходительно взирал на кутежи, попойки и прочие веселые развлечения талантливой юноши. Много лет спустя Казанова сделает запоздалое признание: «По отношению к этим старикам я поступал не так, как подобает честному человеку». Но, даже признав обман, он не раскаялся в содеянном.

История излечения Брагадина наделала в Венеции много шума и привлекла к новому обитателю сенаторского дворца внимание инквизиции. Неразлучные друзья-патриции давно были замечены в пристрастии к оккультизму, но они никогда не хвастались своими увлечениями; вдобавок их знатность служила им надежным щитом. Казанова же, никогда не упускавший возможности прославиться и прогреметь, с удовольствием выставлял себя великим чернокнижником просто ради красного словца. Но надо признать, эзотерические таинства всегда интересовали любознательного венецианца, знакомство с Брагадином и его друзьями подстегнуло этот интерес. Все долго удивлялись, как такие почтенные люди, как Брагадин, Дандоло и Барбаро могли связаться с проходимцем и кутилой Казановой, но постепенно все к этому привыкли.

Под покровительством Брагадина пролетели три года беспечной жизни. Казанова числился служащим у адвоката Мандзони, но ни на какую службу не ходил, предпочитая развлекаться, играть в карты, посещать балы и волочиться за женщинами. В совершенстве постигнув науку оболъщения, он не пропускал ни одной приглянувшейся ему особы любого возраста и из любого сословия. Вот как он сам характеризовал свой тогдашний образ жизни: «Я был не беден, одарен приятной и внушительной внешностью, любил играть, тратил без счета, хорошо говорил, не спускал обид, волочился за женщинами, не терпел соперников и обожал хорошую компанию. Конечно, при такой жизни у меня было немало ненавистников, однако я умел постоять за себя, поэтому не считал нужным ни скрывать своих мыслей, ни сдерживать своих чувств». Женщины зла на него не держали, а когда однажды оболъщенная им сельская красотка Кристина попыталась женить его на себе, он быстро выдал ее замуж, и они расстались мирно. Поощряемый Брагадином, Казанова ни в чем не знал удержу. Уповав на деньги и влияние приемного отца, он забыл, что хотя патриций и называл Джакомо своим сыном, в глазах общества это не прибавило Казанове благородства. Привыкнув к безнаказанности, он стал жестоким, и выходки его начали все чаще привлекать внимание властей. Мать двенадцатилетней девочки подала на него жалобу за избиение дочери

и попытку изнасилования. Уверенный в своей правоте, Казанова, оправдываясь, утверждал, что женщина сама продала ему девственность дочери за шесть цехинов, и он всего лишь отшлепал маленькую мерзавку, когда та отказалась предоставить ему уже оплаченный им товар.

Второе обвинение, предъявленное Соблазнителю, было гораздо более серьезным: его уличили в надругательстве над покойником и в покушении на убийство. События разворачивались следующим образом. Гостя за городом у одного из своих беспутных приятелей, Казанова обыкновенно возвращался с прогулки по мостику, перекинутому через сточную канаву. Однажды доски настила оказались подпиленными и Казанова рухнул вниз, по самые уши погрузившись в зловонную жижу. Вытаскивали Соблазнителя под насмешливое хихиканье его спутниц. Озлобленный венецианец сумел отыскать автора этой шутки. Им оказался местный торговец-грек, чью возлюбленную он когда-то соблазнил. Казанова решил отомстить. Случайно увидев, как хоронят покойника, он придумал весьма необычный план мести. Ночью он отправился на кладбище, выкопал тело, отрезал у него руку и закопал тело обратно. Вечером он проник к греку в спальню и спрятался под кроватью. Когда ни о чем не подозревавший торговец лег в постель, Казанова стал потихоньку стягивать с него одеяло, когда же грек принялся шарить руками, пытаясь схватить невидимого шутника за руку, шалопай подsunул ему руку покойника. Ее и схватил незадачливый грек. От ужаса с греком случился удар, и он навсегда лишился дара речи.

И хотя прямых свидетелей, способных указать на Казанову, не было, тем не менее все жители городка во главе с местным священником обвинили в содеянном именно его и подали на него жалобу властям. Оправдываться надменный венецианец счел ниже своего достоинства, полагая, что с помощью могущественного покровителя как всегда выйдет сухим из воды. Но даже Брагадин не смог отвести обвинение в святотатстве от своего зарвавшегося подопечного, и, дабы избежать суда и ареста, в начале 1749 года Казанове пришлось покинуть Венецию. Брагадин и его друзья с грустью расставались со своим беспутным юным другом. Прощаясь, они рекомендовали ему почаще советоваться с оракулом и попусту не ввязываться в авантюры.

Соблазнитель отправился в Милан, где свел знакомство с танцовщиком и актером Балетти и, не имея дел, но располагая свободным временем, вместе с ним за компанию поехал в Мантую. От Балетти Казанова узнал, что в городе живет престарелая актриса Фраголетта. Вспомнив, что отец его знал некую комедиантку с таким именем, он решил повидаться со

старушкой. Встреча превзошла все его ожидания. Перед ним предстала морщинистая мегера с набеленным лицом, сурьмленными бровями, яркими губами и в парике. На ней было платье с глубоким вырезом, выставившим напоказ дряблую грудь. Услышав имя Гаэтано Казановы, мегера расчувствовалась, пустила слезу и заключила Казанову в свои паучьи объятия. Венецианец не смел шелохнуться: он боялся, что от резкого движения старуха рассыпется в пыль. При прощании старуха взяла с него слово приезжать к ней почаще, пока он будет в городе, но Казанове тотчас захотелось уехать куда-нибудь подальше, что он вскоре и сделал.

Помимо свидания с Фраголеттой в Мантуе Казанова познакомился со страстным коллекционером Антонио Капитани. Капитани показал любознательному гостю свои сокровища. Наиболее дорогим предметом своей коллекции Капитани считал ржавый меч. По его словам, именно этим мечом святой Петр отсек ухо рабу Малху^[25]. Почувствовав возможность *обмануть дурака*, иначе говоря, обратить заблуждение собеседника себе на пользу, Казанова мгновенно придумал верный ход. Выдав себя за знатока древних таинств, он уверил Капитани, что, согласно преданию, с помощью этого меча можно отыскивать зарытые в землю сокровища, но добавил, что меч имеет силу только вместе с ножнами. Казанова даже предъявил коллекционеру пергамент со старинными письменами и припиской на варварской латыни, где якобы объяснялись чудодейственные свойства меча и его ножен. (Для составления подобного документа Казанове пришлось провести день в местной библиотеке.) Увидев, что Капитани загорелся желанием отыскать ножны, Авантюрист заявил, что знает, где они находятся, и готов их для него раздобыть, но, разумеется, не бесплатно. Доверчивый коллекционер согласился приобрести бесценную реликвию за пятьсот цехинов, и Казанова старательно изготовил ножны из старых подметок, предварительно потеряв их как следует песком.

Прежде чем раскошелиться, Капитани захотел увидеть меч и ножны в действии, то есть с их помощью отыскать клад. Он вычитал в тайной книге, что в некоем месте, не слишком далеко от Мантуи, зарыты поистине бесценные сокровища. Угадать место для Казановы было делом чести, на выручку ему пришла Фортуна. Благодаря прекрасному зрению Казанова сумел издали прочесть название искомого места, ибо описание его как раз лежало среди бумаг на рабочем столе Капитани. Восхищенный проницательностью Казановы, коллекционер тотчас поведал ему тайну клада. Дело обстояло так. В Чезене проживал некий богатый крестьянин, у которого в огороде завелись злые духи. По ночам они топали, шумели и зажигали таинственные огни. Перепуганный крестьянин и все его

семейство ночью перестали выходить во двор, а к огороду не подходили даже днем. Из преданий крестьянину было известно, что в этих местах некогда были зарыты сокровища. С одной стороны, почтенный земледелец боялся духов и то и дело порывался призвать местного священника, чтобы тот изгнал их; с другой стороны, он был не прочь заполучить клад или хотя бы его часть. Узнав про Капитани, слывшего не только коллекционером, но и знатоком магических обрядов, крестьянин написал ему письмо с просьбой приехать и помочь изгнать нечисть из огорода. Присутствие духов, как известно, свидетельствует о спрятанных глубоко под землей сокровищах, поэтому Капитани и предложил Казанове испытать меч и ножны именно в Чезене.

Прибыв в Чезену, Казанова быстро взял дело в свои руки, заставив хозяина дома и всех домочадцев тщательно исполнять все его приказы. Те с трепетом ему подчинились. Великий чародей потребовал себе отдельную комнату для омовений и чтения псалмов. Прислуживать ему должна была дочь хозяина. Девушка Казанове приглянулась, и он заявил, что для успеха поисков наряду с колдовскими обрядами необходима и дефлорация невинной девицы. Запуганный крестьянин тотчас предоставил четырнадцатилетнюю дочь в полное распоряжение мага. Затворившись в своих апартаментах, Казанова совершал вместе с девочкой омовения, постепенно приучая ее к эротическому наслаждению. Он хотел, чтобы в нужный момент все прошло как по маслу, ибо по-настоящему он был уверен в успехе только этой операции. В клад Казанова не верил ни на секунду, но надеялся сыграть спектакль так, чтобы неудачу приписали могущественным злым духам.

Поиск местонахождения клада и извлечение его из земли должны были происходить ночью. Начинать следовало ровно в полночь. Весь день обитатели дома вместе с Капитани провели в тревожном ожидании. Крестьянин уже жалел, что, прельстившись золотом, обратился к чернокнижникам. Капитани опасался, как бы соседи не донесли на них инквизиции. Наконец назначенный час настал. Сама природа позаботилась о создании подходящей декорации для спектакля дерзкого шарлатана: в ночном затишье на небе вошла кровавая луна, за клубились тучи, померкли звезды. Ровно в полночь Казанова в просторной хламиде, сшитой послушной ему во всем девицей, с семизубцовой короной на голове прошествовал в огород, положил на землю сделанный из бумаги магический круг, вступил в него и начал произносить заклинания. Остальные участники поисков опасливо и смиренно ожидали поодаль. Внезапно на небе засверкали молнии, послышались отдаленные раскаты

грома, задул порывистый ветер. Согласно древним поверьям, когда гномы и кобольды выносят клады из подземных пещер, на земле всегда бушуют стихии: это беснуются, грохочут цепями и скрежещут зубами подземные духи, не желающие расставаться со своим богатством. Так что начинавшаяся гроза была доморощенному магу как раз на руку.

Но тут случилось неожиданное: Казанова испугался. Как истинный итальянец, он, несмотря на все свое фанфаронство, в глубине души всегда верил в Бога и его могущество. И когда небо над головой Казановы со страшным грохотом раскололось, рассеченное молнией, он до того перетрусил, что сам поверил, что действительно вступил в область запретного неведомого, нанес оскорбление высшим силам и теперь они собираются покарать его за это. Путаясь в длинной хламиде и теряя корону, он, подхватив магический круг, в ужасе помчался в дом. Там, оправившись от испуга, он заявил растерянным зрителям, что клад уже начал свой путь к земной поверхности и в следующий раз ее непременно достигнет. О том, когда настанет этот момент, он умолчал. Затем он вручил Капитани меч вместе с ножнами в обмен на пятьсот римских скудо (отдавать даром было неловко и неуместно), подарил растерянной, но сохранившей добродетель девушке пару браслетов, пообещал всем вернуться и непременно достать клад и быстро покинул свидетелей своего поражения. Страх гнал его прочь от рокового места, он решил поехать в Неаполь, как обещал когда-то Терезе.

Воспоминания о проваленной роли кладоискателя недолго преследовали Казанову, тем более что, не считая испуга, история завершилась для него удачно: пятьсот римских скудо по тем временам были немалыми деньгами. А последующие события и вовсе заставили его позабыть о неудачном выступлении на чернокнижном поприще. В провинциальной гостинице он встретил женщину, оставившую в его сердце след, сравнимый только с тем следом, который оставила в нем прекрасная Лукреция.

Красавицу звали Анриеттой. Познакомился с ней Соблазнитель при весьма необычных обстоятельствах. Вечером, ближе к полуночи, Казанова, всегда отличавшийся крепким сном, был разбужен шумом и криками. Выйдя из комнаты, он увидел, как папские сбирь силой ворвались в номер к венгерскому офицеру и стали требовать у него документ, подтверждавший, что путешествующая вместе с ним женщина — его законная супруга. В гостиницах Папского государства только супруги имели право снимать одну комнату на двоих и спать в одной кровати, нарушителям указа грозил существенный штраф. Не владея итальянским,

офицер пытался объяснить со сбирами на латыни, но успеха не имел. Заметив выглядывавшую из-под одеяла очаровательную головку со спутанными волосами, Казанова счел своим долгом вмешаться в конфликт. Узнав, что офицер путешествует по поручению кардинала Альбани, он столь энергично встал на его защиту, что сбиры удалились, а хозяин гостиницы рассыпался в извинениях перед потревоженными постояльцами. Утром, когда офицер стал благодарить Казанову за помощь, тот постарался выяснить, куда направляется странная парочка. Узнав, что они едут в Парму, Соблазнитель заверил офицера, что им по пути. Забыв про Неаполь и про Терезу, он вместе с венгром и переодетой в мужское платье женщиной отправился в Парму.

Всю дорогу Казанова не сводил глаз с загадочной красавицы, пытаясь понять, что связывает ее с пожилым и уродливым венгром, говорящим только на венгерском и дурной латыни, в то время как она сама говорила только по-французски. У нее не было ни денег, ни багажа, но она была умна, образованна, прекрасно воспитана и нисколько не походила на вульгарную авантюристку. Постепенно Казанова узнал, что заинтересовавшая его девица — знатного рода, однако отчего она путешествует в обществе столь скверного попутчика, выяснить не сумел. Тем не менее она настаивала, что до Пармы ее должен был довезти именно старый венгр, за неведомые услуги которого она расплачивалась своей любовью. Тайна, окутывавшая Анриетту, породила предположения, что она была шпионкой. Гипотеза была небезосновательной, ибо в то время в Европе шла война за австрийское наследство.

Прибыв в Парму, Анриетта рассталась со своим спутником к великому облегчению последнего. Прижимистый венгр утомился в обществе своей попутчицы, ему приходилось объясняться с ней преимущественно жестами и всюду за нее платить. Но больше всего их расставанию радовался Казанова, давно ожидавший удобного случая отбить красавицу у ее угрюмого и неказистого спутника. Впрочем, Анриетта и не думала убегать от Соблазителя. В первую же ночь, которую они провели вместе, она призналась, что как только увидела черноглазого итальянца, так сразу же в него и влюбилась. Любовники остались в Парме, записавшись в гостинице под именами Джакомо Фарусси и Анна д'Арси; опасаясь, что его могут узнать, Казанова взял себе девичью фамилию матери. Начались три медовых месяца, наполненных пылкой любовью к Анриетте. Казанова не задумывался, кто на самом деле была его загадочная незнакомка: комедиантка, авантюристка или шпионка. Ему было все равно: с ней он был счастлив все двадцать четыре часа в сутки. Она умела вести беседу,

высказывала незаурядные и остроумные суждения, свидетельствовавшие о ее начитанности, любила и понимала музыку, прекрасно играла на виолончели, обладала изысканным вкусом, была неумоима и раскована в постели. Ее темперамент был под стать темпераменту Казановы, чей скакун редко удовлетворялся единственным забегом к высотам наслаждения. Как и Казанова, она не любила рисковать, и дабы любовь всегда была не только радостной, но и беззаботной, она первая предложила Соблазнителю пользоваться изобретением доктора Кондома — «одеянием из тонкой прозрачной кожи длиной в восемь дюймов, без выхода на конце и с тонкой розовой ленточкой на входе, которая затягивается, подобно завязкам кошелька». Восемь дюймов — это реальная длина неумоимого скакуна Соблазнителя или же традиционная мерка, взятая из эротических сочинений античных авторов? Этим вопросом задается бельгийский психоаналитик Лидия Флем.

Казанова покупал Анриетте платья, осыпал дорогими подарками, задарил безделушками, изобретенными исключительно для украшения прекрасного пола. Он определил ее к учителю итальянского языка, и она быстро делала успехи. Не раз говорил он ей: «Ты рождена, чтобы составить мое счастье. Не покидай меня, позволь мне надеяться, что мы никогда не расстанемся, и выходи за меня замуж». Опьяненный любовью Казанова вновь произнес роковые для него слова. Однако в отличие от Терезы Анриетта не восприняла их всерьез. «Родные разыскивают меня, а когда найдут, мне придется тебя покинуть», — просто ответила она.

Казанова стал умолять ее бежать вместе с ним на край света, где никто не сможет их разлучить. Но умная и проницательная Анриетта уже разгадала непостоянную натуру своего любовника и поняла, что страсть его скоро угаснет, ибо человек, идущий по жизни, повинаясь исключительно собственным капризам, не способен на глубокие и долгие чувства. И она только улыбнулась в ответ. «Ты забудешь также и Анриетту», — нацарапает она алмазным перстнем на оконном стекле в номере женовской гостиницы, где они расстанутся навсегда. Но этот день еще впереди, пока же они наслаждаются своим счастьем.

Однажды, гуляя в садах летней резиденции герцогов Пармских, они заметили элегантного французского кавалера, он приблизился к ним и, грациозно поклонившись, сказал Анриетте, что знаком с ее семьей и готов сообщить ее родным, где она находится. Ответа возлюбленной Казанова не услышал, она прошептала его на ухо кавалеру. Вскоре француз посетил любовников и вручил Анриетте письмо из дома. Как Казанова ни просил, красавица не посвятила его в содержание послания, ибо, по ее словам, «в

нем была затронута честь двух знатных семейств». Единственное, что удалось узнать пылкому венецианцу, так это то, что возлюбленная его замужем. Предчувствуя близкую разлуку, Казанова увез Анриетту в Милан, где они провели две упоительные недели. Соблазнитель продолжал осыпать таинственную француженку подарками и даже купил ей рысью шубу. Но расставание было неизбежно. Вернувшись в Парму, Анриетта встретила с французским кавалером, и тот сообщил ей, что семья велит ей возвращаться и посылает за ней экипаж, который будет ждать ее в Женеве. Наверное, именно в эти минуты в ней боролись чувство и разум: первое уговаривало ее пожертвовать всем ради любовника и бежать с ним, второй убеждал, что счастье с самолюбивым венецианцем без определенных занятий и источников дохода не будет ни долговечным, ни безоблачным. Разум победил, Анриетта решила вернуться домой.

Казанова проводил любовницу в Женеву. Там, получив у местного банкира тысячу луидоров золотом, она по-братски поделилась с Соблазнителем. На следующее утро у дверей гостиницы ее ждала роскошная карета с компаньонкой, кучером на облучке и двумя лакеями на запятках. Перед расставанием Анриетта взяла с Казановы слово никогда и нигде не узнавать ее, если тот случайно заметит ее в обществе. Не пытаясь сдерживать бегущие из глаз слезы, Соблазнитель обещал. Прижавшись лицом к стеклу, он смотрел, как его любовь скрылась в глубине кареты. В это время он и обнаружил нацарапанные ею на стекле слова прощания. Его пылкая натура возмутилась: нет, он никогда не забудет свою несравненную Анриетту! «Я часто думал о ней, и всякий раз думы эти проливали бальзам на мое сердце», — напишет он в своих «Мемуарах». Через много-много лет влюбленные случайно встретились, но Казанова не узнал Анриетту: она постарела и располнела, а память его запечатлела образ идеальной возлюбленной, счастливо соединявшей в себе красоту тела и изысканность ума. Француженка же быстро признала в сильно постаревшем ловеласе своего некогда пылкого возлюбленного...

На следующий день после отъезда Анриетты Казанова получил от нее письмо с единственным словом: «Прощай» и, безутешный, уехал обратно в Парму. Там его ожидало последнее письмо Анриетты, в котором та уговаривала его вспоминать о их любви «не умножая скорби»: время, проведенное вместе, было подобно чудесному сну, а сны, как известно, не могут длиться вечно. В заключение загадочная красавица обещала ему не иметь более любовников, а своему другу пожелала найти «другую такую же Анриетту».

Печаль покинутого Соблазнителя была велика, он затворился у себя в

комнате, не имея желания ни читать, ни сочинять, ни есть, ни пить и ни спать. Несколько дней прошли для него как в тумане. Но у Казановы завидное здоровье — ведь немощному телу не нужны женские ласки, а знаменитый Соблазнитель гордился своим телом, своей выносливостью и неутомимостью в любви. Постепенно потребность в радостях плоти возобладала над томлением духа. Приятели, прознавшие о возвращении Соблазнителя, пригласили его на дружескую пирушку и там вернули его к жизни. Казанова всегда любил хороший стол, однако в «Мемуарах» он неоднократно признавался, что более всего ценил простую здоровую пищу, особенно макароны. Что ж, даже у гражданина мира могут быть национальные пристрастия. После пирушки Казанова отправился в театр, где его наметанный глаз тотчас заметил хорошенькую актрису, и после спектакля он за двадцать цехинов купил себе ее благорасположение на ближайшую ночь. Ночь прошла восхитительно, а через три дня Казанова обнаружил у себя ставшие привычными симптомы дурной болезни. И он вновь пожалел об утрате Анриетты. «Быть может, это судьба наказывает меня за то, что я так быстро забыл ее», — подумал Соблазнитель.

В подавленном состоянии Казанова возвратился в Венецию под крылышко к приемному отцу. К этому времени дела его поправились, дебоши и распутство забылись, инквизиция перестала о нем вспоминать. Сам же Казанова, не в силах забыть очаровательную французскую авантюристку, впал в уныние: он либо ходил в церковь, либо сидел дома и беседовал с Брагадином и его почтенными друзьями. Старики радовались, но и тревожились одновременно. Они окружили его неустанными заботами и щедро снабдили деньгами. Золотой дождь способствовал быстрому исцелению Соблазнителя от черной меланхолии. Тоскующий влюбленный вернулся к прежней жизни, то есть к кутежам, попойкам и женщинам, а вскоре его одолела тяга к странствиям. В мае 1750 года Казанова покинул Венецию и вместе со своим молодым приятелем Антонио Балетти отправился в Париж знакомиться со столицей просвещенного мира.

По дороге он на неделю задержался в Лионе, где «один почтенный человек», как именует его Казанова, «доставил ему милость» и ввел его в масонскую ложу, где тот получил звание ученика. Причин для вступления Казановы в братство вольных каменщиков могло быть множество. Авантюрист издавна интересовался магией, а ритуальная сторона деятельности масонов состояла преимущественно из загадочных обрядов, посредством которых неофиты приобщались к мистическим таинствам. Будучи, несомненно, наслышанным и о масонах, и о розенкрейцерах, ему наверняка было любопытно познакомиться с этими людьми поближе.

Кроме того, любой масон, невзирая на его положение в обществе, именовался «братом», а значит, став причастным к сей разветвленной организации, Казанова получал право говорить на равных с сильными мира сего, к чему он всегда стремился. Вступление в ложу было поистине дальновидным поступком, ибо братья-масоны оказывали друг другу поддержку не только моральную, но и материальную. Все члены братства были обязаны пополнять «братскую» кассу, однако от каждого требовали по возможностям, что также устраивало Казанову.

Не исключено, что и для масонов Казанова был находкой: разговорчивый молодой человек, ведущий жизнь странника и космополита, мог исполнять поручения ордена в разных странах. К середине XVIII столетия масонские ложи были во многих городах Европы и организация весьма нуждалась в курьерах и агентах. Возможно, многие поездки Казановы 1760-х годов совершаются именно по поручению ложи, ибо он то и дело неожиданно срывается с места, утаивая цель своего путешествия, или же едет вовсе не туда, куда собирался ехать накануне. В это время у него явно нет недостатка в деньгах, он роскошно одевается, постоянно принимает гостей, делает крупные ставки в игре — словом, имеет некий, никому не ведомый и неиссякаемый источник дохода. К тому же, если до 1760 года он охотно повествует о своих связях с высокопоставленными вольными каменщиками, то после — гробовое молчание, что подтверждает гипотезу о том, что Казанова стал секретным агентом масонов. Возможно, он сумел сыграть свою роль в распространении масонства в Европе. Но далее, вероятно, он совершил оплошность, то ли сказав лишнее, то ли проиграв выданные ему для определенных целей деньги. Словом, он утратил доверие ложи, денежный поток иссяк, и разжалованный агент постепенно впал в нищету, откуда его в конце концов вытащил масон граф Вальдштейн^[26], предложив ему пристанище в своем замке Дукс.

Зная неводержанность на язык знаменитого Авантюриста, многие сомневаются в его активном участии в деятельности ордена. Если бы дело действительно обстояло так, он бы не удержался и упомянул, хотя бы косвенно, об этом в своих «Мемуарах». Он же пишет лишь о своем продвижении по масонской лестнице: «Два месяца спустя, в Париже, поднялся я на вторую ступень, а еще через несколько месяцев — на третью, иными словами, стал мастером. Эта ступень высшая. Все прочие титулы, какие даровались мне с течением времени, — всего лишь приятные выдумки, и хоть и имеют символический смысл, ничего к званию мастера не добавляют». Любопытно также рассуждение Казановы о масонской тайне: «Тайна масонства нерушима по самой природе своей, ибо

каменщик, владеющий ею, не узнал ее от другого, но разгадал ее сам. Сумев постигнуть ее, он остерегается разделить открытие свое с кем бы то ни было, даже и с лучшим своим другом-каменщиком: ведь если тому не достало таланту проникнуть в нее, то тем более не получит он никакой пользы, услышав ее изустно. А потому тайна сия вечно пребудет тайной». Может быть, этим пассажем знаменитый Авантюрист намекал, что он и есть тот самый талантливый член братства, которому открылась эта непонятная тайна? Не исключено также, что причастность Казановы к масонству стала одной из причин заключения его в тюрьму Пьомби, ибо правительство Венеции еще в 1686 году закрыло масонские ложи и изгнало из пределов государства их членов. Правда, менее чем через сто лет тайные масонские организации начали вновь появляться в городе. Известно, что в 1753 году во время карнавала была показана комедия Гольдони «Любопытные женщины», в коей венецианцы усмотрели сатиру на масонство. Содержание ее таково: коммерсант Панталоне приобрел за городом небольшой домик и по вечерам собирал там друзей для обсуждения местных новостей и мировых проблем. А так как женщин туда не приглашали, то жены, матери и сестры воспылали любопытством и после множества перипетий наконец тайком собрались подсмотреть, что делают, и подслушать, о чем говорят мужчины. Важный вид и пустые напыщенные речи, с апломбом произносимые сидящими вокруг стола персонажами, вызывали безудержный смех. Казанова знал об этой комедии.

Из Лиона Казанова прямиком направился в столицу Франции, проделав этот путь всего за пять дней.

ПАРИЖ — АКАДЕМИЯ АВАНТЮРИСТА

Париж — сердце и мозг Франции, всего европейского континента. Здесь делалась большая политика, получали признание писатели, разрушались старые мифы и создавались новые. Здесь решали, как в Европе будут вести себя за столом, как одеваться, как развлекаться. Побывать в Париже стремились все, потому что, говоря словами Талейрана^[27], «кто не жил в Париже до 1789 года, не жил вовсе». Парижане слыли самыми элегантными и самыми остроумными людьми в Европе, в городе царили веселье, ирония и свобода нравов; зубоскалили над всем, что казалось нелепым, попытки осуждения пороков вызывали лишь насмешки. Мораль заключалась в отсутствии оной. Брак прекрасно сочетался с адюльтером, супруги сквозь пальцы смотрели на неверность своих половин, а тех, кто не имел ни любовника, ни любовницы, считали отставшими от века чудаками. «Мужа, который один захотел бы обладать своей женой, почли бы здесь нарушителем общественного веселья и безумцем, который желает один наслаждаться солнечным светом, наложив на него запрет для всех остальных», — изрекал устами своего героя Монтескье в «Персидских письмах». Случаи верности в свете были крайне редки. За всю жизнь ни разу не изменил жене философ Гельвеций, философ д'Аламбер^[28] всегда был верен Жюли де Леспинас^[29], чего, впрочем, нельзя сказать о его очаровательной подруге. Казанове было не привыкать к подобным нравам. В Венеции супружеская верность также не считалась обязательной.

Молодые люди получали право вступать в брак с пятнадцати лет, а девушки — с двенадцати-тринадцати, и в этом был свой резон, ибо до этих лет молодые люди в основном сохраняли свою невинность, чего нельзя было сказать о них в более старшем возрасте. Впрочем, любителей малолетних красавиц также вполне хватало; пресыщенные развратники не гнушались и гомосексуальными связями. Гомосексуальная любовь, равно как и «содомский грех», была запрещена законом, но на эротические шалости знатных аристократов повсеместно смотрели сквозь пальцы. Поклонники однополрой любви обычно собирались в садах Пале-Рояля, там с ними договаривались о месте встречи и цене, а самые нетерпеливые пользовались их услугами тут же за кустом. Брак был более денежной сделкой, нежели сердечным влечением. Знатные, но разорившиеся аристократы не гнушались породниться с богатой буржуазией, рвавшейся к

титулам и гербам. Младенцев с первых же дней отдавали кормилицам, затем гувернанткам и воспитателям. Проблемы отцов и детей не существовало, ибо не существовало самих родственных отношений.

Двор являл собой государство в государстве. Королевскую семью обслуживало более десяти тысяч человек. Это были слуги и свита: компаньонки, гувернантки, постельничие. Любая должность при особе монарха считалась почетной: смотритель королевской уборной носил герцогский титул. Короли окружали себя всевозможными магами и колдунами. Кардинал де Берни^[30] регулярно посещал гадалку Бонтам, желая знать, что уготовано ему судьбой. Однажды он взял к ней с собой Казанову. Знаменитый Сен-Жермен был обязан своим состоянием Людовику XV. Гадалка Лебон, предсказавшая малышке Пуассон, что та будет «не то чтобы королевой, но почти королевой», всю жизнь получала от нее пенсию. Жанна-Антуанетта Пуассон стала больше чем королевой, она стала маркизой де Помпадур, королевской любовницей, опекуницей, устроительницей развлечений и даже советником по вопросам политики. Когда в 1756 году Людовик XV по ее совету порвал с Пруссией и заключил союз с Австрией, маркиза получила прозвище «министра без портфеля». Бурная страсть короля прошла, но маркиза благодаря своим поистине выдающимся талантам сумела удержаться в фаворитках. Она покровительствовала литераторам и философам: помогала Монтескье и Руссо, распахнула двери Академии перед Дюкло^[31], протектировала Дидро, д'Аламберу и Тюрго^[32], благодаря ей ко двору был представлен Вольтер. Узнав, что старик Кребийон^[33] в нужде и буквально умирает с голоду, она назначила ему пенсию, нашла жилище и за королевский счет издала все его пьесы.

Двор был средоточием элегантности и роскоши, придворные состязались пышностью костюмов, лучшие мастера изготавливали дворцовую мебель, лучшие ювелиры поставляли драгоценности. На каждую придворную вакансию приходилось не менее сотни претендентов, каждый хотел обратить на себя взор короля и принцев, поэтому борьба шла даже за место в театре или церкви, с которого искателя фортуны мог бы заметить король. Ни при одном дворе, за исключением, возможно, испанского, не было столь строго и дотошно разработанного этикета. Сам король, спасаясь от скуки, кочевал между Версалем и Фонтенбло, везде устраивая пышные празднества, балы, спектакли и охоту. Ни Людовик XV, ни сменивший его Людовик XVI не были созданы для управления государством, оба монарха женскими руками (Людовик XV — руками

любовниц, Людовик XVI — королевы Марии-Антуанетты) проматывали бюджет, подводя страну к катастрофе. Только Людовик XV, волею случая получивший прозвище «Любимый», успел умереть в своей постели, тогда как Людовик XVI сложил голову на гильотине в 1793 году.

Прибыв в Париж, Казанова поселился на квартире у мадам Кенсон. Эту квартиру заранее сняла для него мать Антонио Балетти, знаменитая актриса парижского Итальянского театра Сильвия. Сильвия взяла соотечественника под свою опеку и часто приглашала его к себе на ужины и небольшие приемы, дабы он мог обзавестись полезными знакомствами. Она же представила его известному драматургу Кребийону, который, проговорив с гостем два часа, в конце беседы предложил ему брать у него уроки французского языка без всякой платы. Казанова очаровал восьмидесятилетнего драматурга своими рассказами и пылким стремлением изучить «и добрые, и дурные черты французской нации», чего, по мнению Кребийона, нельзя было сделать без отличного владения французским. Целый год Казанова три раза в неделю ходил заниматься к Кребийону в его уединенное жилище, где всем заправляла экономка и ее двадцать кошек, немало развлекавших ученого старца. Успехи итальянца в постижении тонкостей французского языка были бесспорны, хотя, по его собственному признанию, он так и не сумел избавиться от итальянских оборотов в своей речи.

Казанова приехал с намерением ознакомиться с парижскими нравами, а посему внимание его привлекали не архитектурные шедевры французской столицы, а сценки уличной жизни, которые он красочно описывал в своих «Мемуарах». Так, завидев толпу возле здания с циферблатом солнечных часов на фронте, путешественник поинтересовался, что надобно этим людям, и получив ответ, что все они сверяют свои механические часы с часами солнечными, очень удивился: ведь в Париже солнечных часов великое множество, и повсюду они показывают одно и то же время. «Вы правы, но знамениты лишь часы Пале-Рояля», — прозвучал ответ собеседника. Привлекло любознательного венецианца и скопление хорошо одетого народа возле табачной лавочки, на вывеске которой была изображена грациозная виверра.

— Неужели на весь Париж — всего одна табачная лавочка? — спросил он. — Или, быть может, табак там необычайно хорош?

— Табак там хуже, чем в иных местах, — был ответ, — просто герцогиня Шартрская ввела его в моду, и теперь все только его и хотят. Желая порадовать владелице лавочки, герцогиня несколько раз наполняла у нее свою табакерку, громко заявляя, что тут продают лучший в Париже

товар. Досужие сплетники быстро разнесли ее слова, и теперь все хотят покупать табак только в этой лавочке.

Подобный случай вышел и с кабатчиком из Нейи. По дороге на охоту королю захотелось сладкой настойки и он, остановившись у кабака, приказал подать ему стакан. К счастью, у хозяина отыскалась нужная бутылочка, монарх выпил и похвалил настойку. На следующий день все знали, что самая лучшая сладкая настойка продается в Нейи: ведь так сказал сам король! Кабатчик мгновенно разбогател. «Французский король — самый могущественный монарх в Европе, ибо он извлекает богатство из тщеславия своих подданных, а они куда доходнее золотых россыпей», — заметил Монтескье, и Казанова вполне мог подписаться под его словами. Сам же он пришел к заключению, что парижане — люди славные, но весьма легкомысленные, всегда готовые сотворить себе кумира.

Еще Соблазнитель усердно посещал театры. Сильвия сделала его вхожим в мир кулис, где он быстро стал своим человеком. Итальянские актеры играли в здании театра Бургундского Отеля, основу репертуара составляли пьесы Гольдони, ставили также французских авторов, в частности Мариво. Театр никогда не пустовал, сборы всегда были полными, актеры жили безбедно, актрисы обзаводились состоятельными любовниками. Исключение составляла Сильвия, которая, уйдя от мужа, вела жизнь поистине безупречную, но так как она не кичилась своей безгрешностью и к друзьям относилась ровно и ласково, то ей никто не завидовал и не строил козней. Актерское сообщество с радостью приняло в свой круг словоохотливого соотечественника Казанову: все стремились залучить его к себе на обед или на ужин. В гостях у Панталоне — актеров было принято называть именами персонажей, исполняемых ими на сцене — он познакомился с двумя его дочерьми, Коралиной и Камиллой. Обе были очаровательны и обе имели знатных любовников. Томная красавица Коралина приглянулась Соблазнителю, и он стал ходить к ней в неурочные часы. Однако избежать встречи с любовником Коралины, князем Монако, ему все же не удалось. Столкнувшись в передней с князем, Казанова, как вежливый человек, пожелал откланяться, но князь не отпустил его; не умея развлечь ни себя, ни любовницу, он оставил итальянца на ужин и целый вечер наслаждался его занимательными рассказами.

Желая поддержать знакомство, Казанова время от времени демонстрировал князю свое почтение, но тот отплатил любезному чужестранцу поистине черной неблагодарностью. Однажды вечером он отвез Соблазнителя к знатной старухе-герцогине и, оставив их наедине, уехал, пообещав к утру прислать за молодым человеком свою карету. Едва

дверь за князем закрылась, как нарумяненная прыщавая гарпия, шамкая беззубым ртом, бросилась целовать Соблазнителя, костлявой рукой отыскивая его скакуна. От резкого дурманящего запаха мускуса голова у Казановы закружилась, однако он нашелся, что сказать. «Сударыня, я не смею: у меня шанкр!» — вскричал он.

Старуха в гнев оттолкнула его, и он со всех ног пустился бежать. Выскочив на улицу, он поймал фиакр и отправился к Коралине. Рассмеявшись, красавица похвалила его за находчивость и поведала, что он был первым, кто столь ловко вывернулся из объятий всем известной сластолюбивой старухи. «Если, конечно, вы сказали мне правду...» — как бы невзначай добавила она.

Знакомясь с Парижем, Соблазнитель, разумеется, не мог обойти стороной жриц продажной любви. Приятель отвез его в знаменитый «Отель дю Руль», славившийся своей респектабельностью, туда ходили в основном аристократы. Оплата там была почасовая, и каждый час посетитель волен был выбрать себе новую красавицу. Сменив нескольких прелестниц, Соблазнитель остановился на девице по имени Сент-Илер.

В те времена считалось, что прибывший в Париж иностранец первые две недели нестерпимо скучает. Общительный итальянец Казанова с первого же дня с головой погрузился в водоворот светской жизни: приемы, карты, женщины, опера, комедия... Но, вращаясь в полусвете, посещая литературные салоны, Казанова упорно стремился попасть ко двору, присоединиться к когорте счастливчиков, коим было дозволено лицезреть короля и пользоваться его благорасположением. Осенью, как обычно, часть труппы Итальянской комедии уезжала в Фонтенбло развлекать монарха во время охотничьего сезона. Сильвия и ее семейство предложили Казанове поехать вместе с ними и поселиться в снятом ими доме. Он немедленно согласился. Прибыв на место, он поспешил представиться посланнику Венецианской республики, синьору Морозини, тот тепло принял соотечественника и потом не раз оказывал ему любезности, а также познакомил со многими французскими аристократами. В театре Казанова остроумными речами сумел обратить на себя внимание мадам де Помпадур, а в галерее королевского дворца удостоился лицезреть самих величеств: короля, проследовавшего к себе в кабинет в сопровождении д'Аржансона^[34], и королеву, которая вместе с остальными, случившимися поблизости придворными, шла к трапезе. Вспоминая о короле, Казанова, как и многие его современники, отметил, что у него была «восхитительной красоты голова», Мария Лещинская^[35] же показалась ему всего лишь

«набожной старушкой». Королева всегда славилась скорее добропорядочностью, нежели красотой, а родив за двенадцать лет супружества десять детей, она и вовсе утратила былую свежесть. Был ли Казанов представлен Людовику? Ряд исследователей не исключает такой возможности, хотя сам Авантюрист в своих «Мемуарах» об этом не упоминает. Но учитывая, что воспоминания свои Казанов писал после падения монархии во Франции и соблюдать какие-либо тайны, связанные с особой предпоследнего французского короля, резонов не было, гипотеза эта маловероятна. Точно известно, что венецианцу довелось присутствовать на обеде королевы. Стол был накрыт на двенадцать персон. Ее величество с постным выражением лица молча села на свое место, уставилась в тарелку и с полным безразличием к тому, что ей подавали, принялась есть. Внезапно она подняла голову и позвала:

— Господин Левендаль!

Вздрогнув от неожиданности, указанный господин с поклоном подошел к королеве.

— Это, кажется, фрикасе из цыплят? — спросила Мария Лещинская, указывая вилкой в тарелку.

— Именно так, ваше величество! — с поклоном согласился Левендаль.

Королева вновь опустила голову, уткнувшись носом в тарелку, и обед в молчании продолжился. Окончив трапезу, королева так же молча удалилась.

В Париже, как и повсюду, Соблазнитель использовал для любви каждый удобный момент. Заметив, что пятнадцатилетняя дочь его квартирной хозяйки зачастила к нему в комнату, он исподволь стал обучать девушку основам «науки страсти нежной»: давал ей читать непристойные книжки, вел фривольные беседы, а когда та, поджидая вечером Казанову, уснула прямо у него на кровати, он неслышно разделся, лег рядом — «а остальное понятно и без слов». На рассвете юная Мими, теперь уже на практике познавшая таинства любви, спустилась к себе в комнату. С тех пор девица в любое время была желанной гостьей постояльца. Через несколько месяцев обнаружилось, что Мими беременна, и мадам Кенсон подала на Казанову в суд, желая заставить его жениться на дочери. Однако Соблазнитель легко доказал свою невиновность: он заявил судье, что девица приходила к нему с ведома мадам Кенсон, которая сама посылала ее к постояльцу, дабы та служила ему. Следовательно, он всего лишь пользовался ее услугами, удовлетворяя потребности природы человеческой. К тому же девицу он ни к чему не принуждал силою, а за комнату платил регулярно. Парижский судья отступил перед казуистом-венецианцем и заставил мадам Кенсон уплатить судебные издержки.

Впрочем, не желая портить отношения ни с матерью, ни с дочерью, Соблазнитель дал им денег на роды. Сдав младенца в воспитательный дом, Мими упорхнула из-под материнского крыла и стала актрисой, Соблазнитель еще несколько раз встречался с ней, а потом потерял ее из виду.

Немногих девушек знакомство с Соблазнителем не приводило к потере невинности. К таким уникальным особам принадлежала, в частности, соотечественница Казановы, девица Везиан. Эта шестнадцатилетняя брюнетка, прибывшая в Париж и снявшая комнату на одном этаже с Казановой, хотела выхлопотать пенсию за отца, погибшего на французской службе. Деятельный Казанова тотчас вызвался ей помочь; он взял ее бумаги и целый день разъезжал с ними по своим высокопоставленным знакомым, спрашивая каждого, что можно сделать для бедной, но очаровательной девицы. Все в один голос заявили: если девица хороша, она без труда найдет себе богатого покровителя. Идти честным путем и обращаться к военному министру бесполезно: для неизвестных просителей в министерстве денег нет. Вернувшись, Соблазнитель рассказал все Везиан. Девица была рассудительна и не цеплялась за бесполезную в ее положении добродетель; она лишь хотела продать ее подороже. Невольно напрашивается сравнение: юная Жюльетта, героиня мрачных фантазий де Сада, оказавшись без средств к существованию, также выбирала, кому бы ей подороже продать свою добродетель...

Глядя на овечку, готовую ринуться в пасть к богатому серому волку, Казанова испытывал миллион терзаний: понимая, что не может ни составить счастья девицы, ни вечно оберегать ее, он сам толкал ее на путь бесчестия, прекрасно сознавая, что привлекательная и воспитанная девушка достойна лучшей участи. Вспоминая в «Мемуарах» историю девицы Везиан, Казанова подвел итог своим размышлениям, написав чеканную фразу: «Женщин я любил до безумия, но всегда предпочитал им свободу». На следующий день после неудавшихся демаршей Соблазнитель отвез Везиан в театр, а сам поехал ужинать к Сильвии. Вернувшись к концу представления забрать девушку из театра, он узнал, что она уехала в карете графа Нарбоннского. Несколько дней Везиан отсутствовала, а потом вернулась — пешком, вся в слезах. Из сбивчивого ее рассказа Казанова узнал, что граф увидел ее в театре, подсел к ней и сумел убедить в своей внезапно вспыхнувшей страсти. Не дав ей ни с кем посоветоваться, он увез ее к себе, в маленький загородный домик, где всем заправляла злая и грубая экономка. Граф обещал заботиться о ней, вручил кое-какие подарки, но обещания не сдержал, а сегодня утром прислал экипаж, который отвез ее в

город к театру на то самое место, откуда граф увез ее в тот злосчастный вечер. Перед отъездом экономка отобрала у нее все графские подарки.

Огорченный Казанова, чья вспыхнувшая было страсть к девушке успела смениться чувством искренней дружбы, успокоил ее и обещал помочь. После долгих размышлений он, посоветовавшись с другом Балетти, решил устроить Везиан фигуранткой в Оперу. В фигурантки и певицы хора поступали исключительно девицы нуждающиеся, желавшие заполучить богатого покровителя, поэтому знатные господа ходили в Оперу как на восточный базар — выбирать себе наложниц. Иметь на содержании девицу из Оперы было модно, так что обычно никто из фигуранток не оставался без покровителя. А если какая-нибудь девица вдруг стала бы оберегать свою добродетель, то она бы просто умерла с голоду, ибо жалованья девицам не платили. Поняв, что добиться пенсионера за отца она не сумеет, а служить компаньонкой у какой-нибудь сиятельной ведьмы она не хочет, девица Везиан приняла предложение Соблазнителя и его друга Балетти. Через пару месяцев девица нашла себе достойного покровителя. Он забрал ее из театра, купил ей дом и обеспечил ее на всю жизнь; кажется, она даже полюбила его.

Еще одна знаменитая история, где Казанова выступает «устроителем девичьего счастья», связана с малышкой Морфи. Познакомившись на ярмарке с прелестной тринадцатилетней оборванкой, Казанова захотел провести с ней ночь, но девчонка заломила слишком большую цену, тогда Соблазнитель, бывший не при деньгах, за меньшую сумму уговорил ее раздеться в его присутствии. Когда девчонка скинула лохмотья, он «обнаружил перед собой безупречную красавицу». Понимая, что такая красота дорогого стоит, Казанова собственноручно отмыл девицу. Она оказалась «белой, как лилия» и с роскошными белокурыми волосами. Восхищенный Казанова отвел ее к художнику и попросил написать ее обнаженной. Художник изобразил девицу лежащей на животе, руки и грудь ее опирались на подушку, а голова была чуть-чуть приподнята. Под портретом Соблазнитель велел написать «О'Морфи», что по-гречески означало «красавица». Красота юной Морфи произвела сильное впечатление также и на художника. Сделав с портрета копию, он показал ее в Версале, где она в конце концов дошла до короля. Узнав о существовании оригинала, монарх пожелал увидеть девушку. Ее доставили. Оглядев красавицу со всех сторон и убедившись в ее невинности, Людовик оставил ее у себя.

В результате этой сделки никто внакладе не остался: ни художник, ни Казанова, ни красавица О'Морфи; ее поселили в королевском серале в

Оленьем парке, где она провела четыре года. Возможно, она бы прожила там и дольше, ведь король очень привязался к ней, но она, поверив советам завистниц, осмелилась непочтительно отозваться о королеве. Изменяя жене направо и налево, беспутный Людовик тем не менее глубоко уважал королеву и не терпел, когда о ней говорили дерзости. (Почтительное отношение к королеве было одной из причин долголетия Помпадур в качестве официальной королевской любовницы.) Неразумную О'Морфи мгновенно выставили из парка и, выплатив небольшое приданое, выдали замуж за офицера в удаленный от Парижа гарнизон. Как свидетельствуют современники, Казанова не раз выступал в роли поставщика красавиц для спален богатых вельмож, ибо занятие это было весьма прибыльным.

Осенью 1752 года Казанова покинул Париж. Вместе с ним уезжал и его брат Франческо, батальный живописец. Казанова вызвал брата для участия в выставке, но картина Франческо успеха не имела.

Казанова пробыл в Париже два года: приехал в двадцать пять лет, а уезжал в двадцать семь. За это время он возмужал, с него слетела провинциальная шелуха и появился столичный лоск, он в совершенстве освоил язык международного общения — французский. Если Венеция была колыбелью Соблазнителя, то Париж стал академией Авантюриста. Во французской столице просвещенный распутник побывал при дворе, свел знакомство с министрами, дипломатами, философами, принцами крови, отточил свое мастерство рассказчика в модных литературных салонах.

В Париже окончательно сформировались его вкусы и пристрастия, там он блеснул своими познаниями в медицине, вылечив от прыщей при помощи диеты молоденькую герцогиню Шартрскую. Молва приписала успех лечения магическим силам. Казанова возражать не стал и даже рассказал герцогине о своем оракуле. Герцогиня пожелала спросить кое о чем оракула, и Казанова не отказал ей в этой просьбе. Составлял магический квадрат и записывал ответы оракула, разумеется, он сам. Исцеление герцогини принесло Авантюристу сто луидоров; за тайну *ключа Соломонова*, с помощью которого она смогла бы лично общаться с оракулом, герцогиня пообещала ему двадцать пять тысяч ливров ренты. Но несмотря на вечную нужду в деньгах, Казанова отказался: полагают, что он влюбился в герцогиню, но, опасаясь получить отказ, почел за благо удалиться от нее. Потом он всю жизнь раскаивался, что так и не признался в любви своей высокородной пациентке: как знать, быть может, и она не устояла бы перед черноглазым Соблазнителем...

Перед отъездом из города у Казановы случилась дуэль. Согласно «Мемуарам», хорошенькая трактирщица у заставы обсчитала его, и,

возмущенный, он высказался о ней в оскорбительном тоне. Поклонник трактирщицы вызвал его на дуэль. Но есть и иная версия, менее правдоподобная, но более романтичная: желая отомстить за девицу Везиан, Казанова вызвал на дуэль графа Нарбоннского. Граф был убит, а Казанова бежал.

Из Парижа путь братьев Казанова лежал в Дрезден, там они встретились с матушкой, принявшей их радостно и с большой теплотой. Но жизнь в Дрездене, по признанию самого Соблазнителя, «не содержала ничего примечательного». Для собственного удовольствия он сочинял комедии и посещал веселые дома, после чего сделал вывод, что тамошние публичные красотки по части форм превосходили итальянок и француженок, однако уступали им в остроумии и искусстве нравиться. Одна из этих красоток наградила его дурной болезнью — седьмой по счету. «Всю свою жизнь я упорно стремился заболеть, покуда был здоров, — писал Казанова, — и столь же упорно стремился выздороветь, когда заболел». Строгий режим и собственные методы лечения позволили Соблазнителю справиться с недугом за полтора месяца: от него остались только шрамы, сравнимые с солдатскими ранами, ибо свидетельствовали о доблести их обладателя.

Из столицы Саксонии Казанова направился в Вену, где познакомился со знаменитым поэтом и драматургом Метастазео, которого он ценил превыше всех современных ему поэтов. Метастазео, прекрасно образованный человек, поразил Казанову своей скромностью и простотой в обращении. Но в целом пребывание в Вене не доставило Соблазнителю особенного удовольствия, хотя он и был представлен ко двору, где познакомился с наследником престола Иосифом. По словам венецианца, в лице будущего императора было что-то роковое. Иосиф долго метал громы и молнии в тех, кто без стыда и совести покупает себе дворянские титулы. Казанова долго слушал его, а когда принц умолк, спросил: «А что следует думать о тех, кто эти титулы продает?»

Иосиф не ответил, повернулся к Авантюристу спиной и отошел.

В Вене всем заправляла набожная и властная императрица Мария Терезия. Долгое время она страдала от измен мужа, поэтому после его смерти она повела решительную борьбу за нравственность и даже организовала специальную полицию, следившую за соблюдением супружеской верности. «Комиссары целомудрия» стали настоящей напастью для жительниц города, боявшихся выходить на улицу без сопровождения. Супруги, попавшиеся с поличным, рисковали надолго угодить за решетку, проституция была запрещена, а прекрасные горожанки,

напуганные полицейскими провокаторами, не спешили обрести счастье в объятиях итальянского Соблазнителя. Вместо утех любовных Казанова предался обжорству. Однажды он столь плотно поел, что три дня пролежал пластом, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. От кровопускания он решительно отказался, а сам назначил себе в качестве лекарства сырую воду. Лекарство подействовало, на четвертый день Казанова был снова здоров и бодр.

Из Вены Казанова прибыл в Венецию. Круг замкнулся.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ ВТРОЕМ

Вкусив соблазнов европейских столиц, Соблазнитель вернулся к прежней жизни: увеселения, карты, женщины, пирушки... Во время праздничной церемонии Обручения дожа с морем он познакомился с неким П. К. (так именует он нового знакомого в своих «Мемуарах». Полагают, что инициалы эти принадлежали Пьетро Капретта). Бойкий молодой человек произвел впечатление на Казанову: он инстинктивно почувствовал в нем родственную мятежную душу. П. К. занимался поставками продовольствия в армию. Вскоре он предложил Казанове войти с ним в долю и взять подряд, но венецианец предусмотрительно воздержался. Следующая встреча П. К. и Казановы состоялась при обстоятельствах и вовсе романтических. Экипаж, в котором П. К. ехал со своей любовницей, опрокинулся на мосту, женщина вылетела из него, зацепилась юбками за перила и повисла; она неминуемо сорвалась бы в воду, не подоспей на помощь Казанова, случайно ехавший в карете навстречу. Соблазнитель успел полюбоваться очаровательными кружевными панталонами и избавил их владелицу от падения в реку. Несмотря на всю пикантность положения, в котором оказалась красавица, вожделения у Соблазнителя она не вызвала. Вероятно, этому помешали панталоны, ношение которых в те времена во Франции считалось верхом неприличия. Недавно прибывший из Парижа Казанова посчитал спасенную им даму излишне провинциальной. П. К. искренне поблагодарил Казанову за спасение своей подруги от купания в холодной воде, поскольку сам он, придавленный дверцей кареты, вряд ли подоспел бы вовремя.

Рассорившийся с отцом П. К. проживал отдельно от семейства, однако поддерживал добрые отношения с матерью и четырнадцатилетней сестрой, с ними он и решил познакомить нового приятеля. В «Мемуарах» Соблазнитель именует сестру П. К. инициалами К. К. (относительно имени — Катерина — разночтений не существует, фамилии же называют две: Капретта и Кампана). Соблазнитель был старше К. К. на пятнадцать лет, поэтому не исключено, что, когда он писал свои «Мемуары», она еще была жива и он не хотел ни компрометировать, ни тревожить ее. Из этих же соображений на страницах его записок вместо полных имен часто стоят только заглавные буквы. Зачем пробуждать воспоминания у живых и ворошить прошлое усопших? На старости лет Соблазнитель стал на удивление деликатным, ведь он писал для Истории!

Юная К. К., невинная и наивная, поразила воображение Казановы, он влюбился в нее с первого взгляда. Благодаря ее брату Соблазнитель без труда получил возможность видаться с девушкой наедине и не преминул этим воспользоваться. А так как в любви венецианца всегда преобладало физическое начало, то и устремления его были на диво искренними, что не могло не растрогать неискушенную душу К. К., она с радостью подарила Соблазнителю свою невинность. Восторг Казановы был столь велик, что он решил на ней жениться и даже попросил Брагадина помочь ему получить согласие семьи девушки. Сенатор поговорил с отцом К. К., однако тот наотрез отказался выдать дочь замуж раньше, чем ей исполнится восемнадцать лет. Узнав об отказе, девушка, со всем пылом юной страсти полюбившая Соблазнителя, решила забеременеть, дабы таким образом заставить родных дать согласие на ее брак с любимым. Но долго предаваться любовным утехам К. К. не пришлось. Желая оградить дочь от нежелательных претендентов, отец поместил ее в монастырь на Мурано. Разлученный с возлюбленной, Казанова впал в отчаяние и стал изыскивать способ выкрасть девушку из монастыря.

Но вскоре ему пришлось заняться более неотложными делами, а именно поиском денег. Его финансовые затруднения были столь велики, что он даже согласился принять участие в очередной аванюре братца своей возлюбленной, а именно в покупке шелковых тканей, которые П. К. клятвенно обещал выгодно перепродать. Афера провалилась, Казанова больше не увидел ни денег, вложенных им в предприятие, ни тканей, П. К. же угодил в тюрьму за долги. Навестив П. К. в тюрьме и оставив ему немного денег, Казанова порадовался, что сравнительно дешево отделался, и... ввязался в новую авантюру. Вместе с миланцем Антонио Кроче они открыли игорный зал, где играли в фараон; банк держали Кроче и Казанова, и уже в первый день Соблазнитель заработал восемьсот цехинов. Именно Кроче научил заядлого игрока Казанову слегка *подправлять Фортуну*, иначе говоря передергивать; в будущем знаменитый Авантюрист не раз пользовался полученными от приятеля *знаниями*. Дела партнеров быстро шли в гору, но вскоре они поссорились, и прибыльному занятию (основной доход поступал из карманов одураченных иностранцев) был положен конец. Затем у Кроче, давно и небезосновательно подозреваемого в гомосексуализме, начались неприятности с властями, и ему пришлось спешно покинуть Венецию. Казанова отделался легким испугом, однако он вновь привлек к себе внимание инквизиции. До ареста дело пока не дошло, но над беспечным Соблазнителем уже нависла зловещая тень Свинцовой тюрьмы, по-итальянски Пьомби.

Тем временем К. К. нашла способ переписываться с возлюбленным, ее почтальоном стала бедная неграмотная женщина по имени Лаура, прислуживавшая в монастыре. За небольшое вознаграждение Лаура была готова служить и пансионерке, и ее любовнику. Соблазнитель щедро награждал посланницу своей «маленькой женушки», как он именовал К. К., и вскоре Лаура уже была предана влюбленным душой и телом. Именно она сообщила Казанове, что у К. К. случился выкидыш, и даже предъявила ему печальный плод их связи. Вид завернутого в тряпку бесформенного существа произвел на Соблазнителя гнетущее впечатление. В прилагаемом письме К. К. сообщала, что после случившегося несчастья у нее открылось обильное кровотечение, которое ради сохранения репутации ей необходимо скрыть. Она умоляла Казанову прислать ей побольше салфеток. Расстроенный и обеспокоенный Соблазнитель бросился в ближайшую лавку, скупил все имевшиеся там салфетки и тонкое полотно и вручил покупки Лауре, доставившей их по назначению. Репутация К. К. была спасена, благодаря подарку Казановы она даже смогла спуститься в комнату для свиданий и поговорить с матушкой.

Тревожась о здоровье возлюбленной, Соблазнитель поселился неподалеку от монастыря и стал посещать воскресные службы в монастырском соборе, желая хотя бы издали полюбоваться дорогим ему личиком. Судя по его запискам, любовь к К. К. поглотила его целиком, без остатка, в то время он не помышлял ни об интрижках, ни о публичных женщинах.

Новая страсть сама нашла его. Присутствие в церкви столь видного мужчины не прошло незамеченным, и однажды одна из сестер, выходя из собора, обронила письмо прямо ему под ноги. Соблазнитель поднял его, положил в карман и дома прочел. Неведомая ему монахиня увидела его в церкви и, почувствовав к нему сильнейшее влечение, просила его явиться на свидание либо в приемную, либо в маленький уединенный домик на Мурано, либо в такой же домик в городе. Выбор она оставляла за Казановой. Так начался роман Соблазнителя с М. М., который — наряду с путешествием в Константинополь — многие считают плодом фантазии знаменитого венецианца, не устоявшего перед искушением сочинить замысловатую любовную историю, чрезвычайно украсившую его записки. Сторонники иной версии полагают, что под таинственными инициалами М. М. скрылась знатная патрицианка Марина Мария Морозини, родившаяся 11 сентября 1731 года.

Заинтригованный таинственной незнакомкой, Соблазнитель внутренне уже был готов изменить К. К., он только хотел, чтобы она об этом не

узнала, вернее, узнала как можно позже, ибо полностью сохранить в тайне новый роман он не надеялся. Как и все женщины, монахини были чрезвычайно болтливы. Приняв галантное приглашение, он решил положиться на случай, не раз выручавший его в щекотливых ситуациях, и пообещал незнакомке прийти на свидание в монастырскую приемную. В условленный час перед заинтригованным до предела Соблазнителем предстала редкостная красавица; ниспадавшее складками свободное монашеское одеяние подчеркивало гибкость ее стройной фигуры; на полускрытом капюшоном лице алели чувственные губы, обнажавшие в улыбке два ряда белоснежных зубов. Пылкий Соблазнитель покидал монастырь, переполненный любовью к загадочной незнакомке и готовый в любую секунду изменить своей дорогой К. К.

Казанова понадеялся на случай, и тот не подвел его. Милая К. К. быстро выздоравливала и писала «своему муженьку» бодрые письма. Из них он узнал, что она подружилась с монахиней, матерью М. М. Днем М. М. обучала ее французскому языку, а ночью — лесбийским играм, в которых К. К. приходилось исполнять роль «то мужа, то жены». Восхищению К. К. новой подругой не было предела, и она сожалела только обо одном — что не может разделить свою радость с любимым. Сопоставив описание новой подруги «своей жenuшки» и таинственную незнакомку, Соблазнитель пришел к выводу, что речь идет об одной и той же особе. Наведя справки среди знакомых, он окончательно убедился в своей правоте. М. М. была знатного рода, богата, хороша собой и подалась в монахини из чистого каприза. Однако ряса не тяготила ее, ибо по ночам она нередко надевала светское платье, покидала монастырь и отправлялась на поиски приключений. М. М. была умна, удачлива в игре, обожала театр, имела поклонников и любовников, и за несколько лет, проведенных за монастырскими стенами, сумела не нажить себе врагов среди монахинь. Иными словами, новое увлечение Соблазнителя нисколько не портило его отношений с К. К., скорее, наоборот, оно делало связующие их узы еще прочнее.

Между Казановой и М. М. завязалась переписка, еще более оживленная, чем между Казановой и К. К. Вскоре знаменитый Соблазнитель перестал довольствоваться письмами, он стал просить М. М. о новом свидании и добился своего. На этот раз из немного обожателя Соблазнитель превратился в пылкого воздыхателя. Все время, пока они были в приемной, Казанова стоял на коленях и, целуя белоснежные руки красавицы, умолял ее разделить его пылкую страсть, иначе он сгорит в ее огне. Венецианец, как всегда, был склонен к преувеличениям. Вместо

ответа насмешливая М. М. сообщила ему, что у нее есть любовник, и она его обожает. Он позволяет ей поступать как вздумается и брать в любовники других мужчин, ежели они могут доставить ей удовольствие. Перспектива делить красавицу с неведомым ему великодушным кавалером не только не разочаровала, но, напротив, распалила Казанову. Его актерская натура всегда жаждала зрительского успеха, которого ему зачастую недоставало в любовных связях, которые приходилось скрывать от глаз общества. Сейчас же ему предоставлялся уникальный случай завладеть красавицей, снискав аплодисменты ее поклонника; в успехе своем Казанова не сомневался. Шутливо отбиваясь от Соблазнителя, М. М. поведала ему, что носит парик и никогда не снимает рясы. «Прекрасно, — отвечал ей Казанова, — ряса возбуждает желание, а парик я попрошу вас надевать не при мне, а заранее». Неприязнь Соблазнителя к парикам вполне понятна: он обладал роскошной черной шевелюрой, вызывавшей зависть многих. Он заботился о своих волосах, на ночь всегда надевал ночной колпак или повязывал голову фуляром. Ряса же среди светских развратников считалась одеянием возбуждающим: соблазняя монахиню или молоденького аббата, они бросали вызов Господу и лелеяли собственную гордыню. Желая возбудить своих любовников, многие знатные дамы перед интимными свиданиями облачались в монашеские одеяния; для них шили специальные рясы из тонкой мягкой шерсти, дабы грубая ткань не причинила неприятных ощущений изнеженному женскому телу. Луиза-Анна де Бурбон-Конде, прославившаяся своими дерзкими любовными похождениями, которые она совершала под именем мадемуазель де Шаролэ, специально позировала художнику в рясе монаха-кордельера. Когда портрет был закончен, она приказала сделать с него несколько копий и разослала их своим любовникам.

Соблазнитель добился своего: М. М. назначила ему ночное свидание в маленьком уединенном домике на Мурано. Однако в первую ночь желаемого он не добился: после эротических игр красавица предложила Соблазнителю поужинать. Обильная и изысканная трапеза, щедро одобренная великолепным французским вином, сморила обоих влюбленных, и они заснули рядышком на канопе, так и не познав высот страсти. Оба проснулись утром от колокольного звона: М. М. пора было возвращаться в монастырь. А Казанову дома ожидало письмо от К. К.; «женушка» писала, что через щелку в стене наблюдала за его свиданием с М. М. в монастырской приемной и очень обрадовалась, увидев, что они с М. М. полюбили друг друга; она не ревнует его к М. М., ибо нежно любит их обоих. Соблазнитель не стал ни в чем разубеждать К. К., однако в

ответном письме на всякий случай поклялся ей в вечной любви.

Следующее свидание с М. М. привело Соблазнителя к желанной цели, то есть к обладанию своей новой возлюбленной. «Я никого не любил так, как люблю тебя», — взволнованно произнес Казанова. «Это самая сладостная ночь в моей жизни», — возбужденно прошептала она в ответ.

Высокая, стремительная, с великолепной каштановой шевелюрой, нежной кожей и голубыми глазами, с дивно очерченным ртом, изящными руками и великолепной грудью, с открытым лицом и решительным взглядом, М. М. обладала изысканной внешностью, природным изяществом и аристократической раскованностью манер. Умная, превосходно образованная, отличавшаяся великолепным здоровьем, она любила и умела получать наслаждение. Успев познать все стороны любовного искусства, она с видимым удовольствием пожинала плоды своих знаний. Пылкая, не знающая удержу, она была желанной гостьей как в храме Венеры, так и на острове Лесбос. Поведение ее осталось для Соблазнителя загадкой; предаваясь любви с этой умопомрачительной красавицей, он зачастую не понимал, кого же он держит в объятиях — знатную аристократку или продажную жрицу любви. Тем не менее у М. М. и Соблазнителя было много общего: броская красота, понимание счастья, стремление к изощренным наслаждениям, страсть к игре. Но М. М. была тоньше и умнее венецианца; скорее всего, она выбрала его своим любовником исключительно за пылкий темперамент, неизменно проявляемый им в постели.

Данное предположение основано на поведении ее первого и главного любовника, тридцативосьмилетнего французского посланника Франсуа-Жоашена де Берни. Злые языки утверждали, что своей карьерой он был обязан мадам де Помпадур, чьей благосклонности он сумел добиться. Де Берни отличался своим пристрастием к женскому полу; однако любовь посланника носила не столько действенный, сколько созерцательный характер: де Берни был вуайеристом, он предпочитал не столько заниматься любовью, сколько наблюдать, как ею занимаются другие. Поэтому он не возражал, чтобы его темпераментная любовница заманивала к себе в постель других мужчин. В домике, который он снял для нее, был специально оборудованный потайной кабинет, откуда через несколько просверленных в стене дырок можно было прекрасно видеть все, что происходило в комнате и смежном с ней алькове, где стояла кровать. На глазах у невидимого де Берни М. М. и Казанова предавались любовным усладам. М. М. не сразу сказала Соблазнителю, что за ними наблюдает ее любовник. В ответ она ждала возмущения и была немало удивлена, что

такового не последовало. Но как говорила знаменитая куртизанка Нинон де Ланкло, троица священна везде, даже в любви. Узнав о свидетеле, Казанова не только не рассердился, но, напротив, удвоил и утроил свои старания. Зная, что труды его оценивает зритель, он старался вовсю и за одну ночь попытался воспроизвести все тридцать пять поз, описанных в знаменитой непристойной книге Аретино^[36]. Видя чрезмерное усердие любовника, она стала опасаться за состояние его здоровья. Страхи М. М. оказались напрасны: Соблазнитель был здоров как бык, и ей, равно как и де Берни, оставалось только восхищаться неустойчивым венецианцем и его подвигами на любовной ниве.

Возвращаясь в монастырь после ночных приключений, М. М. имела привычку рассказывать обо всем, что с ней приключилось, своей милой подруге, юной и очаровательной К. К., таким образом, та была в курсе всех похождениях своего обожаемого «муженька». Долгое время М. М. не знала, что «муженек» ее подруги и ее новый любовник — одно и то же лицо. Обнаружилось это совершенно случайно. Находясь в монастыре, К. К. попросила Казанову под каким-нибудь благовидным предлогом передать ей свой портрет. Соблазнитель заказал художнику миниатюрное изображение святой Екатерины и свое собственное, а потом отдал оба изображения ювелиру, чтобы тот вмонтировал их в кольцо вместо камня. Ювелир сделал кольцо с секретом. Знающий секрет нажимал потайную пружину, крышка с изображением святой откидывалась и под ней в углублении оказывалось изображение Казановы. Подобный подарок Казанова сделал и М. М., лишь с той разницей, что для нее он заказал медальон, на внешней крышке которого была изображена сцена Благовещения. Открывалось украшение также с помощью секретного механизма. Обе картины и оба портрета исполнил один и тот же художник, поэтому девушки, увидев друг у друга эти украшения, сразу заподозрили, что подарены они одним и тем же человеком. Желая подтвердить зародившуюся у них догадку, они открыли заветные подарки и увидели внутри портрет Казановы. Открытие это несколько не смутило красавиц, напротив, дружба их стала еще нежнее: ведь теперь их связывала общая любовь к Соблазнителю! Каждая желала ему счастья, а потому видела в подруге не соперницу, а счастливую любовницу, дарящую радость любимому человеку.

Восторженная М. М. захотела сделать Казанове подарок. Она без предупреждения решила отправить на ночное свидание в маленький домик вместо себя К. К., с которой, как ей доподлинно было известно, Соблазнитель не виделся с того самого дня, когда ее заключили в монастырь. Привыкнув каждую ночь покидать монастырские стены, она,

ничего не сказав К. К. заранее, ближе к полуночи нарядила ее в свое платье и велела отправиться в маленький домик, предупредив, что к ней придет человек, о появлении которого она нисколько не пожалеет. Привыкнув во всем полагаться на подругу, К. К. не стала ее расспрашивать, а надев предложенную ей накидку, завернулась в нее и храбро села в гондолу. Ее доставили в маленький домик для свиданий, провели в гостиную, где был накрыт стол к ужину, и оставили одну. Без страха, однако недоумевая, К. К. стала ждать, что последует дальше. Подруга предупредила ее, что если в домик никто не придет, то она может поужинать и лечь спать, к утру за ней явится человек и отвезет ее обратно в монастырь. И вот, когда ожидание ей уже наскучило и Она взаправду собралась лечь спать, явился Казанова.

Удивлению обоих не было границ. Но если К. К., скорее, обрадовалась появлению любовника, то Соблазнитель, скорее, почувствовал себя обиженным. Во-первых, он понял, что, несмотря на все его старания, К. К. прекрасно знает, что он влюблен в М. М. Во-вторых, М. М. прекрасно знает, что он был любовником К. К. и до сих пор пишет ей любовные письма. Возможно, она захотела проверить его чувства, а потому прислала вместо себя К. К. Подобное предположение показалось Соблазнителю оскорбительным, и он, по-братски поцеловав прежнюю свою любовницу, разразился потоком слов, из которого та поняла, что поступок М. М. страшно оскорбил ее бывшего «муженька», и тот посчитал себя отверженным ею. Напрасно К. К. пыталась убедить Казанову, что М. М. действовала исключительно из добрых побуждений, желая доставить приятное им обоим, ибо знала, сколь долго они не виделись. Соблазнитель был непреклонен. К полуночи прислуга накрыла на стол, и К. К. с аппетитом поужинала. Казанова есть не смог: его самолюбие было уязвлено. Поверить в бескорыстие поступка М. М. его эгоистическая натура не могла; он дулся, обижался и, несмотря на всю нежность и кротость К. К., был с ней чрезвычайно холоден. Вскоре он разбился окончательно, отдал К. К. врученный ему М. М. ключ от дома, попросив передать его владелице, и распрощался со своей бывшей возлюбленной. На улице дул ледяной ветер, Соблазнитель был в легком маскарадном костюме Пьеро, и К. К. стала уговаривать его провести остаток ночи в доме. Но самолюбивый венецианец не стал слушать голос разума и отправился искать гондолу. С трудом отыскав гондольеров, согласившихся при таком сильном ветре отвезти его в палаццо Брагадина, Соблазнитель едва не утонул по дороге, закован в ветру и прибыл домой совершенно больной и разбитый. К вечеру следующего дня у него началась горячка, за ней последовал бред, а еще через день несчастный, весь в поту, он лежал в

постели, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Сильнейшая простуда — такова была цена упрямства разобиженного Любовника.

Казанову навестила Лаура, она принесла письма от К. К. и М. М. Теперь обе подруги пользовались ее услугами. Из писем, доставленных Лаурой, Соблазнитель узнал, что М. М. наблюдала за его свиданием с К. К. Поняв, что у любящих его женщин нет более секретов друг от друга, он написал им обеим письма, в которых до небес превозносил их благородство. История эта завершилась к вящему удовольствию Казановы: он вновь получил в свое распоряжение ключ от домика для свиданий и, оправившись от болезни, отправился туда, предупредив об этом М. М. В полночь она явилась к нему — блистательная, усыпанная драгоценностями, благоухающая дорогими духами; ночь они провели в объятиях друг друга. Утром, одеваясь, М. М. сообщила Казанове, что друг ее желает с ним познакомиться, и они договорились вместе поужинать.

В назначенный час исполненный любопытства Соблазнитель явился в известный ему домик, где, наконец, был представлен снисходительному любовнику своей красавицы, господину де Берни. Оказалось, они уже знакомы: во время пребывания Казановы в Париже их представили друг другу на обеде у венецианского посланника. Де Берни выразил удовольствие по поводу возобновления их знакомства: теперь, когда они связаны столь тесными узами, они непременно станут добрыми друзьями. За приятной беседой время летело незаметно. Как и положено французу, де Берни отдавал должное изысканному ужину, хвалил вина, выбранные Соблазнителем, и постоянно шутил. Постепенно разговор зашел о стечении обстоятельств, благодаря которым М. М. познакомилась с Казановой. М. М. принялась расписывать достоинства К. К., без которой знакомство их вряд ли бы состоялось; де Берни внимательно слушал, а затем сказал, что неплохо бы в следующий раз пригласить на ужин К. К. Возражать Соблазнитель не стал, он понимал, что рано или поздно К. К. будет для него потеряна. Обычно он легко расставался со своими любовницами, однако предпочитал делать это по собственному желанию, а не по воле обстоятельств, и уж тем более не по инициативе самой любовницы. Самолюбивый венецианец хотел сохранить красавицу К. К. для себя одного, но отказать посланнику, обходительному, в высшей степени любезному и сулившему ему свое покровительство, было невозможно. В результате очаровательная троица договорилась следующий вечер провести вчетвером. Соблазнитель догадывался, что рассказы М. М. о его «женушке» возбудили не только любопытство посланника, и тот вряд ли довольствуется одним лишь созерцанием прелестей К. К., но предотвратить

встречу он не мог. В конце концов он подумал, что соблазнить влюбленную в него красавицу будет задачей не из легких, и тем утешился.

Интимный ужин на четверых стал для К. К. своеобразным светским дебютом. Соблазнитель, бывший для нее не только любовником, но и наставником по части изысканных манер, мог гордиться «своей женушкой»: поведение ее было безупречно, смущалась она в меру, а на приветствие посланника ответила на его родном языке. Последнее тотчас было отмечено всеми собравшимися. Вечер получился прелестный. М. М. обращалась с посланником дружески, с Соблазнителем — уважительно, с К. К. — нежно и снисходительно. Де Берни внимательно слушал К. К. и при каждом удобном случае давал ей понять, сколь приятны ему ее речи. Соблазнитель, гордо взиравший на свою «женушку», время от времени задавался вопросом, не будет ли де Берни разочарован неопытностью К. К., разумеется, с его помощью она приобрела кое-какие познания в любовных делах, но до М. М. ей было еще далеко. А вдруг она разволнуется и вовсе все позабудет?! Но, завершив трапезу, посланник, а следом и обе дамы собрались уходить, и Соблазнителю оставалось только последовать их примеру. Расставаясь, все четверо с удовольствием условились о дне и часе очередного совместного ужина.

В назначенный час Казанова явился в домик для свиданий, обе подруги уже были на месте, посланника не было. Прошел час, но никто не появился. За это время Соблазнитель успел одарить нежными поцелуями обеих красавиц и похвалить их за взаимную склонность. Наконец прибыл посыльный с депешей от посланника: де Берни просил извинить его, но важные государственные дела принуждали его провести эту ночь за работой. Он изъявлял надежду, что через два дня они смогут встретиться в прежнем составе. Возражений не последовало, посыльный был отправлен сообщить своему господину вновь назначенный день и час встречи. Такой поворот событий несколько не смутил М. М., она предложила отужинать втроем. Пока слуги сервировали ужин, подружки весело перемигивались, украдкой лаская друг друга. Глядя на них, Соблазнитель чувствовал, что в эту минуту он вряд ли мог бы сказать, которая из них пробуждает в нем большее желание. С аппетитом поужинав, М. М. решила продолжить нескромные забавы. Раздевшись и забравшись на стоящую в алькове огромную кровать, М. М. и К. К. принялись воспроизводить позы, представленные на гравюрах, изображавших любовные баталии между женщинами. Долее оставаться в стороне Соблазнитель не мог, мгновенно раздевшись, он присоединился к красавицам, и лесбийские игры мгновенно перешли в любовь втроем. К. К. была брюнетка, М. М. —

блондинка, Соблазнитель хотел любить и одну, и другую, а подружки мечтали осчастливить своего общего возлюбленного. И вот, ко всеобщему удовольствию, Соблазнитель заключил в объятия сначала одну, а затем другую красавицу, и сначала одна, а потом другая вознеслись к вершине страсти. Любовник был неутомим, подруги состязались в великодушии, уступая друг другу право сражения с их милым другом на поле любовной брани, и вскоре все трое почувствовали настоящую потребность в отдыхе. Было решено немного поспать, а затем продолжить любовные сражения до того часа, когда для подруг настанет пора возвращаться в монастырь. Утро они провели еще более бурно. «Опьяненные сладострастием и возбуждающим питьем, мы все втроем в непрерывных порывах желания производили опустошение всего, что даровала нам природа зримого и осязаемого, набрасывались на все, что появлялось перед нашими взорами, и вскоре мы позабыли, кто в нашем трио мужского пола, а кто — женского», — вспоминал об этой ночи Казанова.

Соблазнитель был уверен, что посланник специально не явился на ужин. Де Берни подарил ему эту упоительную ночь любви, чтобы бывший любовник не препятствовал ему обольщать К. К. Казанова пребывал в томительном раздумье: отговаривать К. К. от ужина с посланником казалось ему малодушным, а стать свидетелем ее любви с де Берни не позволяло самолюбие. Как всегда, помог случай. Вечером того дня, когда был назначен ужин, у сенатора Брагадина случилось дело, потребовавшее присутствия его приемного сына, и Казанова с легким сердцем отправил в заветный домик записку, где просил его извинить за вынужденное отсутствие. На следующий день ему пришла весточка от М. М. и К. К., подруги, несколько не опечалившись, прекрасно провели ночь в обществе господина посланника, которому, разумеется, было далеко до неутомимости их милого друга, но они немало повеселились. От себя М. М. добавляла, что юная К. К. презрела условности и теперь также свободна. Из этих слов Соблазнитель сделал вывод, что его «женушка» с удовольствием предавалась любви с малознакомым ей мужчиной.

При невольном содействии де Берни Казанова окончательно расстался с мыслью жениться на К. К. С помощью посланника он приобщился к групповой любви, весьма распространенной среди аристократов, к которым знаменитый Любовник всю жизнь старался себя причислить. Новое эротическое развлечение пришлось ему по вкусу: во-первых, он бросал вызов моралистам и, во-вторых, удовлетворял свою подспудную страсть к эксгибиционизму. В дальнейшем Казанова с удовольствием принимал участие в дружеских ужинах в обществе посланника и спокойно взирал,

как тот отправлялся спать в обществе К. К., оставляя ему его ненаглядную М. М. Связь К. К. с де Берни, в сущности, развязала Соблазнителю руки в его отношениях с М. М. Мысли о К. К. больше не тревожили его, и он безоглядно развлекался с чаровницей-монахиней. По ночам он часто сопровождал ее в игорные дома. Играла она в основном удачно, а выигрыш складывала в шкатулку. Соблазнитель черпал из шкатулки, а иногда даже пополнял ее. С тех пор как он стал любовником М. М., ему везло в карты.

Но везение неечно. Неожиданно умерла мать К. К., отец девушки решил забрать ее из монастыря и выдать замуж. Сообщив об этом Казанове, К. К. заявила, что если он еще не отказался от своего намерения жениться на ней, она будет отказывать всем претендентам, ожидая, когда родные, наконец, согласятся на их брак. Соблазнитель был польщен, но так как для него вопрос о женитьбе уже не стоял, он стал уговаривать бывшую любовницу хорошенько подумать, прежде чем отказывать женихам. Продолжая клясться в вечной любви, он доказывал ей, что не может помышлять о браке, ибо не имеет ни стабильного дохода, ни положения в обществе. В «Мемуарах» он, однако, утверждает, что даже не связывая себя узами брака, он бы непременно нашел способ соединить судьбу К. К. со своею. Соблазнитель уверен, что его любовь — лучшая награда для женщины за любые неудобства...

Примерно в это же время М. М. сообщила Казанове о кончине у них в монастыре молодой монахини по имени Марта. Эта Марта, узнав, что М. М. и К. К. знают с Казановой, стала заклинять их не доверять ему. Расспросив М. М. поподробнее, Соблазнитель понял, что Марта есть не кто иная, как Мартон, одна из двух сестер, которых он, будучи молоденьким аббатом, волею случая сделал своими любовницами и несколько лет пользовался их ласками и гостеприимством. Известие о смерти Мартон ненадолго опечалило Казанову.

Тем временем де Берни был отозван из Венеции и отправлен посланником в Вену. Прощаясь с М. М., он взял с нее слово приехать навестить его, а дабы она ни в чем не нуждалась, он подарил ей маленький домик для свиданий вместе со всем его содержимым: дорогой мебелью и множеством шкатулочек, наполненных драгоценностями. Но М. М. не удалось воспользоваться подарком щедрого любовника: она заболела. Болезнь была тяжелой, и М. М. осталась в живых только благодаря чуду. К этому времени денег у нее больше не было; она постепенно распродала оставленные ей де Берни драгоценности. Как и во время болезни К. К., Соблазнитель снял комнату на Мурано, чтобы быть поближе к своей возлюбленной.

Верная Лаура, по-прежнему служившая ниточкой, связывавшей его с монастырем, предложила ему взять в услужение свою старшую дочь — пятнадцатилетнюю Тонину. Разумеется, Соблазнитель не удержался и совратил девушку, а потом отдал ее английскому посланнику Муррею, которому она так понравилась, что тот пообещал снять ей дом и назначить приличное содержание, равно как и позаботиться о ее ребенке, ежели она окажется беременной от Соблазнителя. Тонина сначала отказывалась переезжать к посланнику, уверенная, что ее милый Джакомо женится на ней, но Соблазнитель доходчиво объяснил ей, что он не только не создан для семейной жизни, но и, в отличие от Муррея, не в состоянии обеспечить ее. Желая оказать услугу посланнику и избавиться от начавшей его тяготить девушки, он обратился за помощью к Лауре, ее матери, дабы та уговорила дочь принять предложение англичанина. Лаура, у которой на руках были еще две малолетние дочери, сочла рассуждения Соблазнителя вполне разумными и, отчитав дочь, приказала ей быстро собрать нехитрые пожитки и перебираться к Муррею. Посчитав себя благодетельствованной, Лаура предложила оставшемуся без прислуги Казанове взять в услужение ее вторую дочь, бывшую всего на год младше Тонины. Соблазнитель согласился, и хотя Муррей не требовал от него резкого разрыва с Тониной и был готов делить с ним ласки хорошенькой девочки, он быстро осчастливил своей любовью юную Барберину. Продолжая, по его собственному признанию, любить М. М., Соблазнитель тем не менее не отказывался ни от Тонины, ни от Барберины, навещался в игорные дома, водил компанию с темными личностями и посещал злые места.

Если факт передачи Тонины Казановой Муррею сомнений не вызывает, то участие де Берни в истории с М. М. оспаривается рядом биографов посланника, прежде всего на основании заявления самого де Берни. «Прибыв в Венецию, я положил конец развращенным нравам, царившим в посольстве. У меня не было любовниц, и свободные вечера казались мне особенно долгими», — писал посланник в своих мемуарах. Но желчный д'Аржансон, саркастически отзывавшийся обо всех своих современниках, утверждал, что аббат де Берни был неженкой, лентяем и любителем слабого пола, в обществе коего он с удовольствием проводил ночные часы, после чего вставал с постели лишь к полудню. Если характеристика, данная д'Аржансоном де Берни, верна, значит, посланник мог скрывать свой роман с прекрасной монахиней. Недаром же М. М. долгое время не называла имя своего любовника, выпрашивая Казанову, не вращается ли он в кругах, приближенных к Государственному совету

Венецианской республики. Согласно обычаю патриций, причастный к правительству, не имел права общаться с иностранцами. Ослушника ждала смертная казнь. Только после того как М. М. сообщила де Берни подлинное имя, происхождение и положение темпераментного венецианца, посланник решился с ним встретиться. Таким образом, если версия тайной интрижки де Берни верна, то не исключено, что и история М. М. не является полностью плодом фантазии престарелого Любовника. Хотя в сущности все записки Казановы являются порождением его воображения, стремлением заново пережить любовные похождения молодости, вновь почувствовать себя неотразимым, ощутить на губах вкус поцелуев, почувствовать прикосновение рук к трепетной женской груди. Так разве важно, сколько в точности женщин любил Казанова — сто, двести или целых три тысячи? Скольких он вспомнил по именам, а сколько осталось за рамками его «Мемуаров»? Главное, он всегда любил в женщине самого себя, свою щедрость, свою расточительность, свое благородство, свои капризы, и любовь эта являлась основным смыслом его жизни.

Не давалась Соблазнителю только роль верного любовника. Ведь вокруг было столько белозубых улыбок, ослепительной красоты бюстов, нежных плеч и рук, осиных талий! Ноги, по утверждению Соблазнителя, оставляли его равнодушными. Ведь эта часть тела, в отличие от груди, была скрыта длинными юбками, а искусством приподнимать юбки так высоко, чтобы видна была подвязка от чулок (постепенно передвигавшаяся вверх по ноге к середине бедра), владели преимущественно аристократки, которых среди любовниц Соблазнителя, в общем, было не так уж и много. Актрисы, горожанки — вот та среда, где в основном одерживает свои победы неотразимый венецианец.

Так, сменив очередную венецианскую квартиру, Казанова влюбился в дочь квартирной хозяйки (вспомним юную парижанку Мими Кенсон). Девушка страдала от удушья, и хирургу то и дело приходилось пускать ей кровь. Узнав, что бледная красавица, будучи совершеннолетней, еще не имела месячных, Соблазнитель решил, что лучшим лекарством для нее будет сильный и здоровый любовник. Разумеется, эту роль Соблазнитель взял на себя и блистательно с ней справился. «Я был движим любовью и желанием излечить ее», — писал он. И, как это ему свойственно, прибавляет: «Я бы женился на ней...»

Причины, помешавшие Соблазнителю связать себя узами брака, на этот раз были достаточно серьезны. Его знакомство с де Берни и Мурреем навлекло на него подозрение в шпионаже: будучи приемным сыном сенатора, он вполне мог получить доступ к кое-каким государственным

секретам и торговать ими с выгодой для себя. Прямых доказательств шпионской деятельности Казановы не было, но его вечная нужда в деньгах ни для кого не была секретом, а его распутный образ жизни уже давно привлекал к Соблазнителю пристальное внимание инквизиции. Происшествие с молоденькой графиней Бонафедде также не способствовало его доброй славе. Тронувшаяся рассудком графиня выбежала на улицу в чем мать родила и с криками бросилась ему на шею, умоляя не отвергать ее. Разумеется, все сочли, что Казанова околдовал несчастную — так же, как некогда околдовал сенатора Брагадина. Хотя в случае с безумной девицей Соблазнитель был, скорее, жертвой, нежели обманщиком.

История его знакомства с семейством Бонафедде восходит ко временам ранней юности Казановы. Отец графини, тогда еще угловатой девочки-подростка в белом детском платьице, был приговорен к заключению в форте Святого Андрея. Он обратился к Казанове за советом, как можно с наибольшим комфортом (и наименьшими деньгами) устроить свою жизнь в крепости. Соблазнитель тут же надавал ему кучу советов и сделался приятелем графа. Вечно нуждавшийся граф готов был водить дружбу со всяким, от кого мог получить хотя бы пару цехинов. А Соблазнитель, всегда имевший склонность к несовершеннолетним, мгновенно влюбился в графскую дочку. На правах друга его стали приглашать в дом графа, где Соблазнитель с изумлением столкнулся не только с неприкрытой нищетой, но и вопиющей нечистоплотностью. Амурное его чувство мгновенно испарилось, и он, подарив девушке несколько цехинов, поспешил ретироваться. Увидев через несколько лет графа на улице, Казанова хотел улизнуть от него, но не успел: граф поймал его за рукав и принялся жаловаться на жизнь. Избавление обошлось Соблазнителю в десять цехинов. О графской дочке, он, разумеется, даже не помышлял. Но вскоре он столь же неожиданно встретил молодую графиню. Она не подурнела, однако на всем ее облике лежала печать нищеты. Графиня так усиленно зазывала Соблазнителя в гости, что он не смог отказаться. Приведя его в неопрятную квартирку, она бросилась ему в объятия, умоляя подарить ей минуту страсти. Казанова попытался предложить висевшей у него на шее графине деньги, но та была настойчива, и Казанова, не привыкший отказывать женщинам, скрепя сердце согласился исполнить ее просьбу. Ему пришлось отлучиться по нужде. Возвращаясь обратно, он перепутал дверь и вошел в соседнюю комнату, где обнаружил отца графини и еще двух подозрительных типов. Поняв, что его хотели заманить в ловушку, он поднял скандал, типы тотчас смылись, а следом за ними и граф, пробормотав что-то про неотложные дела. Разумеется, ни о какой любви

речи идти не могло. Бросив на стол десяток цехинов, Соблазнитель, не слушая оправданий графини, гордо удалился. Вероятно, от тяжелой жизни разум молодой графини помутился, отчего она и совершила упомянутый выше поступок, а затем надолго угодила в лечебницу для душевнобольных. Впрочем, для Соблазнителя это уже значения не имело: клеймо колдуна, одурманившего девушку приворотным зельем, прочно прилипло к нему.

Возможно, все бы и обошлось, если бы обвинителем Казановы выступало, так сказать, *общественное мнение*, но своими дерзкими выходками Соблазнитель навлек на себя гнев вполне конкретного человека, а именно сенатора Кондульмера. Сенатор владел одним из театров, где шли пьесы весьма посредственного сочинителя аббата Кьяри. Казанова освистывал комедии аббата, отчего зрителей, желавших их посмотреть, становилось все меньше, и наоборот, бурно аплодировал пьесам столь же посредственного автора патриция Дзордзи, чьи доходы от бесплатной рекламы ощутимо возрастали. Выбор Казановы объяснялся просто: синьора Дзордзи была его любовницей. И здесь Соблазнитель тоже перебежал дорогу Кондульмеру, давно и безуспешно добивавшемуся благосклонности очаровательной синьоры. Поэтому когда сенатор стал государственным инквизитором, у него появилась прекрасная возможность отомстить своему недругу, а у инквизиции оказался под рукой человек, готовый лично заняться делом дерзкого выскочки Казановы. В это же время в городе распространился сатирический роман «Удачливый комедиант» аббата Кьяри, главный герой которого разительно напоминал Соблазнителя. Затаив злобу на аббата, Казанова решил отомстить, то есть по своему обыкновению отколотить врага палкой, однако случая как-то не представлялось. Тут Казанова получил анонимное письмо, где ему советовали забыть о мести и позаботиться о себе, ибо над головой его уже сгустились грозные тучи.

Самолюбивый венецианец не придал значения анонимке, уверенный, что Брагадин сумеет защитить его от нападков врагов. Однако престарелый сенатор уже не обладал прежним влиянием, а родственники его имели зуб на приемного сына. Он досаждал им своим поведением, а также был претендентом на наследство. Поэтому Брагадин, узнав о письме неведомого доброжелателя, посоветовал Казанове на время покинуть город. Враг всяческого беспокойства, привыкший рассуждать как *свободный человек*, Соблазнитель не обратил внимания ни на слухи, ни на предупреждение и остался в городе. Дела его шли все хуже и хуже. Он проигрался, запутался в долгах и, пытаясь выйти из положения, решил заложить или даже продать бриллианты, данные ему М. М. Для этого он

пригласил к себе огранщика Мануцци, который, как потом оказалось, по совместительству служил шпионом инквизиции. Расхаживая по квартире Казановы, Мануцци заметил несколько трактатов по черной и белой магии, а также руководство по общению с духами. Заявив, что он знает людей, которые готовы купить такие книги за большие деньги, Мануцци предложил Соблазнителю их продать. Сильно нуждавшийся в деньгах, Казанова согласился, и Мануцци забрал книги с собой, но через несколько дней вернул, объяснив, что покупатель передумал. На самом же деле Мануцци носил их инквизиторам. Обвинение в чернокнижии было готово, к нему присоединилось обвинение в богохульстве и атеизме; нашлось немало свидетелей, утверждавших, что, проигрывая, Казанова призывал дьявола, не соблюдал посты, в церковь ходил только на праздничные мессы и — наверняка! — был франкмасоном. В полицейских донесениях Казанову называли «литератором, склонным к интриганству», «вымогателем» (имея в виду его жизнь в доме Брагадина), развратником, игроком, растлителем несовершеннолетних, развратителем умов и завистливым критиканом (имея в виду его ехидные сатиры на аббата Кьяри). Некая синьора Меммо, с сыновьями которой Казанова был дружен, подала жалобу, утверждая, что нечестивый чернокнижник склоняет ее сыновей к атеизму.

Старый Брагадин умолял Казанову покинуть Венецию, сулил ему деньги и рекомендации.

— Уезжай, друг мой, завтра может быть уже поздно. Если тебя осудят инквизиция и Верховный суд, я ничем не смогу тебе помочь.

— Мое бегство подтвердит мою виновность, а я не чувствую за собой никакой вины. И потом, если я уеду, как знать, не приговорят ли меня заочно к вечному изгнанию?

Убедившись, что Казанова непреклонен, сенатор тяжело вздохнул и отправился помолиться за своего непутевого приемного сына. Сердце подсказывало ему, что они больше не увидятся.

ТЮРЬМА ПЬОМБИ. ПОБЕГ

Рано утром 26 июля 1755 года полицейские во главе со своим начальником, мессером гранде, вторглись в квартиру Авантюриста и, взяв под стражу ее хозяина, препроводили его в Пьомби, Свинцовую тюрьму. Тюрьма располагалась непосредственно при Дворце дожей и получила свое название из-за крыши, покрытой свинцовыми пластинками толщиной в три сантиметра. Разодетый словно на свадьбу, Казанова отправился в тюрьму в новом «прелестном» (по его собственному определению) костюме. Его привели в тесную камеру с низким потолком, где не было ни стула, ни кровати, а одна лишь лохань для отправления естественных надобностей. В зарешеченное оконце, выходившее на чердак, с трудом пробивался тусклый свет. По чердаку вальяжно разгуливали жирные крысы величиной с кошку, и Казанова с ужасом подумал, что они вполне способны проникнуть и в его камеру. Облокотившись о подоконник, узник провел в сей неудобной позе несколько часов, мрачно глядя на фланирующих крыс и размышляя, какие обвинения ему могут предъявить. Он понимал, что вел жизнь далеко не праведную, однако преступником себя не чувствовал, ибо никогда не нарушал законов Венецианской республики. Тюремщик не показывался. Тогда Соблазнитель, не раздеваясь, растянулся прямо на полу и заснул. Проснулся он от страшного холода, пошарив вокруг себя, он с ужасом натолкнулся на застывшую руку. Решив, что, пока он спал, с ним рядом положили труп какого-нибудь бедняги, скончавшегося в этих мрачных застенках, он принялся ощупывать конечность и с удивлением обнаружил, что это его собственная левая рука, заледеневшая на холодном полу. «Приключение было забавным, но меня не развеселило», — написал Казанова, вспоминая о своем пребывании в Пьомби.

В семь утра явился тюремщик и спросил Казанову, чего ему надобно принести.

— Вам здесь сидеть еще долго, — ехидно усмехнулся он.

Узник составил список вещей, которые могли ему пригодиться в тюрьме. Наряду с кроватью, столом, креслом, бельем, шлепанцами и ночными колпаками он указал и книги.

Вычеркнув все колющие и режущие предметы — бритву, нож и вилку, а также книги, бумагу, перья и чернила, тюремщик спросил:

— Что будем кушать? Коли у вас есть денежки, заказывайте.

Республика содержала своих заключенных впроголодь, но те, кто мог

платить, имели право заказывать обеды в соседней трактирии. Казанова попросил мяса и супа и вручил тюремщику цехин на расходы. Еда пока не слишком волновала его, у него совсем не было аппетита. Более всего его огорчил запрет на получение книг. Желая утешить нестроптивного узника, тюремщик сказал, что у начальства есть дозволенные для чтения книги и он может принести их ему. Казанова приободрился, ведь он опасался, что, не имея возможности занять себя чтением, он вскоре сойдет с ума от скуки. Бездействие всегда было главным его врагом. Поэтому когда ему принесли заказанные вещи и обед, он принялся по возможности комфортабельно обустроить свой быт.

Поначалу Казанова был рад, что оказался в одиночестве, соседство воров и убийц его пугало не меньше, чем соседство с крысами. Но вскоре отсутствие собеседников стало нестерпимым, теперь он был бы рад любому товарищу по несчастью, даже умалишенному и прокаженному. Одиночество лишало его сна и аппетита, невозможность писать усугубляла гнетущее настроение. «Если узник причастен к изящной словесности, дайте ему письменный прибор и бумаги: горе его станет на девять десятых меньше», — напишет он позже в своих «Мемуарах». Не имея возможности утолить свою печаль на бумаге, он невзирая на плохое освещение начал читать и быстро осилил присланный ему тюремным начальством труд испанской визионерки сестры Марии Агреды^[37] под названием «Град мистический». Автор, разумеется, хотел укрепить читателя в вере, однако на Казанову сочинение сие произвело обратное впечатление: и мистика, и церковное учение показались ему пустыми выдумками.

В октябре произошла смена инквизиторов. Казанова, которого до сих пор не удосужились даже допросить, был твердо уверен в своей невиновности. Он полагал, что попал в тюрьму по ошибке или из-за происков своих врагов, пожелавших проучить его. Он был уверен, что новое начальство отпустит его или хотя бы предъявит ему обвинения, и тогда он сможет оправдаться и выйдет на свободу. Но надежды его не сбылись. Впав в отчаяние, он принялся проклинать и Республику, и трибунал инквизиции, и само правосудие. От жгучей обиды у него началась лихорадка, расстроилось пищеварение. К счастью, тюремный лекарь оказался человеком жалостливым и облегчил страдания несчастного главным образом тем, что выхлопотал у начальства разрешение покупать книги. Он понимал, что хорошее чтение подействует на узника лучше всяких снадобий и отваров.

Какое-то время Казанова действительно чувствовал себя лучше. Ему принесли его любимого Ариосто, и он с наслаждением, позабыв про

духоту, грязь и крыс, наслаждался виршами великого поэта. Ариосто укрепил его дух. И когда им вновь овладела страшная мысль, что никакого суда и следствия не будет, а его просто оставят навечно гнить в этой мерзкой камере, он принял бесповоротное решение: бежать. Он убежит, или пусть его лучше убьют. С этой поры Казанова принимается самым тщательным образом обдумывать возможность побега. Он размышляет, анализирует, присматривается.

Как-то раз во время уборки камеры узник и тюремщики ощутили сильный толчок, от которого задрожали стены. Растерявшиеся тюремщики замерли, а Казанова в восторге закричал:

— Еще! Еще! Тряхни-ка их покрепче! (Просьба его, видимо, была адресована Богу.)

Опасаясь, что заключенный сошел с ума, тюремщики выскочили вон и заперли камеру. Вскоре еще один толчок сотряс Дворец дожей и тюрьму Пьомби, затем все стихло. Это были отзвуки знаменитого землетрясения 1755 года, разрушившего Лиссабон.

Катастрофа не задела Венецию, дворец и тюрьма по-прежнему стояли прочно, и Казанове ничего не оставалось, как вновь начать обдумывать возможности побега. Так как тюремные камеры были расположены непосредственно над залом, где заседали инквизиторы, то наиболее реальным представлялось проделать дыру в полу, пробраться в зал, а там, изловчившись, выскользнуть на улицу. Но где взять инструмент, чтобы проделать дыру? И что делать, если по дороге наскочишь на стражника? Кто-нибудь иной, возможно, и отказался бы от побега, но не Казанова. Уверенный в себе и в помощи Фортуны, которая, как известно, помогает прежде всего молодым и энергичным, он считал, что если человек что-нибудь замыслит и станет заниматься исключительно осуществлением своего плана, то непременно добьется своего.

Мысль о побеге не покидала Казанову ни на секунду. В это время судьба начала посылать ему товарищей по камере. Первым стал юный парикмахер, соблазнивший графскую дочку. Сохраняя честь семьи, граф с помощью своих связей упрятал юношу в тюрьму без суда и следствия. Юный парикмахер недолго составлял компанию Казанове, вскоре его сменил преклонных лет ростовщик. Казанова, получивший разрешение на ежедневную получасовую прогулку по тюремному чердаку, исследуя предоставленную в его распоряжение площадку, нашел в углу груды старой рухляди. Его внимание привлек осколок черного мрамора. Не зная, зачем он может ему пригодиться, Казанова на всякий случай принес его в камеру и спрятал под стопку рубашек. К этому времени благодаря стараниям

Брагадина в камере Казановы было уже много полезных вещей, облегчавших его тюремное прозябание. К примеру, в первый день нового, 1756 года узник получил множество разных подарков: халат на лисьем меху, ватное одеяло и медвежью полость для ног. Все это были дары сенатора. Теперь зимой, когда в камере стоял жуткий холод, ему было тепло. Летом Казанова, раздевшись догола, садился в кресло и замирал, покрываясь потом.

Чердак стал для Казановы источником полезных находок. В следующий раз он принес с прогулки железный засов. Покрутив засов в руках, он понял, что, заточив его, можно получить превосходный инструмент, пригодный для выдалбливания дыры в полу. Превратив принесенный им кусок мрамора в точильный камень, Казанова постепенно изготовил себе железное орудие с острым как бритва лезвием. Обдумывая побег, Казанова решил, что отверстие в полу удобнее всего проделать у него под кроватью, оставалось только найти время для работы. Лучшим временем были долгие зимние вечера, нагонявшие на узника страшную тоску. Однако долбить камень в полном мраке было невозможно; значит, следовало раздобыть или смастерить масляную лампу. Первое было невозможно, оставалось второе. Кастрюлька, куда можно было налить масло, у него имелась, в ней ему варили яйца. Имелось также масло, которым узник заправлял себе салат. Фитили он сделал из ниток и ваты, надергав их из одеяла. Чтобы зажечь лампу, требовались кремень, огниво, сера и трут. Серные спички, зажигавшиеся от тлеющего уголька, дал ему сам тюремщик, когда Казанова попросил у него немного серы, чтобы вылечить появившуюся на руках коросту. Этот же тюремщик принес ему и несколько кусочков кремня, который, по словам узника, был ему нужен для снятия зубной боли. Он сказал, что, если вымочить кремень сутки в уксусе и приложить к больному зубу, боль проходит. Трут Казанова добыл из собственного кафтана, где из него были сделаны прокладки под мышками, дабы на ткани не проступали пятна пота. Огнивом должна была послужить стальная пряжка от штанов. Собрав вместе все необходимые предметы и вещества, Казанова налил масла в кастрюльку, зажег фитиль. Отныне с темнотой было покончено! Только венецианцу пришлось распрощаться с любимым салатом, ибо теперь все масло уходило на освещение, но в надежде на скорое избавление он не особенно горевал об этом.

Едва Казанова приступил к подготовительным работам, как в камеру к нему поместили третьего по счету сотоварища по несчастью. На этот раз им оказался всем известный еврей Габриэле Шалона, прославившийся своим «искусством помогать молодым людям добывать себе денег

скверными делишками». Казанова был знаком с ним. Еврей оказался преме́рским соседом: он спал днем, бодрствовал ночью и расталкивал Казанову, умоляя поговорить с ним. Еврей страдал от бессонницы. В конце концов обозленный Соблазнитель пригрозил придушить навязчивого собеседника, и тот от него отстал. Однако работать над подкопом в его присутствии было невозможно.

Наконец назойливого сотоварища перевели в другую камеру, и Казанова с замиранием сердца приступил к осуществлению своего замысла. Отодвинув кровать, из-под которой уже несколько месяцев не выметали мусор, ибо он притворился, что от поднимающейся во время уборки пыли у него развивается болезнь легких, он своим остро отточенным инструментом начал вгрызаться в деревянный пол, собирая в салфетку отлетающие в стороны щепочки. Две ночи при свете самодельной масляной лампы он проделывал отверстие, в деревянном полу, а днем во время прогулки украдкой выбрасывал щепки и древесное крошево за груды мусора на чердаке. Чердачный угол, где он нашел свой теперешний инструмент, был захламлен настолько, что ни один тюремщик не сумел бы обнаружить среди кучи валявшегося там старья и пожелтевших бумаг тщательно разбрасываемые Казановой щепки. На третий день узник добрался до перекрытия из мраморных блоков и с горечью обнаружил, что инструмент его перед ним бессилён. Тогда он, вспомнив, как древние, желая расколоть скалу, поливали ее уксусом, вылил в проделанное отверстие бутылку уксуса и на следующий день возобновил работу. Смоченный уксусом мрамор, а особенно скреплявший его по швам цемент не крошился, но процарапывался, и в четыре дня Казанова одолел и мраморное перекрытие. Оставалось проделать дыру еще в одном слое досок.

Завершить свой труд Казанова не успел, к нему снова доставили сокамерника. Теперь это был граф Фенароли, аббат из Брешии, человек обходительный и известный в обществе. Товарищи по несчастью обнялись и расцеловались, как старые друзья. Аббат, угодивший в Пьомби за невинный разговор с венским посланником, рассказал о слухах, ходивших о Казанове после его заключения в Пьомби. Соблазнителя называли основателем новой религии, атеистом, нарушителем общественного порядка, но, как уверял Фенароли, никто, кроме Кондольмера, зла на него не держал. Разомлев от отличного обеда, коим угостил его аббат, Казанова поведал ему о своих планах и даже показал дыру и веревку, с помощью которой он собирался спуститься вниз через проделанное им отверстие. Бежать вместе с ним аббат отказался и даже стал отговаривать товарища по

несчастьем от опасного предприятия. Но Казанова стоял на своем и, когда аббата перевели в другую камеру, назначил себе день побега: накануне праздника святого Августина, в ночь на 27 августа.

Но 25-го числа случилось событие, едва не стоившее узнику если не жизни, то по крайней мере надежд на скорое освобождение. Ранним утром в камеру заявился тюремщик (его звали Лоренцо) и приказал быстро собираться. Пришел приказ перевести Казанову в другую, более удобную камеру с высокими потолками, располагавшуюся под самой крышей тюрьмы, по словам Лоренцо, оттуда открывался прелестный вид на лагуну. Что касается вида, он, конечно, преувеличил, но в остальном камера, действительно, была более просторной и светлой, а в крохотные окошки задувал свежий морской бриз. Однако Казанова шел как на казнь. Рухнув в принесенное стражником из прежней камеры кресло, он с ужасом ждал, когда вернется Лоренцо, отправившийся за его постелью и оставшимися вещами. Сдвинув кровать, тюремщик просто не мог не увидеть дыру, которую он проделал в полу.

Прошел час, затем другой, дверь темницы Казановы оставалась открытой, но никто не появлялся. Мысли узника были мрачнее ночи. Он вспомнил о существовании девятнадцати подземных камер, именовавшихся колодцами. Пол в них всегда был покрыт слоем морской воды, отчего заключенным, не желавшим целыми днями стоять в ней по колено, приходилось сидеть на козлах, где лежали тюфяки и куда по утрам надзиратели клали скудный дневной тюремный паек, состоявший из воды, супа и куска хлеба. Выбраться из колодца не было никакой надежды, умереть, чтобы тем самым прервать свои мучения, — тоже. Один заключенный прожил в подземной камере тридцать семь лет. Но Казанову такая жизнь решительно не устраивала. За то время, пока стражники и тюремщик отсутствовали, он собрался с духом и решил дорого продать тюремный комфорт и надежду на спасение. Поэтому когда к нему с гневными воплями ворвался Лоренцо с требованием отдать инструмент, которым он проделал дырку в полу, и признаться, кто ему этот инструмент принес, венецианец нахально заявил, что не знает, о каком, собственно, инструменте идет речь. Тюремщик приказал обыскать узника, и тот охотно разделся догола. Перетряхнув все вещи Казановы, стражники ничего не нашли. В ярости Лоренцо распотрошил подушку сиденья кресла, и венецианец возблагодарил судьбу, что гнев его обрушился не на спинку, где был спрятан его железный инструмент. Тюремщик продолжал бушевать, а Казанова спокойно заявил, что если он действительно проделал в полу отверстие, значит, Лоренцо сам принес ему инструменты, и он, Казанова,

ему их и вернул. Услышав такой ответ, стражники, стоявшие поодаль, оглушительно расхохотались. Поняв, что победа осталась за ним, Казанова успокоился. Лоренцо было невыгодно терять подопечного, от которого ему перепало немало денег, и он решил скрыть его проступок от начальства.

Тем не менее отношение его к Казанове резко переменилось: он стал носить ему плохую еду, перестал выносить лохань для нечистот и каждое утро присылал стражников простукивать стены и пол камеры — особенно под кроватью. Приметив, что стражники никогда не стучали в потолок, Казанова впервые задумался о возможности бегства через крышу. Просидев неделю в душной камере, ибо Лоренцо наглухо закрыл оба окна, и испытывая постоянный голод, так как приносимую ему пищу нельзя было есть без риска отравиться, Казанова взбунтовался. И когда в урочный час явились Лоренцо со стражниками, он громогласно потребовал у тюремщика отчета о деньгах, выделяемых на содержание узника Государственным советом, а также тех средствах, которые давал ему сам Казанова, дабы тот покупал ему пристойную еду. Видя растерянность Лоренцо, Казанова решил закрепить успех; обозвав тюремщика палачом, он схватив переполненную лохань и пригрозил выплеснуть ее в коридор. Устрашившись душа из зловонной жижи, стражники поменяли лохань и проветрили камеру. Утром Лоренцо принес Казанове корзину свежих лимонов, присланных ему Брагадином, поставил на стол приятного на вид жареного цыпленка и большую бутыл свежей воды для питья. Затем тюремщик представил Казанове отчет в расходовании его средств, и узник великодушно предложил тюремщику взять оставшиеся деньги себе — на подарки жене. Мир был восстановлен. На всякий случай Казанова еще раз пригрозил тюремщику, что если тот донесет на него, головы ему не сносить: он сумеет убедить инквизиторов в том, что Лоренцо помогал ему готовить побег. «Помалкивайте и не забывайте, что я бедный человек и у меня дети», — сказал на прощание тюремщик Казанове.

Мысль о побеге не покидала Казанову ни на минуту, но определенного плана у него пока не было, и он, пользуясь тем, что новая камера была значительно светлей прежней, принялся читать книгу за книгой. Когда же имевшиеся у него под рукой книги кончились, он велел Лоренцо купить ему новые. Тюремщик принялся убеждать его не входить попусту в расходы, а обмениваться книгами с другими заключенными — такими же умными головами, как сам Казанова. Идея пришла Соблазнителью по душе не столько из-за сокращения расходов, сколько из-за возможности завязать переписку с товарищами по несчастью, каковые, вполне возможно, могли оказать ему содействие в побеге, план которого уже почти сложился

у него в голове.

Расчеты Казановы оказались верны, уже в первой присланной ему в обмен книге лежал тонкий листок бумаги с написанными от руки стихами Сенеки, смысл которых был ясен: владелец книги приглашал его к переписке. Не имея письменных принадлежностей, изобретательный венецианец заострил длинный ноготь мизинца и, макая его в сок тутовых ягод, на том же листочке написал ответ, сопроводив его списком имевшихся у него при себе книг. Так Казанова завязал переписку с аббатом Марино Бальби, венецианским дворянином и монахом ордена сомасков, сидевшим вот уже четыре года в соседней камере в обществе семидесятилетнего графа Андреа Асквини. Бальби угодил в тюрьму за любвеобильный и великодушный нрав: три невинные девицы родили ему трех бастардов, он крестил всех троих и всем троим дал свое имя, дабы оно служило им поддержкой в жизни. Отец настоятель, поначалу лишь предупредивший его о недопустимости столь откровенного признания своих пороков, во второй раз открыто пригрозил ему, а после рождения третьего бастарда упек его в тюрьму. Далее следовал небольшой пасквиль на настоятеля, питавшего, как писал Бальби, пристрастие исключительно к юным послушникам. Столь же скверно отзывался Бальби и о своем соседе по камере, престарелом графе, чьими книгами и деньгами он, тем не менее, пользовался без всякого стеснения. Далее Бальби поведал Казанове его собственную историю про дыру в полу камеры, прибавив, что Лоренцо вызывал плотников и каменщиков, заделавших отверстие и жизнью своей поклявшихся никому об этом не рассказывать. Бальби добавлял, что если бы Казанова бежал, Лоренцо не сносить бы головы. У Бальби был свой доверенный тюремщик по имени Никколо, который сообщал ему тюремные сплетни, имена узников, а также втайне покупал на воле вино и книги. Этот Никколо поведал ему, что Брагадин обещал Лоренцо тысячу цехинов, если тот сумеет организовать Казанове побег, но Лоренцо хочет не только получить цехины, но и сохранить за собой место, а это, согласитесь, весьма непросто. В заключение аббат просил Казанову сообщить, как ему удалось получить необходимые инструменты. Дабы облегчить написание ответа, он переправил Казанове под корешком книги бумагу и карандаш.

Из писем Бальби Соблазнитель составил себе представление о его характере: сластолюбив, тщеславен, глуп, неблагодарен, нескромен. Но падре был молод (тридцать восемь лет), энергичен и не лишен определенного здравомыслия. Не оставляя помыслов о бегстве, Казанова понимал, что в одиночку ему не справиться, поскольку за ним установлен бдительный надзор. Сообщник был необходим как воздух, и за неимением

лучшего он остановил свой выбор на Бальби, тем более что тот своими настырными вопросами об инструментах явно давал ему понять, что также не прочь попробовать покинуть стены темницы.

Согласно плану Казановы Бальби должен был увешать стены и потолок своей камеры большими благочестивыми гравюрами, одной из которых предстояло закрывать будущую дыру. Затем он должен пробить потолок, выбраться на чердак, проделать дыру в разделявшей их стене, добраться до потолка камеры Казановы, продолбить его и вытащить Авантюриста наружу. Далее автор сего замечательного плана брал дело побега в свои руки и обещал вывести наружу и аббата, и его соседа, престарелого графа. Поломавшись, Бальби согласился, оставалось сделать самое трудное: передать ему заточку. Легкомысленный падре предложил завернуть ее в роскошную лисью шубу и попросить тюремщика отнести шубу к ним в камеру. Лоренцо сам рассказал им про эту шубу, и граф Асквини пожелал взглянуть на нее, дабы приобрести себе на зиму такую же. Казанова идея не понравилась, однако он не стал разубеждать партнера, а поставил эксперимент: свернул шубу и вручил ее Лоренцо. Буквально через четверть часа тюремщик вернул шубу развернутой и сообщил, что графу она понравилась. Вскоре от Бальби принесли книгу, а в ней письмо, где аббат в отчаянии сообщал, что Лоренцо доставил шубу развернутой, а заточку, вероятно, нашел и спрятал в карман. В отчаянии падре упрекал Казанову, зачем тот его послушался. Результат был достигнут. Казанова попросил аббата впредь советов не давать, соблюдать осторожность и во всем ему подчиняться. Затем он утешил его, написав, что даже не думал посылать заточку в шубе, ибо способ этот с самого начала показался ему ненадежным.

Казанова решил переслать заточку в корешке Библии большого формата; однако инструмент оказался длиннее книжного корешка на два дюйма. Чтобы Лоренцо не заметил торчащий из переплета острый предмет, Авантюрист решил вместе с Библией переправить соседям блюдо макарон собственного приготовления. Он сказал, что хочет отблагодарить их за книги. Не обнаружив преступного умысла в желании узника побаловать себя и соседей макаронами в честь праздника святого Михаила^[38], Лоренцо принес в камеру Казановы два огромных блюда, котел кипящих макарон и жаровню для разогревания масла. Выкладывая макароны на блюда, Авантюрист обильно поливал их маслом и слегка присыпал сыром пармезаном. Затем, водрузив одно блюдо на Библию, он вручил сооружение Лоренцо. Тюремщик попытался было отказаться нести столь громоздкую конструкцию, уверяя, что безопасней будет донести сначала блюдо, а потом

книгу. Но Казанова объяснил, что и Библия, и макароны являются его праздничным подарком любезным соседям, следовательно, их надо доставить разом, иначе сюрприза не получится. Не имея оснований ссориться с Казановой, Лоренцо, вздыхая, согласился. Теперь взор его был устремлен исключительно на переполненное блюдо. Ему не хотелось его опрокинуть. Наблюдая в дверное окошко, как Лоренцо шаркает по коридору, держа на вытянутых руках огромную Библию и стоящее на ней полное блюдо плавающих в масле макарон, Казанова с трепетом ждал условного сигнала. Послышался звук отпираемого замка и через несколько минут громовое сморкание — сигнал, которым Бальби подтверждал, что весь подарок в целости передан ему прямо в руки.

Аббату понадобилась неделя, чтобы пробить отверстие в потолке своей камеры, и около двух недель, чтобы долбить дыру в стене и добраться до потолка камеры Казановы. Оставалось сделать последнее усилие, и путь на чердак, а с него на крышу был бы свободен. Но тут к Казанове в камеру посадили мелкого негодяя, доносчика и святошу Сорадачи. Бальби пришлось прервать свою работу, а Казанове срочно изобретать способ, как устранить или хотя бы нейтрализовать неожиданного свидетеля. Для начала он, прикинувшись ревностным богомольцем, несколько часов подряд читал с Сорадачи молитвы, затем напоил его красным вином и накормил отменным обедом с чесноком, до которого Сорадачи был большой охотник. Расположив к себе сокамерника, Казанова терпеливо выслушал его рассказ о том, как тот, всю жизнь писавший доносы на других, сам угодил в тюрьму на основании доноса. Казанова был уверен, что субъекта, полагавшего, что «шпион есть не кто иной, как друг общественного блага, бич преступников и верный подданный своего государя», вряд ли станут долго держать в тюрьме. Однако любое промедление вызывало у Авантюриста живейшее раздражение, поэтому он решил действовать, не дожидаясь освобождения Сорадачи. Узнав, что сокамерника собираются вызывать на допрос, он «под большим секретом» доверил ему письма, умоляя, в случае быстрого освобождения, доставить их адресату (господам Брагадину и Гримани). Поклявшись при первом же удобном случае выполнить просьбу любезного соседа, Сорадачи зашил письма (в которых Джакомо просил прислать ему к зиме теплые ботинки на меху) в куртку, засунув их между тканью и подкладкой. Теперь оставалось ждать первого же допроса Сорадачи. Если он по-прежнему исполнял свое ремесло доносчика, он должен был передать их секретарю. Если же письма останутся в куртке, значит, на него можно положиться.

Утром следующего дня Сорадачи вызвали на допрос, а вечером Казанова попросил вернуть ему одно письмо, дабы приписать к нему еще несколько чрезвычайно важных строчек. Бросившись на колени, доносчик заявил, что со страху отдал письма секретарю. Авантюрист притворился, что ему плохо, распростерся перед образом Святой Девы, поклялся отомстить предателю, а потом упал на кровать и целый день пролежал молча, отвернувшись лицом к стене и делая вид, что не слышит покаянных воплей своего сокамерника. В это время в голове у него вызревал план побега. Зная, что три первых дня ноября государственные инквизиторы проводили вдали от города, а тюремщики по этому поводу напивались и являлись на пост не раньше полудня, бежать следовало в одну из этих ночей. Желая на всякий случай узнать поточнее, когда судьбе будет угодно предоставить ему свободу, Авантюрист решил посоветоваться со своим оракулом, проще говоря погадать на любимой книге, поэме Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд». Этот способ гадания именовался «вергилиев», ибо гадали в основном на Библии или поэмах Вергилия. Но Казанова решил обратиться к своему любимому автору. Гадание по книге до сих пор весьма популярно, однако время упростило его: достаточно взять книгу, назвать наугад номер страницы и строки (сверху или снизу) — и пожалуйста, ответ готов, гадающему остается только растолковать его. У Казановы этот процесс был значительно более сложным: вопрос, обращенный к оракулу, сначала записывался словами, затем цифрами, и после ряда хитроумных вычислений определялись страница и строка, а в случае с поэмой — еще и песня. Наконец любимая книга дала ответ: *Tra il fin d'Ottobre e il capo di Novembre*, «Между концом октября и началом ноября». Ободренный Казанова придумывает хитроумный план, в результате которого Сорадачи должен либо бежать вместе с ним, либо добровольно остаться в тюрьме. Суть плана состояла в том, чтобы поразить воображение злобного, но недалекого доносчика и не дать ему возможности погубить беглецов.

Казанова блестяще справился с поставленной задачей, убедив фанатичного Сорадачи, что Святая Дева прощает ему предательство Казановы и даже посылает им обоим своего ангела, дабы тот вызволил их из темницы. Роль ангела предстояло сыграть Бальби. Сообщив аббату час, когда тот, пробив потолок, должен был явиться к ним и вывести их обоих на чердак, откуда им под руководством Казановы предстояло пробраться на крышу, а затем спуститься по веревке вниз, Авантюрист принялся *обрабатывать* доносчика. Он то простирался ниц перед образом Мадонны, увлекая за собой незадачливого соседа и заставляя его

громогласно читать молитвы, то обрызгивал стены камеры, а заодно и Сорадачи, святой водой из огромной бутылки, принесенной по его просьбе Лоренцо, то спаивал его вином и кормил чесноком, то на разные голоса увещевал запуганного до смерти шпиона бросить богопротивное ремесло, грозя ему в случае неповиновения всеми мыслимыми и немыслимыми карами. Не привыкнув ни быстро соображать, ни иметь дело с людьми темперамента Казановы, Сорадачи сник и смиренно исполнял все указания своего энергичного сотоварища. И когда под треск ломаемых досок из дыры в потолке к ним в камеру спрыгнул бородатый аббат Бальби, перепуганный шпион, некогда работавший брадобреем, по приказу Казановы безропотно побрил и ангела, и Авантюриста ржавой половинкой ножниц. Затем, увязав в узелок немного белья, беглецы перебрались в камеру к графу, и пока Бальби собирал свои пожитки, а граф расписывал опасности задуманного предприятия, Казанова проник на чердак и проделал отверстие в крыше, вполне достаточное, чтобы сквозь него мог пролезть взрослый человек. Оставалось только сдвинуть свинцовую плиту, и путь был свободен. Веревку, свитую из простыней и салфеток, Авантюрист изготовил заранее.

Тем временем граф Асквини наотрез отказался от побега. Его возраст, комплекция и больная нога не позволят ему благополучно спуститься с крыши, а тем более переплыть канал. Свинцовые плиты чрезвычайно скользкие, глубина канала возле стен дворца невелика, вода не смягчит падения, и даже тот, кто умеет плавать, рискует сломать себе шею. Обещания Казановы вынести его на себе впечатления не произвели, он продолжал накалять страсти и в результате до смерти перепугал аббата Бальби, принявшегося упрекать Казанову за то, что тот плохо подготовил побег и ничего как следует не продумал. Авантюрист едва сдержался, чтобы не поколотить мерзкого аббата. Но пришлось смириться; пока Бальби был ему необходим.

Следом за графом отказался от побега и Сорадачи, чему Казанова в душе несказанно обрадовался. Внутренний голос давно нашептывал ему, что общество этого человека сулит одни несчастья. Запуганный шпион успел разобраться что к чему, однако вера в сверхъестественные таланты Казановы у него, по-видимому, еще сохранилась, и он стал уговаривать Авантюриста оставить его в тюрьме, обещая денно и ночно молиться святому Франциску о спасении своей души, а заодно и души Казановы. Тогда Авантюрист приказал ему вручить Лоренцо прощальное письмо, и тут же, в крошечной тьме, мелким почерком исписал клочок бумаги. Тюрьма приучила Казанову писать в темноте. На прощание Авантюрист

пожелал сказать своим тюремщикам, что узнику, коли не давал он слова не предпринимать попыток к бегству, надлежит делать все, чтобы вернуть себе свободу, и право это основано на велении естества, ибо посадившие его в тюрьму власть предержащие при аресте отнюдь не спрашивали на то его согласия. Поступок его обусловлен велением исключительно разума и природы, так что если будет он по дороге схвачен снова, то он молит вернуть ему все его добро, оставляемое теперь в камере. А если Провидение спасет его, то все вещи его пусть перейдут во владение сокамерника его Сорадачи, человека малодушного и любящего себя больше, чем свободу.

Пока Казанова писал, луна, ярко освещавшая блестящую свинцовую крышу тюрьмы, скрылась, пора было отправляться в путь. Отдав половину веревки Бальби, Казанова первым вылез на мокрую и скользкую от ночного тумана крышу. Втыкая заточку в соединения плит, он с ее помощью осторожно добрался до гребня крыши и уселся на нем верхом. Неуклюжий монах, которому Авантюрист разрешил держать себя за штаны, пыхтя и ругаясь, взобрался следом. Во время подъема он ухитрился потерять узелок с одеждой и шляпу, которая, слетев у него с головы, резво покатилась по наклонной крыше и, покувыркавшись, упала в канал. Видя, что толку от монаха никакого, Казанова решил в одиночку отправиться по крыше, дабы найти способ спуститься с нее. Первоначально он полагал каким-нибудь образом зацепить веревку за конек и с ее помощью осторожно соскользнуть в канал, но зацепки нигде не было.

Скользя по гребню, он заметил несколько слуховых оконцев, находившихся явно за пределами тюрьмы, скорей всего, они вели на чердак Дворца дождей, и в такой поздний час там вряд ли находились люди. Но даже если они и встретят кого-нибудь из слуг, те вряд ли станут выдавать их инквизиции. Выбрав окошко повыше, то есть поближе к гребню, он, свесившись, с помощью заточки отодвинул закрывавшую его решетку, а затем, изловчившись, разбил стекло. Потом он осторожно вернулся к своему товарищу, встретившему его отборной бранью. Аббат был недоволен, что Казанова бросил его одного на целых два часа. Не обращая внимания на дурное настроение своего спутника, Казанова проводил его к слуховому окну. Обмотав монаха под мышками веревкой, он начал осторожно его спускать. С грехом пополам тот протиснулся в оконце, и вскоре веревка перестала натягиваться. Аббат отвязался, и Казанова, вытянув веревку, понял, что расстояние до пола значительно превышает человеческий рост. Не вняв просьбе Бальби сбросить ему веревку, Авантюрист пребывал в горестном раздумье, как вдруг колокол собора

Святого Марка пробил полночь. Звук этот словно вдохнул в Казанову новые силы. Оглядевшись вокруг своим острым взором, он заметил возле одного из слуховых окон небольшую площадку, а на ней бадью с раствором и довольно высокую лестницу. Казанова ухитрился поднять лестницу к себе на конек, а затем протолкнуть ее в окошко, куда он спустил монаха. Затем он начал спускаться сам. Несколько раз ноги и руки его предательски скользили по гладкому свинцу, и только удача спасла его от падения. Наконец он соскользнул в окно, по лестнице спустился на пол и очутился рядом с поджидавшим его монахом.

Обойдя клетушку, они наткнулись на дверь, оказавшуюся, к их великому удивлению, открытой. За дверью оказался огромный зал со столом посредине и лавками вдоль стен. Распахнув окно, Казанова увидел, что территория тюрьмы явно осталась позади, но где они очутились, он не знал. Не сумев открыть дверь залы, беглецы вернулись в клетушку, где оставили свой скарб и лестницу. Тут Авантюрист почувствовал страшную усталость и, рухнув на узел с веревками, забылся в спасительном сне.

Сон его длился три с половиной часа. Пробудился он от проклятий и крепких толчков монаха. Возмущенный Бальби требовал от Казановы дальнейших решений, угрожая в противном случае вернуться в тюрьму. Сон освежил Авантюриста, и он с радостью заметил, что тьма на чердаке немного рассеялась. Беглецы принялись вновь обследовать свою каморку и в одном из закоулков обнаружили еще одну узкую дверь. С помощью заточки Казанова открыл ее, и беглецы, тревожно озираясь, проникли в галерею, вдоль которой тянулись шкафы, доверху набитые тетрадями. Авантюрист понял, что они попали в архивы. Пройдя по галерее и миновав еще несколько комнат, беглецы очутились в канцелярии. Двери канцелярии были заперты. Выглянув в окно, Казанова обнаружил, что выходило оно в лабиринт улочек вокруг собора Святого Марка, где беглецов легко могли схватить стражники инквизиции. Следовательно, надо было выбираться через дверь. Схватив со стола кинжал для проделывания отверстий в пергаменте, Казанова сунул его падре и приказал долбить дверную створку, и сам занялся тем же, только используя в качестве инструмента свою неизменную заточку. Древесина была сучковатая и поддавалась с трудом. Наконец беглецы проделали отверстие, в которое с превеликим трудом, но все же мог протиснуться взрослый человек. Медлить было нельзя, и Казанова, посадив аббата, буквально пропихнул его через дыру. Затем Авантюрист встал на табурет и принялся протискиваться сам, нещадно обдирая бока. Сзади его никто не подталкивал, поэтому продвигаться ему было значительно сложнее. Когда большая часть его туловища очутилась в

соседнем помещении, он приказал монаху обхватить его за талию и тащить что было силы. Бальби исполнил приказ, и вот уже Казанова, сжимая зубы от боли, стоял рядом с ним.

Оказавшись снаружи, беглецы быстро спустились по парадной лестнице и достигли ворот, пробить которые было невозможно. Прижимая к себе узелок, Казанова уселся возле ворот, раскинув в стороны свои длинные ноги, и заявил, что миссия его окончена. Остается только ждать, когда придут подметальщики и прочие уборщики, а если они по случаю праздников не придут, значит, им суждено умереть с голоду. Слова эти вновь вызвали поток проклятий со стороны Бальби. Казанова же, не обращая внимания на возмущение навязанного ему судьбой спутника, занялся своим внешним видом и переоделся. В этом была большая необходимость, ибо после ползания по крыше и протискивания через дыру с рваными краями одежда Авантюриста превратилась в лохмотья, а ссадины на коленях кровоточили. Переодевшись в свое парадное летнее платье, то самое, которое было на нем в тот день, когда его арестовали, Казанова носовыми платками перевязал колени, натянул сверху чулки, отчего стройные ноги Соблазнителя тотчас перестали казаться таковыми. Аббат тоже выглядел не слишком свежим, однако костюм его, а главное, кожаные фиолетовые штаны были в полной сохранности.

В шикарнейшей шляпе с золотой пряжкой Казанова, любопытствуя, выглянул в окошко дворца и сразу привлек к себе внимание редких пока еще прохожих, которые, решив, что служитель по рассеянности запер во дворце посетителя, побежали его искать, нашли, разбудили, и тот трусцой побежал к воротам, громыхая связкой ключей. Сжимая в кармане верную заточку, Казанова встал возле ворот, готовый всадить свое оружие в горло любому, кто попытается остановить его. Ворота открылись, Казанова и монах пулей вылетели на улицу. Авантюрист тотчас заспешил к набережной, где стояли гондолы, понимая, что спасения следует искать за пределами Республики. Семенивший за ним монах — видимо, по инерции — упорно твердил: «Идемте в церковь». Но в Венеции церковь не обладала правом убежища, и сбиры свободно арестовывали граждан как на улице, так и в храме. Поэтому Казанова, не обращая внимания на стенания сотоварища, большими шагами двигался к набережной, где нанял гондолу, приказав гондольерам плыть в Местре.

В Местре из-за глупости и беспечности аббата беглецы натолкнулись на шпиона инквизиции, и только решительные и уверенные ответы Казановы спасли их от немедленного ареста. Понимая, что, если дело так пойдет и дальше, они непременно снова угодят в тюрьму, Авантюрист

предложил Бальби порознь двигаться к границе Венецианского государства, дабы потом встретиться в первом заграничном городе Борго. Монах отказался, напомнив Казанове, что тот, уговаривая его проделать дыру в его темнице, обещал никогда с ним не расставаться и теперь его, Бальби, судьба неразрывно связана с судьбой Казановы. Видя, что падре вцепился в него как клещ, Авантюрист решил применить силу. Не слушая более причитания и угрозы монаха, он взял свою верную заточку и принялся рыть яму. Через полчаса он прервал гневные излияния монаха и попросил его — как подобает доброму христианину — препоручить душу Господу, ибо скоро он дороет яму и закопает в ней Бальби живьем. Впрочем, если аббат окажется сильнее, значит, он закопает тут Казанову.

Сначала монах даже не понял, о чем, собственно, идет речь, а когда сообразил, живо взял отданные ему венецианцем деньги и припустился бежать, на прощание пообещав ожидать Казанову в Борго. Избавившись от злонравного и глупого спутника, Авантюрист вздохнул полный грудью: только теперь он почувствовал себя окончательно свободным и уже не сомневался, что ему удастся покинуть Республику.

Казанова действительно благополучно покинул пределы Венецианской республики. Возле самой границы с ним произошла история, которая, будь на месте Авантюриста кто-нибудь другой, вполне могла бы завершиться весьма плачевно. Усталый, голодный, без гроша в кармане, Казанова ощущал живейшую потребность в отдыхе и хорошем обеде. Заметив на пригорке добротный дом, он решил направить свои стопы к нему, по дороге поинтересовавшись у работавших в поле крестьян, кому он принадлежит. Костюм его, хоть и изрядно помятый, выдавал в нем знатного сеньора, поэтому никаких подозрений расспросы его не вызвали. Однако сведения, полученные им, были неутешительны: дом принадлежал начальнику местных сборов. Благоразумие подсказывало обойти его стороной, однако голод брал свое, и беглец дерзко направился к дому из красного камня. И снова Фортуна улыбнулась Казанове: хозяина не оказалось дома, он вместе с вверенным ему отрядом был отправлен на розыски двух беглецов, сбежавших несколько дней назад из Пьомби, а молодая хозяйка приняла Авантюриста за дальнего родственника мужа. Разумеется, Казанова не стал отрицать приписанного ему родства и благодаря своему поистине фантастическому таланту слушать и слышать не только что, но и как говорят вокруг него, сумел ни разу не попасть впросак. Три дня, пока супруг очаровательной селянки разыскивал беглеца по полям и лесам, тот отдыхал у него в доме, отъедался и залечивал многочисленные ссадины и

царапины. В конце концов, заняв немного денег у «родственников», Казанова нанял экипаж и доехал до Борго, где его уже ожидал падре Бальби. Из Борго беглецы направились в Больцано, где Казанову должен был ждать денежный перевод от Брагадина. Авантюрист успел сообщить приемному отцу о побеге и попросить прислать ему денег на адрес тамошнего банкира. Брагадин прислал Казанове сто цехинов, и тот, получив их, сразу же приобрел новое платье себе и Бальби.

Ни один побег из Пьомби не имел такого резонанса, как бегство Казановы. Авантюрист превратил его в занимательнейшую историю, которую он в течение сорока лет с неизменным успехом рассказывал в европейских салонах, не пропуская ни единой подробности и тщательно описывая каждый свой шаг на пути к свободе. История его побега надолго стала главным блюдом кухни Казановы-рассказчика. Венецианец настолько дорожил ею, что когда государственный секретарь герцог де Шуазель попросил коротко поведать ему о побеге, Казанова отказался, мотивируя это тем, что без деталей история эта потеряет всякий смысл и интерес. Поэтому, когда курфюрст Кёльнский обратился к нему с просьбой рассказать о своем побеге, Авантюрист сразу предупредил его, что рассказ займет не меньше двух часов. А дабы память не подвела рассказчика, он доверил свое повествование бумаге и в 1788 году в Праге издал историю своего побега из Пьомби отдельной книжечкой, которая называлась «История моего побега из тюрьмы Венецианской республики, что прозывается Пьомби».

Споры относительно правдивости рассказа Авантюриста начались сразу же после его публикации и продолжают и сейчас. Нет ясного ответа на вопрос: бежал ли Казанова исключительно благодаря собственным талантам и удаче, или же ему активно помогал Брагадин? Одним из первых подверг сомнению удачливость Казановы итальянский писатель и филолог прошлого столетия Уго Фосколо^[39], утверждая, что побег был совершен на цехины Брагадина. Современные исследователи, напротив, полагают, что освобождением Казанова обязан исключительно самому себе. В архивных документах были обнаружены записи, где стражники называли бегство Авантюриста чудесным... Скорее всего, истина находится где-то посередине. Не исключено, что, не сумев спасти приемного сына от ареста, Брагадин постарался помочь ему бежать, тем более что в «Мемуарах» Казанова упоминает о попытке своего приемного отца подкупить тюремщика Лоренцо. Но было ли бегство Казановы совершено с чьей-то помощью или же вовсе без оной, знаменитым оно стало исключительно благодаря

вдохновенному рассказу Авантюриста, многократно им повторенному, а потому запомнившемуся всей Европе. Даже если бы побег Казановы окончился неудачей, вдохновенное описание приготовлений к нему непременно прославило бы рассказчика. Но если бы великий Авантюрист окончил свои дни в Пьомби, вряд ли его современники сочли бы необходимым донести его рассказы до потомков...

Перебравшись в Мюнхен, где он позволил себе отдохнуть и восстановить пошатнувшееся после потрясений последних полутора лет здоровье, Казанова принял решение отправиться в Париж, «единственный в мире город, где богиня Фортуна, несмотря на прикрывающую ее глаза повязку, щедро расточала свои милости всем, кто уверовал в нее». Быстро нашлись попутчики, готовые оплатить дорожные расходы любезного венецианского кавалера, лишь бы тот составил им компанию. Оставалось только попрощаться с Бальби, вернее, не столько попрощаться, сколько обезопасить себя от его преследований. И Казанова отправился в Аугсбург, в расположенный там монастырь, куда ему удалось пристроить Бальби. Монах ни в чем не нуждался, однако по привычке был всем недоволен, и особенно нехваткой наличных денег. Кое-как отвертевшись от монаха и надавав ему заведомо невыполнимых обещаний, Казанова помчался в Страсбург, где его ожидала очаровательная мадам Ривьер с семейством, вызвавшаяся отвезти Авантюриста в столицу Франции.

ПОКОРЕНИЕ ПАРИЖА

5 января 1757 года Казанова прибыл в Париж. Пять лет назад он тоже въезжал в столицу Франции, но тогда красивая голова его с высоким лбом была гордо поднята, он с любопытством, приличествующим богатому туристу, глядел по сторонам, преисполненный надежд покорить этот центр вселенной и встать на одну ногу с сильными мира сего. Теперь же он никак не мог избавиться от навязчивой мысли: а вдруг Париж отвергнет изгнанника? Правда, в городе у него были хорошие друзья Балетти, двери их дома всегда были для него открыты, однако ни денег, ни славы, ни прочного положения в обществе актерское семейство обеспечить ему не могло. «На сей раз принужден я был кланяться тем, у кого гостила слепая Фортуна», — писал Казанова.

Однако кланялся он вполне успешно, и Фортуна не только явилась к нему в гости, но и осыпала его своими дарами. В этот его приезд Париж, как никогда больше, будет блажелателен к изгнаннику: у него появятся должности, деньги, связи, невесты и даже своя фабрика, а в лице почтенной маркизы д'Юфре он обзаведется покровительницей, которая на протяжении почти десяти лет будет безропотно позволять находчивому Авантюристу охмурять себя и обирать. Имя маркизы д'Юфре неоднократно упоминается на страницах «Мемуаров».

Итак, после Балетти Казанова решил нанести визит своему давнему знакомцу аббату де Берни, успевшему за то время, что они не виделись, стать главой министерства иностранных дел. Оказалось, что аббат уехал в Версаль. Казанова нервничал, но поделать ничего не мог, пришлось нанимать карету и ехать следом. Случилось так, что именно в этот день бедняга Дамьен^[40], вооружившись кинжалом, бросился на Людовика XV, когда тот выходил из кареты. Равальяка^[41] из него не получилось: кинжал лишь чуть-чуть оцарапал кожу его величества. Слухи о покушении на короля быстро обрастали самыми невероятными подробностями, на улицах толпился народ, по дорогам сновали курьеры, полиция всех задерживала и обыскивала. Карету Казановы тоже остановили и обыскали, а его самого арестовали — на всякий случай. Правда, к вечеру личность его была выяснена и венецианца отпустили. Но ехать в Версаль было поздно, пришлось возвращаться домой, на улицу Маленького Льва, где он снял квартиру, дабы быть поближе к Балетти. Кое-как он добрался до дома, по дороге ругая на чем свет стоит французов, пребывающих, на его взгляд, в

вечной ажиотации — подобно кораблику, изображенному на гербе Парижа: ветер гонит кораблик, а он не тонет, *fluctuât nec mergitur*.

На следующий день он снова отправился в Версаль. На этот раз поездка его увенчалась успехом. Де Берни не только встретил его с распростертыми объятиями, но и представил его мадам де Помпадур. Красавица с загадочным взором, в ореоле золотистых волос, взглянула на Соблазнителя и приятным голосом произнесла:

— Надеюсь, теперь вы к нам надолго.

«Интересно, помнит ли она, что мы уже встречались пять лет назад?» — подумал Казанова; но спрашивать было явно неуместно.

— Очень хотелось бы, сударыня, — отвечал он. — Но мне нужен покровитель, а я знаю, что в этой стране покровительства удостоиваются только люди талантливые. Так что я не смею...

— Почему же? С вашими способностями вы смело можете рассчитывать на поддержку. У вас уже есть друзья, и я, со своей стороны, также постараюсь быть вам полезной.

И маркиза удалилась, чтобы навсегда забыть об Авантюристе. К счастью, о нем не забыл де Берни, то ли, действительно, из чувства дружбы, то ли опасаясь шантажа с его стороны. Во всяком случае, принял он его прекрасно, снабдил солидной суммой «на обустройство», отрекомендовал его влиятельным людям (в частности, герцогу де Шуазелю^[42] и генеральному контролеру финансов де Булоню) и дал ряд полезных советов. Теперь Казанова должен был не столько говорить сам, сколько прислушиваться и поддакивать важным лицам, не провоцировать скандалов, одеваться дорого, но без вычурности.

Обладая, по крайней мере в зрелую пору своей жизни, холерическим темпераментом (в детстве он принадлежал, скорее, к меланхоликам, а в старости — к ипохондрикам), Соблазнитель степенностью не отличался и пыль в глаза пускал шумно, но тем не менее поставленная задача не казалась ему непреодолимой. Однако уже во время первой аудиенции соискатель милостей Фортуны потерпел поражение. Герцог де Шуазель принял Казанову в утренние часы, когда парикмахер еще продолжал колдовать над его прической. Не отрываясь от бумаг и время от времени делая пометки на полях, Шуазель пару раз взглянул на иностранца, отрекомендованного ему министром де Берни, и спросил, чем он может быть ему полезен. Тут Казанова растерялся, он хотел быть свободным и богатым, но обременять себя службой, пусть даже хорошо оплачиваемой, не собирался. Любая должность, даже будучи синекурой, накладывает определенные обязательства, а Соблазнитель терпеть не мог быть

обязанным — ни в жизни, ни в любви. Скорее всего, он надеялся, что герцог, выслушав его красочный рассказ о побеге из тюрьмы, сам скажет, как ему занять подобающее место в обществе. Но этого не случилось. Шуазель почти не слушал своего посетителя с вполне тривиальной итальянской внешностью, а лишь окидывал его цепким взглядом. Обаяние же Казановы заключалось в звучащем слове. Начав говорить, Авантюрист-Соблазнитель преображался: глаза загорались вдохновенным огнем, из белоснежных кружевных манжет птицами взлетали ввысь холеные кисти рук. Умению «умного молчания» венецианец был не обучен.

Узнав, что его протеже потерпел фиаско у Шуазеля как проситель, де Берни решил представить его обществу как финансиста. Любой другой счел бы подобную рекомендацию за насмешку. Ведь Казанова никогда не занимался ни финансами, ни экономикой, и его познания в этой области сводились в основном к умению составлять цифровые пирамиды для общения с оракулом и сорить деньгами. Однако вера Соблазнителя в свои таланты была велика, и он не стал опровергать аббата, тем более что с такой рекомендацией он становился вхож в финансовые круги, а он так нуждался в деньгах! А может, де Берни действительно надеялся, что изворотливый ум Авантюриста сумеет изыскать способ пополнить казну? Увы, финансы королевства к этому времени были столь расстроены, что многие государственные мужи, перестав более надеяться на новые налоги, уповали на чудо. Сотворить чудо предстояло и Пари Дюверне^[43], одному из братьев-банкиров, которые в свое время вытащили страну из кризиса, куда она погрузилась после краха финансовой пирамиды Лоу. Дюверне решил основать в Париже Военную школу, дабы воспитывать в ней новых Баяров^[44] и Конде^[45]. Маркиза де Помпадур с энтузиазмом поддержала проект, взяла его под свое покровительство и даже ухитрилась раздобыть денег на постройку здания на площади Гренель. Затем деньги кончились и реализация проекта была приостановлена, что чрезвычайно огорчило маркизу. Дюверне было поручено изыскать средства, разумеется, не из королевской казны. Обо всем этом Казанова узнал на приеме у генерального контролера финансов де Булоня, куда Дюверне явился просить денег на Военную школу. В деньгах генеральный контролер отказал, однако выказал готовность рассмотреть любой проект, выгодный для его величества и не требующий новых затрат.

Новоявленный финансист слонялся среди собравшихся и мучительно размышлял. Он понимал, что если сейчас упустить шанс, вряд ли он подвернется ему снова. Внезапно его осенило: лотерея! Считается, что

лотерея была изобретена в возрожденческой Италии: богатые флорентийские купцы устраивали лотереи для оживления движения капиталов. Во Францию идея лотереи прибыла в багаже Екатерины Медичи^[46]. Извлеченная со дна дорожного сундука, она использовалась с переменным успехом, в зависимости от устроителей. Устроительство было у Авантюриста в крови. Свежеиспеченный финансист во всеуслышание заявил, что имеет план, осуществление которого принесет в казну его величества сто миллионов, сказал, что нужна небольшая исходная сумма на организационные расходы, но затраты эти окупятся сторицей. Заявление, обращенное в основном к Дюверне, было услышано. Снисходительно улыбнувшись, финансист пригласил Казанову на обед, посулив ознакомить его с уже написанным проектом предложенной им операции. Оставшийся вечер и весь следующий день до обеда Казанова лихорадочно соображал, каким образом Дюверне догадался о лотерее, а если он сам до нее додумался, то почему до сих пор не осуществил проект.

На обеде собрался цвет финансовой аристократии, после разговоров о погоде перешли к обсуждению расходов и проблемы пополнения государственной казны. Речи финансистов изобиловали специальными терминами, Казанова откровенно скучал и не зевал только потому, что рот его был постоянно занят. Повар у господина Дюверне был отменный. Когда все наконец встали из-за стола, хозяин тихо подошел к Казанове и, отведя в сторону, попросил следовать за ним. Пройдя по безлюдному коридору, Дюверне открыл дверь небольшого кабинета. Из-за массивного стола навстречу им поднялся симпатичный молодой человек, в коем Казанова мгновенно признал соотечественника. Джованни Кальзабиджи вручил Авантюристу толстую тетрадь с надписью на обложке «Лотерея на девяносто номеров, из которых при ежемесячных тиражах выигрывают не более пяти» и сообщил, что подлинным автором проекта является его старший брат Раньери, живущий затворником из-за терзающей его кожной болезни. Дав Казанове время ознакомиться с тетрадкой, Кальзабиджи-младший спрятал ее в ящик и предложил венецианцу завтра прибыть на обед к его брату, дабы он мог высказать свои соображения по поводу предлагаемой лотереи. Авантюрист согласился, и они расстались.

Братья-авантюристы Кальзабиджи вдвоем составляли единое целое: Раньери был головой, Джованни — ногами. Старший изобретал, сочинял, писал, а младший появлялся на людях и продвигал изобретения старшего. Покрытый коростой и кровавыми расчесами, Раньери Кальзабиджи был разносторонне образован, великолепно разбирался в математике, финансах и торговле, а также был на удивление предприимчив. На миг Казанове даже

стало жаль, что Господь обделил его главным своим даром — здоровьем. Но тут Кальзабиджи принес еще одну толстую папку, и венецианец погрузился в изучение выкладок и расчетов, касающихся устройства лотереи и ее прибыльности для казны. Просмотрев все содержащиеся в папке бумаги, Казанова мгновенно понял, что авторам проекта не хватает только дерзости и убежденности в необходимости задуманного ими предприятия, то есть качеств, которых у него — в отличие от математических способностей — имеется в избытке. Мысли, беспорядочно толпившиеся у него в голове, обрели в составленных Раньери таблицах четкость и стройность. Немного психологии, чтобы оживить сухой язык цифр, — и проект готов окончательно.

И Казанова стал излагать партнерам свои предложения, начав с того, что гарантом выплаты выигрышей должен быть только король. Частному лицу или торговой компании доверия не будет. Лучше, если первый тираж окажется убыточным для казны — несколько крупных и пара сотен мелких выигрышей станут лучшей рекламой лотереи, и второй тираж непременно принесет баснословную прибыль. Начав выигрывать, люди войдут в азарт и примутся покупать билетов вдвое и втрое больше. Надо дать возможность делать ставки на выигрышные номера: лотерея-тотализатор более прибыльна, чем простая лотерея, разыгрывающая призовой фонд. И нельзя откладывать выдачу выигрышей на долгий срок — азарт может пропасть. О том, какие страсти обуревают игроков, Казанове было известно лучше, чем другим.

Строгий математический ум братьев Кальзабиджи в сочетании с психологией Казановы и его виртуозным красноречием сумели склонить на свою сторону членов Государственного совета, высокопоставленные покровители Авантюриста переговорили с нужными лицами, и в октябре 1757 года указ об организации лотереи в пользу Военной школы был подписан. Должность директора и главная лотерейная контора были отданы Кальзабиджи, а венецианца назначили управляющим шести контор по продаже билетов и предоставили пенсioen в четыре тысячи франков от доходов с лотереи. Пять контор Казанова тотчас продал по две тысячи франков за каждую, а шестую роскошно обставил и посадил в нее своего камердинера, молодого и смышленного соотечественника, служившего прежде у неаполитанского посланника. Расчет Авантюриста был простой: публика, особенно «чистая», скорее потянется в шикарную контору со смазливym служителем, нежели в ничем не примечательный ларек. Также выигрыши, упавшие на купленные в его конторе билеты, выдавались мгновенно, поэтому когда в других конторах никого не было, у Казановы от

желающих купить билетик отбоя не было.

18 апреля 1758 года были опубликованы первые пять выигрышных номеров — 83, 4, 51, 27, 15. Артистическая натура Авантюриста устроила из тиража, говоря современным языком, красочное шоу — цифры выносили красивые девицы, а выигрышные номера — исключительно девственницы, которых по окончании зрелища ожидало небольшое вознаграждение. Особенно привлекательных Казанова пожелал вознаградить лично... Популярность лотереи была огромна, и уже первый тираж принес изрядные барыши как устроителям, так и казне. Казанова, имевший обыкновение преувеличивать собственные заслуги везде, где только ни появлялся, красочно расписывал устроенную им лотерею. Предусмотрительнонося с собой пачку билетов, он никогда не упускал случая предложить их в знатных домах и вскоре оказался самым богатым распространителем, так как из всех владельцев контор он один был вхож в аристократические круги. Не желая вникать в устройство лотереи, вельможи давали Казанове деньги и просили его самостоятельно делать за них ставки, в результате чего к концу вечера пачка билетов таяла, а карманы Авантюриста наполнялись золотом. Выигрыши в основном были небольшие — угадать все пять номеров было практически невозможно, но молва, как всегда, все преувеличивала, и билеты шли нарасхват. «Нет на свете другого такого места, где было бы так просто морочить людей», — писал Казанова о Париже.

Вскоре в столицу Франции прибыл брат Авантюриста, художник-баталист Франческо Казанова, тот самый, который в первый свой приезд принял участие в выставке и получил убийственные отзывы критики. После своего поражения художник уехал в Дрезден, там он все свободное время проводил в знаменитой картинной галерее, где копировал полотна выдающихся мастеров. Труд его не пропал даром, первое же выставленное им в Лувре батальное полотно принесло ему славу и членство во Французской академии. Картина была куплена за двенадцать тысяч ливров, Франческо прославился и разбогател, но, как пишет Джакомо, страсть к роскоши и неудачные женитьбы разорили его.

Итак, дела Казановы пошли в гору, лотерея приносила доход, позволявший жить на широкую ногу, покровительство де Берни открыло двери аристократических салонов, и Казанова погрузился в привычную круговерть: женщины, игра, празднества, балы, театральные представления. Среди светской суеты Соблазнитель даже совершил необычный для него поступок: обручился с дочерью Сильвии,

очаровательной Мари-Мадлен Балетти. Когда Казанова впервые приехал в Париж, Манон, как звали девочку родные и друзья, было двенадцать лет, и на фоне Сильвии (которую некоторые считали любовницей Казановы) венецианец ее просто не заметил, в то время как Манон влюбилась в него с первого взгляда, невзирая на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте. Теперь дочери Сильвии было семнадцать, она предстала перед Соблазнителем во всей красе своей ранней юности, и он просто не мог не влюбиться в нее. А так как Манон давно была уверена, что они созданы друг для друга, то они обручились. Девушка полагала, что после обручения последует свадьба, но Казанова был совершенно иного мнения. Конечно, он не высказывал его вслух, но когда речь заходила о браке, он тотчас вспоминал прежние свои отговорки. Когда же ему напоминали, что лотерея принесла — и какое-то время продолжала приносить — ему вполне приличные дивиденды, уводил разговор в сторону. Говоря об отсутствии у него средств, Казанова был искренен, ибо аппетиты его росли. К тому же с легкой руки де Берни он прослыл финансистом, и известность эта вкупе с должностью распространителя лотерейных билетов изрядно расширила круг его знакомств. Его то и дело приглашали на званые приемы и обеды, где он говорил, говорил и говорил — словом, был в своей стихии, которую он не хотел оставлять ради семейной жизни. Тем более, по его собственным словам, привязанность, питаемая им к Манон, несколько не мешала ему влюбляться в других женщин. Ведь Манон, несмотря на давнюю свою любовь к нему, ласково, но твердо отклоняла все его попытки склонить ее к связи до брака. Узнавая об очередной измене жениха, девушка горько плакала и при встрече пыталась увещевать его, однако уговоры ее были тщетны.

Воспитанная монахинями-урсулинками Манон умела ждать, а чтобы смирить сердечную тоску, она писала любимому человеку письма почти каждый день. Сначала, когда Казанова чуть ли не ежедневно бывал у них в доме, она жаловалась, что родные постоянно мешают им остаться наедине и наговориться всласть. «Любите меня», «думайте обо мне» — такими страстными призывами заканчивалось каждое письмо влюбленной девушки. Постепенно тон писем менялся, и хотя количество восклицательных знаков в них не убавлялось, счастливые вздохи уступили место горькому отчаянию. «Вы были холодны со мной, и сердце мое преисполнилось печали. Неужели у меня и в самом деле такой дурной характер, как вы мне его расписали?» — вопрошала она Казанову. В письмах Манон никогда не объясняла причин своих размолвок с женихом, однако о них нетрудно догадаться. После обручения, когда никто не

препятствовал влюбленным часами проводить время наедине, невеста стала поверять бумаге свои страдания от упреков возлюбленного, укорявшего ее за строптивость и «дурной характер». Причина недовольства Казановы поведением девушки, несомненно, крылась в ее отказе подарить ему до свадьбы не только свою юную душу, но и тело. Ведь, в отличие от Соблазнителя, Манон вела жизнь почти затворническую, выезжала редко и поведением отличалась безупречным, так что причин для ревности даже богатейшая фантазия Казановы отыскать была просто не в состоянии.

Постепенно Казанова привык к тому, что на улице Маленького Льва его любят и ждут. Заглядывая туда, он дарил всем подарки, водил Манон в театр, заказывал для нее дорогие ужины. Наверное, только на такое постоянство и был способен Соблазнитель, ведь красавицы, оказавшиеся менее стойкими, чем Манон, надоедали ему гораздо быстрее и уж тем более не могли надеяться на брачный союз с любвеобильным венецианцем. Когда Казанова отправился в Дюнкерк, вслед ему полетели исполненные слез письма невесты, тяжело переживавшей разлуку с любимым. «Ах, друг мой, как долго тянется время! — писала она. — Если бы вы знали, милый друг, как горько я рыдаю! С самого вашего отъезда я не могу унять слез и боюсь, что, вернувшись, вы найдете меня столь подурневшей, что разлюбите меня. Сегодня утром я взглянула в зеркало и увидела лицо свое распухшим и покрывшимся красными пятнами, словно у меня оспа [...]. Когда вас нет рядом, мне все противно, все гадко». Отлучки Казановы становились частыми и продолжительными, а свидания с Манон — редкими и мимолетными, и красавице оставалось только изливать свою печаль на бумаге. Правда, возвращаясь из странствий, Казанова осыпал дарами не только невесту, но и все семейство Балетти. Принимая подношения, Сильвия полагала, что Казанова наконец разбогател и вскоре женится на ее дочери. Но, как писал сам Казанова, чем меньше уверенности чувствовал он в завтрашнем дне, тем больше его одолевала страсть делать подарки и сорить деньгами.

Вскоре семейство Балетти, а вместе с ним и Казанову постигла тяжелая утрата: скоропостижно скончалась Сильвия. Актриса, отличавшаяся хрупким здоровьем, не выдержала переменчивого и сырого парижского климата. Врачи давно советовали ей вернуться на родину, в Италию, где солнечно и сухо, но она их не слушала, ибо не могла покинуть сцену, где снискала себе славу и любовь зрителей. Три дня после ее смерти Казанова не разлучался с Манон, утешая возлюбленную и помогая ей справиться с горем. Но потом все вернулось на круги своя. Соблазнитель вращался в *высших сферах*, курсировал между Францией и Голландией,

разбогател, завел собственный дом, а потом и дело — мануфактуру по производству шелковых набивных тканей, но жениться явно не собирался. Манон по-прежнему писала ему нежные письма, называла его «своим милым мужем», а себя — его «маленькой женушкой», на что жених отвечал ей не менее нежными записочками — но не более того. Вопрос о свадьбе по-прежнему был обойден и отложен *на потом*.

Ощущая себя лицом значительным, Казанова с удовольствием оказывал протекцию всем, кто к нему обращался. Так, к нему за поддержкой обратился его земляк, двадцатипятилетний проходимец граф Тиретта, растративший деньги из ссудной кассы и бежавший во Францию, дабы спастись от ареста. Честно признавшись, что делать он ничего не умеет и даже не говорит по-французски, Тиретта попросил Казанову не лишать его своей дружбы. Понимая, что подобная формулировка скрывает просьбу о помощи, Авантюрист, снисходительно оглядев молодого человека с головы до ног, для начала предложил ему пойти на содержание к какой-нибудь богатой старухе. Не обладая излишней щепетильностью, Тиретта моментально согласился, и Казанова взялся подыскать ему подходящий экземпляр. Таковой оказалась сорокалетняя вдова Ламбертини, новый любовник пришелся ей по вкусу, она представила его обществу как своего племянника и стала выезжать с ним в свет. За неутомимость в любви вдова удостоила Тиретту прозвищем Шестьраз, отчего цена его на рынке молодых любовников для сластолюбивых старух мгновенно подскочила. Известно, что Соблазнитель нередко уступал своих юных подружек приятелям, и далеко не бесплатно, ибо высоко ценил свою *выучку*. Получил ли он вознаграждение за находку по имени Тиретта, неизвестно.

Тем не менее награду в доме Ламбертини он все же получил. В гостинной он познакомился с юной мадемуазель Ламер, которая с первого взгляда влюбилась в Казанову и сама предложила ему себя в жены, пообещав предоставить в полное его распоряжение ожидающее ее наследство. Соблазнитель был растроган таким поступком, тем более что шаловливая рука его поспешила убедиться в девственности красавицы. В брак он вступать, разумеется, не собирался, но и упускать девицу не хотелось. И он решил продолжать ухаживания и посмотреть, что будет. Нельзя же было всерьез воспринимать каждое «нет», срывавшееся с хорошеньких губок, ведь зачастую глаза при этом говорили «да».

Большой охотник до всяческих зрелищ, Казанова не мог пропустить казни Дамьена, и дабы удобнее было созерцать сей спектакль, снял окно, выходившее на Гревскую площадь, где должна была состояться казнь

несчастливого. Разделить вместе с ним сие сомнительное удовольствие он пригласил синьору Ламбертини с племянником и мадемуазель Ламер с теткой, дамой средних лет. Галантные кавалеры Казанова и Тиретта уступили дамам первый ряд, а сами пристроились сзади. Кровавое зрелище продолжалось более четырех часов: несчастного, покусившегося на священную особу Людовика Любимого, казнили медленно, расчлняя тело и вытягивая жилы. Стоя во втором ряду, Соблазнитель глядел то на казнь, то на зрителей, то на красавчика Тиретту. Любопытных было хоть отбавляй, но никто, включая женщин, не выказывал сочувствия бедняге Дамьену. Неожиданно переведя взор на Тиретту, Соблазнитель заметил, что приятель его нашел себе развлечение гораздо более приятное, нежели вид человеческих страданий. Пристроившись на лесенке позади тетки мадемуазель Ламер, он приподнял ей юбки и все время, пока длилась казнь, утолял любовную страсть, оправдывая свое игривое прозвище Шестьраз. Возможно, именно поэтому тетушка смотрела на площадь не шелохнувшись и не поворачивая головы.

Дерзкий поступок Тиретты возымел последствия не только для него, но и для Казановы. Почтенная матрона увезла любвеобильного итальянца к себе в загородное поместье, где заключила с ним контракт на год, положив ему за любовные труды ежедневное содержание и ежемесячное жалованье. Казанова также получил приглашение погостить в поместье на правах друга дома и наперсника увядающей красавицы. Он принял приглашение и, не теряя времени, в первый же вечер обольстил юную мадемуазель Ламер, оправдав тем самым собственный афоризм: «Мужчина, который словами доказывает свою влюбленность, — дурак; умный человек доказывает свою любовь действиями». Отныне днем Казанова выслушивал восторги тетки по поводу темперамента молодого Тиретты, а ночью наслаждался ласками мадемуазель Ламер. Но вскоре идиллии пришел конец. Тетка совершенно безосновательно приревновала племянницу к своему итальянскому любовнику и быстренько приискала ей жениха. Узнав об этом, мадемуазель Ламер спросила Казанову, готов ли он жениться на ней, на что Соблазнитель, не задумываясь, ответил «нет». Тогда красавица, проявив редкостное для своего возраста благоразумие, тотчас прекратила любовные свидания и принялась готовиться к свадьбе с честным торговцем из Дюнкерка. А Казанова, собрав вещички, вернулся в Париж.

Правда, в Париже он тотчас бросился в гостиницу, где, как он узнал, остановился жених «изменившей» ему Ламер, намереваясь вызвать наглеца на поединок и убить его, дабы наказать «коварную» за «измену». Но «наглец», не подозревая о намерениях Соблазнителя, уже на пороге

заклучил его в объятия, заверив, что друзья его будущей жены — его друзья. Гнев Казановы остыл, и он с удовольствием распил вместе с женихом несравненной Ламер бутылочку доброго вина. Всегда изменявший сам, Соблазнитель не терпел, когда инициатива разрыва исходила не от него, а от женщины. Но не будучи способным на сильные чувства, будь то любовь или ярость, он быстро воспламенялся и столь же быстро угасал. Мысли его принимали направление философическое, он вспоминал, что Фортуна всегда распорядится по-своему и лучше он сам последует за ней. *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt* («Желающего идти судьба ведет, не желающего — тащит»). А значит, пора забыть коварную изменницу и ждать, когда судьба приведет в твои объятия очередную красавицу. Тем более что Господь создал столько женщин, что хватит на всех.

В столице Казанову ожидали не только новые развлечения, но и поручения: аббат Лавиль, правая рука де Берни, предложил ему за небольшое вознаграждение отправиться в портовый город Дюнкерк и ознакомиться с состоянием находившегося там флота, иначе говоря заняться шпионажем. В сущности, поручить сбор подобных сведений можно было бы и рядовому чиновнику, обязанному исполнить его за обычное жалованье, но чиновник мог оказаться недостаточно талантливым и раскрыть себя, что было явно нежелательно, а от Казановы, как от иностранца и беглеца, в любую минуту можно было отречься. Об этом де Берни честно предупредил его накануне отъезда, заявив, что «единственными официально признанными шпионами являются послы».

Выведывать секреты было занятием не слишком почетным, зато неплохо оплачиваемым, а главное, оно вполне соответствовало темпераменту Казановы. Секретное поручение придавало ему значимости в собственных глазах, а разговорить собеседников, даже если они — морские офицеры, для Авантюриста труда не составляло, тем более что денег у него было достаточно, и он не скупился заказать лишнюю бутылку вина за свой счет. Имея смутное представление о кораблестроении, он тем не менее пространно рассуждал о преимуществах венецианских кораблей перед французскими, и, как он сам отмечал, чем менее правдоподобными были его рассуждения, тем больше ему верили. Офицеры приглашали компанейского венецианца, интересующегося морским делом, на свои корабли и сами показывали ему их — от трюма до палубы. Вскоре подробнейший отчет для аббата Лавиля был составлен, и Казанова выехал обратно в Париж. Ознакомившись с донесением, аббат остался доволен и выплатил его автору вознаграждение в пятьсот луидоров. На то и казна,

чтобы щедро черпать из нее золото для поддержки *нужных людей*. А в том, что таланты Казановы еще понадобятся, де Берни был уверен. И не ошибся.

Авантюрист вновь испытывал нужду в деньгах. Успех лотереи и доставшийся ему солидный куш Соблазнитель быстро спустил в карты, растратил на женщин, роскошную одежду и дорогие безделушки. Ни преумножать состояние, ни откладывать на черный день он не умел. Поэтому когда де Булонь предложил ему провести без лишней огласки некую финансовую операцию, а именно продать за границей неликвидные королевские процентные бумаги и получить взамен либо наличные, либо пользующиеся спросом ценные бумаги, он немедленно согласился. Ехать ему предстояло в Голландию, тогдашнюю финансовую Мекку Европы. Неликвиды общей стоимостью двадцать миллионов были переведены туда на имя французского посланника д'Афри, которому было поручено руководить продажей и определять цену. Также посланник должен был следить, чтобы Авантюрист не продешевил, не зарвался и не взял себе за услуги больше, чем следует.

Прибыв в Амстердам и сняв номер в лучшей гостинице, Авантюрист отправился представляться д'Афри. Рекомендации де Берни и ряда влиятельных сановников открыли Казанове двери дома посланника. Однако для выполнения поручения, равно как и устройства своих дел, ему было нужно завязать знакомства с банкирами и деловыми людьми. С этой задачей велеречивый итальянец справился блестяще — как всегда, когда он брался за дело, не только сулившее ему выгоду, но и льстящее его самолюбию. Доставать, пробивать, покорять, то есть блистать, щеголять, пускать пыль в глаза доставляло Казанове истинное удовольствие, поэтому он довольно быстро обзавелся нужными знакомствами. Сам д'Афри представил его известному в голландских деловых кругах финансисту и бизнесмену, коего в своих «Мемуарах» Казанова называет Д. О., а исследователи отождествляют с голландским купцом и финансистом Томасом Хоупе. Именно Хоупе — Д. О. помог венецианцу чрезвычайно выгодно продать акции оккультистки-маркизы.

Присматриваясь к итальянскому авантюристу, Д. О. пригласил его к себе домой. Визит этот произвел на Казанову неизгладимое впечатление. Небольшой двухэтажный домик, служивший жилищем процветающему финансисту, снаружи и внутри был облицован мрамором различных цветов, на полах, в тон мраморных стен, лежали турецкие ковры, гостиная была обставлена дорогой и добротной кедровой мебелью, не было избытка модных тогда зеркал и позолоченной лепнины, без которых не мыслились

парижские аристократические салоны. В тот день, когда Казанова впервые переступил порог дома Д. О., служанки как раз мыли его снаружи. Вооружившись бадьями и тряпками, они стояли на высоких лестницах, а дабы не привлекать ненужного внимания проходивших мимо мужчин, одеты они были в широкие длинные шаровары из грубой ткани. Изумленный Соблазнитель не мог не признать разумности подобного костюма.

Не остался он равнодушным и к чарам дочери Д. О., четырнадцатилетней Эстер, черноволосой красавицы с белоснежной кожей и неровными зубами. Но зубы, равно как и ноги, не являлись для Казановы главными определяющими женской красоты, тем более что в остальном Эстер, по его мнению, была само совершенство. У совершенства был бойкий нрав, она умела поддерживать беседу, недурно играла на клавесине, вела себя свободно, для дружеского поцелуя подставляла губы, а не щечку, но определенных границ не переступала и, будучи благоразумной и послушной дочерью, не влюблялась и терпеливо ждала, когда папенька выберет ей мужа. Разумеется, Казанова не мог не влюбиться по уши в такое чудо. Внимание нового друга дома девушке льстило, тем более что праздный венецианец, в отличие от вечно занятого батюшки, был готов сопровождать ее везде: на прогулку, на концерт, на каток. Голландскими приличиями это дозволялось, и никаких мыслей об иных, нежели дружеских, отношениях ни у кого не возникало. Впрочем, нет, возникало — у самого Соблазнителя, но Эстер их не замечала или делала вид, что не замечает, и вела себя по-прежнему свободно и ровно, позволяя пылкому поклоннику время от времени целовать ее в хорошенькие алые губки.

Не привыкшему к воздержанию Соблазнителю, вынужденному исполнять роль воздыхателя, приходилось удовлетворять свои страсти в борделях. В одном из них он встретил спившуюся проститутку, лицо которой показалось ему до боли знакомым. Просидев не менее часа в низкопробном притоне и наблюдая за растрепанной белокурой жрицей продажной любви, пристававшей к каждому, кто переступал порог заведения, он наконец вспомнил: Лючия! Девочка, дочь привратника из Пазеано, приносившая ему по утрам полотенце и свежую воду для умывания! Он соблазнил ее от чистого сердца, от хорошего настроения, от желания подарить ей радость чувственной любви, нисколько не думая о возможных плачевных последствиях своего поступка. Кто же в хорошую погоду вспоминает о дожде! Через год он узнал, что вскоре после его отъезда Лючия, узнав о своей беременности, сбежала из дома. По этому поводу Соблазнитель немного погоревал, а потом сделал вывод, что лучше

иметь дело с замужними особами: тем, по крайней мере, не нужно опасаться последствий любовных игр. Больше всего самолюбивому венецианцу было неприятно сознавать, что ступившая на дурную дорожку несчастная девица будет проклинать его как виновника своего падения. Соблазнитель не любил, когда о нем отзывались дурно, даже когда отзывы эти были более чем справедливы; мысль о том, что кто-то может посчитать его действия несправедливыми, раздражала его. Неожиданная встреча пробудила в нем давно забытые воспоминания и чувство досады. Лючия узнала его и, похоже, обрадовалась, во всяком случае, на ее одутловатом лице появилось некое подобие улыбки. «Ей должно быть не более тридцати трех, но дать можно все пятьдесят, а женщине всегда столько лет, на сколько она выглядит», — рассуждал про себя Казанова, с отвращением глядя на свою бывшую возлюбленную. Он выслушал вполуха незамысловатую историю ее падения и нисколько не заинтересовался сообщением о том, что после ее бегства из дома у нее родилась очаровательная дочь. В конце концов он дал ей денег и попросил более его не беспокоить.

В Амстердаме Казанову поджидала еще одна встреча с прошлым. Однажды, сопровождая Эстер на концерт, он узнал в выступавшей певице Терезу Имер, бывшую возлюбленную его первого знатного покровителя сенатора Малипьеро. После того как Малипьеро, застав Терезу у него в объятиях, поколотил его тростью и отказал ему от дома, он всего раз виделся с ней, и случилось это лет шесть-семь тому назад, когда та, уже будучи женой танцовщика Помпеати, приезжала в Венецию. Теперь дела Терезы явно шли неважно: после выступления она пошла по рядам зрителей с тарелочкой. Заметив, с каким вниманием ее спутник разглядывает актрису, Эстер тотчас рассказала ему все, что знала о ней сама. Певица разъезжала по Голландии, принимая участие в публичных концертах, после которых обходила публику, от щедрости которой и зависело ее благосостояние. Сначала она делала неплохие сборы, но потом к ней привыкли, и поток пожертвований начал иссякать. Покровителя у нее не было, но ходили слухи, что в каждом городе она заводила себе молодых любовников, вытягивавших из нее те небольшие деньги, которые она получала за выступления. Преисполнившись жалости, Казанова приготовил двадцать дукатов, и когда Тереза поравнялась с ним, бросил их на тарелку. Тут он заметил, что следом за ней идет девочка лет пяти-шести, как две капли воды похожая на него самого. Сходство девочки с Казановой поразило даже Эстер. «Да это просто ваша копия!» — воскликнула она. «Случай нередко готовит нам сюрпризы там, где мы их не ждем», —

туманно ответил ей Соблазнитель.

Вечером Тереза с Софи пришла к Казанове в гостиницу. После сытного ужина девочка уснула, а Тереза и Джакомо предались воспоминаниям. Венецианка утверждала, что Софи действительно дочь Казановы, родившаяся в положенный срок после их любовных свиданий в Венеции в 1753 году. Поверил ей Соблазнитель или нет — неизвестно, но судя по тому, что ему нравилось, когда девочка называла его папой, он склонен был ей поверить. Ряд биографов Казановы с цифрами в руках доказывают, что Софи никак не могла быть дочерью Казановы, ибо между его последним свиданием с Терезой и рождением девочки прошло не девять месяцев, а значительно больше. Северянка Эстер в любом случае могла обнаружить сходство между маленькой итальянкой и Казановой — хотя бы потому, что и тот и другая были черноволосы, кудрявы, черноглазы и смуглокожи. Тем не менее Соблазнитель проявил интерес не только к все еще привлекательной матери (Тереза была старше его на три года), но и к дочери. Он даже предложил взять ее к себе, дабы дать ей достойное воспитание. Тереза подарила Казанове свою любовь, но Софи отдать отказалась, уверяя, что девочка — единственная ее утеха в жизни. Взамен она предложила ему взять с собой в Париж ее двенадцатилетнего сына, отцом которого был покойный Помпеати. Мальчик содержался в пансионе, но она больше не могла платить за него и опасалась, что его или выкинут на улицу, или заставят исполнять обязанности лакея. Не умея отказывать женщинам, Казанова согласился. Забегая вперед, скажем, что в Париже он передал мальчика маркизе д'Юрфе, поместившей его в пансион, где обучались ее племянники. Злые языки утверждали, что прежде чем отдать юного Помпеати в пансион, маркиза сделала его своим любовником. Казанова также отмечал, что заставлял мальчика в объятиях маркизы, хотя сей факт беспокоил его гораздо меньше, нежели испанское имя Аранда, которым маркиза назвала мальчика, помещая его в пансион.

Хождение по борделям и связь с Терезой никак не влияли на любовь Казановы к Эстер. Соблазнитель придумывал сотни способов, чтобы доставить удовольствие возлюбленной, но отношения их, можно сказать, топтались на месте. Даже залечивая синяки и шишки Соблазнителя, полученные им после похода на каток, где тот впервые встал на коньки, Эстер была мила, нежна, раскованна, но не более того. «Мужчина может любить только в надежде на ответную любовь», — писал Казанова о своем романе с Эстер. Надежда жила, и Соблазнитель продолжал измышлять новые развлечения для Эстер, зная, что умение слушать, дарить подарки и забавлять ценится женщинами особенно высоко. На помощь вновь был

призван оракул. И Эстер, и ее отец, подобно большинству своих современников, интересовались магией, и в частности, искусством предсказания. Узнав, что у Казановы есть свой оракул, способный угадывать будущее, Д. О. попросил его составить для дочери гороскоп. Не будучи силен в гороскопах, тот в ответ предложил обучить Эстер самостоятельно общаться с оракулом, то есть составлять пирамиды цифр, с помощью которых можно задавать оракулу вопросы и получать от него ответы. Идея пришлась Эстер по вкусу, и она с увлечением начала постигать «тайну, доверенную Казанове старым мудрым испанским отшельником». А вскоре Его Величество Случай предоставил Соблазнителю поистине фантастическую возможность проявить свои таланты и завоевать восхищение не только Эстер, но и ее отца.

Поднимаясь на второй этаж дома Д. О., Казанова увидел валявшееся на ступеньке зеленое портмоне; нагнувшись, чтобы поднять его, он неловко оступился, портмоне выскользнуло у него из рук и провалилось в широкий проем между ступенями. Решив сообщить о находке хозяину, он вошел к нему в кабинет и застал его в совершенно подавленном настроении. Оказалось, что Д. О. потерял портмоне с важными документами и банковскими билетами на сумму в сорок тысяч фунтов. Мгновенно сообразив, какой уникальный шанс предоставляет ему Фортуна, Казанова предложил обратиться к оракулу за советом, где искать пропавшее портмоне. Желая продемонстрировать свои способности, а также для чистоты эксперимента, он попросил сделать это Эстер. Красавица уверенно перевела записанный на бумаге вопрос в цифры, а затем столь же уверенно расшифровала ответ, предоставленный ей Казановой в виде все тех же цифр. Оракул сообщал, что искать следует под пятой ступенью лестницы, ведущей на второй этаж. Когда, согласно указаниям оракула, бумажник был извлечен из-под лестницы, Д. О. на радостях вручил Эстер и Казанове по две бумажки, стоимостью в тысячу фунтов каждая. Галантный кавалер принялся отказываться и пытаться отдать свой приз Эстер, уверяя, что находка бумажника не является его заслугой. Однако Д. О. не желал ничего слушать. Восхищенный финансист преисполнился такого почтения к венецианцу, что немедленно занялся его делом, а именно поиском покупателей королевских неликвидов, пока еще не проданных Казановой. Впрочем, покупателей он нашел, но цена, которую те были готовы заплатить, не устраивала д'Афри и его парижских патронов. Они полагали, что война скоро закончится и французские ценные бумаги вновь поднимутся в цене, и они боялись продешевить.

Финансист и торговец Д. О. также был судовладельцем.

Об одном из его кораблей давно не было никаких известий, и он чрезвычайно тревожился о нем: по всем расчетам корабль этот должен был уже прибыть в Голландию. Поверив во всеведущего оракула, Д. О. стал просить Казанову узнать у него о судьбе его корабля. Он хотел знать, следует ли ожидать его возвращения, или же он потерпел крушение, и пора думать о том, чтобы возместить понесенные убытки. Соблазнитель долго отказывался: корабль, вышедший в море, повинуется стихиям, они могут вступить в единоборство с оракулом и скрыть от его взора корабль. Д. О. продолжал уговаривать, и Соблазнитель согласился. Ответ оракул дал весьма уклончивый: скорее всего, корабль все же прибудет в Амстердам, однако если в ближайшее время этого не произойдет, значит, он затонул где-то в южных морях. Д. О. приободрился, а меньше чем через две недели долгожданное судно действительно вошло в порт. На радостях финансист вручил Казанове два чека — на сто и двести тысяч флоринов; такова была его доля, причитавшаяся ему после продажи привезенного на корабле груза. Д. О. сделал Казанове и еще один подарок: нашел ему покупателя на королевские процентные бумаги, готового заплатить за них восемнадцать миллионов двести тысяч, из которых десять миллионов были наличными, а остаток — ликвидными ценными бумагами повышенного спроса, так что убыток казне был равен всего девяти процентам. Подобная потеря была поистине ничтожна, и на нее тотчас согласились и д'Афри, и прочие министры.

Миссия Казановы была выполнена, и он мог возвращаться в Париж. Но Д. О. не хотел отпускать Соблазнителя, он даже предложил ему совместно основать банк, дабы венецианец занимался прогнозированием, то есть предсказаниями, а Д. О., используя его прогнозы, то есть ответы оракула, совершал бы успешные финансовые операции. Желая привязать к себе ясновидца и оставить его в Голландии, Д. О. предложил ему жениться на его дочери. Слово «женитьба» всегда настораживало Соблазнителя. Да и жизнь в уютной Голландии казалась ему скучной и недостаточно шикарной. Чар юной Эстер было недостаточно для превращения Казановы в домоседа и банкира. Однако напрямую отвергать столь заманчивое предложение не хотелось, тем более что голландский торговец продолжал осыпать его дарами, а красавица Эстер искренне радовалась выбору отца. Наконец было решено, что Казанова вернется в Париж, отчитается за продажу ценных бумаг и вернется в Амстердам. На прощание Эстер подарила жениху два тысяchefунтовых банковских билета из достопамятного портмоне, некогда врученные ей батюшкой, что дало Казанове возможность перед отъездом из Голландии приобрести

небольшую шкатулку, доверху наполненную драгоценностями.

Вернувшись во Францию, удачливый спекулянт Казанова рассчитывал получить от заказчиков аферы куш во много раз больший, нежели достался ему при устройстве лотереи. Однако надежды его не оправдались: ни Шуазель, ни де Булонь, ни даже маркиза де Помпадур не собирались выплачивать ему комиссионные, ссылаясь на то, что из Голландии он вернулся богатым человеком, и, видимо, полагая, что он уже без чьего-либо ведома заработал на этой продаже. Его попросту облапошили. Авантюрист был возмущен поведением своих заказчиков, отказавшихся выплатить ему комиссионные. Однако, зная его характер и способности, нетрудно предположить, что он действительно сумел негласно поживиться за счет этой операции. Во всяком случае, шума он поднимать не стал, тем более что в конце 1758 года покровитель его, аббат де Берни, успевший к этому времени получить титул кардинала, попал в опалу и был отправлен в изгнание в провинцию. Ведь из Голландии Казанова действительно вернулся очень богатым человеком, столько денег у него еще не никогда было (и добавим: более не будет). Заработал же их Казанова не столько своими финансовыми способностями, сколько обаянием и шарлатанством.

Привыкнув жить днем сегодняшним, вернее удовольствиями сегодняшнего дня, Казанова занялся обустройством своей новой жизни. Он купил дом неподалеку от Парижа, в местечке, именовавшемся Малой Польшей, нанял кухарку и трех лакеев, завел выезд (кучер, пять лошадей из королевских конюшен, два экипажа) и стал давать обеды, кои, судя по отзывам, были чрезвычайно хороши. Особенно гости расхваливали кур, откармливаемых по распоряжению Казановы в полной темноте исключительно рисом, отчего мясо их было особенно нежным и белым. Вокруг дома Казановы было разбито два сада, и он, подобно принцу, каждый день в десять утра приказывал открывать ворота и впускать в свои сады желавшую погулять под их сенью аристократическую публику. Началась жизнь праздная и беспечная, полностью отвечавшая вкусам Авантюриста и чрезвычайно льстившая его самолюбию. «Я любил, я был любим, здоровье у меня было отменное, у меня было много денег, я мог тратить их, как хотел, и был счастлив», — писал Соблазнитель. Теперь он любому мог сказать: «Моя дружба и моя протекция вам обеспечены, а мой кошелек к вашим услугам». Однако придворные круги продолжали открыто не признавать его, и это брезгливое презрение, занозой засевшее в сердце Казановы, омрачало его отличное настроение. Он получил письмо от Эстер, где девушка спрашивала, когда он собирается возвращаться, а батюшка ее прилагал список вопросов по коммерческо-финансовой части,

дабы Казанова получил ответ на них у своего оракула. Отвечать на письмо Соблазнитель не стал, ибо боялся ошибиться в предсказаниях: вдруг господин Д. О. действительно последовал бы советам оракула? Подводить благодетеля было неловко, да и смысла не имело.

Соблазнитель не вернулся к Эстер, вернее, не вернулся в качестве жениха. Его тщеславная натура не смогла променять шикарную столичную жизнь на тихое обеспеченное существование в провинциальной Голландии. А может, никакой Эстер в Голландии не было? Или не было Эстер — дочери финансиста Д. О.? А может быть, это имя носила одна из белокурых голландских куртизанок, которых так часто посещал Соблазнитель? Образ Эстер не менее загадочен, чем образ М. М. Если вслед за рядом авторов предположить, что под буквами Д. О. скрывался купец и финансист Томас Хоупе, тогда Эстер не могла быть его дочерью, потому что у Хоупе дочерей не было. Если же Эстер была дочерью финансиста, значит, инициалами Д. О. Казанова именовал другого человека. Но, возможно, создавая образ Эстер, Казанова вспоминал какой-нибудь платонический роман, сумевший оставить след в его не слишком чувствительной душе. А может быть, черноволосая (или все же белокурая?) Эстер — собирательный образ очаровательных юных голландок, поразивших Казанову своей свежестью, живостью ума, а главное, своей непохожестью на парижанок? Разгадав тайну оракула Казановы, она была единственной, кто прямо сказал ему об этом. Собственно, подлинность Эстер не так уж и важна, Казанова вполне может себе позволить укоротить свой длинный список побед на одно имя, важно другое: в Голландии Соблазнитель встретил любовь, оставившую заметный след в его сердце, а подобные чувства он испытывал крайне редко.

Казанова сбросил с себя звание и жениха Манон Балетти. Едва дела его перестали идти в гору, как он тотчас осознал, что дочь актрисы не принесет ему в приданое ни больших денег, ни полезных связей. Очевидно, Манон тоже почувствовала бессмысленность своего ожидания, тем более что после утраты-Сильвии, цементирующего звена семейства Балетти, перед девушкой встала необходимость обустройства своей дальнейшей жизни. И если братьев ее с детства готовили для сцены, то воспитание, полученное ею, предполагало, что она будет вести праздную жизнь состоятельной дамы. Разумеется, путь на сцену и для Манон не был заказан, тем более что ей уже доводилось играть в спектаклях, которые ставила мадам де Монконсей, придворная дама королевы Марии Лещинской. Но сценическая карьера не прельщала Манон, и в июле 1760 года она вышла замуж за Франсуа-Шарля Блонделя, королевского

архитектора, члена Королевской академии архитектуры, вдовца, бывшего на тридцать пять лет старше своей избранницы. Сообщая Казанове в Голландию о своем замужестве, она просила его уничтожить ее письма и более не искать с ней встреч. «Вы меня очень обяжете, коли, вернувшись в Париж, будете столь любезны, что, встретив меня случайно где-либо, сделаете вид, что не знакомы со мной», — писала она. Получив это известие, Соблазнитель исполнился яростью и гневом против соперника, укравшего у него возлюбленную, и решил вызвать коварного на дуэль. Потом, сообразив, что соперник не виноват, он принялся писать гневное послание своей бывшей невесте, осмелившейся изменить ему, предпочесть ему другого! Но вскоре исписанный нервным почерком лист был смят и брошен в угол, а Казанова без сил откинулся на спинку стула: он чувствовал себя совершенно опустошенным. Так, переходя от буйства к изнеможению, провел он в гостинице целый день, затворившись ото всех и не принимая пищи. Наконец, исчерпав до дна все накопившиеся эмоции, порожденные поступком Манон, он приказал своему слуге Ледюку причесать его, а потом принести обед и приготовить фрак с золотыми пуговицами.

Встреч с Манон Казанова действительно больше не искал. Известно даже, что долгое время он избегал появляться на тех приемах, куда была приглашена мадам Блондель. Только письма своей суженой Казанова сохранил, по крайней мере часть из них была обнаружена в его бумагах в замке Дукс. Но другая часть, возможно, даже **большая**, была утрачена: то ли Казанова, как просила Манон, сжег ее, то ли, как утверждают некоторые, подарил своей голландской любовнице. Во всяком случае, письма эти никак не повлияли на дальнейшую судьбу Манон. Она была счастлива в браке, родила двоих детей, а муж ее был чрезвычайно благодарен Казанове за то, что тот сохранил девственность его невесты. Господин Блондель любил жену и никогда ей не изменял; впрочем, возраст архитектора и не располагал к изменам.

Одним из способов Казановы морочить головы окружающим было умение общаться с оракулом, которого Авантюрист именовал Паралисом. Это умение привлекло к Казанове внимание маркизы д'Юрфе, красивой дамы пятидесяти трех лет от роду, состоявшей в родстве со многими знатными семействами Франции. Казанова был представлен маркизе ее родственником, графом де Ла Тур д'Овернем, которого Казанова вылечил от ломоты в костях, прописав ему особый состав ртутной мази, массаж, а также нарисовав ему на больном бедре пентаграмму. О мази и массаже все быстро забыли, в памяти сохранилась только процедура нанесения

пентаграммы, поэтому исцеление приписали каббалистическим познаниям Казановы.

Графа и Соблазнителя сдружил забавный случай. Однажды граф, покидая загородную резиденцию известной куртизанки Камиллы, предложил Казанове подвезти его до города. Экипаж был рассчитан на двоих, графа был в сопровождении любовницы, поэтому всем троим пришлось потесниться. Соблазнитель, давно заглядывавшийся на графскую любовницу, решил воспользоваться случаем и получить хотя бы мимолетное удовольствие, тем более что опыт по части любви в каретах у него был богатый. Без промедления схватил он руку красотицы и принялся ласкать ее, покрывать поцелуями и прикладывать то к сердцу, то к иным местам. Неожиданно раздался смех графа, и Соблазнитель в ужасе понял, что ошибся и ласкал не ту руку! Но Ла Тур д'Овернь несколько не обиделся на любвеобильного венецианца и, отсмеявшись, отпустил не слишком приличную шуточку относительно итальянской галантности.

Маркиза д'Юрфе играла на бирже, а также страстно увлекалась магией, алхимией и прочими оккультными науками. У нее была превосходно оборудованная химическая лаборатория, где она вот уже пятнадцать лет держала на огне вещество, которое года через три-четыре должно было превратиться в порошок, способный обратить в золото любой металл. В ее кабинете стояли чучела редких животных, зеркала с изогнутой поверхностью, сосуды с царской водкой. Она собрала и хранила у себя множество поистине бесценных рукописных трактатов великих оккультистов прошлого, в том числе и самого Парацельса^[47], коему приписывали создание эликсира жизни. И Парацельс, изречения из трудов коего она приводила к месту и не к месту, и Роджер Бэкон^[48], и Раймонд Льюль^[49] для нее никогда не умирали, и мысленно она продолжала с ними общаться. Не было ни одного мага или оккультиста, который по прибытии в Париж не нанес бы ей визит. Наслушавшись рассказов о чудесном исцелении племянника, она, подобно Брагадину, изначально уверовала в магический дар Казановы, а узнав о существовании Паралиса, тотчас приписала Соблазнителю способность общаться с духами и в любых речах его стала находить скрытый смысл. Не имея привычки разубеждать людей, принимавший его за истинного адепта тайных учений, Авантюрист предпочитал использовать это заблуждение себе на пользу. Маркиза постоянно жаждала общения с оракулом, и Казанова, которому вскоре надоело вопрошать Паралиса обо всем и вся, равно как и толковать его ответы, обучил ее шифру, дабы она сама могла задавать духу вопросы.

Убедившись, что маркиза в любой бессмыслице была готова увидеть тайный смысл, он с легким сердцем доверил ей и толкование ответов оракула, окончательно уверовав в то, что имеет дело с особой, мягко говоря, излишне экзальтированной. Почтенная маркиза утверждала, что владеет рукописью, где разъяснен смысл Великого Деяния. Текст рукописи, разумеется, зашифрован, но Казанова наверняка знает или может узнать ключ от шифра. Не желая разочаровывать знатную сумасбродку, Авантюрист, с трудом сдерживая смех, с многозначительным видом произнес слово, «не принадлежавшее ни к одному из известных языков». Маркиза была в восторге, а Казанова, по его собственным словам, уходил от нее, «унося с собой ее душу, сердце, разум и остатки здравого смысла».

В доме у д'Юрфе Авантюрист познакомился с удачливым конкурентом — графом де Сен-Жерменом, *загадочным существом*, как назвал его прусский король Фридрих II. В отличие от Казановы Сен-Жермен обладал не только даром рассказчика, но и умением молчать, а посему снискал расположение и в аристократических салонах, и у самого короля. Разносторонне образованный, свободно говоривший на нескольких языках, он успевал всюду. Женщины были от него без ума, великие мужи, среди которых можно назвать Гёте и Шиллера, пытались разобраться в магии его обаяния. Мадам де Помпадур перевозносила его до небес. Даже Казанова, считавший Сен-Жермена прирожденным обманщиком, не отказывал ему ни в уме, ни в обаянии. Конечно, когда граф утверждал, что живет на свете более трехсот лет, умеет плавить бриллианты и владеет секретом вечной молодости, люди здравомыслящие имели право усомниться в его искренности. Но в целом игру по *введению в заблуждение дураков* он вел значительно более тонко, нежели его венецианский брат. Так, к примеру, оба авантюриста подвизались на ниве омоложения прекрасных дам. Но если Сен-Жермен, поставляя женщинам пудру для вящей красоты и воду для омоложения и замедления старения, никогда не обещал скорого результата, то Казанова, не раздумывая, шел просто на дешевый подлог.

О способе омоложения *a la* Казанова рассказал в своих записках авантюрист Лоренцо Да Понте, лично знавший Соблазнителя. Как-то раз, когда Казанова особенно нуждался в деньгах, его познакомили с одной состоятельной дамой преклонного возраста, по-прежнему продолжавшей заглядываться на мужчин. Казанова стал усердно исполнять роль преданного воздыхателя, однако вскоре понял, что дело не выгорит, так как увядающая красавица неожиданно часто стала смотреться в зеркало, подсчитывать морщины и думать о вечном. Тогда Соблазнитель решил поведать ей под большим секретом способ омоложения, после которого

тело вновь становится свежим и прекрасным, как у пятнадцатилетней девочки. Дама проявила к сообщению живой интерес, и Казанова, дабы не быть голословным, предложил в тот же вечер продемонстрировать свой способ. Увядаящая красавица согласилась и, как он велел, отослала из дома всех слуг, дабы чей-нибудь *дурной глаз* не помешал действию колдовских заклинаний. Тем временем Соблазнитель помчался к знакомой молоденькой куртизанке и, пообещав солидное вознаграждение, предложил сыграть комедию. Загримировав девицу под семидесятилетнюю старуху, он вместе с ней отправился к легковерной увядаящей красавице. На глазах у изумленной дамы он извлек из кармана флакон темного стекла, дал «старухе» выпить его содержимое, произнес магические слова, а затем уложил ее на кушетку и с головой накрыл черным покрывалом, под которым куртизанка быстро избавилась от грима. Через несколько минут из-под покрывала выпорхнула очаровательная юная девица. Увядаящая красавица была потрясена, она обнимала и целовала девицу, тормошила ее и засыпала вопросами, на которые та отвечала бойко, но уклончиво. Опасаясь, как бы куртизанка не наговорила лишнего, Казанова быстро увел ее из дома, а когда вернулся, нашел увядаящую красавицу в состоянии, близком к экстазу. Бросившись ему на шею, она потащила его к себе в кабинет, распахнула шкаф, где хранила деньги и драгоценности, и объявила, что после операции омоложения отдаст ему руку и сердце и все свое состояние в придачу. После такого заявления Казанова, не теряя времени, вынул из кармана второй флакон, где, в отличие от первого, была уже не безобидная жидкость, а настойка лауданума, дал выпить ее увядаящей красавице, произнес заклинание, а потом отвел ее на кушетку, уложил и накрыл тем же самым покрывалом. Под воздействием опиума легкомысленная особа вскоре сладко захрапела, а Казанова, забрав шкатулку с драгоценностями и золото, поспешно удалился.

Но Судьба наказала его за обман доверчивой жертвы. Возле дома увядаящей красавицы его поджидал Коста, доверенный слуга, готовый в случае непредвиденных обстоятельств помочь господину скрыться. Вручив слуге шкатулку с драгоценностями, Казанова приказал ему ехать в крохотную деревушку, расположенную в двенадцати лье от Парижа, и там ожидать его в придорожной гостинице. Сам же он отправился отдавать куртизанке обещанные пятьдесят луидоров. Говорят, у воров есть свой особый кодекс чести. Таковой, видимо, был и у Казановы. Не чувствуя ни малейших угрызений совести за совершенное им ограбление беззащитной женщины, он тем не менее почитал своим долгом расплатиться с сообщницей. А пока чудотворец и куртизанка радовались ловко

провернутому дельцу, Коста, не выдержав искушения, во весь опор мчался к французской границе. Так что когда Соблазнитель прибыл в условленную гостиницу, он не нашел там ни слуги, ни бриллиантов. Оставшись с пустыми карманами, он долго бушевал, проклиная и увядающую красавицу, и куртизанку, и слугу. Привыкнув обманывать других, он никак не мог смириться с тем, что его лакей, коего он и за человека не считал, так легко одурачил его.

Даже если в своем рассказе авантюрист Да Понте что-то изменил или присочинил, от этого история не перестает быть вполне в духе Казановы. Тем более что сам венецианец писал, что слуга его Коста обокрал его на пятьдесят тысяч экю. Обкрадывал его также и другой слуга — Ледюк, которого из-за его ловкости Казанова терпел несмотря на кражи.

История с омоложением во многом напоминает историю перерождения маркизы д'Юрфе с той разницей, что волею обстоятельств процедура перерождения затянулась более чем на год. Пожилые дамы, одинокие и состоятельные, во все времена являлись легкой добычей для проходимцев. Не избежал искушения поживиться за их счет и Соблазнитель. И если вид юных несовершеннолетних созданий пробуждал в нем плотское вожделение, то при виде красавиц преклонных лет глаза его вспыхивали алчным блеском. Однако следует отдать ему должное. «Всякий раз, когда я вспоминаю об этом, грусть и стыд охватывают меня», — пишет он в своих «Мемуарах», признаваясь, что сумел заморочить голову маркизе д'Юрфе.

Поклонница оккультных наук, мадам д'Юрфе, несомненно, читавшая «Графа Габалиса»^[50], твердо верила в возможность общения с духами; по словам Казановы, «выказывая легковерность несравненную, она объявила однажды, будто Дух сообщил ей, что, поскольку она женщина, ей не дано разрешение сноситься с духами стихий». Дав волю фантазии, маркиза убедила себя, что Казанова, принадлежа к счастливому сонму посвященных, может осуществить ее перерождение, переселив ее душу в тело ребенка мужского пола, рожденного от философического соития бессмертного со смертной либо смертного мужа с божественной супругой. Авантюрист не разубеждал ее, не считая зазорным использовать женские бредни для собственной выгоды, особенно когда маркиза только того и желала, *чтобы кто-нибудь ее одурачил*. Власть над маркизой д'Юрфе, обладавшей немалым состоянием и бывшей в родстве со многими знатными семействами королевства, льстила ему, а ее желание переродиться наконец дало ему зацепку, как эту власть использовать. Поэтому однажды он намекнул, что действительно может осуществить

вождевленное перерождение, только вряд ли на это отважится, поскольку в процессе операции ему придется умертвить ее. Однако маркизу это не смутило.

Обдумывая план перерождения маркизы, Казанова познакомился с неким прожектором и увлекся его идеей создания мануфактуры по производству шелковых набивных тканей. После успехов на «дипломатическом» поприще Казанова привык жить на широкую ногу, деньги стремительно таяли, и ему хотелось упрочить свое финансовое положение. Конечно, он отдавал себе отчет, что пока в Европе идет война, наладить сбыт тканей вряд ли удастся. Но вслед за рядом высокопоставленных чиновников он полагал, что война скоро кончится, и тогда он разбогатеет и станет получать ренту никак не меньше двухсот тысяч франков в год.

Казанова снял просторный дом в квартале Тампля и нанял прислугу и персонал: четырех лакеев, двух служанок, управляющего, художника, счетовода, двух конторщиков и сторожа. Управляющему было поручено нанять двадцать молоденьких красильщиц примерного поведения, которых художник должен был обучить расписывать ткань. Ткани отбирал сам новоиспеченный владелец мануфактуры, расплачиваясь за них наличными. Постепенно дело налаживалось, однако дохода не приносило, а лишь требовало все новых и новых затрат. На складе стали скапливаться расписанные ткани, продавать которые было решено штуками. Однако покупателей пока не находилось, попадались все больше девицы, которые, разжалобив Соблазнителя, получали свой отрез на платье. Осознав, что предприятие его разорится раньше, чем начнет приносить прибыль, венецианец попытался увлечь своим проектом Д. О., написав ему письмо, где предлагал войти с ним в долю. Д. О. отвечал, что, если Казанова согласен перевезти мануфактуру в Голландию, он все расходы возьмет на себя и станет выплачивать итальянцу причитающуюся ему часть доходов. Авантюрист не хотел покидать Париж и отказался.

Но разорение подстерегало Соблазнителя не в лавке, а в просторной зале, где работали мастерицы, с которыми он решил познакомиться поближе. Нетерпеливый Соблазнитель не торговался, и девицы, беря пример с первой, дорого продавали свои ласки: каждая, по его утверждению, требовала себе дом с обстановкой. Дня через три очередная работница ему надоедала, он брал в наложницы новую, но еще какое-то время продолжал содержать предыдущую. Естественно, что, побывав в постели Соблазнителя, ни одна из девиц на фабрику более не возвращалась.

Женщины доставляли Казанове не только удовольствия. Немало неприятных часов пришлось ему пережить из-за Джустинианы Винн. Дочь английского лорда и венецианки, за которой он несколько лет назад пытался ухаживать, отдала тогда предпочтение венецианскому шалопаю Андреа Меммо. Теперь, по приезде в Париж, за нее посватался богатейший откупщик де Ла Поплиньер^[51], и мать ее уже назначила день свадьбы. Девица была в отчаянии: она была беременна от Меммо и не знала, как избавиться от плода. Любовник был далеко, и она как к старому другу обратилась за помощью к Казанове, который по-прежнему питал к ней любовную страсть. Тот дал ей пилюли, стимулирующие выкидыш, но они не подействовали. Тогда он попытался *излечить* ее с помощью кровопусканий. Когда и это средство не подействовало, он, надев маску, под покровом темноты повел Джустиниану тоже в маске к старой мегере, о которой было известно, что она за известную мзду искус — но устраняет последствия пылкой страсти неосторожных любовников. Взглянув на Джустиниану и узнав срок беременности (почти шесть месяцев, как пишет Казанова), она отказалась даже разговаривать с ночными посетителями. Пустив в ход все свое красноречие, Казанова сумел уломать мегеру, и она согласилась сделать операцию за пятьдесят луидоров, причем половину потребовала прямо сейчас, а остальное — после операции. Приказав перепуганной девице прийти на следующий день в полночь, злобная старуха взяла деньги и, еще раз смерив обоих просителей нехорошим взглядом, буквально вытолкала их за дверь. Провожая заплаканную Джустиниану домой, Казанова почувствовал, что не может отдать это хрупкое и очаровательное создание на поругание гнусной ведьме, и уговорил девицу отказаться от операции. Она обрадовалась, ибо один только вид грязной крюконосой старухи уже повергал ее в ужас. Вместе с тем она по-прежнему настаивала на освобождении от плода и стала уговаривать Казанову найти еще какое-нибудь верное средство. Пока же она попросила его отвести ее не домой, а на один из публичных балов, которые часто устраивали в те времена в Париже. Там она протанцевала до утра, очень надеясь, что от толчков, прыжков и духоты у нее случится выкидыш.

Отчаявшись что-нибудь придумать, Казанова обратился за советом к мадам д'Юрфе, и та рекомендовала ему средство Парацельса — мазь под названием *ароф*, состоящую из шафрана, мирры, меда и растертого в порошок рога. К этой смеси, вводимой посредством цилиндра, предлагалось добавить также «еще теплого семени верного друга». Последняя рекомендация пришлась Казанове особенно по душе, тем более

что вводить мазь следовало несколько раз в день в течение недели. Джустиниана упорно желала сохранить верность своему возлюбленному, и Казанове, чтобы убедить ее принять чудодейственную мазь, дабы таким образом избавиться от нежелательного плода, пришлось произнести длинную возвышенную речь, исполненную научных терминов и латинских цитат. Джустиниана не устояла и согласилась — с условием, что введение мази будет происходить в полной темноте. Соблазнителю удалось выговорить единственную свечу, ибо без света вовсе ей вряд ли удастся точно и в нужном количестве нанести мазь *ароф* на кончик его инструмента. В урочный час пациентка прибыла к лекарю, тот тщательно запер за ней дверь, уложил ее на кушетку, разделся, погасил все свечи, кроме одной, которую взял в руку, дабы освещать операцию, придвинул к Джустиниане баночку с мазью, и та дрожащими руками нанесла ее на инструмент. Затем, задув свечу, Соблазнитель медленно овладел красавицей. «Самое удивительное, — писал Казанова об этом вечере в „Мемуарах“, — что ни один из нас не только не рассмеялся, но даже и не пытался это сделать, настолько мы вжились в наши роли».

Увы, мазь Парацельса, даже внесенная блистательным Казановой, не помогла. Соблазнителю пришлось прибегнуть к помощи своей знатной приятельницы дю Рюмэн, и та поместила Джустиниану в монастырь, настоятельница которого приходилась родней Роганам и Субизам^[52]. После родов аббатиса исповедала ее и выдала ей «свидетельство о непорочности». С этим свидетельством Джустиниана возвратилась домой, где тем временем происходили весьма бурные события, в результате которых Соблазнитель едва не угодил за решетку. Мать Джустинианы, которую девица не могла предупредить о том, куда она отправляется, стала требовать от Казановы, чтобы тот вернул ей дочь или, по крайней мере, сообщил, что с ней и где она. Местонахождением красавицы живо интересовался также ее жених, заподозривший в исчезновении невесты неладное. Тут вмешалась старая мегера, раздобыв лжесвидетеля, она обвинила Казанову в разврате и попытке принудить ее вытравить плод. К счастью, мадам дю Рюмэн снова не оставила Казанову своими заботами и вступилась за него перед полицейским комиссаром, который, дабы окончательно не попасть впросак, в конце концов арестовал мегеру. Тем временем вернулась Джустиниана, ее мать забрала из полиции свою жалобу, и Казанова был полностью оправдан. Пострадала одна лишь мегера, да и ту вскоре выпустили под залог, уплаченный Соблазнителем. Это приключение не только лишило Джустиниану богатого жениха, не поверившего свидетельству, выданному знатной аббатисой, но и подмочило

репутацию Казановы, стало тем первым камешком неудач, которые вскоре градом посыпались на него, отчего он вынужден был бежать в Голландию.

В это же время Соблазнитель влюбился в мещанку Баре, содержавшую вместе с мужем чулочную лавку. Под предлогом покупок Казанова зачастил в лавочку, где в огромных количествах скупал чулки, жилеты и панталоны, а потом просил юную лавочницу доставить покупки к нему домой.

Иногда к несказанной досаде Казановы свидания срывались ибо покупки ему приносил муж красавицы. В конце концов Соблазнитель почел за лучшее стать его другом, дабы иметь возможность в любое время навещать супружескую чету, в том числе и в отсутствие супруга. Чаровница Баре подарила Казанове немало сладких часов. Молоденькая мещаночка, оставшаяся из-за недуга мужа девственной даже после свадьбы, впервые познала страсть в объятиях любовника, коему и стремилась угодить со всем нерастраченным пылом юности. Связь с Баре также обошлась ему недешево. Ничего не требуя, очаровательная лавочница тем не менее подробно изложила ему финансовое положение молодой четы, обремененной долгами за приобретенную в рассрочку лавочку. Склонный к спонтанной щедрости, особенно когда дело касалось понравившейся ему женщины, Казанова уплатил по векселям супругов и вручил чаровнице Баре кошелек с луидорами. Таким образом муж ее был избавлен от долгов и сумел сохранить дело в отличие от самого Казановы.

Мануфактурное дело, не имея налаженного сбыта, а также из-за постоянно менявшихся работниц, стремительно приходило в упадок. Содержание дома в Малой Польше требовало немалых затрат. Казанова попытался продать убыточную фабрику, но и здесь его подстерегла неудача: фабрику обокрали, и тот, кому он ее продал, потребовал либо вернуть ему деньги, либо возместить убытки, причиненные кражей. Казанова платить отказался, и покупатель подал на него в суд. Нанятый адвокат оказался мошенником. В результате всех этих злоключений Соблазнитель угодил в долговую тюрьму. Там ему предложили уплатить залог и выйти на свободу, дабы не оставаться в камере до начала процесса. Пока Казанова раздумывал, где взять денег, мадам д'Юрфе внесла залог и сама приехала за ним в тюрьму. Усадив Соблазнителя в карету, она сразу же повезла его на прогулку, чтобы никто в Париже не усомнился в его освобождении.

Выйдя из тюрьмы, Казанова затеял сразу два процесса — против покупателя фабрики и обокравшего его адвоката, но, окончательно запутавшись в процессуальных тонкостях, не довел до конца ни одного дела и уехал в Голландию. Перед отъездом он на скорую руку распродал оставшееся у него имущество, пообещал заплатить кредиторам из денег,

внесенных в качестве залога, и повидался с герцогом де Шуазелем, надеясь получить у него рекомендательные письма. Герцог писем не дал, но обещал сообщить о его прибытии посланнику, господину д'Афри, и подтвердил, что ежели ему в Голландии удастся добиться для Франции займа в сто миллионов под пять процентов годовых, то Казанова может рассчитывать на французское гражданство и дворянский титул. Мадам д'Юрфе бегство свое он объяснил тайным приказом ордена (скорее всего, розенкрейцеров, так как маркиза считала Казанову его членом), дабы она не заподозрила, что он бежал, не желая платить долги.

В Голландии Казанова не задержался, прежние его знакомцы принимали его прекрасно, двери дома Д. О. всегда были для него открыты, но едва он заводил речь о деньгах или каких-либо финансовых комбинациях, все тотчас становилось немой и глухой. Шуазель действительно сообщил посланнику о прибытии Авантюриста, но предупредил, что иметь дело с ним можно только в случае, если тот сам добьется получения займа, тем более что с теми же целями в Голландию прибыл коллега и конкурент Казановы граф Сен-Жермен. Впрочем, на этот раз оба остались ни с чем, а посему разъехались: Сен-Жермен — в Англию, а Казанова — в Германию.

ЛЮБОВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ГЕРМАНИИ И ШВЕЙЦАРИИ. ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМИ СОВРЕМЕННОКАМИ

Проезжая через германские княжества, Казанова нигде не задерживался: прибытие, размещение в лучшей гостинице, представление сильным мира сего, удовлетворение любовного каприза, карты — и снова в путь. Соблазнитель наслаждался сам и дарил наслаждение женщинам. С мужчинами он играл в карты и часто проигрывал, пробивая брешь в своем бюджете, состоявшем из денег, спасенных от парижских кредиторов, кое-каких голландских сбережений и карточных выигрышей; а еще он возил с собой шкатулку с драгоценностями. В то время самым блистательным немецким двором в Европе считался двор герцога Вюртембергского, разбогатевшего на продаже собственных подданных. Франция купила у него целый корпус численностью в десять тысяч человек, отличавшихся, по словам Казановы, крайней бестолковостью. Герцог Карл Евгений^[53] был известен своей расточительностью. При вюртембергском дворе были превосходная итальянская опера, оркестр, состоявший из первоклассных виртуозов, восхитительный балет и лучшая, после парижской, французская комедия. Празднества и развлечения поглощали несметные суммы, так, на один только фейерверк в 1763 году было истрачено пятьдесят две тысячи гульденов.

Атмосфера роскоши и увеселений не могла не привлекать Авантюриста: именно в ней легче всего пускать пыль в глаза, швыряя на ветер медяки и подбирая разбрасываемое золото. Но в Штутгарте, столице герцогства, ему с самого начала не повезло. Он не говорил по-немецки, отчего вызвал неудовольствие герцогской свиты, нарушил принятый в театре обычай аплодировать только вслед за герцогом, сначала захлопав в тишине, а потом сидя с каменным лицом во взорвавшемся восторженными аплодисментами зале. Герцог Карл Евгений был с ним любезен, однако беседа была краткой, и герцог, по мнению Казановы, не проявил к нему должного интереса. А далее дела пошли еще хуже, хотя, по собственному признанию Авантюриста, он был сам во всем виноват: «Все несчастья, случившиеся со мной в Штутгарте, имели причиной исключительно мое дурное поведение». В кафе он познакомился с тремя офицерами, предложившими ему пойти развлечься в злочное заведение, где жрицами

продажной любви служили исключительно итальянки. Утомленный постоянно звучащей вокруг непонятной немецкой речью, он прельстился возможностью поговорить на родном языке и принял приглашение. Его привели в подозрительного вида дом на окраине города. Там их действительно встретили три молоденькие итальянки, обрадовавшиеся гостям, а особенно соотечественнику. Пока они целовали и обнимали венецианца, офицеры приказали принести венгерского вина, и все выпили за здоровье присутствующих. Затем принесли карты, и Казанове предложили сыграть. В голове у него шумело, однако он без колебаний согласился и к утру проиграл почти четыре тысячи луидоров. Денег с собой у него не было, он пообещал заплатить и отбыл к себе в гостиницу.

Утром, одеваясь, он обнаружил в кармане сто луидоров, зато нигде не нашел ни часов, ни золотой табакерки. Он понял, что его обокрали. Скорее всего, это сделали девицы из подозрительного дома: обнимая и целуя его, они в то же время опустошали его карманы. И тут он вспомнил о проигрыше. Четыре тысячи луидоров у него были, во всяком случае, он вполне Мог бы их наскрести, продав часть драгоценностей, но делать этого ему очень не хотелось. И когда вчерашние офицеры явились за долгом, он заявил, что его нарочно завлекли в подозрительное место, где его обокрали, вытащив золотые часы и табакерку стоимостью триста луидоров, а затем напоили отравленным вином и усадили играть, заранее зная, что он проиграет. Офицеры возмущенно заявили, что подадут на него в суд, на что Казанова отвечал, что готов судиться с кем угодно, но платить не будет.

Разозленные офицеры добились помещения Авантюриста под домашний арест до прибытия чиновника, который должен был составить полную опись его имущества, включая содержимое заветной шкатулки. Понимая, что проигранная сумма у него будет конфискована, Казанова решил бежать, а так как возле дверей его комнаты поставили часового, он вылез в окно, а следом за ним лакей спустил его чемоданы. Некоторое время Казанова скрывался у своих приятелей — итальянских актеров, ожидая ответа на свою жалобу, направленную самому герцогу. Но герцог решил не вмешиваться в дразги между подданными и заезжим иностранцем, и Казанове пришлось спешно покинуть город. Под покровом ночи он отбыл в Швейцарию, в Цюрих.

Прибыв в Цюрих и остановившись, по своему обыкновению, в лучшей гостинице, он заказал себе ужин и в полном одиночестве съел его. Одинокая трапеза направила мысли его в философическое русло, и он стал размышлять, зачем он, собственно, приехал в этот город, где у него не было ни друзей, ни знакомых. Уверившись, что он навлек на себя случившиеся с

ним неприятности исключительно потому, что злоупотребил милостями Фортуны, Казанова отправился спать. Обычно сон разгонял неприятные мысли, но на этот раз такого не случилось, и проснулся он в еще более мрачном настроении. Позавтракав, Казанова отправился на прогулку. Быстро очутившись на окраине, он увидел тропинку, вьющуюся среди окружавших город гор. Шесть долгих часов шагал по ней Соблазнитель, удрученный думами о бренности всего земного, пока не очутился возле массивного церковного здания, примыкавшего к глухим монастырским стенам. В церкви, заполненной бенедиктинскими монахами, как раз шла служба. Возрадовавшись, что Господь вывел его к католическому храму, Казанова остался помолиться.

Служба завершилась, и Казанова подошел к аббату, чтобы расспросить его поподробнее, что это за церковь и монастырь. Так как аббат говорил только по-немецки и на местном швейцарском наречии, Казанове пришлось беседовать с ним на латыни, что, впрочем, ничуть не отразилось ни на приятности беседы, ни на живости их общения. Аббат поведал путешественнику, что монастырь был основан в X веке, но церковь намного древнее, ибо освятил ее сам Иисус Христос, оставивший в качестве доказательства своего пребывания отпечатки божественных пальцев на мраморной плите. С этими словами аббат подвел Казанову к плите, на гладкой поверхности которой действительно видны были пять углублений. Согласно преданию, к первому настоятелю монастыря во сне явился Христос и поведал ему, что монастырская церковь находится под особым его покровительством, ибо он сам освятил ее, а дабы никто в этом не сомневался, он оставляет отпечаток своей божественной руки. Пробудившись ранним утром, настоятель бросился в церковь и, увидев, что на плите действительно отпечатался след руки, опустился на колени и вознес хвалы Господу.

Красивая легенда, величественный пейзаж, удачно дополняемый глухими монастырскими стенами, настроили Казанову на покаянный лад, и он попросил аббата показать ему заодно и монастырь. Любезный аббат, не часто встречавший столь любознательных путешественников, не только провел его по монастырю, но и пригласил разделить с ним трапезу, каковая оказалась выше всяческих похвал. Так как гость выразил желание исповедаться, после обеда монах повел его в маленькую часовенку, завернув по дороге в монастырскую библиотеку, где, по его словам, находились книги исключительно духовного содержания. Количество этих книг, а также образцовое содержание их приятно поразили Казанову, и ему внезапно захотелось сделаться монахом.

Исповедавшись, то есть в течение трех часов занимая аббата рассказами о самых скандальных своих похождениях, Казанова заявил, что хочет принять покаяние. В ответ аббат предложил гостю переночевать в монашеской келье, дабы без помех помолиться Господу, а наутро причаститься, ибо воистину покаяться дается не каждому, а лишь тому, на кого снизойдет Божья благодать. Приняв предложение аббата, Казанова, отказавшись от ужина, заперся в отведенной ему келье. Стремление стать монахом и начать размеренную жизнь, не подверженную капризам Фортуны, вновь пробудилось в нем. Поразмышляв немного, он решил, что взнос в десять тысяч экю позволит ему добиться десятилетнего срока послушничества, особенно ежели он пообещает даже при отказе от принятия пострига оставить взнос в монастыре. А уж коли он решится стать монахом, на ренту с этой суммы монастырская жизнь явно не покажется ему слишком суровой. Мгновенно изложив сей прожект на бумаге, Казанова утром за чашкой шоколада вручил его аббату. Тот прочитал и пообещал дать ответ через две недели. Затем аббат подвез его до города, где у него имелось дело, вручил два рекомендательных письма и подтвердил, что ровно через две недели прибудет в гостиницу, где остановился Казанова.

Вернувшись к себе, Соблазнитель приказал слуге нанять на две недели экипаж, пообедал, а вечером отправился в концерт. Следующие два дня он посвятил знакомству с адресатами писем, кои немедленно пригласили его к обеду. В обоих домах он сообщил о своем желании уйти в монастырь и всюду был встречен с пониманием. Через несколько дней Казанова обнаружил, что личность его, равно как и намерения, известны всему городу: хорошо одетые граждане смотрели на него уважительно и раскланивались. Такое отношение помогало Соблазнителю убеждать себя, что именно монашество является истинным его призванием. Возможно, ему даже удалось себя в этом уверить, раз ни одна из девушек в домах, куда он был приглашен, не привлекла его внимание. Не помышляя ни о картах, ни о любовных утехах, он вел размеренный образ жизни и каждое утро по три часа занимался с учителем немецким языком.

Но, как известно, постоянство и упорство не в характере Казановы. Накануне приезда бенедиктинского аббата перед гостиницей остановилась карета, откуда вышли четыре дамы, одна из которых, одетая в темную с серебром амазонку, с первого взгляда поразила Соблазнителя своей свежестью и красотой. Желая привлечь к себе ее внимание, он так далеко высунулся из окна, что едва не вывалился на улицу. Однако цель была достигнута: красавица подняла на него свои миндалевидные черные глаза,

лилейные щеки ее зарделись румянцем, и она, взмахнув густыми черными ресницами, быстро потупила взор. «Бойтесь, смертные, таких встреч, избегайте их, коли имеете на то силы. Упорствуйте, одержимые, ежели можете, в безумной затее похоронить себя в монастыре, упорствуйте даже после того, что увидел я в ту минуту в Цюрихе, 23-го числа апреля месяца», — написал Казанова, из чего явно следует, что от его желания уйти в монастырь не осталось и следа. Теперь он думал только о том, как бы поближе сойтись с прекрасной незнакомкой. Увидев сквозь выходившее на лестницу окошко, как слуга в длинном фартуке несет ужин, заказанный вновь прибывшими дамами в номер, Соблазнителью пришла в голову дерзкая мысль занять место гостиничного прислужника и таким образом полюбоваться на свою красавицу, а там — кто знает? — может быть, даже разузнать кое-что о ней. Не долго думая, он окликнул слугу и за приличное вознаграждение уговорил того уступить ему на вечер свой передник и свои обязанности по обслуживанию только что приехавших дам.

Прекрасно справившись с обязанностями подавальщика и виночерпия, Соблазнитель заслужил всеобщие похвалы и, приободрившись, дерзнул предложить красавице услугу гораздо более интимную, а именно расшнуровать и снять с нее сапожки. Галантный век позволял лакеям исполнять роль горничных, поэтому красавица согласилась, и Соблазнитель получил возможность не только созерцать хорошенькую ножку, но и коснуться ее теплой нежной кожи. Потом же — увы! — он вынужден был удалиться, унося с собой запыленные сапожки, дабы к утру слуги почистили их.

На следующий день, исполнив обещание, приехал аббат, и Казанова, заказав роскошный обед, во время трапезы признался, что вчера изменил свое решение и более не помышляет о монастырском уединении. Аббат похвалил его за честность и заявил, что любой желающий спастись может сделать это и в миру, не заключая себя в узкое пространство монастыря. Расстались они друзьями: аббат уехал к себе в обитель, а Казанова остался в гостинице. Как ни старался он скрыть свой вчерашний маскарад, к утру вся прислуга и постояльцы знали, что заезжий итальянец, выдав себя за лакея, вечером прислуживал четверем дамам, прибывшим посетить бенедиктинский монастырь. Но так как дамы уже уехали обратно к себе в Солер, то продолжения приключения не предвиделось и Казанова стал всерьез помышлять, не поехать ли и ему следом. Однако отъезд пришлось отложить, так как вечером после ужина офицеры, соседствовавшие в гостинице с Казановой, пригласили его сыграть в карты и он не смог отказаться. В тот вечер он проиграл сто луидоров. А на следующий день

учитель немецкого познакомил Казанову с местными доступными девицами, и несколько дней подряд тот вознаграждал себя за две недели воздержания. Девицы были всем хороши, за исключением одного: они говорили только на грубом местном наречии. А по мнению Соблазнителя, бессловесные любовные утехы теряли две трети своей прелести. Наконец все удовольствия, которые мог доставить Авантюристу город Цюрих, были исчерпаны, и его здесь больше ничто не удерживало.

Швейцария — маленькая страна, и сохранить в секрете известные сразу четырем женщинам похождения венецианца, переодевшегося лакеем, было совершенно невозможно. А так как все дамы принадлежали к высшему обществу, то по дороге в Солер Казанова перезнакомился с их знакомыми, знакомыми их знакомых, и когда, наконец, ему представили его красавицу и ее мужа, он уже знал о них все, что только можно знать о людях, живущих на виду в маленькой стране. К досаде Соблазнителя, муж мадам оказался гораздо моложе и привлекательнее, нежели он предполагал, а сама мадам, хотя и отвечала на его пылкие поцелуи в полумраке закрытой кареты, но остаться с ним наедине не торопилась. Тогда Казанова решил дать у себя бал, после которого часть гостей вынуждена будет заночевать у него в доме. А потихоньку проводить мадам ночью к себе в спальню ему труда не составит.

Но в ту ночь, видимо, сам дьявол решил подшутить над Соблазнителем. Когда в кромешной тьме он шел по коридору к заветной цели, чья-то рука мягко зажала ему рот, вынуждая хранить молчание, и повлекла в темную нишу на канаве, где он, наконец, изведal долгожданную радость. Три часа не выпускал он из объятий божественное создание и покинул его только с рассветом. Воротившись к себе, он проспал допоздна и вышел к завтраку, когда гости уже начали разъезжаться. Среди покидавших его дом была и хромая мегера, злоязыкая старуха Ф., над которой Казанова никогда не упускал возможности подшутить. В то утро она была необычайно весела, напропалую кокетничала с Соблазнителем и заговорщически ему подмигивала. Не понимая, чем он вдруг вызвал такое внимание с ее стороны, он попрощался с ней, так как она уезжала, и отправился на поиски мадам, которую и нашел в саду. Едва завидев Соблазнителя, мадам обрушилась на него с упреками: она всю ночь прождала его, а он не явился! Даже не изволил предупредить, что не сможет прийти! Ошарашенный Казанова застыл, не в силах вымолвить ни слова в свое оправдание. Страшная мысль мелькнула в его мозгу: Ф.! Мегера Ф.! Неужели и вправду он провел с ней ночь? Только эта гарпия могла проведать о его планах, к тому же у нее были причины мстить ему.

Сгорая от стыда и негодуя на весь мир, Соблазнитель ретировался без всяких объяснений. К тому времени, когда Ф. прислала ему письмо, гнев его успел остыть, и он утешился банальной истиной, гласящей, что ночью все кошки серы. Ведь, несмотря на подмену, Соблазнитель получил удовольствие, да еще какое!

Письмо Ф. не только подтверждало догадку Казановы. Мегера предупреждала его, что передала ему некое заболевание, которым она больна уже десять лет и до сих пор не может излечиться. Ехидная гарпия советовала Казанове не передавать болезнь милой мадам 14, которая, в свою очередь, может передать ее ни в чем не повинному мужу. В заключение она советовала ему обратиться к проживавшему в Солере врачу и, не стесняясь, рассказать ему, что болезнь свою он подцепил от нее. Врач этот пользуется ее уже давно, и она ручается за его скромность. Опешив от такой чудовищной мести, Соблазнитель в растерянности застыл, держа в руке исписанный листок. «Печальная необходимость лечения удручала меня. Я должен был отказаться от своей любви, расстаться с ней и уехать лечиться куда-нибудь в другое место, дабы избежать сплетен и пересудов», — писал он в «Мемуарах» о той злополучной ночи, разлучившей его с мадам N. Однако деятельная натура Соблазнителя не была склонна к длительным переживаниям. Организм, взбудораженный потрясением и еще не оказавшийся во власти болезни, напомнил ему о необходимости подкрепить силы. Несмотря на угнетенное состояние души, Соблазнитель плотно поужинал, выпался и, пробудившись свежим и бодрым, решил отомстить коварной ведьме, как только предоставится такая возможность.

Солер не только наградил Казанову дурной болезнью, в этом городке он познакомился с мадам Дюбуа, одной из тех женщин, что оставили наиболее яркий след в его памяти, а быть может, даже в душе. Зная, что Казанова набирает прислугу в новый дом, мажордом французского посланника Лебель рекомендовал ему нескольких человек, и в том числе вдову Дюбуа, которую и прислал к нему в качестве горничной. Вдове было двадцать четыре года, она была хороша собой, помимо платьев в ее багаже имелся целый чемодан тонкого белья, и она совершенно не походила на служанку. Узнав, что его камердинер пытался к ней приставать, Казанова отругал слугу, назвал его мошенником и запретил ему даже смотреть в сторону новой горничной.

— Так она ваша горничная или ваша любовница? — поинтересовался дерзкий малый.

— Она будет моей женой, — отвечал Соблазнитель.

— Понял. Тогда пойду поищу консьержку, надеюсь, с ней вы не

помешаете мне забавляться.

Мадам Дюбуа принадлежала к той редкостной породе женщин, что сочетают в себе отсутствие предрассудков и легкость в общении с мудростью и рассудительностью. Она была благоразумна, но не столько по причине добродетели, сколько от врожденного чувства чести. Занимая подчиненное положение по отношению к Казанове, она превосходила его порядочностью и глубиной чувств. Кажется даже странным, что такая женщина увлеклась Соблазнителем. Вероятно, она почувствовала, что именно этот человек может дать ей ощущение полноты бытия сегодняшнего дня, редкостное чувство, обрести которое стремятся многие, но не многим удается это сделать. А Казанова, как никто другой, умел радоваться дню сегодняшнему, при этом совершенно не задумываясь о дне завтрашнем. Возможно, именно с Дюбуа Соблазнитель, решись он связать себя узами брака, сумел бы обрести счастье, ибо, будучи полными противоположностями, они могли бы счастливо дополнять друг друга. Но несмотря на заявление, сделанное слуге, жениться на Дюбуа Казанова никогда не собирался.

Пораженный красотой, спокойствием и изысканностью манер новой служанки, Казанова обещал исполнить ее просьбы, то есть: разрешить ей не прислуживать ему при принятии ванны и позволить дочери консьержки ночевать в одной с ней комнате. Подобная предусмотрительность не могла не огорчать Соблазнителя, однако пока он все равно вынужден был воздерживаться от любви, дабы излечиться от дурной болезни, переданной ему коварной Ф. Взамен он попросил новую служанку делить с ним трапезы, и та, не чинясь, согласилась.

Речь Дюбуа выдавала в ней женщину начитанную, и Казанова сказал ей об этом. Она ответила, что очень любит читать, и в ответ спросила, читает ли Казанова по-английски, а то у нее много хороших книг на этом языке и она может одолжить их ему. Соблазнитель ответил, что не знает английского и не любит романов.

— Но с чего вы взяли, что я предлагаю вам романы? — удивилась Дюбуа.

— Потому что молодые женщины обычно читают исключительно романы, — не задумываясь, ответил он.

Однако он ошибся. Рассудительная красавица более всего любила философию, а среди философов предпочитала англичанина Локка^[54].

Постепенно Дюбуа поведала Казанове свою короткую историю. Родилась она в Лионе, затем родители ее переехали в Лозанну. Когда умер отец, служивший кучером у мадам д'Эрман, мадам взяла девочку себе в

услужение, а через три года определила ее горничной к миледи Монтегю. Вместе с миледи девушка отправилась в Виндзор, там она вышла замуж за Дюбуа, престарелого камердинера миледи, который через три года скончался. Английский климат плохо отразился на здоровье молодой женщины, и она попросила миледи отпустить ее на континент. Миледи щедро наградила ее и оплатила дорогу домой, в Лозанну. Там мать устроила дочь горничной к одной англичанке, но та вскоре уволила ее, решив, что ее собственный поклонник слишком благосклонно взирает на молодую служанку. Дюбуа пришлось вернуться домой, поэтому когда Лебель, мажордом французского посланника, предложил ей место горничной у одного итальянского синьора, она согласилась, хотя, разумеется, определенные сомнения у нее были.

Дружеские отношения, установившиеся между хозяином и его горничной, постепенно переросли в более нежные чувства. К счастью, мадам Дюбуа была не из ревнивых. Она снисходительно относилась к изменам Казановы и просила только одного: ничего от нее не скрывать. Он и не скрывал: ни своего увлечения мадам Н. ни ужасной шутки, сыгранной с ним мегерой Ф. Последняя история потрясла Дюбуа и преисполнила ее состраданием к Казанове. Узнав, что его лакей Ледюк тоже где-то подцепил сифилис, она предложила ему план мести. Согласно этому плану, Казанова написал Ф. письмо, где с возмущением отрицал, что в ту ночь он был с ней, ибо он по-прежнему здоров, зато лакей его внезапно заболел той же болезнью, которой больна она. Далее следовали грозные инвективы о злонравных и бездушных особах, готовых из прихоти погубить невинного человека. Отослав письмо, Казанова призвал к себе Ледюка и приказал бедному малому отправляться к Ф., любыми способами пробиться к ней и, оставшись наедине, потребовать оплатить лечение болезни, которой он заразился от нее, проведя два часа в ее объятиях. Лакей, получивший свой недуг от служанки из соседнего трактира, долго ничего не понимал, но Казанова сумел втолковать, что и как надо рассказывать Ф. и как отвечать на ее вопросы. Впрочем, когда речь зашла о материальном возмещении ущерба, Ледюк оживился, сказал, что все исполнит, и уехал. Напутствуя его, хозяин даже разрешил ему пригрозить пожаловаться на Ф. в полицию — в случае, коли та не пожелает платить.

Тем временем, как и предполагала Дюбуа, от Ф. пришло еще одно письмо. В этом письме она, по-прежнему выражая уверенность, что провела ночь именно с Казановой, тем не менее прислала двадцать пять луидоров на лечение слуги и рассчитывала, что все случившееся будет надежно похоронено в памяти Соблазнителя. Теперь оставалось только

подождать возвращения Ледюка и сравнить результаты. Лакей вернулся поздно вечером с двадцатью пятью луидорами в кармане и рассказал, что полдня он просидел на лестнице у дома Ф., пока та, наконец, не заметила его. Узнав, кто он такой, она тотчас пригласила его подняться и, выяснив, чем он болен, без лишних слов вручила ему деньги и попросила забыть об этой поездке. Победа была полной. Казанова отослал Ф. утонченно-издевательское письмо, великодушно оставил Ледюку его двадцать пять луидоров (луидоры, присланные для него Ф., он по рассеянности оставил себе) и стал собираться в Берн. Недуг не слишком беспокоил его — лечение шло успешно. Но бедняга Ледюк совсем расхворался, и его пришлось оставить в Солере на попечении местного врача. Поправившись, он должен был сам добраться до Берна и явиться в гостиницу, где остановится Казанова. Адрес хозяин пообещал ему сообщить.

В городе Берне были отличные бани, и Казанова не преминул посетить их. Юная, пышущая здоровьем банщица раздела Казанову, потом разделась сама и принялась его намыливать. Движения ее были уверенны, однако Соблазнитель не чувствовал ни нежности в ее руках, ни приятного ритма в движениях. Взглянув на лицо ее, он увидел розовые щеки, светлые глаза, белоснежные зубы — словом, ничего отталкивающего. И все же вид этой обнаженной девицы несколько не волновал его. Почему? — задавался он вопросом, сидя, завернувшись в полотенце и ожидая, когда банщица принесет заказанный им кофе. Потому, что черты лица ее не носили отпечаток изысканности, отличающий девиц благородных и образованных? Или потому, что во взоре ее не было лукавинки, скрывающей бездну чувств, или сдержанности, мгновенно переходящей в почтение, а может, ей не хватало робости и стыдливости или, напротив, крохотной толики кокетства, столь необходимого для возникновения любовного чувства? Мужчины нравятся женские ухищрения и уловки, они манят их словно яркий цветок пчелу, простота становится приятна потом, когда они вволю наслаждаются игрой. Может быть, это происходит оттого, что мы все привыкли ходить в одежде, оставляя открытым только лицо, и хотя для любви оно далеко не столь важно, как все остальное, влюбляемся мы именно в него, именно по нему судим о красоте женщины. Не естественнее, не разумнее ли было бы наоборот: закутывать голову, оставляя все остальное обнаженным, и влюбляться в тот предмет, обладание которым является венцом пылких наших устремлений? Ведь тогда мы бы влюблялись в подлинную красоту, и не оправдавший наших ожиданий лик прекрасно сложенного создания, освободившись от маски, не повергал бы нас в отчаяние. Тогда бы женщины, чье лицо не отличается

совершенством, не сразу открывали бы его, а позволяли бы нам наслаждаться их телом, постепенно приучая нас к мысли, что можно прекрасно обходиться без красивого лица. Ведь совершенно ясно и бесспорно, что непостоянство в любви происходит исключительно из-за разнообразия лиц. Если бы мужчина не видел вокруг себя хоровода женских лиц, он хранил бы верность той женщине, которая приглянулась ему первой.

Погруженный в размышления о природе мужского непостоянства, Соблазнитель вернулся домой, где его ожидала верная Дюбуа. Хотя отношения между горничной и хозяином давно уже были нежными и доверительными, болезнь последнего пока не позволяла им сблизиться окончательно. Но теперь, когда болезнь отступила, сладостный миг явно был уже не за горами.

За ужином Казанова поделился с Дюбуа, ставшей поверенной всех его дум и тайн, своими мыслями о молоденькой банщице, здоровой и свежей, вновь выразив свое удивление, отчего ему нисколько не захотелось соблазнить ее. Дюбуа уверенно ответила, что банщица, видимо, была не слишком хороша собой, и внезапно заявила, что желает взглянуть на нее, дабы приобрести собственное суждение. Соблазнитель с радостью вызвался сопровождать ее, попросив только переодеться в мужское платье. Служанка согласилась. Фрак Ледюка сел на ней как влитой, панталоны же пришлось взять у Казановы. В конце концов из мадам Дюбуа получился вполне привлекательный молодой человек, с коим на следующий день Казанова вновь отправился в бани.

На этот раз он выбрал себе другую банщицу, а прежняя занялась Дюбуа. Войдя в воду и раздевшись, Соблазнитель предоставил свое тело быстрым и ловким рукам дородной швейцарки. Дюбуа долго не решалась снять рубашку, но наконец отважилась это сделать. Тогда девицы, узрев перед собой любовную парочку, решили развлечь их импровизированным спектаклем лесбийской любви. Казанове тотчас вспомнились любовные игры, кои довелось ему наблюдать между М. М. и К. К. Однако здесь, в воде, зрелище изгибающихся и трепещущих молодых женских тел завораживало. Обняв желанную Дюбуа, Казанова любовался юными красавицами. Дюбуа же, зачарованная необычной игрой, забыв обо всем на свете, высвободилась из объятий Соблазнителя, плавно, словно во сне, направилась к играющим и присоединилась к ним. Грациозная, с роскошной грудью и пышными бедрами, она органично вписалась в дуэт, мгновенно преобразившийся в трио, которое развлекало восторженного Соблазнителя. Вернувшись домой после столь захватывающего зрелища,

Казанова и чаровница Дюбуа к обоюдному удовольствию наконец полностью вкусили плод Венеры. «Моя служанка стала моей любовницей и продолжала ей оставаться все время, пока я жил в Берне», — писал Казанова. Он полностью излечился от болезни, и она не омрачила их любви. «Радости проходящи, но проходящи и печали», — заметил он по этому поводу.

Счастливой парочке пришло два письма. Одно было от мажордома французского посланника Лебеля, того самого, который в Солере нанял мадам Дюбуа горничной в дом к Казанове. Теперь почтенный мажордом просил Дюбуа стать его женой. Второе послание было от посланника и адресовано Казанове. В нем господин де Шавиньи уговаривал Соблазнителя отпустить Дюбуа (в том, что Дюбуа стала любовницей Казановы, у него не было никаких сомнений) и позволить ей вступить в брак с Лебелем, а ежели та заупрямится, любой ценой склонить ее к этому браку. Посланник был уверен, что Казанова не собирается жениться на своей служанке, а значит, он обязан позаботиться о ее будущем. Лебель был намного старше Дюбуа, искренне к ней расположен, обладал достаточными для семейной жизни средствами и, будучи человеком разумным, не требовал ответного пылкого чувства.

Посланник был совершенно прав: влюбленная Дюбуа сначала наотрез отказалась выходить замуж за кого-либо иного, кроме Казановы, который хотя и утверждал, что еще никогда никого не любил так, как свою чаровницу Дюбуа, но тем не менее жениться на ней не собирался. Более того, ему уже изрядно наскучило в Берне, и он собрался в Лозанну, где проживала матушка Дюбуа и где их совместное появление неминуемо вызвало бы сплетни и пересуды. Следовательно, ехать надо было порознь. Разлука же, как прекрасно сознавала Дюбуа, влекла за собой разрыв: Соблазнитель никогда не был верным любовником, готовым продолжать любить «на расстоянии». В конце концов молодая женщина образумилась и, поощряемая венецианцем, дала Лебелю согласие. Казанова любил выступать в роли благодетеля и пристраивать своих любовниц. И в этот раз он не изменил себе, тем более что от него многого и не требовалось: всего лишь уговорить красавицу прислушаться к голосу разума. Мажордом же, желая получить руку чаровницы Дюбуа, был согласен на все, в том числе и признать своим ребенка Казановы, которого молодая женщина уже носила под сердцем. Пытаясь удержать возлюбленного, Дюбуа сообщила ему, что беременна, после этого известия Соблазнитель еще настойчивее стал уговаривать ее поскорее выйти замуж, дабы будущий младенец был рожден в законном браке. Чадолубие также не входило в число его добродетелей.

Расстались любовники спокойно, без лишних слов и эмоций. «Вступать в брак надо с холодным сердцем и трезвым расчетом», — напутствовал Казанова свою, уже бывшую, возлюбленную. Через несколько дней после ее отъезда он также покинул Берн.

По дороге в Лозанну он посетил проживавшего в деревушке Мора знаменитого естествоиспытателя и писателя Альбрехта Галлера, человека энциклопедически образованного, автора ряда ученых трактатов по ботанике, анатомии, хирургии и эмбриологии, сочинителя поэм, посвященных его родным альпийским лугам. Общение с Галлером доставило Казанове много удовольствия. В своих записках он многократно превозносит ум и скромность великого швейцарца, мнения которого во многом совпадали с его собственными. Оба не жаловали Руссо и его последний роман «Новая Элоиза». Галлер полагал характеры Руссо совершенно искусственными. На вопрос, часто ли посещает ученого Вольтер, швейцарец отвечал, что величие господина де Вольтера лучше видится на расстоянии, и, сменив тему, принялся хвалить Петрарку. Словом, посетитель остался чрезвычайно доволен своим ученым собеседником.

Однако, несмотря на весьма двусмысленный отзыв Галлера о Вольтере, Казанову не покидала мысль посетить великого французского мыслителя, поклонником коего он, как и все просвещенные люди Европы, себя считал. Пробыв некоторое время в Лозанне, где он благословил брак Лебеля и чаровницы Дюбуа, Казанова отправился в Женеву. Прибыв в город, он остановился в гостинице «Весы», той самой, где много лет назад происходило его прощание с Анриеттой, и — видимо, в угоду случаю — в том же самом номере, откуда он, обливаясь слезами, стоя у окна, смотрел, как Анриетта садилась в карету, умчавшую ее в облаке пыли в неведомые края. Разумеется, он давно позабыл об этом приключении, но, подойдя к окну, заметил надпись, нацарапанную в тот горький день на стекле его прозорливой возлюбленной: «Ты забудешь также и Анриетту». Услужливая память тотчас воскресила картины былой любви. Бросившись в кресло, Соблазнитель погрузился в нахлынувшие на него воспоминания, сопровождавшиеся горестными размышлениями. Ему казалось, что он еще может любить, однако он уже не чувствовал в себе ни бывшего пыла, ни мягкого нрава, ни известной честности и ни прежней силы. Последнее страшило Соблазнителя более всего. Тем не менее в тот вечер он испытал такое воодушевление, что, «не раздумывая, кинулся бы к Анриетте, если б знал, где ее искать, хотя и помнил все ее запреты». Однако наутро от душевного подъема не осталось и следа. Казанова отправился к местному

банкиру за деньгами, затем разнес рекомендательные письма и отправился на обед к некоему господину Вилару Шандье, обещавшему сопроводить его в Делис, где проживал господин де Вольтер.

В то время французский философ находился в зените славы: половина Европы боготворила его, половина — предавала анафеме. Его жилище стало местом паломничества литераторов и художников, любознательных путешественников и титулованных особ. С поистине монаршим величием Вольтер принимал всех, сыпал остротами и щедро наделял гостей из сокровищницы своего ума. Гости философа, покоренные величием его духа и остроумием его речей, не уставали восхищаться очарованием его жилища, окруженного прекрасным садом, разбитым самим хозяином. Даже враги, коих у него было в достатке, воздавали ему должное. Восемнадцатилетний шевалье Буфле^[55], в восторге от того, что великий Вольтер не просто снизошел до него, но обращался с ним вполне товарищески, писал матушке: «Вы даже представить себе не можете, сколько добра творит господин де Вольтер. Он составляет счастье всех, кто его окружает. Для жителей здешних мест он является одновременно и королем, и любящим отцом. Ежели прежде я знал только господина де Вольтера — поэта, то теперь я знаю его как великодушного отца семейства, и, спроси меня сейчас, какого из двоих я предпочел бы, ответить для меня было бы весьма затруднительно». Радужно был принят и друг Казановы принц де Линь, также прибывший в Делис с единственной целью — очаровать великого человека и приобщиться к его мудрости. Целую неделю де Линь с неподдельным интересом внимал каждому слову философа, стараясь ничем не вызвать его неудовольствия. И ему это почти удалось — он совершил всего лишь один промах, виной которому, несомненно, была жара. В тот день прислуживавшие за обедом молоденькие служанки были в платьях с открытыми плечами и глубокими вырезами, и принц, слушая хозяина, одновременно любовался соблазнительными формами юных швейцарок. Заметив, что служанки отвлекают его гостей, возмущенный Вольтер вытолкал девушек вон. Привыкший ко всеобщему почитанию, окруженный преданной ему свитой, великий затворник не терпел, когда гость начинал расточать свое внимание кому-то иному. Впрочем, излишнюю вспыльчивость и желчность Вольтера многие современники объясняли не столько присущим великому человеку тщеславием, сколько наблюдавшимся у него в то время ухудшением здоровья и вполне закономерной усталостью от постоянного присутствия в доме досужих посетителей.

Казанова, для которого «отец Просвещения» стоял в одном ряду с

Горацием, Сенекой и Ариосто, досконально знал все, что написал Вольтер. Но если книга — покорный помощник читателя, то этого нельзя сказать об авторе. Куда бы ни направлялся Соблазнитель, он везде стремился быть в центре внимания, иная ситуация у него в голове просто не укладывалась. Посещая великих мира сего, он прежде всего рассчитывал на их интерес к своей особе. Так было и в случае с Вольтером, к посещению которого он готовился заранее.

Представленный с великой торжественностью, Казанова произнес заранее заготовленную фразу:

— Сегодня самый счастливый момент в моей жизни. Наконец-то я вижу вас, дорогой учитель. Вот уже двадцать лет, сударь, как я почитаю себя вашим учеником.

— Сделайте одолжение, оставайтесь им еще двадцать лет, только потом не забудьте принести мне мое жалованье, — ответил Вольтер, и окружавшая его свита весело заулыбалась.

— Обещаю, а вы обещайте дождаться меня, — парировал венецианец.

— Даю вам слово, и я скорее с жизнью расстанусь, чем нарушу его, — согласился с ним философ.

Присутствующие рассмеялись — первый раунд остался за Вольтером, а Казанова почувствовал, что самолюбию его нанесен весьма существенный удар. Он не умел быть на вторых ролях, не умел уступать, выше себя ставил исключительно древних, а своих современников, сколь бы ни велики были их заслуги, полагал исключительно равными себе. Привыкший блистать красноречием, Казанова не мог простить философу, что тот с легкостью затмил его там, где он считал себя непревзойденным мастером, то есть в словесном поединке. «Насмешники вечно поддерживают одного в ущерб другому, и тот, за кого они, всегда уверен в победе», — обиженно написал Казанова в своих «Мемуарах». Поэтому в дальнейших разговорах с Вольтером Авантюрист видел лишь непрерывную дуэль, в которой он только и делал, что парировал удары, то есть ни с чем не соглашался, а если соглашался, то сразу же выдвигал множество доводов от противного. Но, скорее всего, ни в один из четырех дней, проведенных Казановой в доме философа, Вольтер об этом так и не догадался, списав строптивость посетителя на его дурной характер.

Несмотря на обиду Казановы, Вольтер не мог не оценить по достоинству своего незаурядного собеседника, а так как в то время он работал над «Опытом о нравах и духе народов», то ему были интересны суждения гостя обо всем, что касалось Италии. Но отодвинутый свитой Вольтера на второй план, Казанова любой обращенный к нему вопрос

почитал подвохом. Поэтому, когда его вполне невинно спросили, знаком ли он со своим соотечественником, энциклопедически образованным эрудитом и литератором графом Альгаротти, он ответил, что «знаком, но не как венецианец», ибо семеро из восьми жителей Венеции «не ведают о его существовании». Не менее уклончиво отозвался он и о другом венецианце, сочинителе пьес маркизе Альбергати, комедии которого Вольтер ставил в один ряд с сочинениями Гольдони. Назвав Альбергати «изрядным литератором», Казанова уточнил, что тот сочиняет «прескучные комедии», «утомляет читателя» и «в голове у него хоть шаром покати». Подобными нелюбезными отзывами Казанова, видимо, выражал свою досаду и на Вольтера, и на своих соотечественников, принадлежавших к венецианской аристократии и не принимавших в свой круг Казанову, что не могло не ущемлять его самолюбия.

Стремясь развеять желчное настроение гостя, хозяин спросил, кто является его любимым поэтом. «Ариосто», — ответил тот. И тут — к великому изумлению Казановы — Вольтер без промедления прочел наизусть два обширных отрывка из «Неистового Роланда», ни разу не ошибившись ни в словах, ни в интонации. Венецианец, знавший наизусть всю знаменитую поэму великого итальянца, ибо читал его по нескольку раз в год с пятнадцатилетнего возраста, слушал как завороченный, а когда Вольтер завершил декламацию, разразился аплодисментами и восхищенно заявил, что никогда еще не слышал столь проникновенного чтения «Роланда». Казанова был искренне растроган, ведь в свое время Вольтер опубликовал свое отрицательное суждение о поэзии Ариосто. Теперь же философ признавал свои суждения ошибочными и громогласно заявлял, что обожает Ариосто. Воспользовавшись тем, что гость пришел в приятное расположение духа, племянница Вольтера, госпожа Дени, попросила его прочесть отрывок из любимой поэмы — тот самый, из-за которого Казанова постоянно прибавлял к имени Ариосто эпитет «божественный». Казанова прочел последние тридцать шесть октав двадцать третьей песни «Неистового Роланда», повествующих о том, как рыцарь Роланд, узнав, что красавица Анджелика подарила свою любовь пастуху Медору, в отчаянии утратил рассудок:

А как он остался один,
И снялась препона его кручине, —
Из-под век по ланитам и на грудь
Хлынул слезный ток,
Разлились стенания и рыдания,

Он не сыщет места на ложе,
Оно жестче ему каменье,
Жесточе крапивы ^[56].

Когда чтец дошел до этого места, у него на глазах выступили слезы, а к концу чтения рыдали уже все присутствующие. Едва отзвучало последнее слово, как Вольтер бросился гостю на шею, восклицая: «Хотите, чтобы все плакали, плачьте, но чтобы заплакать, надобно прочувствовать!» Растроганный философ благодарил Казанову и пообещал завтра же прочесть ему те же октавы и также проливать над ними слезы. Как отмечает Казанова, слово он сдержал.

В оставшееся время соперники, примиренные Ариосто, беседовали вполне мирно. Когда настало время прощаться, Вольтер, узнав, что итальянский путешественник приехал из Женевы единственно ради него, пригласил Казанову приходить к нему обедать — хотя бы дня три, дабы иметь время и послушать, и поговорить. Приглашение было Принято.

На следующий день за обедом гость в основном молчал, но затем Вольтер стал вовлекать его в разговор о венецианском правлении, видимо, полагая, что у бывшего узника Пьомби есть немало причин быть им недовольным. Однако охваченный духом противоречия, Казанова активно выступил в защиту правителей Венеции и даже признал справедливость собственного заключения, так как, по его словам, он сам «злоупотреблял» свободой. Обычно, когда разговор касался его пребывания в тюрьме, он, пользуясь случаем, исполнял свой коронный номер — рассказ о побеге из Пьомби. Но тут он то ли не счел собравшееся у Вольтера общество достойным его любимой истории, то ли испугался, что «вольтерова клика» и в этом рассказе найдет над чем посмеяться, и рассказывать о побеге не стал — даже тогда, когда его об этом попросила госпожа Дени. «Ведь согласитесь, чтобы быть свободным, вполне достаточно чувствовать себя таковым, не правда ли?» — завершил он свой панегирик аристократическому правлению. Тогда, сменив тему, Вольтер заговорил об итальянской литературе или, говоря словами Казановы, «стал нести околесицу» и делать «вздорные выводы». Очевидно, вспоминая об этих днях, Соблазнитель снова приходил в дурное расположение духа. Тем не менее в «Мемуарах» его есть строки, где он отдает должное французскому философу: «Жил он, ничего не скажешь, на широкую ногу, только у него одного хорошо и кормили. Было ему тогда шестьдесят шесть лет и имел он сто двадцать тысяч ливров дохода. Неправы те, кто уверял и уверяет, будто

он разбогател, надувая книгопродавцев. Напротив, книгопродавцы вечно обманывали его...»

Вполне дружественно происходили и беседы хозяина и гостя один на один. Но едва лишь Вольтер обращался к Казанове в присутствии общества, состоявшего из восторженных поклонников философа, как итальянец тотчас замыкался в себе и старательно опровергал все, о чем бы ему ни говорили, будь то литература, политика или нравы. Разговоры эти, более напоминающие перепалку, в которой каждая из сторон претендовала на истину в последней инстанции, воспроизводятся Казановой в его «Мемуарах». В записях Вольтера подобных свидетельств нет, более того, после тщательных поисков было обнаружено всего два косвенных упоминания о том, что знаменитый Авантюрист («странная личность», как называет его Вольтер в письме от 7 июля, то есть спустя два дня после отъезда Казановы из его дома) посетил философа во время его проживания в Делисе. На этом основании ряд исследователей приходят к мысли, что встреча эта (полностью или отчасти) является плодом фантазии Казановы, а рассуждения, приписываемые им Вольтеру, он извлек из вольтерова «Философского словаря». К примеру, приведенный ниже диалог из «Мемуаров» Казанова вполне мог как восстановить по памяти, так и придумать, вложив в уста Вольтера мысли из его сочинений:

Казанова: Никогда вам не победить суеверие, а ежели вы и победите его, то скажите на милость: чем вы его замените?

Вольтер: Когда я освобождаю род людской от лютого зверя, терзающего его, надо ли спрашивать: кем я его заменяю?

Казанова: Он не терзает его, напротив, он необходим для самого его существования.

Вольтер: Любя человечество, я хотел бы видеть его счастливым и свободным; а суеверие несовместимо со свободой. Или вы полагаете, что неволя может составить счастье народа?

Казанова: Значит, вы хотите, чтобы народ был господином?

Вольтер: Боже сохрани. Править должен один.

Казанова: Тогда суеверие необходимо, ибо без него народ не будет повиноваться государю.

Вольтер: Никаких государей, ибо это слово напоминает мне о деспотии, кою я должен ненавидеть так же, как рабство.

Казанова: Чего вы тогда хотите? Если вам хочется, чтобы правил один, он не может быть никем иным, нежели государем.

Вольтер: Я хочу, чтобы он повелевал свободным народом, чтобы он был его главой, но не государем, ибо он не должен править самовластно.

Казанова: Из двух зол надо выбирать меньшее. Без суеверия народ станет философом, а философы не желают повиноваться. Счастливы единственно народ угнетенный, задавленный, посаженный на цепь.

Вольтер, борец с предрассудками, сторонник свободы народов и демократического способа правления, не нашел у Казановы поддержки своих свободлюбивых идей. Отдавая дань моде, венецианец, подобно всем образованным людям того времени, был увлечен идеями Просвещения, однако в глубине души он всегда был пессимистом и презирал человечество. Вольтер же был склонен к филантропии и — по крайней мере на словах — проповедовал оптимизм. В отношениях с религией Казанова был конформистом: атеист на словах, в душе он верил в Бога и опасался его гнева. Вольтер, считавший себя деистом, признавал Бога как первопричину мира, но уповал на разум и верил, что с его помощью можно постичь все. В представлении Казановы действие разума было достаточно ограниченным и существовало немало областей, куда можно было проникнуть только посредством магии и веры. Просветитель Вольтер верил в прогресс и полагал, что мир может и должен измениться к лучшему. Казанова был яростным консерватором, сторонником существующего порядка вещей и противником всяческих перемен.

Прощаясь, Вольтер спросил, откуда прибыл к нему знаменитый путешественник.

— Из Роша. Ибо я был бы весьма огорчен, если бы покинул Швейцарию, не повидав знаменитого Галлера. Я почитаю долгом своим засвидетельствовать почтение ученым, моим современникам, вас я оставил на закуску, — отвечал Казанова.

— Господин Галлер должен был вам понравиться, — промолвил Вольтер.

— Я провел у него три замечательных дня.

— Я рад за вас. Этот великий муж достоин преклонения.

— Я тоже так думаю. Вы воздаете ему по справедливости, и мне жаль, что он к вам не столь беспристрастен.

— Ах, возможно, мы оба ошибаемся.

Все вновь засмеялись, последнее слово осталось за Вольтером. Казанова покинул Делис, испытывая к хозяину его неприязненное чувство, по причине коего он десять лет кряду критиковал все, что выходило из-под пера великого француза. Потом, в «Мемуарах» своих, он написал слова раскаяния, однако сразу же подчеркнул, что критика его была небезосновательна.

Казанова и Вольтер расстались недовольные друг другом. Собственно,

иначе вряд ли могло быть, так как ни один, ни другой не были созданы ни для взаимопонимания, ни для беспристрастного отношения к собеседнику; оба почитали себя энциклопедически образованными, имели свои пристрастия в литературе, истории и политике, отличались безапелляционностью суждений и постоянной готовностью эти суждения отстаивать. Блестящие собеседники, ревниво относящиеся к вниманию окружающих, они были не расположены к уступкам, предпочитая либо вспылить, либо промолчать, но только не признать себя побежденными. Оставаясь наедине с Казановой, Вольтер был значительно более любезен и доброжелателен. Возможно, если бы он принимал венецианца один на один, тот сумел бы заговорить его и привлечь на свою сторону. Но Казанова прибыл в Делис показать себя, выступить соло, как он делал во всех городах Европы. В Делисе же Вольтер не признавал иного культа, кроме своего собственного, там у него был свой двор почитателей и обожателей, скептически настроенных к любому пришельцу. Для окружения Вольтера каждый посетитель, прибывший к их некоронованному монарху, являлся игрушкой, предназначенной для его забавы. Почувствовав это, Казанова при первой же насмешке обиделся и замкнулся в себе, утешаясь тем, что знаменитый философ «предпочитает аплодисменты толпы невежд восхищению людей знающих», и забывая, что возраст и заслуги Вольтера позволяли тому иметь свои маленькие слабости. Для европейского интеллигента слово, сказанное французским философом, в те времена было истиной в последней инстанции; меткая вольтеровская фраза могла и вознести, и низвергнуть. Казанова же с самого начала полагал быть с Вольтером на равных и, постоянно занятый собой, своими словами и жестами, обдумывая впечатление, которое ему хотелось произвести, не заметил, что в Делисе его обычное поведение было неуместным. Но он слишком хотел понравиться, и желание это было столь сильно, что всё остальное казалось ему несущественным.

Разумеется, Казанова не мог не признавать величие Вольтера. Каждый день он подробно записывал содержание своих бесед с философом, видимо, уже тогда намереваясь предать их гласности. Полагают, что помимо главы в «Мемуарах», посвященных его пребыванию в Делисе, существовал еще детальный отчет Казановы, с его комментариями и рассуждениями, однако он был утерян. А на страницах своих многочисленных писем и сочинений Авантюрист не раз отпускал колкие замечания в адрес обидевшего его философа. Через пять лет после встречи с Вольтером Казанова писал одному из своих корреспондентов: «Вы утверждаете, что счастливы, потому что живете в просвещенный век.

Дорогой мой, в каждом веке жили люди, подобные нам с вами, кои, полагая себя просвещенными, считали, что несут свет просвещения своим современникам. Поверьте мне, все мы невежды, и когда мне говорят о широте моих познаний, мне делается смешно. Наш век не лучше прочих, несмотря на знаменитейшего Вольтера». Строки эти свидетельствуют о том, что время не прибавляло Соблазнителю ни великодушия, ни оптимизма.

СТРАНСТВИЯ ПО ИТАЛИИ. ЛЮБОВНАЯ КРУГОВЕРТЬ

Из Женевы путь Авантюриста лежал во Францию, в Гренобль — через Анси, Экс-ле-Бен и Шамбери. Экс был славен своими минеральными водами, и он решил ненадолго задержаться там, но не столько, чтобы попить водички, сколько чтобы понаблюдать за собравшимся там обществом. А так как на водах всегда много особ женского пола, то Соблазнитель вполне мог рассчитывать на любовное приключение.

Расчеты его оказались верными. Играя в карты, он свел знакомство с местным обществом, а у источника встретил монахиню, как две капли воды похожую на его обожаемую М. М., с которой он расстался пять лет назад. Не увенчавшаяся успехом попытка приблизиться к монахине и заглянуть ей под вуаль еще более возбудила любопытство Казановы; наблюдая за молодой женщиной, он все больше убеждался, что вновь увидел свою дерзкую и отчаянную возлюбленную. Но почему она здесь, да еще в монашеском облачении чужого монастыря? Вопросы эти не давали ему покоя. Узнав у местного врача, прописывавшего воды всем, кто прибывал в город лечиться, что молчаливая монахиня остановилась в крестьянском доме близ города, Казанова отправился в указанную сторону. Когда же он подошел к интересующему его дому, навстречу ему выбежала крестьянка и сообщила, что монахиня, проживающая у нее в доме, просит его прийти к ней вечером, часов в девять. Вконец озадаченный, он повернул обратно и стал дожидаться вечера.

Урочный час настал, и Соблазнитель, засунув в каждый карман по пистолету и зажав под мышкой обнаженную шпагу, отправился к дому. На подступах его встретила прежняя крестьянка. Она велела ему не бояться и лезть в окно по приставленной к стене дома лестнице. Изумленный, он так и сделал. Увидев ожидавшую его в комнате М. М., он без лишних слов заключил ее в объятия. Но едва она заговорила, как Казанова тотчас понял свою ошибку: голос женщины нисколько не был похож на голос М. М.; вдобавок она не понимала венецианского наречия ночного гостя. Разжав объятия, Соблазнитель, бормоча извинения, собрался ретироваться, но монахиня удержала его, взывая о помощи.

Молодая женщина, инициалы которой к изумлению Казановы также оказались М. М., была родом из Шамбери. Родители отдали ее в монастырь, побуждая принять постриг. В монастырской приемной она

познакомилась с неким господином де К., влюбившимся в нее до беспамятства. Несколько раз сей господин имел с ней свидания в монастырском саду, куда он проникал, перелезая через стену. Во время одного из свиданий она не устояла и уступила настойчивым просьбам воздыхателя, вскоре она обнаружила, что беременна. Монастырь славился своим суровым уставом, и сама мысль о возможности нарушить сей устав приводила ее в ужас. Она дала знать господину де К., и тот, пользуясь своими связями, прислал к ней врача, прописавшего ей лечение на водах, а затем, также с помощью связей, выхлопотал для нее разрешение епископа покинуть на несколько месяцев монастырь для лечения. Рассчитав время, она собралась в путь, но настоятельница дала ей в сопровождающие одну из самых злобных сестер-монахинь. И вот срок «лечения» истек, провожатая велит ей возвращаться, а она все еще не родила, отчего спутница ее считает, что у нее неизлечимая водянка. Сестра-монахиня не позволяет ей разговаривать с мужчинами, в том числе и с доктором, которому она смогла бы открыться и от которого, возможно, получила бы помощь. Заметив, с какой настойчивостью Казанова добивался ее внимания, она решила, что тот прислан ее любовником, дабы помочь ей. Теперь же, когда недоразумение разъяснилось, надежды больше нет, и если роды не наступят в ближайшие два дня, ей придется возвращаться в монастырь, а значит, все старания окажутся напрасными, и ей останется только умереть, ибо позора она не переживет.

Девушка, столь похаживавшая на венецианку М. М., была, разумеется, хороша собой, Казанове стало ее жалко, и он пообещал подумать, как ей помочь. В конце концов они договорились, что на следующий день он вновь придет к ней в это же время. Уходя, итальянец спросил, где ночует ее спутница, и как ей удалось настолько усыпить внимание бдительной монахини, что они вот уже целый час беседуют совершенно беспрепятственно. Девушка ответила, что для таких случаев у нее было припасено снотворное, кое она и дала сегодня своему черберу.

Вернувшись в гостиницу и укладываясь в кровать, Казанова, вспоминая поцелуи, которыми он при прощании обменялся с незадачливой послушницей, твердо решил познакомиться с ней поближе, дабы убедиться, что его новая знакомая хороша не только лицом, но и телом. Загадочное сходство француженки с некогда дорогой его сердцу М. М. притягивало его к ней как магнитом.

На следующий день Казанова, окрыленный новой любовью, выиграл больше тысячи луидоров, удачно избежал свидания с мадам З., влюбившейся в него за карточным столом, и к девяти часам направился к

своей послушнице. На этот раз лезть в окно ему не пришлось: крестьянка впустила его в дом, и он по лестнице поднялся на второй этаж. Он застал свою знакомку в страшном беспокойстве: спутница ее, коей накануне вечером дано было снотворное, до сих пор не проснулась. Обладавший обширными медицинскими познаниями Казанова понял, что неопытная француженка дала своей спутнице слишком большую дозу снотворного, и предложил вызвать врача, дабы тот попытался привести ее в чувство. Девушка отказалась из страха, что либо врач, либо проснувшаяся монахиня обвинят ее в попытке отравления. Тогда Казанова попросил разрешения самому взглянуть на спящую и быстро убедился, что врач ей уже не поможет: сон монашенки мог перейти только в смерть. Философски настроенный Соблазнитель уговорил девушку не звать к провожатой своей священника, пока та окончательно не отдаст Богу душу. Когда же это случится, она пригласит священника и, сокрушаясь и рыдая, поведает ему о внезапной смерти своей спутницы. Священник же наверняка примется утешать ее и не станет внимательно приглядываться к усопшей.

— Да, но ведь мне придется отписать о случившемся матери-настоятельнице, и та наверняка пришлет мне новую провожатую, а может быть, даже двух, — промолвила монахиня.

— Согласен, однако пока письмо дойдет до нее, пока посланные к вам монахини доберутся до Экса, пройдет никак не менее недели, а за это время вы наверняка успеете родить. Так что сами видите, сударыня, несчастье это пойдет вам на пользу. Вы же знаете: все, что Бог ни делает — все к лучшему, — утешал женщину Казанова.

Услышав столь циничные доводы, несчастная послушница расплакалась и потеряла сознание. Призвав на помощь хозяйку дома, Соблазнитель снял с девушки чепец и вуаль и, растирая ей виски уксусом, убедился, что, в отличие от светловолосой М. М. — венецианки, М. М. — француженка обладала роскошной черной шевелюрой и угольно-черными глазами, кои после растираний она открыла довольно быстро. Вручив крестьянке десять луидоров и заслужив ее великую благодарность, Казанова простился с монахиней, пообещав прийти завтра. На прощание же он дал ей понюхать табаку, от которого та начала чихать так, что все тело ее содрогалось. Соблазнитель полагал, что таким образом он поможет ей поскорее разродиться.

И он оказался прав. Когда на следующий вечер он пришел в знакомый домик, он застал свою новую М. М. в постели, возле которой горели две свечи. Она была бледна, однако лицо ее выражало радость и облегчение. Она поведала гостю, что благодаря его понюшке она действительно под

утро родила здорового младенца мужского пола, коего хозяйка ее уже отнесла в Анси, где находился приют для подкинутых младенцев. Похвалив крестьянку за расторопность и вручив ей еще десять луидоров, Казанова попросил ее как следует заботиться о постоялице и покупать для нее все, в чем та будет нуждаться. Женщина рассыпалась в благодарностях, а Соблазнитель спросил, что с уснувшей монахиней. Та еще была жива, однако лицо ее исказилось, словно она в немом порыве хотела назвать своих убийц. Успокоив женщин и вручив хозяйке еще десять луидоров, Казанова, как всегда, пообещал прийти на следующий день.

На следующий день везение в карты покинуло Казанову, он прекратил игру и отправился к себе писать письма. Если бы не вечерний визит, он, вероятно, решил бы отыгаться, но сейчас все его мысли были поглощены М. М.: с каждым вечером он желал ее все больше и больше. Прибыв в домик, он застал послушницу уже сидящей в постели, а рядом с кроватью на небольшом столике был накрыт не слишком изысканный, но вполне сытный ужин. Хозяйка дома со всей старательностью исполняла просьбу Казановы и не скупилась на расходы. Увидев такое рвение, Соблазнитель дал ей еще десять луидоров, и та со слезами на глазах сказала, что заведет на них коров и всю жизнь будет счастлива.

Француженка М. М. поведала гостю, что спутница ее к утру скончалась. Призванный священник определил, что причиной смерти было разжижение мозга и наступивший вследствие этого удар. Завтра он ее похоронит, она же отправит письмо об этом несчастье настоятельнице. Затем М. М. смущенно призналась, что заказала кюре отслужить за умершую пятнадцать месс. Поняв, что таким образом девица успокоила свою совесть, Соблазнитель счел нужным приступить к штурму. Сначала он выпросил у М. М. все подробности ее любовной истории и к большому удовольствию узнал, что господин К., соблазнивший ее, был стар и уродлив и уступила она ему исключительно из жалости и по неведению. Разогретый вином, рассказом молодой женщины и зрелищем соблазнительно вздымавшейся под холщовой рубашкой груди, Казанова заявил, что ему необходимо осмотреть роженицу, дабы убедиться в состоянии ее здоровья. Уверенная, что Соблазнитель прислан ей самим Небом, девица без стеснения разделась, и тот убедился, что нагая она была столь же прекрасна, как и былая М. М. Ощупав ее везде, где только возможно, и убедившись, что она еще не совсем оправилась после родов, Казанова распрощался с ней до следующего вечера, не забыв, как обычно, вручить хозяйке дома очередные десять луидоров.

Всю следующую неделю Соблазнитель утром спал, днем играл в

карты с переменным успехом, а вечером отправлялся к своей красавице-монахине, которая с каждым днем чувствовала себя все лучше и лучше. Хозяйка дома буквально переполнилась благодарностью к гостю, от которого получила столько денег, сколько не видела за всю свою жизнь, и подавала им поистине изысканные ужины. Желая развлечь красавицу, Казанова принес ей портрет М. М. в монашеской рясе, подаренный ему самой венецианкой. Под ним располагался портрет обнаженной М. М., открывавшийся с помощью специального механизма, вделанного в рамочку. Выдумка с портретами привела француженку в восторг, и она попросила Казанову оставить ей на время изображение М. М. Когда же она вернула его, Соблазнитель обнаружил, что светлые волосы и глаза на портрете стали черными, отчего из рамочки на него теперь глядело лицо не венецианки М. М., а М. М. — француженки. Шутка пришлась Соблазнителю по душе, тем более что она давала ему удобный предлог для того, чтобы наконец овладеть очаровательной женщиной. Положившись на обещание Казановы, что детей у нее после его любви не будет, она с жаром отдалась неведомой доселе страсти, и несколько ночей подряд любовники пребывали на вершине блаженства. Но однажды, когда Казанова, как обычно, пришел в маленький домик, хозяйка сообщила ему, что утром за послушницей прибыли две монахини с приказом от настоятельницы возвращаться в монастырь и после полудня она вместе с ними отбыла в Шамбери.

Соблазнитель погоревал, но не слишком, ибо страсть его уже была утолена, и стал собираться: путь его лежал в Гренобль. В деньгах недостатка не было, так как, несмотря на постоянные траты, в карты ему в основном везло. А может, Авантюрист путешествовал с особой миссией? По некоторым предположениям Казанова проехал по юго-востоку Франции, а затем через всю Италию по поручению масонской ложи, и именно поэтому он нигде долго не задерживался. Однако в тексте «Мемуаров» на «миссию» нет даже намека, так что вероятнее всего это лишь домыслы. Но как знать, чем дальше уходят минувшие события в глубь веков, тем более загадочными они кажутся.

Итак, Авантюрист и Соблазнитель благополучно прибыл в Гренобль, где его уже ожидало письмо от маркизы д'Юрфе. В нем маркиза рекомендовала Казанову барону де Валанглару, дабы тот представил его в лучших домах города. Барон исполнил просьбу маркизы. Так Соблазнитель познакомился с мадам Морен и ее племянницей, статной черноглазой красавицей мадемуазель Анной де Купье де Роман, дочерью известного гренобльского адвоката. Как это часто бывало, речь зашла о магии,

астрологии и гороскопах. Мадам Морен высказала желание иметь собственный гороскоп, а Казанова — поближе познакомиться с мадемуазель Роман и составить гороскоп и тетушке, и племяннице. Не будучи силен в искусстве составления гороскопов, он тем не менее написал, по его собственному признанию, «ученую околесицу» для мадам Морен, расцветив ее многочисленными «если», составлявшими, по его мнению, «основу науки астрологов, которые были либо мошенниками, либо безумцами».

Сочиняя гороскоп для мадемуазель Роман, Соблазнитель дал волю фантазии: он предсказал, что в восемнадцать лет она поедет в Париж, где ее увидит величайший монарх, влюбится в нее и у нее начнется новая жизнь. У нее родится сын, в жилах которого будет течь королевская кровь, и сын этот станет надеждой Франции.

Мадемуазель Роман восприняла предсказания Казановы всерьез. Она отказала всем претендентам на свою руку, самому Соблазнителю, добивавшемуся, разумеется, не руки ее, а исключительно утоления собственной страсти, и уговорила одну из тетушек отвезти ее в Париж, где жила ее родственница, многоопытная дама со связями, сумевшая устроить так, что мадемуазель Роман действительно попала на глаза королю. Любвеобильный Людовик, давно пресытившийся прелестями Помпадур и хорошенькими глупышками из павильона в Оленьем парке, мгновенно влюбился в величественную красавицу с черными, ниспадавшими до земли волосами. Мадемуазель Роман была умна, держалась с достоинством, и король купил ей отдельный дом в Пасси, где она и родила ему сына. Однако власть мадемуазель Роман над королем была недолгой, так как для возвышения у нее не хватило самого главного — терпения. Видя в своем сыне будущего герцога, она быстро утомила Людовика своими притязаниями, он охладел к ней, разлучил с ребенком, поместив его на воспитание в монастырь, а ее выдал замуж за некоего господина де Каваньяка. Тем не менее предсказание Казановы можно было считать сбывшимся, и когда о нем стало широко известно, слава его как пророка и знатока оккультных наук умножилась. Сам же Казанова полагал, что выдуманным своим гороскопом он лишь побудил мадемуазель Роман поехать в Париж и добиться представления ко двору. Не будь его предсказания, ей бы и в голову не пришло это сделать. А когда первое условие было выполнено, то дальнейшие события разворачивались уже сами собой, и предугадать их труда не составляло: Людовик XV не пропускал ни одного свежего женского личика и вряд ли сделал бы исключение для юной красавицы-провинциалки.

Пробудив честолюбие мадемуазель Роман и оставив ее тетушке сто луидоров на дорожные расходы племянницы, ибо сама девушка отказалась взять их у Соблазнителя, он покинул Гренобль и поехал дальше на юг, в Авиньон, дабы посетить знаменитый источник, водопадом низвергающийся со скалы возле селения Воклюз, что неподалеку от Авиньона. Здесь, уединившись от мира, великий Петрарка воспевал свою Лауру. В 1327 году в авиньонской часовне Святой Клары двадцатитрехлетний итальянец увидел юную Лауру ди Нова, влюбился в нее возвышенной любовью и после всю жизнь превозносил божественную Лауру в сонетах, прославивших его имя в веках.

Из Авиньона Соблазнитель отправился в Марсель, откуда на корабле отбыл в Геную, увозя с собой прекрасную Розали. Слугам он приказал величать ее «мадам Казанова». В Генуе Казанова намеревался провести не менее месяца. Как сообщил он маркизу Гримальди, родственнику своего венецианского опекуна, он «будет отдыхать и ходить в театры». В Генуе в то время было три театра: театр Фальконе, где давали музыкальные спектакли и комедии, театр Сант-Агостино, где ставили оперу, в том числе и комическую, и театр делле Винье, называемый также Театрино, где можно было увидеть как трагедию, так и оперу. Так что отдых у Казановы, принимая во внимание наличие «мадам Казановы», предполагал быть весьма активным. Имея избыток свободного времени, Казанова перевел на итальянский пьесу Вольтера «Шотландка». Но тут самолюбию Соблазнителя был нанесен удар, тем более ощутимый, что исходил он от нелюбимого им Вольтера. Философ, коему он послал свой перевод «Шотландки», счел перевод неудовлетворительным. Об этом Казанове сообщил его знакомец, женевский синдик, сам Вольтер не удостоил его ответом. «Известием этим, равно как и невежливым поступком Вольтера, не ответившего на мое письмо, я был столь неприятно задет и обижен, что заделался врагом этого великого человека. Во всех своих сочинениях, кои собирался я опубликовать, я стал критиковать его, полагая, что, поступая несправедливо по отношению к нему, я тем самым мщу за себя», — написал Казанова и, огорченный, отплыл в Ливорно.

В Ливорно он пробыл недолго, однако в первые же часы своего там пребывания он познакомился с неким Джакомо Пассано, автором непристойных сонетов про аббата Кьяри, которого он, как и Казанова, считал своим врагом. Стихи Пассано венецианец нашел корявыми, тем не менее ненависть к аббату сблизила их. Проникшись к доморощенному поэту почти братскими чувствами, Казанова снабдил его рекомендательным письмом к одному из своих швейцарских приятелей, о

чем потом горько пожалел. И Казанова, и Пассано принадлежали к бродячему племени авантюристов, никогда не стеснявшихся надуть своих ближних. Но в этой парочке хитрее и изворотливее оказался Пассано: за время своей «дружбы» с Казановой Пассано сумел вытянуть у него немало денег и доставить ему массу неприятностей. Это происходило потому, что во времена *везения* себялюбивый Соблазнитель позволял себе принимать лесть за чистую монету, чем и не преминул воспользоваться Пассано.

Из Ливорно Казанова на лошадах направился во Флоренцию, где он намеревался пожить некоторое время. Модель поведения Казановы во всех городах была одинакова: сначала устроиться со всеми удобствами, затем отыскать место, где продают свежие французские газеты и журналы, и отправиться в театр или, на худой конец, ежели в городке нет театра, туда, где играют. Ежели в городе он имел приятелей или прибывал туда с пачкой рекомендательных писем, то уже на утро следующего дня его захватывал водоворот светской праздности. Когда же о его приезде никто не был извещен и рекомендаций также не случилось, вихрь этот увлекал его только к вечеру.

Во Флоренции Казанова остановился в лучшей в городе гостинице, снял апартаменты с видом на Арно. На следующий день он отправился к банкиру, дабы получить деньги по кредитному письму, пообедал в одиночестве, а после, переодевшись, отправился в театр. Каково же было удивление Соблазнителя, когда в примадонне он узнал Беллино! Вернее, не Беллино, а Терезу, сбросившую маску Беллино, ту самую Терезу, на которой он собирался жениться и с которой расстался в 1744 году! С тех пор прошло семнадцать лет, однако Тереза нисколько не изменилась и была по-прежнему свежа и хороша. Видимо, почувствовав на себе пристальный взгляд Казановы, Тереза взглянула в его сторону и уже весь спектакль не отрывала взора от его ложи. Когда же пришла пора покидать сцену, она вполне недвусмысленно махнула ему веером, указывая за кулисы.

С трудом дождавшись конца представления, Казанова помчался в указанном направлении. Тереза встретила его с распростертыми объятиями, засыпала вопросами. Потом, спохватившись, объявила, что сегодня вечером она занята, но завтра утром, в семь, она будет ждать его.

Только вернувшись к себе в ложу, ошеломленный Казанова сообразил, что не знает, как теперь зовут Терезу, и решил выяснить это у своего соседа, элегантного молодого человека с программкой в руках. Узнав, что задающий столь странный вопрос путешественник только вчера приехал в город, молодой человек снисходительно объяснил, что примадонна носит

его имя — Чирилло Палези, ибо вот уже два месяца как он имеет счастье быть ее мужем. В расстроенных чувствах Соблазнитель покинул театр.

Пробудившись в шесть утра, Казанова ровно в семь уже звонил в дверь дома певицы. Заспанная служанка, открывшая ему дверь, сказала, что хозяйка ждет его в восемь, но раз уж он пришел, то может войти и подождать в гостиной. Вскоре в гостиной появился муж в халате и ночном колпаке, он был удивлен столь ранним появлением незнакомца, который еще вчера спрашивал у него имя его жены. Но тут «прекрасная, как утренняя звезда», появилась Тереза и объяснила мужу, что Казанова ее давний друг, можно сказать, почти отец, с которым она не виделась более десяти лет. Услышав, как его называли отцом, Соблазнитель едва не взвился от возмущения: он был всего лишь двумя годами старше Терезы! Зато муж сразу успокоился и предложил гостю позавтракать вместе с ними шоколадом его собственного приготовления. Гость согласился, и муж отправился готовить чудесный напиток. Оставшись наедине с Казановой, Тереза бросилась к нему в объятия и расцеловала его отнюдь не как дочь, а потом заявила:

— Я знаю о тебе почти все, знаю, что ты был влюблен в монахиню, бежал из Пьемонта, знаю о твоих делах в Париже и Голландии, и только последние несколько лет известия о тебе перестали доходить до меня. Я же, как ты уже знаешь, два месяца назад вышла замуж, мужа люблю и не собираюсь изменять ему. Наши поцелуи были последними. Более оставаться наедине мы не должны.

Против такого разумного решения у Казановы возражений не было. Еще Тереза попросила его хранить в тайне их прошлые отношения, а также сказала, что говорит всем, кто ее окружает, что ей двадцать четыре года, и надеется, что и эту тайну он также не выдаст. Усмехнувшись, Соблазнитель пообещал никому не говорить, что ей уже исполнился тридцать один год. «Всего лишь тридцать», — поправила она его, вызвав на лице собеседника очередную усмешку. Тут прибыл шоколад, а вместе с ним и муж, и разговор прекратился. Приглядевшись к супругу Терезы, Казанова с горечью отметил, что этому белокурому молодому человеку никак не больше двадцати двух и что он чрезвычайно красив. В общем-то, он понимал, как Тереза могла в него влюбиться, но не понимал, зачем она вышла за него замуж, вручив таким образом ему на себя все права.

По приглашению Терезы Казанова поехал с ней на репетицию. Чувствуя себя в театре как дома, он быстро перезнакомился со всеми актерами, а особенно актрисами. Особое впечатление произвела на него юная фигурантка из Болоньи по имени Кортичелли. Ее он еще не раз

встретит на своем пути. Там же, за кулисами Казанова увидел давнего своего знакомого, аббата Гама, бывшего секретаря кардинала Аквавивы. Теперь аббат состоял при португальском посольстве и, целуя дамам ручки, по португальскому обычаю преклонял колени. Завязался оживленный разговор, прерванный появлением юноши лет пятнадцати. Так как юноша был знаком со всеми, кроме Казановы, то Тереза представила его: «Это мой брат». Соблазнитель вздрогнул: мальчик как две капли воды походил на него самого. Внутренний голос не обманул его: с самого рождения Тереза выдавала сына Казановы за своего брата, и мальчик действительно всегда считал Терезу старшей сестрой. Венецианец испугался: вдруг кто-нибудь, видя их вместе, догадается о их родстве? Однако постепенно страх его прошел. Окружение Терезы давно привыкло к маленькому Чезарино, и никто даже не подумал сравнить его с Казановой. Сделал это только муж Терезы, и у него в уме сложилась собственная версия сходства Чезарино с венецианцем. Он решил, что Казанова был нежным другом матери Терезы, поэтому у его жены и ее брата разные отцы. Дружба Казановы с матушкой Терезы оправдывала и нежное отношение актрисы к заезжему путешественнику. Тереза не стала разубеждать мужа, а напротив, дала понять, что он совершенно прав: ее это предположение вполне устраивало.

Казанова предложил Терезе увезти мальчика с собой, дабы он служил ему напоминанием об их любви, но получил отказ: Чезарино ни в чем не нуждался, учился музыке у лучших учителей и вообще имел все, что мог пожелать юноша в его возрасте. Будущее его также было обеспечено: часть принадлежащих ей денег Тереза отдала в рост, дабы в урочное время сын ее получил бы небольшое состояние. Если же у нее больше не будет детей, к Чезарино отойдет все ее состояние. Доводы Терезы были веские, и Казанове пришлось с ними согласиться. Впрочем, просьба отдать ему на воспитание ребенка, как и предложение жениться, носили, скорее, ритуальный характер, ибо Казанова никогда всерьез не намеревался обременять себя какой-либо ответственностью. И, будучи неплохим психологом, задавал вопрос, заранее чувствуя, что получит на него отрицательный ответ.

Так как Тереза твердо решила поддерживать с бывшим любовником исключительно дружеские отношения, Соблазнитель стал искать среди окружавших ее актрис ту, которая смогла бы одарить его своими ласками. Таковой стала юная Марианна Кортичелли, правда, в обмен на свое внимание она потребовала у него новую кровать и некоторую сумму денег. Девушке этой, проживавшей в крохотной каморке вместе с матерью и младшим братом, до сей поры приходилось делить кровать с братом.

Казанова остался доволен Кортичелли, однако ее матушка стала препятствовать их встречам, а этого Соблазнитель чрезвычайно не любил. Тереза была занята в репертуарных спектаклях, и Казанова, почувствовав, что актриса перестала вызывать ажиотажный интерес, счел за лучшее покинуть город и направиться, как он намеревался прежде, в Рим. В то время в Вечном городе находился его младший брат Джованни, обучавшийся в мастерской выдающегося немецкого живописца Менгса.

Встреча с братом была прохладной, скорее, даже холодной, ибо ни один ни другой не знали, что сказать друг другу. В конце концов Казанова пригласил брата пообедать вместе с ним в гостинице, где он остановился. Увидев, какие апартаменты снял себе братец, Джованни предложил ему переселиться к Менгсу, в доме которого пустовала квартира. Соблазнитель ответил, что никак не может, ибо он влюбился в дочку владельца этой гостиницы. Разыскивая поздно вечером свой номер, он случайно попал в комнату Терезы (так звали девушку) и увидел ее обнаженной. С этого времени образ красавицы не выходит у него из головы. Джованни усмехнулся, заметив, что вряд ли в темноте он сумел многое разглядеть, однако попросил показать ему девицу, из-за которой брат его желает попусту вводить себя в расходы. Казанова тотчас позвал хозяина и попросил его прислать к ним дочку. Тереза вышла к гостям и, увидев своего ночного знакомого, покраснела от смущения.

Казанова все же пожертвовал интрижкой с Терезой и переехал в дом Менгса, где проживал также и его брат. Зато на Джованни девушка произвела поистине неизгладимое впечатление и где-то через год он женился на ней. Но недолго он наслаждался жизнью со своей избранницей: через десять лет она умерла, оставив безутешному и небогатому супругу восьмерых детей.

Окрестности Рима навеяли на Казанову воспоминания о его римской возлюбленной, прекрасной Лукреции. Сама Лукреция вернулась вместе с мужем в Неаполь, но мать ее, донна Чечилия, жила в Риме. Здесь же вместе с мужем должна была проживать и ее сестра Анджелика, которую он, побуждаемый Лукрецией, первым приобщил к радостям Венеры. Случилось это незадолго до свадьбы Анджелики. И он решил посетить обеих милых его сердцу женщин, но предприятие сие окончилось неудачей. Донна Чечилия два года назад скончалась. Анджелика приняла его, однако держалась отчужденно, заявив, что не помнит, чтобы они были знакомы. Оскорбленный подобным отношением к своей особе. Соблазнитель написал в «Мемуарах», что Анджелика со времени их знакомства «чрезвычайно подурнела».

Не слишком огорчившийся Казанова устремился на поиски полезных знакомств, необходимых для получения аудиенции у папы. Казанова хотел просить понтифика помочь ему получить разрешение вернуться в Венецию. Путь в папскую приемную лежал через кабинет всемогущего кардинала Пассионеи. Казанове, знавшему нынешнего папу Реццонико еще в бытность того епископом Падуанским, кардинал изначально был симпатичен, ибо открыто называл папу «дураком», в чем Казанова был совершенно с ним согласен. Отправляясь к кардиналу, Казанова облачился в лучший свой костюм, сверкавший золотым шитьем. Взглянув на посетителя из-за огромного, заваленного бумагами стола, Пассионеи отложил в сторону перо и вместо приветствия заявил, что наслышан о похождениях венецианца, а особенно о его побеге из Пьомби.

— Расскажите мне об этом поподробнее, ведь вы слывете отменным рассказчиком, — произнес кардинал.

Казанова приготовился рассказывать и тут обнаружил, что во всей комнате нигде нет стула, кроме, разумеется, того, на котором восседал кардинал.

— Прикажете мне сесть на пол? — дерзко поинтересовался Авантюрист. — История моя занимает много времени.

— О, что вы, — спохватился кардинал, — у вас слишком красивое платье.

Он позвонил, и слуга принес табурет. Усевшись на нем, Казанова почувствовал, как в нем нарастает гнев, его сначала бросило в жар, потом в холод, а по телу заструился противный липкий пот. Заговорив скороговоркой и комкая слова, он через четверть часа завершил свой рассказ.

— Я пишу гораздо лучше, чем вы рассказываете, — вынес приговор кардинал. — Вот, это моя речь на смерть принца Евгения, возьмите и почитайте ее, надеюсь, моя латынь вас не смутит, — и он протянул просителю несколько исписанных листков.

Несмотря на насмешливый тон, кардинал добился для Казановы аудиенции у папы, и уже на следующий день Соблазнитель почтительно целовал туфлю наместника святого Петра, умоляя помочь ему в получении разрешения вернуться на родину. Смирение Казановы привело папу в хорошее расположение духа, и он, благословив просителя, пообещал сделать все, что будет в его силах. А через несколько дней папский служитель прислал ему грамоту и крест ордена Золотой шпоры. Казанова, давно мечтавший получить право украсить себя каким-нибудь крестом, тотчас же нацепил его на пунцовую ленту и повесил на шею, а на

следующий день отправился к ювелиру, который по его приказу украсил крест алмазами и рубинами, выгодно сочетавшимися с пунцовым цветом ленты. Пять лет Казанова носил этот орден, пока наконец в Варшаве русский воевода Чарторыйский не объяснил ему, что такие кресты носят лишь лакеи, получающие их в дар от своих господ-послов. Высоко ценимый в XVI столетии, в XVIII орден Золотой шпоры утратил свой престиж: награждать им имел право уже не только папа, но и целый ряд прелатов. Чаще всего его вручали послам иностранных держав, для которых он был чем-то вроде памятного знака об их пребывании при папском дворе.

Аудиенция у папы, орден, не хватало только любовного приключения, и оно не заставило себя ждать. Покидая папскую резиденцию, Казанова встретил старого знакомого по имени Момоло, служившего уборщиком в покоях его святейшества. Обрадовавшись встрече, Момоло пригласил Соблазнителя к себе на ужин, извинившись заранее, что живет он небогато и пища будет исключительно простая. Не желая обидеть приятеля, Казанова согласился, но выговорил позволение принести с собой вина. Когда же он отдавал приказание слуге, то, поразмыслив, он велел ему захватить еще и солидный окорок.

Однако приготовления гостя отчасти были напрасны: хозяин подал на стол огромную поленту и гигантскую кастрюлю, до краев наполненную свинными отбивными. Так что у многочисленного семейства Момоло, состоящего из супругов, четырех дочерей, старшей из которых было двадцать четыре года, и двух малолетних сыновей, были все шансы отлично утолить голод. Вино пришлось на столе очень кстати. Рассыпая вокруг себя жемчужины собственного красноречия, Казанова с тоской отметил, что все дочери Момоло на удивление нехороши собой. Но судьба все же послала Соблазнителю красавицу, соседскую дочку. Девицу эту звали Мариучча, лет ей было семнадцать-восемнадцать, росту она была высокого, но сложена так пропорционально, что, казалось, над фигурой ее поработал резец самого Праксителя. Глаза у нее были черные, кожа белоснежная, волосы светлые, заплетенные в четыре косы и уложенные на затылке. Она жила вместе с матерью, женщиной бедной и чрезвычайно набожной, отпускавшей дочь только в церковь и иногда в гости к соседям, которые, зная об их нужде, нередко приглашали ее поужинать, что они и сделали в этот раз. Каждый раз при взгляде на Мариуччу Казанова ощущал сильное волнение, и к концу трапезы он окончательно решил, что добьется этой девушки.

Его невольным помощником в задуманном предприятии стала старшая

дочь Момоло, предложившая Казанове купить лотерейный билет, из тех, которые она подрядилась продавать. Соблазнитель попросил Мариуччу вытянуть ему билетик, и та, смущаясь, исполнила его просьбу. Билет оказался выигрышным, и Казанова, узнав, что приглянувшаяся ему красавица очень бедна, решил отдать ей выигрыш и таким образом познакомиться с ней поближе. Деньги были переданы матери девицы через Момоло, а саму Мариуччу Казанова подкараулил возле церкви, куда та прилежно ходила каждый день. Поблагодарив Соблазнителя за подарок, Мариучча выслушала его весьма прозрачное предложение, подумала и сказала:

— Сударь, я очень хочу вырваться из тисков бедности и зажить своим домом. Недавно ученик парикмахера, приятный молодой человек, видевший меня несколько раз в доме Момоло, прислал мне письмо, где он предлагает жениться на мне, если я смогу принести ему в приданое четыреста экю, дабы он смог открыть парикмахерскую. После вашего великодушного поступка приданое мое составляет двести экю. Если вы согласны вручить моему исповеднику для меня еще двести экю, придумав приличествующий тому предлог, я готова исполнить вашу просьбу. Отдать деньги напрямую матушке нельзя, она наверняка заподозрит меня в чем-нибудь дурном. А если их вручит ей мой исповедник, коего она безмерно уважает, она примет их с благодарностью.

Условие, поставленное Мариуччей, было исполнено в тот же день. Потом, сгорая от нетерпения, Соблазнитель снял квартиру неподалеку от церкви, которую посещала девушка, и на следующий день уговорил ее вместо служения Господу заняться служением Венере. Мариучча была девственна и неопытна, однако ученицей оказалась смышленной и прилежной. Казанова был так доволен, что подарил ей еще сто экю — «на новое платье к свадьбе». Еще несколько раз встречался он со своей новой любовницей и каждый раз делал ей маленькие подарки. Во время последнего свидания он спросил девушку, как та собирается объяснять мужу свою опытность в тех вопросах, в которых невинным молоденьким девушкам обычно разбираться не следует.

— Он получает желанную парикмахерскую, поэтому, полагаю, ничего лишнего спрашивать не будет. А я не собираюсь изменять ему, — разумно ответила Мариучча.

Получив от Вечного города все, чего желал, Казанова стал готовиться к отъезду. Зайдя к Момоло попрощаться, он с удовлетворением узнал, что Мариучча выходит замуж, «делает хорошую партию», несомненно, заслуженную этой набожной и добродетельной девицей. Усмехнувшись

про себя, Казанова распрощался с семейством и уехал в Неаполь, город, где, как он предполагал, его ждет немало приятных встреч.

Прибыв в Неаполь, где он не был почти восемнадцать лет, первый визит свой он нанес герцогу Маталоне, с коим он познакомился в Париже. Искренне обрадовавшись его приезду, герцог заявил венецианцу, что тот будет жить у него, и тотчас послал в гостиницу своих слуг, дабы те перенесли к нему в дом вещи гостя. Поломавшись для приличия, Соблазнитель согласился. Герцог представил его обществу, ежеобеденно собиравшемуся у него в доме, а также своей супруге, надменной и чопорной даме, решившей не удостаивать гостя своим вниманием. Несколько раз пытался Казанова заговорить с ней, один раз даже попробовал обольстить, однако труды его были напрасны. Тогда он решил более не тратить на нее силы, предоставив ей упиваться собственной гордыней.

Герцог же, напротив, был чрезвычайно мил и любезен. Зная натуру Казановы, он предоставил ему апартаменты с отдельным выходом, так что в случае нужды Соблазнитель всегда мог спокойно проникнуть к себе, не привлекая внимания герцогских слуг. Сам герцог вел рассеянный образ жизни, обожал театр и даже имел любовницу. Последнее изрядно удивило Казанову, ибо герцог слыл импотентом, и даже родившегося у него сына злые языки именовали «материнским подарком». Разумеется, при герцоге никто не смел высказывать свои сомнения в законнорожденности мальчика, но за глаза судачили вовсю.

Герцогскую любовницу звали Леонильда, ей было семнадцать, она была красива, образованна, говорила на нескольких языках, цитировала Лафонтена и со знанием дела рассуждала о философии. Ее маленькой слабостью была опера-буфф. Маталоне содержал ее как королеву, ни в чем не отказывал, купил ей небольшой дом и украсил гостиную модными в те времена китайскими эротическими гравюрами. Приглашенный в дом к Леонильде, Казанова высказал свое удивление, как может герцог, глядя на столь искусно выполненные гравюры, оставаться совершенно равнодушным к дамским прелестям. В ответ Маталоне лишь улыбнулся и для вящей убедительности расстегнул панталоны и продемонстрировал ему свое безразличие к малопристойным изображениям. В отличие от приятеля Соблазнитель весь пылал от страсти. Когда же в гостиную наконец вошла Леонильда, Казанова буквально бросился к ней и впился губами в ее руку. Девушка была неотразима, и пылкий венецианец тотчас предложил ей руку и сердце. Все естество его уже сейчас было готово доказать ей пламень внезапно вспыхнувшей страсти.

Герцога предложение Казановы обрадовало. Он сказал, что напишет матери Леонильды, дабы испросить ее согласия, и сам пообещал дать за девушкой приданое. Леонильду никто ни о чем не спрашивал, но судя по тому, какие веселые и кокетливые взгляды бросала она на Казанову, возражений у нее не было. Гости и очаровательная хозяйка поужинали, сопровождая трапезу оживленной беседой, а потом герцог повез Соблазнителя в игорный дом — заглушить его любовную страсть азартом игрока. Но любовь все же оказалась сильнее страсти картежника, образ прекрасной Леонильды, видимо, препятствовал Авантюристу сосредоточиться на игре, в результате чего он проиграл почти две тысячи дукатов... герцогу Маталоне. Опасаясь, как бы его не заподозрили в желании обобрать гостя, живущего под его крышей, Маталоне деньги взял (этика игрока обязывала его сделать это!), однако желая Казанове доброй ночи, он вручил ему записку, в коей предлагал открыть кредит у своего банкира, причем без всяких залогов и поручительств. Соблазнитель оценил деликатность гостеприимного хозяина, однако воспользоваться предложением отказался, ибо намеревался отыграться. Как пишет Казанова в своих «Мемуарах», он всегда был чувствителен к проигрышам, однако хорошо умел скрывать свое огорчение. «Моя природная веселость помогала мне искусно маскировать свою печаль, и, не вызывая неудовольствия других игроков, мне было проще отыграться на слово», — отмечал он. На этот раз, впрочем, играть на слово у него не было нужды: хотя проигрыш был чувствителен, деньги у него оставались.

Утром герцог, получив отказ Казановы прибегнуть к услугам его банкира, но по-прежнему желая загладить невольно случившуюся неловкость, предложил Соблазнителю на вечер свою ложу в театре и, разумеется, общество очаровательной Леонильды, которую теперь с полным правом можно было называть невестой Казановы. От такого предложения гость не смог отказаться. Вечером в антракте Леонильда с улыбкой сообщила жениху, как тот вчера с невозмутимым лицом проиграл почти две тысячи дукатов.

— Все, видевшие тебя в те минуты, были восхищены твоим хладнокровием, — промолвила она.

— Влюбленный не должен играть, ибо он думает только о возлюбленной, а не об игре, — ответил Казанова.

— Тогда не играй.

— Увы, не могу. Скажут, что я испугался проигрыша или что у меня нет денег.

— Я загадаю, чтобы ты выиграл. А завтра утром ты придешь ко мне

вместе с герцогом, и вы мне расскажете, как все было.

На следующий день Казанова с герцогом отправились к Леонильде. Настроение у обоих было превосходное: гость отыгрался, герцога больше не мучили угрызения совести, и приятели весело шутили. Вновь заговорили о гравюрах в гостиной Леонильды, куда был подан завтрак. Герцог вновь продемонстрировал, теперь уже обоим сотрапезникам, сколь равнодушен он к этим картинкам. Соблазнитель поддержал его: действительно, как можно думать о каких-то рисунках, когда рядом находится такое очаровательное существо! И предложил провести эксперимент. Глядя на стену, где висели гравюры, он предложил герцогу проверить, действуют ли они на его способности любовника. Герцог протянул руку, пощупал и, усмехнувшись, заявил, что, видимо, они с Казановой имеют одинаковый дефект.

— Нет, не убирайте руку, — продолжил командовать Казанова, — и смотрите.

Соблазнитель устремил взор на прекрасную Леонильду, потом медленно взял руку девушки и поднес ее к губам.

— О-о-о! — воскликнул герцог, вскочил и принялся вытирать руки салфеткой.

Победа Соблазнителя была полной, а реальная красота Леонильды восторжествовала над красавицами нарисованными.

С этого дня Казанове стало везти в карты. Каждый вечер он оставался в выигрыше и утром докладывал об этом невесте, продолжавшей мягко уговаривать его не играть. Соблазнитель остановился, когда общая сумма его выигрыша составила пятнадцать тысяч дукатов, тут он решил, что он уже почти человек семейный и пора проявить мудрость. Тем более что на следующий день ожидался приезд матери Леонильды, пожелавшей познакомиться с женихом дочери. Возможно, если бы Казанова не отдавал столько энергии и времени игре, фактический брак его с Леонильдой уже состоялся бы, ибо девушка искренне влюбилась в обаятельного венецианца, невзирая на то, что он был старше ее почти на восемнадцать лет.

Утром, как обычно, герцог и Казанова отправились к своей обожаемой красавице. Войдя к ней в спальню, куда они, как близкие друзья, допускались в любое время, они увидели, что Леонильда разговаривает с какой-то дамой в дорожном платье. Дама обернулась... и Казанова чуть не вскрикнул от изумления. Это была донна Лукреция!

Донна Лукреция была удивлена не меньше Соблазнителя, ей сообщили, что дочь ее выходит замуж, но не назвали имени будущего

супруга. И теперь, увидев Казанову, она издала громкое «ах!» и медленно опустилась на стоявшую рядом софу. Растерянная Леонильда смотрела то на жениха, то на мать, пытаясь понять, что произошло. Не менее изумленным выглядел и герцог.

— Донна Лукреция, — наконец выдал из себя Казанова, — я счастлив.

— О Боже, вы собираетесь жениться на моей дочери! — слабым голосом прошептала донна Лукреция.

От ужасного подозрения волосы у Казановы встали дыбом: по возрасту Леонильда вполне могла быть его дочерью. Но ведь в то время, когда они с Лукрецией любили друг друга, возлюбленная его была замужем! Тем временем Леонильда и герцог, сообразившие единственно, что Казанова и донна Лукреция были знакомы прежде, терялись в догадках и вопрошающе взирали на венецианца. Но тот без лишних слов встал и, предложив руку донне Лукреции, пригласил ее пройти с ним в соседнюю комнату. Едва они оказались одни, как донна Лукреция стремительно произнесла:

— Леонильда — ваша дочь. Мой муж, с которым мы в Риме ни разу не были близки, знал об этом, но любил ее, как родную дочь. Скажите же мне, свершился ли ваш брак или еще нет?

— Нет, дорогая.

Лукреция вздохнула с облегчением. Женщина решительная, она принимала любовь без предрассудков и ложного стыда, полная свобода в любви была для нее совершенно естественна, и если общество почитало инцест преступлением, то она судила его по своим собственным законам и признавала его в тех пределах, в которых сама была готова его допустить. Так, Казанове она прозрачно намекнула, что утолить свою страсть к Леонильде он сможет, когда та выйдет замуж.

Негласное одобрение инцеста характерно для светских развратников-либертенов XVIII столетия. Рассуждая об этом с Казановой, герцог Маталоне, узнавший, что Леонильда — дочь венецианца, стал утверждать, что ни один философ не назовет инцест преступлением. Мнение это порождено исключительно повсеместно распространившимся и глубоко укоренившимся предрассудком. Соблазнитель поддержал герцога. Любовь взаимна, когда любящие чувствуют себя равными другу другу. Между отцом и дочерью равенства, разумеется, быть не может, ибо дочь обязана почитать того, кто породил ее, следовательно, она не может испытывать к нему той нежности, которую испытывают к любовнику. Когда отец овладевает дочерью силой, используя свою родительскую власть, он

поступает как тиран, что отвратительно. Но если отец и дочь взаимно любят друг друга как любовники, следовательно, доводы, противные их любви, для них просто не существуют. «Инцест, вечный сюжет греческой трагедии, вызывает у меня не слезы, а смех, и если я плачу над „Федрой“, то к этому меня побуждает искусство Расина^[57]», — завершил свои рассуждения Казанова. Был ли он искренен в своих словах или же старался не отстать от собеседника, стремился показать свое «свободомыслие», доказать, что он человек без предрассудков? Возможно, и то и другое. Ведь если бы это был сиюминутный, ничего не значащий разговор, вряд ли он стал бы приводить его в своих «Мемуарах». И хотя он утверждал, что крушение брачных планов изрядно опечалило его и поэтому он решил немедленно покинуть Неаполь, не исключено, что настроение его было испорчено прежде всего самой необходимостью принять такое решение. Он всегда был готов исполнить любой собственный каприз, но надобность сделать что-либо под давлением обстоятельств приводила его в состояние дискомфорта.

До отъезда Его Величество Случай в лице герцога Маталоне толкнул Казанову в объятия донны Лукреции, которая, несмотря на свой почтенный возраст (она была несколькими годами старше Соблазнителя), все еще была хороша и обладала бурным темпераментом. После обильного обеда, устроенного герцогом в доме Леонильды, Соблазнителя стало клонить в сон, его раздели, уложили на кровать, и он моментально заснул, а когда проснулся, герцога уже не было, а возле кровати сидела донна Лукреция. Исполненный нежности к бывшей любовнице Соблазнитель притянул ее к себе, и вскоре они оба лежали в одной постели в костюмах Адама и Евы. Далее действие разворачивалось еще более бурно и стремительно. В спальню вошла Леонильда, и Лукреция, гордясь красавицей-дочерью, приказала ей раздеться, дабы отец мог полюбоваться ею во всей ее природной красе. Девушка с удовольствием выполнила приказание, и когда Соблазнитель налюбовался ею вволю, третьей нырнула в постель: ей было ужасно любопытно, каким образом восемнадцать лет назад «папа и мама сделали ее». Когда же к утру она своими нежными ручками помогла обоим утомленным (и не слишком молодым) любовникам в последний раз достичь вершины блаженства, она была в таком восторге, что немедленно пересказала все свои впечатления явившемуся к завтраку герцогу Маталоне. Как написал Казанова, герцог должен был только радоваться, что он, при своем бессилии, не остался у Леонильды на ночь.

После сей страстной ночи Казанова, все еще охваченный брачной лихорадкой, предложил Лукреции жениться на ней. Та согласилась, но при

условии, что Соблазнитель прекратит свои странствия и обоснуется в Неаполе. Разумеется, и этот брачный проект растаял, как туман, и, распрощавшись с гостеприимным Неаполем, Казанова уехал в Рим.

В Рим Соблазнитель вернулся к началу карнавала. Возможно поэтому большую часть пребывания своего в Вечном городе он провел в различных увеселениях — дружеских пирушках и оргиях с участием девиц, английских джентльменов, аббатов и кастратов. Однако, судя по рассказу Казановы, сам он к буйствам, участники которых предавались мужеложеству, лесбиянству и содомскому греху, причастен не был, а являлся исключительно созерцателем. Когда же на смену карнавалу пришел пост. Соблазнитель покинул Рим и отправился дальше на поиски удовольствий. Красавицы наскучили ему, и он решил вернуться в Париж.

«ПЕРЕРОЖДЕНИЕ» ЛЕГКОВЕРНОЙ МАРКИЗЫ

В столице он поселился в роскошной квартире на улице дю Бак, снятой для него заботливой мадам д'Юрфе, с нетерпением ожидавшей, когда он наконец приступит к операции ее «перерождения».

Как предполагают многие, между Казановой и маркизой происходил отнюдь не платонический роман. Правда, на этот раз в роли соблазнителя выступала маркиза, сорок лет назад считавшаяся самой красивой женщиной Парижа. Некоторое время Соблазнитель наслаждался покоем: вечерами он играл в карты, ночью предавался любовным трудам с маркизой, а днем спал. Все проигрыши его, разумеется, мгновенно оплачивались. Взяв, по сути, великого чародея на содержание, мадам д'Юрфе время от времени напоминала ему о своем горячем желании стать мужчиной. Тогда Авантюрист поведал ей, что младенец мужского пола, которому предстоит воспринять ее душу, зародится во чреве девственницы, откуда выйдет прямо в руки маркизе, а затем, плотно к ней прижавшись, пролежит семь дней в кровати; на седьмой день маркиза поцелует его в губы, передавая ему свое последнее дыхание, и умрет, но душа ее продолжит жить в этом младенце. Казанова будет воспитывать отрока до трех лет, дабы душа маркизы окончательно закрепилась в его теле. План привел почтенную даму в восторг, и она стала торопить чародея с поисками божественной девственницы. На время поисков Казанова по велению духов прекратил с ней плотские сношения. Скорее всего, эта связь ему наскучила, ведь даже самые страстные его романы редко продолжались более трех месяцев.

Подыскивая сообщницу, Казанова остановил свой выбор на юной фигурантке Кортичелли, с которой он познакомился в Болонье. Сейчас Кортичелли выступала в Праге, и Соблазнителю пришлось приложить к письму изрядную сумму, чтобы она сооблаговолила сняться с места и приехать к нему в Париж. Прибыв в столицу, девица быстро освоилась как с новой ролью божественной избранницы, так и со старой ролью любовницы Казановы. Соблазнитель представил ее д'Юрфе как последнюю принцессу из древнего и некогда могущественного византийского рода Ласкарисов. Маркиза приняла девицу с почетом, подобающим наследнице императорской фамилии (в XIII веке императоры из рода Ласкарисов правили Никейской империей), и преисполнилась

уверенности в успехе предстоящей операции, ибо Юрфе и Ласкарисы в прошлом были связаны родственными узами. Торжественную церемонию назначили на апрельское полнолуние.

Для этого события Казанова, взявший на себя роль отца будущей перерожденной маркизы, заказал себе длинный шелковый балахон и несколько новых платьев для Кортичелли. Хотя процедура зачатия одежд не требовала, маг Казанова пожелал обставить ее с максимальной роскошью. В спальне маркизы воскурили благовония, возле застеленного тончайшими простынями ложа поставили серебряную лохань с ароматической водой для омовения. В полночь Казанова в блестящем балахоне вместе с одетой во все белое Кортичелли явились в спальню, где их с нетерпением ожидала маркиза, облаченная в легкую переливчатую тунику и увешанная драгоценностями. Бриллианты, сапфиры и изумруды сверкали в ушах, на старческой шее, на скрюченных от возраста пальцах. Соблазнитель знал, что маркиза владеет поистине бесценной коллекцией фамильных драгоценностей, однако в таком количестве он видел их впервые. Сделав над собой поистине героическое усилие, он сумел погасить алчный блеск во взоре, успев при этом заметить, как глаза его сообщницы полыхнули таким же нездоровым блеском. На их счастье взволнованная предстоящим событием маркиза не обратила внимания, какое впечатление произвели ее украшения на шарлатана и его подругу. С помощью жаждущей переродиться мадам д'Юрфе маг и *божественная избранница* сняли одежды, взошли на ложе и приступили к процедуре зачатия. Не желая упустить ни единого мгновения столь важного события, маркиза осторожно легла рядом. Присутствие зрителей, как обычно, приободрило Соблазнителя, и он быстро и доблестно справился со своей задачей. Затем, совершив омовение, он облачил Кортичелли в белый балахон, отделанный дорогими кружевами, и уложил спать на кровать маркизы. Несколько дней д'Юрфе ни на шаг не отпускала от себя «избранницу», которой предстояло выносить будущую маркизу в мужском обличье. На ночь она укладывала ее к себе в постель и, просыпаясь, прислушивалась к ее ровному дыханию.

Несмотря на очевидный успех, мадам д'Юрфе продолжала приставать к Казанове с вопросом: уверен ли он, что зачатие произошло? Сначала чародей отделялся туманными фразами, а потом пообещал спросить у оракула. Ответ духа, переданный через Казанову, порастил маркизу: зачатия не произошло, ибо на церемонии незримо присутствовал *черный гений*, чья злая воля воспрепятствовала свершению события. Необходимо повторить процедуру в мае, но уже не во Франции, а за ее пределами. От себя лично чародей попросил удрученную даму отослать в Лондон к матери юного

Помпеати, недвусмысленно намекая, что именно этот шустрый юноша своим любопытством навлек на маркизу козни злых духов. Помпеати, с некоторых пор проживавший в доме д'Юрфе, действительно с большим удовольствием наблюдал в щелку процедуру «перерождения». Кортичелли, узнав, что юношу собираются отослать по распоряжению Казановы, возмутилась: Помпеати совсем недавно стал ее любовником, и она пока не собиралась с ним расставаться. Когда же божественная избранница обнаружила, что сообщник в *суете* забыл передать ей дорогое ожерелье, врученное ему для нее мадам д'Юрфе, гневу ее не было границ. Она не собиралась таскать каштаны из огня даже для Казановы!

Операция по перерождению маркизы сорвалась, и организатор ее вместе с участниками, исполняя волю духов, выехал в Аахен. Однако в Аахене злопамятная *божественная Ласкарис* заявила, что больна, легла в постель и не сдвинулась с места несмотря ни на какие уговоры. Но авторитет оракула все еще был велик, и Казанове удалось убедить мадам д'Юрфе, что черный гений околдовал божественную избранницу, она сошла с ума и ей теперь предстоит родить страшного и ужасного гнома. Идея помешательства *избранницы* пришла в голову Казанове после угроз Кортичелли разоблачить шарлатана и оказалась очень своевременной. Избранница действительно сумела остаться наедине с маркизой и рассказать о проделках Соблазнителя. Но завершить свое повествование ей не удалось: почтенная дама, предупрежденная о ее безумии, выставила ее вон, не поверив ни единому ее слову.

А Казанова окончательно рассорился с Кортичелли после того, как застал ее в гостиничном номере в постели с молоденьким каноником. Увидев грозного Казанову, каноник перепугался и тотчас пообещал никогда больше не останавливаться в одной гостинице ни с ним, ни с девицей. Страшно вращая глазами и изрыгая жуткие угрозы в адрес негодяя, покусившегося на честь небесного создания, Казанова с трудом сдерживал смех. Когда же каноник, подхватив одежду, словно ошпаренный, выскочил из комнаты, Соблазнитель устроил сцену любовнице, заявив, что между ними все кончено, а когда та стала требовать у него подарки, переданные для нее маркизой, ответил, что она их не заслужила. Словом, расставание с Кортичелли получилось отнюдь не мирным и не благостным.

Новая неудача не обескуражила мадам д'Юрфе, отличавшуюся не только легковерием, но и долготерпением. Маг и чародей также еще не исчерпал своей изобретательности. Ему даже удалось найти новую сообщницу, некую Мими, но та оказалась плохой актрисой, и Казанова, видя, что процедуру вновь приходится отложить, сумел убедить маркизу

спросить гения Луны Селениса, где и когда должна будет состояться церемония перерождения.

Водевиль под названием «переписка с Селенисом» был поставлен и разыгран поистине блистательно; режиссер Казанова превосходно справился с ролью посредника. Декорации, созданные им для процедуры отправки письма на Луну и получения ответа от гения ночного светила, свидетельствовали, что он не зря читал каббалистические книги и слушал разговоры Брагадина и его друзей-оккультистов. В зале, окна которого были распахнуты настежь, дабы лунный свет свободно проникал в дом, был установлен огромный чан с теплой ароматизированной водой. Вплотную к чану была придвинута мраморная чаша, где, источая горьковатый запах, тлели ветки можжевельника. Когда ближе к полуночи маркиза наконец завершила писать письмо на Луну, Казанова взял ее за руку и торжественно повел в приготовленное для отправки послания помещение. Там царил полумрак, свечей не зажигали, и только лунный свет да синеватые огоньки, время от времени пробегавшие по можжевельным веткам, освещали черную блестящую гладь воды, от которой исходил сладковатый дурманящий запах, «успокаивающий», по словам Казановы, «обоняние лунного гения». С трудом сдерживая смех, чародей повелел маркизе раздеться, затем обнажился сам, подвел почтенную даму, сжимавшую в руке письмо, к чаше с тлеющим можжевельником и проникновенным голосом принялся читать заклинания, украдкой поглядывая в ее сторону и желая уловить момент, когда экзальтация ее достигнет своего предела. Затягивать процедуру было не в его интересах: вдохновенно произносить выдумываемые на ходу слова — это труд не из легких. Наконец, заметив, что маркиза готова поверить во что угодно, он взял у нее письмо и бросил в чашу. Бумага вспыхнула ярким пламенем, и ошалевшей от дыма и ароматов пожилой женщине показалось, что по дорожке льющегося в окна лунного света действительно побежали ввысь слова...

Письмо было отправлено, теперь следовало получить ответ. Пряча в левой руке *послание Селениса*, написанное серебряными буквами на воценой бумаге, Казанова вместе с д'Юрфе погрузился в чан и снова принялся читать заклинания, радуясь про себя, что вода не успела полностью остыть. Маркиза же, похоже, окончательно утратила способность мыслить, так что водные процедуры можно было не затягивать. Через десять минут на поверхности воды плавал ответ лунного гения, упавший в чан прямо с бледного луча ночного светила. После того как дрожащей рукой мадам д'Юрфе схватила послание, Соблазнитель

помог ей выбраться из воды, обсушиться и одеться. Затем он вручил ей белую шелковую подушечку с лежащим на ней посланием, и они вместе прошествовали в ее апартаменты читать ответ Селениса. Решение гения Луны гласило: перерождение отложить на год, процедуру перенести в Марсель, куда маркиза и Казанова должны прибыть в мае следующего года. За время, оставшееся до церемонии, маркизе следует готовить дары для благих гениев, слушаться указаний Посвященного (то есть Казановы) и вести уединенный образ жизни. Сколь велико ни было его влияние, Соблазнитель опасался, как бы кто-нибудь из претендующих на наследство родственников мадам д'Юрфе не сумел раскрыть ей глаза на истинную подоплеку его поступков: ведь уверившись в магическом даре Казановы, она безропотно оплачивала его карточные проигрыши и выписанные им подложные векселя. Конечно, игра в общение с духами и прочими потусторонними силами изрядно занимала Соблазнителя, иначе он не отдавался бы ей с такой страстью и изобретательностью, однако вряд ли он стал бы играть в нее без всякой корысти. К примеру, драгоценности, врученные маркизой для Кортичелли, стоили более шестидесяти тысяч франков, и когда Соблазнителю случилось наделать долгов, он удачно заложил их, но, кажется, потом так и не выкупил. Тем не менее угрызения совести его не мучили, ведь, по его словам, когда Кортичелли расставалась с ним, она была значительно богаче, чем до их встречи.

Так и не доведенное до конца предприятие было перенесено на ближайшую весну в Марсель. А на следующий день главные участники спектакля под названием «перерождение» разъехались в разные стороны: маркиза — в Лион, а Казанова — в Женеву.

В Женеве Соблазнитель, как всегда, остановился в гостинице «Весы». Первым, кого он встретил в городе, был его приятель-синдик. Он сообщил, что господин де Вольтер продал Делис герцогу де Виллару и переехал в Ферне. Соблазнитель тотчас заметил, что отнюдь не собирается посещать господина де Вольтера, напротив, намеревается отдохнуть.

На следующий день ветреное сердце Соблазнителя было отдано двум юным особам — Гедвиге и Елене. Гедвига была племянницей знакомого пастора Казановы, и в прошлый приезд он имел возможность познакомиться с ней и с ее дядей, но поглощенный противостоянием с господином де Вольтером и увлеченный обитательницами одинокого домика, не сумел по достоинству оценить ее прелести. Гедвига слыла девушкой бойкой, начитанной и обожала теологические споры, в которых, по обыкновению, побеждала. Скромная и застенчивая Елена была ее родственницей. Несмотря на неброскую красоту, синдик с первого взгляда

влюбился в Елену, но стыдливая красавица не отвечала на его ухаживания.

Прослышав о приезде Казановы, дядя Гедвиги пригласил венецианца на обед, где, помимо его племянницы и Елены, собралось еще несколько человек. Как всегда в таких случаях, пастор не упустил возможности похвалиться способностями Гедвиги находить ответы на любые философские, главным образом теологические, вопросы. Тогда один из присутствующих спросил у девушки:

— Признаете ли вы, что Иисус Христос в высшей степени обладал всеми человеческими качествами?

— Разумеется, всеми, кроме слабостей.

— Относите ли вы к слабостям стремление к продолжению рода?

— Нет.

— Тогда скажите мне, какую природу имело бы потомство, рожденное самарянкой, коли Иисус пожелал бы сотворить ей ребенка?

Гедвига покраснела, собравшиеся за столом переглянулись, а один из гостей заметил, что подобного рода вопрос следовало бы задать господину де Вольтеру. Но наблюдавший за девушкой Соблазнитель заметил, что смутившаяся было красавица быстро взяла себя в руки, собралась с мыслями и приготовилась отвечать. Все умолкли.

— Иисус Христос, — начала она, — имел две сущности; обе сущности были совершенны, находились между собой в совершенном равновесии и были неотрывны одна от другой. Таким образом, если бы самарянка вступила в плотские отношения с нашим Спасителем, она бы, несомненно, зачала, ибо нелепо было бы предполагать, что Бог совершил бы подобное действие без естественных последствий. Через девять месяцев самарянка родила бы дитя мужеского, но никак не женского пола, и младенец этот, рожденный от смертной женщины и Богочеловека, был бы на четверть Богом и на три четверти смертным.

Ответ юной теософки вызвал бурю аплодисментов, а тот, кто задавал Гедвиге вопросы, добавил:

— Из этого естественно вытекает, что, если бы сын самарянки женился, дети, рожденные в этом браке, были бы на семь восьмых смертными и на одну восьмую божествами.

— Если бы он только не женился на богине, — прибавил Соблазнитель. — Тогда соотношение было бы совсем иное.

— Уточните, пожалуйста, — промолвила Гедвига, обращаясь к своему оппоненту, — какая часть божества будет присутствовать в потомстве в шестнадцатом поколении?

— Извольте подождать, — ответил тот, — пока мне принесут мел,

дабы я смог сосчитать.

— Нет нужды в столь скрупулезных подсчетах, — вновь раздался голос Казановы. — В нем была бы та самая частичка духа, что озаряет и вдохновляет разум сего юного философа!

Галантный комплимент Соблазнителя пришелся по вкусу всем, в том числе и белокурой красавице, которой он был адресован.

После обеда Казанова, окончательно околдованный Гедвигой-философом, вручил Елене, казавшейся, несмотря на свою застенчивость, менее неприступной, шкатулочку с колечками и предложил ей вместе с Гедвигой выбрать себе в подарок любое приглянувшееся им кольцо. Елена покраснела, но шкатулку взяла, а через четверть часа обе девушки, смеясь, подбежали к Казанове и, вернув ему коробочку, помахали перед его носом своими хорошенькими ручками: на пальчике у каждой сверкало подаренное Соблазнителем колечко. Казанова схватил эти ручки и покрыл их страстными поцелуями. Засмуцавшись, девушки вырвались и со звонким смехом убежали прочь.

Образ прекрасной Гедвиги не покидал Казанову даже в уединенном домике среди веселых девиц, и он поведал об этом своему приятелю-синдику. Синдик рассказал ему, что племянница пастора слывет в городе чрезвычайно ученой девицей, отчего у нее нет ни жениха, ни любовника, ибо молодые люди не стремятся знакомиться с ней, опасаясь выглядеть на ее фоне дураками. И хотя местные юноши в основном получают хорошее образование и не обделены красноречием, они не желают видеть в женщине соперницу, равную себе по уму. Поэтому девушка, которая хочет выйти замуж, должна тщательно скрывать и свою образованность, и ум, выставляя напоказ только хорошенькое личико. «Ну и прочие прелести...» — понимающе подмигнул Казанове синдик.

Его слова приободрили венецианца. Жениться он не собирался, а соблазнить девицу, отличавшуюся не только красотой, но и умом, была задача не только достойная, но и занимательная. Казанова испытывал от говорения почти физическое наслаждение, слово было его инструментом, его органом, и он использовал его виртуозно. По его собственному признанию, любовь женщин, не говоривших на известных ему языках, не доставляла ему полного удовлетворения, ибо наслаждение плотское не соединялось с наслаждением от общения. Поэтому женщины, способные доставить ему оба удовольствия, особенно привлекали его внимание — разумеется, если не желали показать себя умнее его. Но в теперешнем случае противник был юн и неопытен и вряд ли стал бы пытаться проявить свое превосходство.

В отличие от Гедвиги Елена острым умом не отличалась, но тем не менее влюбленный в нее и проявлявший чудеса изобретательности синдик ни на шаг не продвинулся к заветной цели. Выслушав его жалобы на неприступность девушки, Казанова окончательно укрепился в мысли, что ему следует взять дело в свои руки и вместо одной приобщить к радостям Венеры сразу двух красавиц. Предприимчивость вообще была свойством его натуры. «Я вскружил голову нескольким сотням женщин [...]; однако когда мне предстояло взять штурмом неискушенное создание, моральные принципы или предрассудки которого являлись препятствием на пути к успеху, я делал это в присутствии еще одной девицы. С давних пор мне было известно, что девушка не поддается соблазну исключительно потому, что у нее не хватает смелости; но в обществе подружки она легко капитулирует», — писал Соблазнитель.

Однако разработку плана соблазнения двух неопытных красавиц пришлось отложить, ибо он получил письмо от мадам Лебель. Бывшая чаровница Дюбуа, а нынешняя мадам Лебель приглашала его в Лозанну, куда она, узнав про его пребывание в Женеве, приехала с мужем и младенцем специально, чтобы повидаться с ним. Мадам Лебель была одной из тех десяти — двенадцати женщин, которых Соблазнитель искренне любил в дни своей молодости. «Она обладала всеми качествами, необходимыми для хозяйки дома, и ежели бы судьба посулила мне счастье таковой дом занять, лучшей хозяйки для него я бы не желал, — рассуждал он. — Но, наверное, я все же был прав, когда решил не связывать навечно свою судьбу ни с одной из любивших меня женщин, ибо с моим характером брачные цепи вскоре превратились бы для меня в цепи рабства». На встречу с мадам Лебель Соблазнитель летел как на крыльях. «Если бы я женился на женщине, у которой хватило бы умения руководить мной, но так искусно, что я бы этого не заметил, — размышлял он, устроившись в углу дорожной кареты, направлявшейся из Женевы в Лозанну, — то я наверняка сумел бы и сохранить, и приумножить свое состояние, у меня были бы дети, и мне не было бы грустно и одиноко». Но едва карета прибыла к месту назначения, как от меланхолических мыслей не осталось и следа. Мадам Лебель, с искренней радостью встретившая своего бывшего любовника, с гордостью предъявила ему его полуторагодовалого сына. И мать, и малыш были дивно хороши, и Соблазнитель пожалел, что, покидая Женеву, дал себе зарок не смущать покой молодой женщины и сохранять отношения исключительно дружеские. Впрочем, даже пожелай бывшие любовники вновь вкусить радостей Венеры, им вряд ли удалось бы это сделать: господин Лебель постоянно находился рядом с женой, тут же была

матушка мадам Лебель, да и малыш постоянно требовал заботы и внимания. Семейство и гость поужинали, услаждая трапезу приятным разговором, а наутро распрощались: семейство возвращалось к себе в Солер, Казанова — в Женеву.

Вернувшись из Лозанны, Соблазнитель приступил к осуществлению плана по завоеванию благорасположения двух молоденьких жительниц Женевы. Для этого он попросил одного из своих приятелей пригласить пастора, его племянницу, ее кузину и еще несколько человек на обед в загородный дом, расположенный на берегу Женевского озера. Все расходы Казанова брал на себя. Приятель согласился, и через несколько дней небольшое общество дружно отправилось из города на природу. Обед был подан отменный. Вина были выше всяческих похвал, а количество бутылок просто не поддавалось исчислению. Когда гости основательно разомлели, хозяин предложил перед десертом подышать воздухом. Казанова тотчас подхватил под руки обеих девушек и быстрым шагом направился в ту часть сада, которая спускалась к озеру.

Оказавшись на уединенной тропинке, он сбавил шаг, и удивленные девушки смогли наконец перевести дух. До этого они, пытаясь не отстать, изо всех сил семенили за Соблазнителем. Плеск воды и шуршание листьев способствовали задушевной беседе. Вспомнив обед, на котором племянница пастора отстаивала мужские способности Иисуса Христа, Казанова начал расхваливать ум и сообразительность девушки, постепенно подводя к тому, что, несмотря на ее блистательные рассуждения, кое-какие особенности мужского организма ей, по-видимому, пока неизвестны. Девушка с этим согласилась и сказала, что все ее представления о мужчинах почерпнуты исключительно из книг. Елена же, видимо, вспомнив разнообразные способы ухода за синдика, заявила, что хотя и знает кое-что о мужчинах не понаслышке, однако не может сказать о них (мужчинах) ничего хорошего. Вместо ответа Казанова предложил разгоряченным быстрой ходьбой и завязавшейся дискуссией девушкам немного остыть, а именно, спустившись по мраморной лестнице к воде, посидеть на ступеньках и поболтать ногами в воде. Они согласились, и Соблазнитель, усадив их на нижней ступеньке, принялся исполнять роль горничной — снимать с них туфли и чулки, любуясь при этом красотой их ножек и то и дело позволяя дерзновенной руке подняться до точеного колена, а иногда и выше. Когда процедура была закончена, девушки так расхрабрились, что даже решили побегать по мелководью, смеясь и высоко задирая юбки, дабы не замочить их. Венецианец с наслаждением любовался этой картиной. Еще большее удовольствие получил он после того, как, набегавшись вволю,

красавицы предоставили ему возможность вытереть им ножки своим носовым платком, а затем натянуть на них чулочки. Тут они, лукаво улыбаясь, спросили, почему бы и Соблазнителю не последовать их примеру: «Ведь вам же наверняка так же жарко, как и нам!»

— Невозможно, — отвечал он, — ведь в таком случае мне придется почти полностью раздеться, что, согласитесь, может вас смутить.

Галантное обхождение Соблазнителя и его нескромные прикосновения подействовали на девушек возбуждающе, и они, шаловливо поддразнивая своего спутника, принялись еще усерднее уговаривать его разоблачиться и войти в воду, «чтобы немножко остудиться». Тут Соблазнитель решил, что час познакомить юных жительниц Женевы с основными отличиями мужчины от женщины наконец настал. Присмотрев уединенную беседку со скамеечкой, он торжественно провел в нее девушек, усадил их, а затем, подобно актеру на сцене, медленно и изящно, исполнил сцену раздевания, в финале которой он предстал перед зрительницами обнаженным снизу до пояса. После некоторых пояснений и экспериментов, во время которых он с удовольствием позволял девушкам дотрагиваться ручками до различных частей обнаженной половины своего тела, венецианец продемонстрировал им английские чехольчики, которые обычно носил в кармане, и объяснил, как и зачем ими пользоваться. Разгоряченные экспериментами девушки предложили ему опробовать эти чехольчики, на что он с радостью согласился. И хотя на этот раз он не совершил обряд инициации, девушки остались чрезвычайно довольны показательным уроком и жаждали повторить его. Для этого следовало подыскать подходящее время и место, и девушки задумались: не могли же они обе среди бела дня явиться к Соблазнителю в гостиницу!

Как всегда, все решил Случай. Когда гости стали разъезжаться, пастор, видимо, не завершивший свою беседу с матерью Елены, пригласил эту почтенную даму вместе с дочерью к себе на обед. Едва девушки узнали об этом приглашении, у них тотчас зародился план, о котором они и поведали Казанове. После обеда Елена останется ночевать у подруги, и, следовательно, девушкам придется делить одну постель. Часов в восемь вечера, перед тем как все входы на пасторский двор запрут на ночь, Соблазнитель проникнет во двор через заднюю калитку, там его встретит Гедвига. Она проводит гостя в чулан, где запрет его до наступления ночи, вернее, того часа, когда все в доме лягут спать, потом она придет за ним и отведет к себе в спальню, где их будет ждать Елена. На том и порешили, хотя, конечно, Соблазнитель предпочел бы более комфортные условия ожидания: ведь здесь ему нельзя ни чихать, ни сморкаться, дабы

нежелательным шумом не выдать своего пребывания. Но чего не сделаешь ради любви! К тому же подобные приключения поднимали его в собственных глазах. Казанова мог терпеть любые неприятности, идти на любой риск, если ему того хотелось...

Все прошло превосходно: просидев в каморке часа три, за время которых он съел курицу и выпил бутылку превосходного вина, оставленные ему заботливыми красавицами, он был отведен в спальню, где всё, включая тазик с водой для омовения, было приготовлено для приятного проведения времени. Не долго думая, Соблазнитель мгновенно сбросил с себя одежду, оставшись в костюме Адама. Гедвига первой последовала его примеру: потупив взор и пробормотав, что Климент Александрийский^[58] считал, что стыд живет в рубашке и она готова это доказать, девушка порывисто стянула с себя последнее облачение и с визгом нырнула под одеяло. Вдвоем с Соблазнителем они быстро убедили Елену присоединиться к ним, и вскоре обе девушки, обнаженные, лежали в постели и под руководством Казановы познавали искусство любви. После того как алтарь Венеры окропился кровью обеих девственниц, все трое совершили омовение и со всеобщего согласия продолжили урок, оказавшийся столь занимательным, что рьяный учитель и старательные ученицы даже не заметили, что начало светать. Спихнулись они, когда солнце стояло уже высоко, и Казанова, быстро одевшись, выскользнул в заднюю калитку, тогда как через главные ворота давно уже ходили слуги.

Несколько ночей подряд провел Соблазнитель с двумя очаровательными девушками, обучая их венериному искусству. Когда же Елене пришла пора возвращаться домой, Соблазнитель также решил покинуть город: его здесь больше ничто не удерживало. Прощаясь, красавицы в один голос уговаривали его поскорее возвращаться, и Казанова, разумеется, обещал: нельзя огорчать хорошеньких девиц, а особенно девиц-философов.

И вновь Казанова отправляется странствовать по Италии. Никаких определенных целей у него нет, замыслов и предприятий тоже. Похоже, ему просто надо убить время до наступления весны, когда он вернется в Марсель и продолжит одурачивать с нетерпением ожидающую его маркизу д'Юрфе.

В Милане во время маскарада он свел знакомство с юной красавицей Ирэн. Наряженная пастушкой девушка так зажигательно отплясывала его любимый танец фурлану, что Соблазнитель, готовый танцевать фурлану до упаду, приглашал ее еще раз и еще, пока не выдохся сам. Не желая отпускать красавицу, он спросил, как ее зовут, но вместо ответа она

сказала, что назовет ему свое имя завтра в полдень, в гостинице «Три Короля», ежели, конечно, «синьор Казанова» пожелает туда прийти. Поняв, что девушка его знает, Соблазнитель преисполнился любопытством и на следующий день направился к урочному часу в указанную гостиницу, отыскать которую оказалось совсем не просто по причине ее захудалости и удаленности от центра города.

Вчерашняя пастушка, без маски и карнавального костюма, ждала его на пороге. Лицо ее — а Казанова, по его собственным словам, всегда влюблялся именно в лицо — не обмануло его ожиданий, и восхищенный Соблазнитель прямо с порога предложил ей сто цехинов, ежели она завтра отправится с ним на карнавал. Ирэн, так звали девушку, весело засмеялась и, схватив его за руку, потащила за собой по шаткой лестнице на второй этаж. Распахнув обшарпанную дверь, она подтолкнула его в комнату, провозгласив: «Синьор Джакомо Казанова!» Находившиеся в номере мужчина и женщина не первой молодости обернулись и, увидев гостя, приветствовали его. Их лица показались венецианцу удивительно знакомыми. Медленно отвешивая ответный поклон, он усиленно рылся в памяти, пока наконец не вспомнил: «Графиня Ринальди!»

Действительно, пожилая дама была уроженка Венеции графиня Ринальди, с которой много лет назад Казанову познакомил Брагадин. В те годы детей у графини не было, она жила отдельно от мужа, и Соблазнитель имел с ней роман, краткий и — по его словам — «некрасивый», о котором он не любил вспоминать. Теперь, судя по всему, графиня жила с супругом в мире и согласии и даже имела от него красавицу-дочь, юную Ирэн. Поговорив с графом и графиней несколько минут, Казанова понял, что они предельно обнищали и единственным оставшимся у них достоянием является Ирэн, чью невинность они готовы продать, дабы раздобыть денег на дорогу до Кремоны, куда они уже давно, но безуспешно пытаются уехать. Узнав, что гость пообещал их дочери сто цехинов, если та согласится отправиться с ним вечером на бал-маскарад, они откровенно возрадовались, и хотя графиня предварила данное дочери «разрешение» множеством высокопарных речей, ни для кого, в том числе и для самой Ирэн, не было секретом, чем завершится этот бал. Но судя по всему «синьор Казанова» пришелся девушке по душе, и она не собиралась противиться его планам, особенно когда он заявил, что сам выберет ей наряд и, разумеется, оплатит его.

В урочный час Соблазнитель и его разодетая красавица в модных шелковых масках отправились на бал. По дороге, как обычно, Казанова решил заглянуть в игорный зал, предложив Ирэн постоять за его креслом.

В тот вечер Казанове не слишком везло, и он вскоре решил оставить место игрока. Неожиданно Ирэн, замаявшись, попросила его уступить ей кресло и дать ей немного денег, дабы сделать ставку. Венецианец, разумеется, не отказал ей, хотя удивился несказанно. Начав играть по маленькой, Ирэн постепенно увеличивала ставки, и вскоре выигрыш ее достиг двухсот цехинов. На этом она встала и, сложив выигрыш в сумочку, сказала, что готова идти на бал. Восхищенный Соблазнитель предложил красавице руку, и они отправились танцевать фурану. Остаток ночи они провели в маленькой, но вполне чистой и удобной комнатке, специально снятой Казановой для такого случая. Уроки любви так понравились Ирэн, что наутро, когда пришла пора одеваться и идти домой, она сказала своему учителю, что готова бросить родителей и последовать за ним, куда ему будет угодно. Она будет играть в карты и отдавать ему свой выигрыш, на который они заживут припеваючи. Польщенный Казанова вручил ей обещанные сто цехинов, прибавив к ним еще небольшую сумму за удовольствие, доставленное ему ее предложением, однако принять его отказался. Страсть его, равно как и любопытство, были удовлетворены вполне, а держать при себе дочь графини, которую он из всех сил стремился позабыть, ему не хотелось. Поэтому он проводил девушку домой, вручил ее родителям и отбыл, осыпаясь благословениями графа, давно уже не державшего в руках таких денег, и печальными вздохами Ирэн.

Карнавальные недели пролетели как один день. 20 марта 1763 года Казанова покинул Милан, как потом оказалось, навсегда. Удачи и неудачи за карточным столом в результате уравнили друг друга, однако уезжал он из города на тысячу цехинов беднее, чем приехал. Путь его лежал во Францию, в Марсель. По дороге во Францию Соблазнитель решил заехать в Геную, где встретил своего младшего брата, аббата Гаэтано, прибывшего туда вместе с юной венецианкой по имени Марколина. Встреча с братцем, мгновенно бросившимся его обнимать, отнюдь не обрадовала Соблазнителя: он всегда презирал младшего брата, появившегося на свет, подобно Магомету, спустя три месяца после смерти их отца. Последние десять лет он с Гаэтано не встречался, несколько об этом не сожалел и впредь встречаться не собирался. Брат сам, правдами и неправдами, отыскал его, дабы тот помог ему в весьма деликатном деле, а именно добраться до Женевы в обществе одной очаровательной особы. Услышав об особе и памятуя, что Гаэтано был священником, Казанова наострил уши.

История и вправду оказалась презанимательной. Братец его, несмотря на свой сан, по уши влюбился в юную венецианку по имени Марколина и,

желая завоевать девицу, пообещал жениться на ней, для чего уговорил ее поехать с ним в Женеву, где, как он слышал, реформатским священникам разрешено вступать в брак. Ради Марколины он готов был даже поменять веру. Однако в Милане деньги у него кончились, и он, зная, что в городе находится его старший брат Джакомо, решил попросить у него в долг. Но пока он собирался это сделать, Джакомо уже покинул город. Узнав от общих знакомых, что тот собирается заехать в Геную, он продал буквально последнюю рубашку, приехал сюда вместе с Марколиной и теперь уповает исключительно на доброту старшего брата.

Окинув критическим взором грязный, засаленный на локтях костюм Гаэтано, Казанова заявил, что прежде чем принять какое-либо решение, он должен познакомиться с девушкой, дабы убедиться, что та добровольно последовала за братцем, с охотой едет с ним в Женеву и готова сочетаться с ним браком. Просьба эта несказанно смутила Гаэтано, он стал придумывать различные отговорки, но старший брат был неумолим и даже пригрозил, что вовсе перестанет с ним знаться. Недовольный и смущенный одновременно, Гаэтано привел Казанову в грязную гостиницу и, поднявшись на четвертый этаж под самую крышу, толкнул дверь в угловую каморку. Сидевшая у окна девушка, черноволосая, с гордым взором и хорошеньким личиком, при появлении братьев вскочила и рванулась навстречу Казанове:

— Так это вы брат этого мерзавца, что обманул меня?

— Да, — неожиданно засмущавшись, ответил Казанова. Девушка ему очень понравилась, однако он не ожидал такого напора.

Меж тем красавица, совсем юная, почти девочка, продолжала:

— Умоляю вас, отправьте меня обратно в Венецию! Ваш брат обвел меня вокруг пальца, посулил золотые горы, а в результате я сижу в этой дыре, и если вы не поможете мне выбраться отсюда, я завтра же уйду и буду добираться пешком до Венеции, прося по дороге милостыню! Ах, какая я была дура, когда поверила ему! Он уверял меня, что стоит нам покинуть наш город, как жизнь станет просто райской! Конечно, мне стало любопытно, и я согласилась бежать с ним! Теперь-то я, конечно, вижу, что везде живут, как у нас, не хуже и не лучше. Господи, будьте столь добры, отправьте меня в Венецию, не заставляйте меня идти туда пешком!

Пока девица причитала, Казанова с удивлением глядел на брата, который не пытался успокоить ее или оправдаться, а просто сидел, обхватив руками голову, словно спал.

Когда Соблазнителю удалось, наконец, вставить слово в этот обрушившийся на его голову водопад жалоб, он спросил напрямую, что

ждет ее дома, ежели она вернется туда беременной. Подобное предположение вызвало извержение нового вулкана возмущений. Как он смел предположить, что она уступила этому ничтожеству, этому негодяю, обманувшему ее!

Такое положение дел все меняло. Девушка сразу понравилась Казанове, теперь же ему захотелось посмотреть на нее во всей ее красе, то есть когда она сбросит свои грязные тряпки и оденется как подобает. И он предложил Марколине отправиться с ним и пробыть у него в доме до тех пор, пока он не найдет подходящую женщину, которая взялась бы сопровождать ее до Венеции в почтовой карете, которая каждую неделю отправлялась туда из Генуи. Девушка согласилась. Казанова оставил брату двадцать цехинов и приказал непременно обзавестись приличной одеждой и явиться к нему для разговора. Сам же повел Марколину домой.

Преобразившаяся Марколина была хороша, как ангел, и резва, как козочка, однако уступать Соблазнителю не собиралась.

— А если я скажу, что люблю вас? — поинтересовался он.

— Тогда докажите мне это: возьмите меня с собой во Францию. Иначе получится, что я влюблюсь в вас, вы уедете, а я стану пропадать с тоски.

Казанова рассмеялся и согласился. Узнав, что брат собирается увезти Марколину с собой, Гаэтано попытался устроить ему скандал, однако быстро сник, ибо брат пригрозил ему, что ежели тот попытается повидать Марколину, он не даст ему денег на обратную дорогу. Когда же Гаэтано намекнул, что обратного пути ему нет, Казанова посоветовал ему добраться до Парижа и там его дожидаться. Он же, со своей стороны, постарается раздобыть ему какую-нибудь церковную синекуру. На том братья и порешили. Гаэтано взял деньги и удалился, а Джакомо быстро выкинул эту не слишком радостную для него встречу из головы. В Генуе его больше ничто не удерживало, и он, уже в обществе Марколины, продолжил свой путь в Марсель.

Влюбившись в Соблазнителя, Марколина прощала ему любые выходки. Став его верной помощницей в деле «перерождения» маркизы д'Юрфе, она прощала Казанове даже тогда, когда он прикарманивал их совместные гонорары. В это время в Марсель, почуяв поживу, приехал также проходимец Пассано, с которым Соблазнитель свел дружбу в Ливорно. Однако вскоре Пассано из игры выбыл. Узнав, что он, подобно Кортичелли, счел себя обделенным и написал маркизе д'Юрфе длинейшее письмо, разоблачавшее мага-обманщика Казанову, сей маг угрозами, хитростью и подкупом заставил его уехать из города. Послание же Пассано, составленное на плохом французском, маркиза даже не прочла до

конца. Она по-прежнему непоколебимо верила в возможность перерождения, с нетерпением ждала сакрального часа и уж приготовила планетарные дары — шесть слитков из различных металлов, соответствующих шести основным планетам. (Согласно алхимической традиции, пришедшей с Востока, Солнцу соответствовало золото, Луне — серебро, Марсу — железо, Сатурну — свинец, Венере — медь и Меркурию — ртуть.) Освящать дары и приносить их в жертву взялся сам Казанова, не желавший, чтобы они попали в чужие руки.

Затем наступил черед совещаний с оракулом. На этот раз Паралис решил, что Казанова сам оплодотворит маркизу, став одновременно и мужем ее, и отцом. По завершении обряда прекрасная Ундина должна была их омыть. На самом деле роль Ундины, исполнять которую предстояло Марколине, была гораздо более важной: ей надлежало помочь Казанове обрести мужскую силу, если таковая вдруг покинет его при виде обнаженной старухи. Как он сам признается, к этому времени, когда ему уже сравнялось тридцать восемь, роковое бессилие уже давало о себе знать. (Поэтому не исключено, что слухи, ходившие о его отнюдь не платонических отношениях с д'Юрфе, были ложными.) Убедив Марколину, что он нисколько не любит престарелую маркизу, а совершает сей поступок исключительно из высших целей, он подробно объяснил ей, что ей придется делать, а затем стал придумывать для нее костюм. В конце концов он решил одеть ее во все зеленое: зеленая бархатная курточка и такие же штанишки, зеленые чулки, зеленые сафьяновые туфли, перчатки того же цвета и сетка для волос, чтобы спрятать роскошные черные кудри. Получился юный очаровательный паж в зеленом. Затем, вспомнив, что Марколина не говорит по-французски, чародей квасцами написал записку, где Ундина объясняла, что она нема, но не глуха. Записку надлежало сразу же вручить маркизе, дабы избежать досадных недоразумений. Когда все было готово, осталось только спрятать Марколину в гостинице, где проживали мадам д'Юрфе и Казанова, и дождаться ночи.

Второй сеанс перерождения отчасти напоминал первый. Вновь все слуги были отосланы, у кровати поставлен чан с ароматизированной водой, и маркиза вышла навстречу чародею в богатом старомодном платье, украшенная драгоценностями: изумрудные серьги, кольцо из аквамаринов, цепочка из алмазов, пальцы унизаны кольцами. Торжественный вид мадам д'Юрфе и фамильные драгоценности свидетельствовали, что престарелая дама всерьез воспринимала предстоящую процедуру. С боем часов в комнату в своем зеленом облачении вошла Марколина, до сих пор прятавшаяся в шкафу в номере Казановы. В руках девицы был белый лист

бумаги, который она протягивала маркизе. Выяснив у оракула, что это за листок, д'Юрфе опустила его в воду и прочла выступивший на его поверхности текст: «Я нема, но я не глуха. Я покинула Рону, чтобы искупать вас. Час Оромазиса настал». Тут Ундина приступила к своим обязанностям, то есть принялась раздевать маркизу, а Соблазнитель стал произносить заклинания и возносить хвалы повелителю саламандр Оромазису. Увидев, что обе женщины уже разделись и начали омовение, маг быстро последовал их примеру и в полном молчании, стараясь глядеть только на соблазнительную Марколину, приступил к процедуре перерождения, а точнее, оплодотворения маркизы. После усердных трудов и помощи очаровательной Ундины, результат, наконец, был достигнут. Восхищенная мадам д'Юрфе сняла кольцо и повесила его на шею прекрасной Ундины. Красавица помогла маркизе одеться и тотчас убежала в номер к Казанове, где вновь спряталась в шкафу, ожидая, когда придет ее возлюбленный и под покровом темноты выведет ее незамеченной из гостиницы. Возбужденная маркиза обратилась к оракулу с вопросом, успешно ли свершилось деяние. Тот ответил, что благословенное семя проникло в ее душу, и в начале февраля она родит себя самое, но только мужского пола, для чего ей следует сто семь часов подряд пролежать в кровати. Сочтя повеление отдыхать вполне разумным, маркиза распрощалась с чародеем и улеглась в постель, намереваясь в точности выполнить указание оракула.

На следующий день Казанова навелит мадам д'Юрфе. Та, как и было предписано оракулом, лежала в постели, но была бодра и полна мыслей о будущем своего ребенка, то есть самой себя, возрожденной в мужском обличье. Более всего она опасалась, что ее признают незаконнорожденной и лишат всего ее немалого состояния. Она предложила Казанове жениться на ней, дабы после ее смерти стать опекуном ее ребенка, то есть возрожденной ее самой. Понимая, насколько далеко зашла в своих фантазиях мадам д'Юрфе, Казанова решил поскорее избавиться от нее, опасаясь, что, исполнив предписание Паралиса, она станет его преследовать. Поэтому, когда маркиза снова решила посоветоваться с оракулом, тот ответил, что после отдыха ей надлежит за один час совершить поклонение двум рекам сразу, а Казанове предписал сделать несколько очистительных обрядов на морском берегу. Городом, где она станет совершать поклонение, мадам д'Юрфе назвала Лион, ибо Лион омывается Роной и Соной, а следовательно, за час она вполне успеет поклониться двум рекам сразу. И, огорченная тем, что Казанова не может сопровождать ее, отбыла в Лион. Оттуда путь ее лежал в Париж, где ей

предстояло дожидаться обещанного Казановой мужа и оформить опекунство Соблазнителя над рожденным ею младенцем, которому до тринадцати лет следовало пребывать под его надзором, дабы он вместе с оракулом мог наблюдать, как развивается ее душа, переселившаяся в мужское тело. Отпускать в Париж легковверную и взбалмошную мадам д'Юрфе Казанове не хотелось: а вдруг к ней вернется разум? Однако продолжать спектакль фантазия Авантюриста отказывалась; к тому же Соблазнителю хотелось без помех насладиться любовью Марколины, которая, несмотря ни на что, весьма ревниво взидала на его отношения с престарелой маркизой. У Казановы был прямой материальный интерес не порывать окончательно с мадам д'Юрфе, но пока ему хотелось отдохнуть, а задумываться о завтрашнем дне он не привык.

«Преображенная» д'Юрфе отправилась в Лион, а Казанова стал собираться в дорогу. Он намеревался посетить Англию, но прежде он решил заехать к мадам д'Юрфе, потом побывать в Париже и уже оттуда ехать в Кале, там сесть на корабль, чтобы пересечь Ла-Манш. Брать с собой на остров Марколину он не собирался, но время, дабы достойно ее пристроить, у него было. Не имея нужды в деньгах, он намеревался обеспечить юную венецианку, дабы та, невзирая на превратности судьбы, смогла вести достойную жизнь, и исполнил сие намерение. Источником благосостояния Казановы вновь была маркиза д'Юрфе, щедро одарившая своего мага и прорицателя; вдобавок он прибрал к рукам дары, приготовленные маркизой для принесения в жертву семи светилам. Два слитка же, золотой и серебряный, а также самоцветы, согласно предписанию оракула, следовало в час отлива отправить в пучину морскую. Взяв на себя исполнение обряда жертвоприношения, Казанова приказал соорудить специальные ящички для жертвуемых драгоценностей и в урочный час действительно с надлежащими церемониями и заклинаниями утопил в море семь ящичков, наполненных морской галькой, а драгоценности благополучно заняли место в ларце Соблазнителя.

Соблазнитель еще долго черпал из туго набитого кошелька маркизы д'Юрфе. Некоторые даже утверждают, что в общей сложности она истратила на него, а также по его просьбам около миллиона ливров. На первый взгляд сумма огромная, но если принять во внимание аппетиты Казановы, стоимость подаренных ему и выманенных им обманным путем драгоценностей, оплаченные карточные долги, то она окажется вполне скромной. Однако прозрение все же наступило. Видимо, кто-то из племянников, подсчитав убытки, нанесенные будущему наследству легкомысленной и увлекающейся тетушки, всерьез занялся излечением

почтенной дамы от болезни, именуемой Казанова, в чем и преуспел. А раздосадованный Соблазнитель, поняв, что источник денег иссяк, для себя *похоронил* маркизу и более о ней не вспоминал. В действительности же маркиза скончалась в ноябре 1775 года, на двенадцать лет позже, чем указано в «Мемуарах». Ни с одной другой женщиной у него не было таких долгих отношений, как с мадам д'Юрфе. Но чувство благодарности никогда не было свойственно самолюбивому Соблазнителю. В «Мемуарах» он не написал об этой экзальтированной и доверчивой женщине ни одного настоящего доброго слова.

История перерождения завершилась разрывом маркизы с морочившим ей голову шарлатаном. Для Казановы это был, пожалуй, не самый худший выход из положения: ведь продолжай мадам д'Юрфе верить ему, какое объяснение пришлось бы ему придумать, когда в урочный срок она бы не родила обещанного ей младенца? А ведь он еще обещал выбрать маркизе мужа, дабы ребенок был признан законнорожденным и получил бы наследство матери... Вряд ли у Казановы хватило бы терпения растянуть превращение маркизы д'Юрфе в мужчину еще на несколько лет — упорство и постоянство никогда не входили в число его добродетелей. Пожалуй, только побег из Пьомби был предприятием, доведенным им до конца.

В Марселе Казанова, по своему обыкновению, попытался уговорить Марколину вступить в брак, однако гордая венецианка заявила, что коли она надоела ему, она лучше уедет домой, но замуж не выйдет. Пришлось смириться — не без удовольствия, конечно, ибо к этому времени Марколина, по словам Казановы, стала не только еще краше, но и приобрела изысканные манеры и могла привлечь внимание любого вельможи. Единственным ее недостатком было неумение говорить по-французски: Марколина отказывалась учить язык, со смехом утверждая, что со своим милым Казановой она прекрасно объясняется на родном венецианском наречии, среди гостей Казановы всегда найдется кто-нибудь, кто говорит по-итальянски, а когда они расстанутся, она не собирается оставаться во Франции, а вернется домой, так что и мучить себя незачем. Переубедить ее было невозможно, и Соблазнитель сдался, хотя обстоятельство усложняло отправку Марколины домой: надо было подыскать ей спутника, говорящего по-итальянски, ибо такая красавица, путешествующая в одиночестве, неминуемо стала бы жертвой первого же дерзкого развратника. Венецианец был готов уступить свою любовницу, но хотел быть уверенным, что она перейдет «в хорошие руки». Ему нравилось играть роль демиурга своего маленького мира, поэтому он любил ходить

на свадьбы своих любовниц. Наблюдая за царящим там весельем, он тешил себя мыслью, что счастьем своим все эти люди обязаны ему. Если же брак не был делом его рук, он откровенно скучал.

Устроить судьбу Марколины ему помог случай. В Лионе он встретил венецианское посольство, возвращавшееся из Англии, где оно пребывало, дабы засвидетельствовать почтение вступившему на престол новому королю Георгу III. Есть мнение, что встреча эта произошла в Париже, однако сути дела уточнение не меняет. Знакомый со всеми членами посольства, возглавляемого нотаблем Кверини, Казанова немедленно напомнил им об этом и недвусмысленно попросил протекции в деле получения им разрешения вернуться на родину. Тоска по Венеции все чаще охватывала Соблазнителя, порой становясь просто нестерпимой.

Судьба распорядилась так, что Марколина приглянулась синьору Кверини, у которого, как оказалось, камердинером служил родной дядя юной венецианки. Словом, обстоятельства складывались как нельзя удачно, и Казанова, хотя и не без труда, сумел убедить возлюбленную вернуться в Венецию под опекой Кверини, обещавшего обращаться с ней как с родной дочерью. Обеспечив Марколину небольшой пожизненной рентой, Казанова расстался с ней, обещая помнить ее и любить вечно. И, как обычно, вскоре позабыл о ее существовании. Не способный на глубокие чувства, он не любил скандалов и всегда старался сделать разлуку с очередной возлюбленной легкой и приятной. Поэтому женщины, в отличие от Казановы, навечно сохраняли в сердцах своих память об их любви.

В Париже у Соблазнителя было единственное дело: забрать проживавшего у маркизы д'Юрфе юного Помпеати-Аранду: он твердо намеревался отвезти мальчишку к матери в Лондон. Остановился Казанова на этот раз в гостинице: маркиза, прибывшая в Париж незадолго до него, чувствовала себя неважно, и вокруг нее кружила стая племянников, готовая в любую минуту подать в суд на проходимца, живущего за счет их тетушки.

Но прежде чем отбыть в Лондон, Казанова избавил своего брата Франческо от их младшего братца Гаэтано. Прибыв, как и было договорено, в Париж и не найдя там Джакомо, Гаэтано отыскал Франческо, поселился у него и принялся тянуть с него деньги на разгульную жизнь, одновременно поливая грязью Джакомо, которому он никак не мог простить того, что тот увел у него Марколину. Узнав об этом, Казанова так разозлился, что буквально вышвырнул Гаэтано из дома Франческо, а потом предложил ему отправиться на все четыре стороны, пообещав оплатить ему дорогу. В случае отказа он пригрозил подать на него в суд за похищение все той же Марколины. Струхнув, Гаэтано решил отправиться в Рим, и

Джакомо выдал ему несколько кредитных писем, на основании которых ему в каждом крупном городе, через которые он станет проезжать, указанные в письмах банкиры станут выдавать небольшие суммы.

В этот приезд в Париж ему суждено было совершить еще один милосердный поступок. В театре у итальянцев он встретил Кортичелли. За то время, что они не виделись, бывшая возлюбленная Казановы постарела и подурнела. Вдобавок она была больна «галльской болезнью», ее осаждали кредиторы, деньги все вышли, а любовники, в том числе и тот, кто наградил ее теперешним недугом, ее бросили. Увидев жалкую комнату Кортичелли и выслушав рассказ о ее несчастьях, Казанова, позабыв старые обиды, сжалился над ней, оплатил ее долги, а ее саму поместил в хорошую больницу к опытному целителю венерических заболеваний. Воспрявшая духом девица искренне благодарила и от всего сердца благословляла Казанову. Но, к сожалению, болезнь ее оказалась запущенной, и в скором времени она скончалась. Казанова узнал об этом много позже.

АНГЛИЯ И АНГЛИЙСКИЕ НРАВЫ. ЗЛОКОЗНЕННАЯ ШАРПИЙОН

Вполне довольный собой, Казанова вместе с Помпеати-Арандой прибыл в Англию. С первых же шагов страна поразила Казанову своей чистотой, здоровой пищей, благоустроенными дорогами, удобными почтовыми экипажами, выносливыми лошадьми и обустроенностью городов. Все эти достоинства он успел подметить, когда ехал из Дувра в Лондон. В английской столице он приказал везти себя прямо к мадам Корнелис, как называла теперь себя Тереза, взявшая фамилию своего последнего любовника. Однако к Терезе его не пустили, а направили по адресу, куда, как сообщил лакей, Тереза прибудет вечером, дабы поужинать с ним. Неприятно удивленный Казанова тем не менее послушно поехал по указанному адресу и нашел там дом, полный слуг, радостно встретивших «молодого хозяина», то есть Помпеати-Аранду, коего они величали «мистером Корнелисом». К Казанове челядь отнеслась с некоторым опасением; прибывшая к вечеру Тереза также гораздо больше радовалась сыну, нежели бывшему любовнику и даже забыла предложить Казанове остаться на ночь у нее в доме. Ему пришлось напомнить, что, спеша привезти к ней сына, он, прибыв в Лондон, сразу поехал к ней и не успел позаботиться о собственном жилье. Ссылаясь на радость от встречи с сыном, заставившую ее забыть о законах гостеприимства, Тереза приказала отвести гостю довольно удобную комнату. Однако Казанова не стал распаковывать вещи, решив на следующий день снять для себя дом. В Англии он собирался пробыть никак не менее десяти месяцев.

Положение Терезы было отнюдь не блестящим. Постоянного покровителя у нее не было, она содержала знаменитый «веселый дом», который посещали все лондонские аристократы, и несколько раз в год устраивала платные балы для знати. При этом она была по уши в долгах и выходила из дома только по воскресеньям, когда кредиторы не имели права ее арестовать. Содержала более трех десятков слуг, двух секретарей и собственный выезд с шестеркой лошадей. Теперь, когда сын ее вернулся, она надеялась, что он поможет ей вести дела и не дозволит поставщикам обкрадывать ее. Помпеати-Аранда послушно соглашался с матерью, однако восторга ее планы у него явно не вызывали. Сестра его Софи была очаровательной девочкой, играла на клавесине, пела итальянские и французские песенки, смеялась и радостно называла Казанову папой, чем

вызывала недовольство матери. Соблазнитель при всех, в открытую, восторгался Софи, а когда положение Терезы стало поистине критическим, он предложил поместить девочку в пансион для благородных девиц и оплатил ее содержание на год вперед, тем самым получив право навещать ее в любое время. Тереза, теперь упорно отрицавшая родство Казановы и Софи, насколько было в ее силах, препятствовала общению бывшего любовника с девочкой.

Сняв небольшой особняк в центре Лондона, Соблазнитель начал вести привычную для него жизнь: представления, обеды, клубы, карты, рауты. Однако английское общество весьма сдержанно встречало иностранцев, ненавязчиво, но неотступно побуждая их принимать правила и законы, принятые в здешнем свете. Первый промах Казанова совершил за карточным столом, уплатив проигрыш звонкой монетой. Чопорная леди преклонных лет объяснила, что в Англии не принято расплачиваться золотом — для этого существуют различного достоинства ассигнации. «Но, разумеется, иностранец вправе этого не знать», — вежливо добавила она. Из этого Казанова сделал вывод, что страна, где бумажные деньги предпочитают золоту, должна иметь процветающую банковскую систему, обеспечивающую рост благосостояния всей нации. Когда расчеты в звонкой монете ведутся только с чужими странами, а внутри страны жители охотно расплачиваются бумажками, значит, они доверяют своему правительству и своим банкирам.

Не принято было приглашать знакомых домой на обед. Приглашали в таверну, и каждый расплачивался за себя. Когда Казанова говорил англичанам, что держит стол, те вежливо кивали в ответ, всем своим видом давая понять, что подобная прихоть может прийти в голову только иностранцу. Обходясь за обедом без супа, десерта и практически без хлеба, островитяне полагали, что весьма на этом выгадывают. Хотя, по словам Казановы, за обедом они поедали такое количество жареного мяса, запивая его совершенно немереным числом кувшинов «удручающего напитка» — пива, что ни о какой выгоде и речи быть не могло. При этом вареное мясо и бульон из-под него за еду не признавались и считались годными исключительно для собак. Даже слуги не считали возможным есть вареное мясо. Поражало венецианца и количество чая, выпиваемого англичанами, и горы съедаемых ими бутербродов. Салаты готовили только в домах знати, и то чрезвычайно редко, пиво подавали даже у английских лордов. Пить пиво вместо вина венецианец так и не научился — как ни пытался; промучившись какое-то время без привычного питья, он стал втридорога покупать французское вино. Столь же дорогим оказался и повар, коего

нанял Казанова, дабы обедать дома. Зато его повар умел готовить не только жареное мясо и солонину, но и превосходные супы, закуски, французское рагу и десерты, без которых обед поистине не мог считаться обедом. Поэтому, в отличие от англичан, итальянцы, проживавшие в Лондоне, из числа как старых, так и новых знакомцев Казановы, с удовольствием приходили к нему отведать великолепных супов и десертов. Казанова всегда был рад гостям, ибо обедать в одиночестве было для него поистине нестерпимо. При отсутствии собеседников он начинал тосковать и у него пропадал аппетит.

Досаждало Казанове и незнание языка — разумеется, французского, и, разумеется, англичанами. Для него французский был идеальным языком аристократов и философов, английский же производил на него настолько отталкивающее впечатление, что поначалу он даже отказывался именовать его языком, а говорил лишь про «жеванные слова». Если на континенте даже жрицы продажной любви говорили по-французски, то здесь в публичных домах изъяснялись по-английски, что вкупе с английским типом красоты Соблазнителя никак не устраивало. Его приятель, лорд Пембрук, однажды порекомендовал ему десяток девиц легкого поведения, пользовавшихся успехом у английской знати и умевших изъясняться по-французски. Казанова по очереди приглашал их к себе на ужин и, поговорив немного, отсылал, не пытаясь даже раздеть их. Все они наводили на него ужасающую тоску. Манеры англичанок поистине ставили его в тупик. В «Мемуарах» он вспоминает, как однажды вечером, когда он никак не мог найти фиакр, дабы добраться домой, некая очаровательная девушка, сжалившись над ним, подвезла его в своей карете. По дороге Соблазнитель, разумеется, представился, рассыпался в комплиментах, целовал ей руки, а добравшись до дома, выразил желание вновь встретиться с ней. Загадочно улыбнувшись, красавица не ответила ни да ни нет, попрощалась и уехала. Недели через три, увидев ее на одном из приемов, он подошел к ней словно к старой знакомой и, оторвав ее от чтения газеты, напомнил об их встрече, а заодно попросил представить его знатной особе, прибытия которой ожидали с минуты на минуту. Отложив газету, красавица взглянула на него и невозмутимо заявила:

— Увы, сударь, но я не имею чести вас знать.

— Но ведь я представился вам, сударыня! Разве вы не помните?

— Я вас прекрасно помню. Но я не могу причислить вас к числу своих знакомых только на основании того, что подвезла вас, а вы сообщили мне свое имя.

От такого ответа Соблазнитель застыл на месте, словно соляной столп,

а красавица преспокойно продолжила свое занятие. Но когда в течение вечера возникал общий разговор, красавица любезно отвечала на его вопросы и сама несколько раз обращалась к нему. «Это была настоящая леди с безупречной репутацией», — отметил в «Мемуарах» Казанова. Тем не менее женщина-англичанка продолжала оставаться для него загадкой.

Вызывал удивление Казановы и закон, согласно которому муж, заставший жену с другим мужчиной в предосудительной позе, имел право получить половину состояния оскорбителя супружеской чести. Посмеявшись, Соблазнитель сказал приятелю-соотечественнику, что коли такой закон был бы принят у них на родине, не слишком щепетильные мужья давно были бы самыми богатыми людьми в государстве. «Неужели никому из англичан не приходит в голову заработать на своей половине? Ведь всего-то и надо, что подождать, пока состоятельный кавалер присядет на постель к супруге!» — завершил свои рассуждения Казанова.

Хваленый либерализм английских законов и законопослушание англичан вызвали у венецианца весьма противоречивые чувства. К примеру, он был чрезвычайно удивлен, узнав, что человек, сложивший голову под топором палача за убийство собственного лакея, не вызывает презрения у окружающих и родственники его ходят с гордо поднятой головой. Черт возьми, разумеется, предрассудки не украшают человечество, но все же есть предел! Если в политике оставлен один голый расчет и изгнана любая мораль, стоит ли брать такую политику за образец? Впрочем, подобными вопросами задавались не столько космополиты, подобные Казанове, сколько просветители, проживавшие по другую сторону Ла-Манша, где в недрах общества уже зарождался вихрь будущей революции.

— У нас все равны перед законом, — говорили Казанове его английские знакомцы. — Наши институты ничем не оскорбляют человеческое достоинство. Да, закон суров, и каждый, кто нарушает его, обязан сознавать, что, будучи уличенным, он непременно понесет наказание. Презрения заслуживает только тот, кто, совершив преступление, пытается увильнуть от положенного наказания. Такое поведение недостойно джентльмена.

— А как же разбойники с большой дороги? — поинтересовался Казанова.

— Что ж, разбойники эти — настоящие мерзавцы, однако они заслуживают жалости. Ведь отправляясь на разбой, они обрекают себя на виселицу. Вот что вы, к примеру, сделаете, ежели вашу карету остановят, приставят вам к груди пистолет и потребуют кошелек? — последовал

встречный вопрос.

— Если у меня будет с собой пистолет, — не задумываясь, отвечал венецианец, — я постараюсь застрелить негодяя. А ежели окажусь без оружия, то отдам кошелек, назвав грабителя подлым мерзавцем.

— И будете неправы. Если вы убьете разбойника, вас приговорят к смерти, ибо согласно закону вы не имеете права лишать жизни англичанина. А если вы оскорбите его, он вам ответит, что вы не смеете так говорить, ибо он не нападает на вас сзади, а честно грозит вам пистолетом, предоставив вам самому решать, что вам предпочтительнее сохранить: жизнь или кошелек? Разумеется, отдавая ему кошелек, вы можете сказать, что он занимается бесчестным ремеслом, и он с вами согласится. Более того, он скажет, что непременно окончит дни свои на виселице. Затем он поблагодарит вас за кошелек и посоветует выезжать за пределы Лондона только в сопровождении вооруженного слуги на лошади, тогда ни один разбойник не посмеет на вас напасть. В принципе мы, англичане, зная о неприятностях, подстерегающих нас на дорогах в лице грабителей, всегда имеем при себе два кошелька — один, чтобы отдать грабителям, а второй для наших собственных нужд.

Рассказ сей изрядно позабавил Казанову, он счел рассуждения англичан вполне резонными, но совершенно неприемлемыми для континента.

Перед отъездом ему, как и многим его современникам, Лондон виделся «землей обетованной», а Англия — страной, где царят свобода, порядок, мудрость и законы. Но чем дольше жил он в туманной и дымной английской столице, тем тоскливее ему становилось. Организм его жаждал тепла и солнца, душа — милой «чувствительности», которую он всегда находил у своих соотечественников и у французов. Утонченный латинянин, привыкший большую часть времени развлекать себя галантными похождениями и милой болтовней, он с трудом переносил холодный и сырой лондонский климат и грубые развлечения англичан, которые все поголовно, от простолюдина до лорда, маскарадам и балам предпочитали кулачные бои, с азартом делая ставки на дерущихся бойцов. Какое уж тут веселье, особенно когда все кругом, словно стая зловещих птиц, одеты в платье темно-коричневого цвета и справляют нужду прямо на улице, развернувшись лицом к проезжей части, предоставив тем самым проезжающим в экипажах созерцать сие не слишком интересное зрелище. Впервые увидев это, Казанова заметил своему приятелю, соотечественнику Мартинелли:

— Мне кажется, что подобные действия оскорбляют тех, кто видит их

из окошка кареты.

— А кто вас просит на них смотреть? — резонно заметил привыкший к лондонским нравам Мартинелли. — Когда идущий по улице замечает голый зад, он обычно отворачивается. Ежели, конечно, не имеет особых причин любоваться им.

Казанове пришлось смириться.

В Лондоне он часто скучал. Несмотря на многочисленные знакомства, хождение в музеи, чтение книг и посещение дочери, юной Софи, ему было невыразимо грустно одному в его большом доме, грустно садиться в одиночестве за стол и ложиться в постель. Прожив в английской столице больше месяца, он так и не сумел завести себе любовницу, хотя здешние друзья и приятели усиленно пытались ему в этом помочь. Отчаявшись отыскать в большом и сыром городе возлюбленную, он вывесил возле своей двери не совсем обычное объявление. В нем он предлагал девушкам, говорящим по-французски, снять в его доме квартиру на втором этаже за чрезвычайно умеренную цену. Условие будущим жилищам он ставил всего одно: они должны быть одиноки, никуда надолго не отлучаться и не принимать посетителей, даже родных и близких.

Старуха-англичанка, убиравшая улицу возле дома Соблазнителя, долго смеялась, прочитав вывешенную на дверях табличку.

— Почему вы смеетесь, почтенная? — спросил Казанова.

— Потому что это повешено для того, чтобы смеяться, — ответила она.

— Так вы считаете, что ни одна девушка не явится сюда, чтобы снять квартиру?

— Наоборот, девицы так и побегут, одна за другой. Скажите только, сколько привратнице надо с них запрашивать.

— Цену я определяю сам. Не думаю, что их будет много, ведь мне надо именно молодых, порядочных и говорящих по-французски.

— Не знаю, как там насчет молодых, но толпа у вас тут стоять будет, за это я ручаюсь.

— И пусть стоит, — благодушно дозволил Казанова.

Относительно толпы старуха-уборщица оказалась права.

Первые несколько дней прохожие то и дело останавливались почитать необычное объявление. Потом о нем сообщили в городской газете новостей, изрядно посмеявшись над его составителем и вполне доходчиво разъяснив, для кого и с какими целями тот вывесил подобное приглашение.

Статья Казанове понравилась — теперь ему не надо объяснять своей будущей постоялице, чего, собственно, он от нее хочет... Английские

газеты нравились венецианцу: нигде, кроме Лондона, он не читал столь остроумных статей, посвященных всевозможным сплетням и курьезам.

Претендентов на дешевую квартиру оказалось порядочно, среди них были не только девушки, но и молодящиеся старухи, и девицы легкого поведения, но всем им было отказано: ни одна из претенденток не была во вкусе Казановы. И вот, когда поток просительниц стал иссякать, наконец, явилась Она — молодая, хрупкая, темноволосая, с бледным печальным лицом. Девушка была красива той утонченной красотой, которая обычно бывает свойственна натурам благородным. Понимая, что он наконец нашел то, что искал, Казанова тотчас пригласил девушку к столу, предложил ей сладости, от коих она со скромным достоинством отказалась, и приготовился выслушать ее. Просительница была немногословна: на прекрасном итальянском языке (Соблазнитель даже решил, что видит перед собой соотечественницу) она сообщила, что желает снять недорогую квартиру, ни услуг горничной, ни повара ей не надобно. Боясь спугнуть робкую красавицу, Соблазнитель со всем согласился, полагая, что, когда она переберется к нему в дом, у него, несомненно, будет время обо всем с ней поговорить.

Расчет Казановы оказался верным. Постепенно он выяснил, что девушку звали Полина, ей двадцать два года и она свободно говорит на нескольких языках, в том числе и на итальянском. Жила она очень скромно, все дни проводила у себя в комнате и только по воскресеньям ходила в церковь. Через некоторое время Казанова, хотя и с огромным трудом, сумел уговорить ее пользоваться услугами его повара и прислуги. Впрочем, Соблазнитель с самого начала понял, что завоевать такую девушку будет нелегко. Однако чем труднее достается победа, тем она желаннее. И в этот раз он, как всегда, был уверен, что нет такой женщины на свете, которая смогла бы устоять перед ухаживаниями мужчины, если тот очень захочет, чтобы женщина полюбила его. Тем более когда мужчина зовется Казановой.

Венецианец начал приглашать Полину к ужину, потом к обеду, потом предложил ей делить с ним все трапезы, мотивируя предложение свое тем, что в одиночестве кусок буквально не лезет ему в горло. Постепенно девушка разговорилась и поведала ему свою историю. Родом она была из знатного португальского семейства. Когда родные просватали ее за богатого португальского графа, она к этому времени уже успела полюбить одного молодого дворянина, менее знатного, но не менее благородного. Решив бежать из страны, дабы обвенчаться за границей, они устроили небольшой маскарад: Полина переоделась в мужское платье, ее

возлюбленный — в женское. В таком виде они тайком отплыли в Англию. На корабле священник соединил их узами брака, однако по-настоящему стать мужем и женой они не сумели, ибо всю дорогу их мучила жесточайшая морская болезнь. Когда же корабль прибыл в Лондон, капитан получил приказ задержать приплывшую на его судне девушку и отправить ее назад, в Лиссабон. Так как на корабле женщиной все считали молодого супруга Полины, то его схватили, заперли в каюте и увезли обратно в Португалию. Полина же беспрепятственно сошла на берег и затерялась в городских дебрях. Сообщив письмом семье, что она находится в Лондоне, девушка стала ждать ответа, который должен был решить ее судьбу: суждено ли ей вернуться домой и соединиться с возлюбленным, или же она навсегда останется в Англии. Уезжая из дома, она захватила свои драгоценности, рассчитывая на месте обратить их в деньги. Когда она покидала корабль, супруг заставил ее взять их с собой, и теперь она жила тем, что понемногу продавала их. А так как, по ее словам, она вполне довольствовалась малым, то остаться без средств к существованию она не боялась. Она даже рассчитала, что при жесткой экономии ей вполне хватит этих драгоценностей лет на десять. (Позднее, расставаясь с Казановой, она подарила ему великолепный перстень — на память о их любви.)

Романтическая история Полины чрезвычайно понравилась Казанове, и он преисполнился решимости завоевать красавицу-португалку. Терпение и обходительность сделали свое дело, и вскоре Полина очутилась в его объятиях. Несколько месяцев прожили они как супруги, но затем Полина получила письмо из дома, где говорилось, что родные согласились с выбором ее сердца и она может возвращаться домой, чтобы должным образом вступить в брак с любимым человеком. За Полиной прислали слугу, заказали для нее место на корабле, и теперь беглянке предстояло срочно отплыть на родину. Так что расставание влюбленных было скорым и печальным. Прощальные слова Полины напомнили Казанове Анриетту: она также просила не искать ее, а случайно встретив — не узнавать и обходить стороной.

Казанова внезапно обнаружил, что остался без средств, и понял, что ему следовало бы задуматься о способах пополнения собственного кошелька. Он попытался организовать лотерею, но не сумел: к этому времени в Лондоне уже существовали целых две лотереи, и он не нашел никого, кто бы пожелал рискнуть деньгами, вложив их в столь сомнительный и изначально дорогостоящий проект. Устраивать лотерею на свои средства Казанова не собирался, да их у него и не было в достатке.

Нужда в деньгах становилась все сильнее. Содержание особняка

обходилось непомерно дорого, равно как и гастрономические изыски, не говоря уж о пристрастии венецианца к обновлению гардероба. Чего стоил один только костюм из пепельного бархата с расшитым золотым и серебряным узором кафтаном! К нему прилагались рубашка с жабо и манжетами, кружева на которых стоили не менее пятидесяти луидоров, шелковые чулки и башмаки с блестящими серебряными пряжками. В торжественных случаях Казанова непременно увешивал себя дорогими побрякушками, стоимость которых с первого взгляда оценить было просто невозможно: часы, часики, цепочки, брелоки, кольца на каждом пальце, орденский крест, украшенный алмазами по меньшей мере на двадцать тысяч экю... В этом костюме, сверкая, подобно новенькому луидору, он появился при английском дворе, где французский посол добился для него аудиенции у короля Георга III и королевы. Монарх и его супруга милостиво приняли Авантюриста, говорили с ним ласково, но не более того: должность ему не предложили, существенных знаков внимания не оказали. Обычный обмен любезностями. К тому же король говорил так тихо, что Казанова мог только догадываться о смысле его слов.

Что ж, навязываться он не собирался. Однако червячок уязвленного самолюбия упорно вгрызался в душу. Неужели они всегда будут помнить, что он сын комедиантки и внук сапожника? Непризнанный бастард венецианского патриция? Увешанный драгоценностями, вооруженный рекомендательными письмами от наизнатнейших вельмож, имеющий кредит у известнейших банкиров, живущий на широкую ногу, всегда готовый швыряться деньгами, с виду он ничем не отличался от придворных бездельников. Может, только чуть-чуть более громким голосом, чуть-чуть более шумными манерами, чуть-чуть большим количеством перстней с крупными камнями, среди которых явно не было ни одной фамильной драгоценности... Но именно сложив все эти *чуть-чуть* воедино, зная отказывалась считать его своей ровней, несмотря на обилие сиятельных приятелей и покровителей, и он это чувствовал. Приятели были рады пошуметь вместе с ним, покутить, приглашали его на приемы и водили его в роскошные бордели, покровители — оказывали протекцию, писали рекомендательные письма. Но признать его *своим* не был готов никто. Эрудит, говорящий на нескольких языках, знаток латыни, сочинитель и философ, Казанова был знаком с выдающимися умами мира, но и они не считали его *своим*. Его знания были слишком поверхностны, его стремление прославиться — слишком велико, поэтому чем бы он ни занимался, какими бы науками ни увлекался, ни в одной области он не достиг существенных результатов. Он являлся к ученым как вельможа,

демонстрирующий свой широкий кругозор, а к вельможам — как философ, стремящийся убедить слушателей, что он вовсе не тот, кем кажется, а такой же, как они. Ну, может быть, чуточку получше и поумнее. Желание всюду слыть «самым» нередко подчиняло себе даже чувство самосохранения. Подобная раздвоенность порождала неприкаянность и одиночество. Лучшим средством борьбы с этим комплексом были любовницы; без них краски жизни для него блекли, и, пессимист от природы, он становился совершеннейшим мизантропом.

В искусстве любви Казанова не знал себе равных; в этом был уверен не только он сам, но, что для него было гораздо важнее, в этом были уверены окружающие. Роль любовника удавалась ему значительно лучше всех иных ролей, и благодарные партнерши по нескончаемому спектаклю обольщения и соблазнения вселяли в него уверенность в себе и собственных силах. Женщины были готовы любить Казанову в любой его роли: аббата, шулера, чернокнижника, знатного вельможи, философа, должника, скрывающегося от полиции, путешественника... Любовные неудачи пока были настолько редки, что он предпочитал не вспоминать о них.

Фортуна наделила Казанову двумя дарами: любовника и рассказчика, и какую бы маску он ни примеривал, кем бы ни хотел казаться, какую бы роль ни играл, он всегда оставался любовником и рассказчиком. Именно эти два таланта прославили его среди потомков, сделали известным среди современников и заслужили благодарность современниц. Единственным сочинением, обессмертившим его имя, стали его «Мемуары», воспоминания о жизни *в любви и для любви*. Прочие труды, во множестве вышедшие из-под его пера, не имели успеха ни у современников, ни у потомков, а в наше время прочно заняли места на полках специалистов, раскрывающих их не столько по влечению души, сколько по долгу службы.

Несмотря на возникшие у него в Лондоне денежные затруднения, покидать город Казанова не собирался, а потому не упускал ни одной возможности развлечься: карты, театры, ужины с друзьями, в промежутках осмотр достопримечательностей, чтение книг, переписка с друзьями, встречи с философами, литераторами и учеными. Мартинелли познакомил Авантюриста с директором Британского музея, который, в свою очередь, представил его выдающемуся филологу, поэту и эрудиту Самюэлю Джонсону, автору знаменитого «Словаря английского языка» и монументального труда под названием «Жизнеописания наиболее выдающихся английских поэтов». Казанова называл Джонсона «ходячей

библиотекой». И хотя фигура Джонсона по значимости своей мало уступает Вольтеру, о встрече с ним Казанова в «Мемуарах» даже не упоминает. Он посвящает замечательному англичанину всего несколько строк в одном из своих многочисленных философских сочинений. В отличие от встречи с Вольтером знакомство с Джонсоном не вызвало у Авантюриста сильных эмоций, и, вероятно, поэтому он не считал нужным описать ее. Тем более что подобные встречи все меньше интересовали его. В тридцать восемь лет Казанова стал весьма чувствителен к любовным утехам, кои доставляли ему совсем юные красавицы. Каждая удачно проведенная ночь почиталась им за большую победу, потому что тело его стало уставать и уже не всегда откликалось на желания своего владельца. Его *бегунок*, его *скакун*, его *молния*, его *шпага*, *разящая*, *но не лишающая жизни*, его *маленький дружок*, именуемый также *человечком в маске* — когда приходилось надевать на него английский чехольчик с нежно-розовыми ленточками-завязками, уже не был готов гордо вскидывать голову по первому зову своего хозяина.

Такое состояние не могло не тревожить Соблазнителя. Оно порождало в нем неуверенность и усталость. От каждой встречи с монархами и властью предержащими он инстинктивно ждал предложения должности, sinecure, богатого дара — того, что могло дать ему положение в обществе. Правда, время, когда он станет без обиняков просить должностей и пожалований, еще не наступило, но оно уже не за горами. В Лондоне всегда благоволившая к Казанове Фортуна отвернулась от него. Его пребывание в этом городе стало тем рубежом, переступив который Казанова вслед за своим великим соотечественником мог сказать: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» Серединой человеческой жизни Данте считал тридцатипятилетний возраст, для Соблазнителя жизнь резко пошла под уклон в тридцать восемь. Возможно, предчувствуя грядущие несчастья, Казанова наивно пытался спрятаться от них, именуя себя в Англии исключительно шевалье де Сейнгальтом. В этом было что-то от игры в прятки с самим собой, хотя неприятности господина де Сейнгальта несколько не умаляли несчастий синьора Казановы, разве только ввели в заблуждение нескольких заимодавцев... После «сумрачного леса» великого флорентийца ждали Рай и божественная Беатриче. Соблазнителя в темной чаще подкарауливала Злая Сила в пленительном облике обворожительной Шарпийон.

Роковым стал для Казановы сентябрь 1763 года. «В этот день, — пишет он в своих „Мемуарах“, — я закончил жить и начал умирать. Мне

было тридцать восемь лет». Днем этим оказался день знакомства со знаменитой куртизанкой по прозвищу Шарпийон (Злючка), которая, несмотря на свои семнадцать лет, уже успела прославиться и на континенте, и в островном королевстве. Настоящее имя ее было Марианна Аугшпургер, во Франции она также называла себя мадемуазель Буленвилье. Разыгрывая из себя благородную девицу, она выступала в окружении маменьки (бывшей куртизанки) и двух тетушек-приживалок, за деньги готовых на подлог, лжесвидетельство и обман. В Лондоне вокруг нее крутился ее тогдашний конфидент, заносчивый и беспринципный авантюрист Анж Гудар. Впоследствии Казанова еще встретится с этой темной личностью на дорогах Европы и даже соблазнит его жену, развратную красавицу Сару.

Капризная насмешница Шарпийон обладала поистине ангельской внешностью: длинные пышные светло-каштановые волосы, блестящие голубые глаза, глубокие и с поволокой, ослепительной белизны кожа, нежно-розовый румянец; маленькая грудь дивной формы, длинные, чуть длиннее обычных, пухлые руки с грациозными кистями и изящными пальчиками; очаровательная ножка, величественная и плавная походка. Все, встречавшие ее в первый раз, полагали, что перед ними сама чистота и невинность. Наделенная недюжинным актерским талантом, позволявшим ей блистательно разыгрывать беззащитность перед мужчинами и добродетель перед женщинами, она ухитрялась вертеть и теми, и другими. Но чем больше становилось число ее жертв, тем труднее ей было изображать из себя недотрогу. К тому времени, когда Казанова встретил ее в Лондоне, она успела заслужить репутацию чувственной, коварной и мстительной жрицы продажной любви. Словно бабочки на огонь, мужчины летели на блеск ее чарующих глаз и, обжегшись, отползали, проклиная изворотливую «мерзавку».

Года четыре назад, в Париже, в ювелирной лавке Казанова заметил очаровательную девчушку, чей не по-детски вызывающий взгляд поразил его. Девочка упрашивала сопровождавшую ее женщину купить ей серьги, цена которых, по мнению женщины, была слишком высока. В тот день Соблазнитель делал покупки для чаровницы Баре, и лишние три луидора никак не могли отразиться на состоянии его финансов. К тому же он любил делать подарки: щедрость принадлежала к одному из его способов обольщения представительниц прекрасного пола. Вручив девчушке серьги, он удовлетворенно отметил, как заблестели ее хорошенькие глазки. Увлеченный Баре, Казанова вскоре забыл об этой случайной встрече, не подозревая, какую зловещую роль сыграет малышка в его жизни. Но

девочка запомнила Казанову и, когда через несколько лет встретила его в Лондоне, узнала и решила не упускать: если тогда синьор был столь щедр «просто так», то сколько можно вытянуть у него, если взяться за дело теперь и с умом... Пожалуй, впервые щедрость Соблазнителя возымела совершенно обратный результат.

Отчего Казанова упорно добивался расположения Шарпийон? Отчего та с не меньшим упорством отказывала ему в своих милостях, продолжая терзать и изводить его? Будучи натурой сильной и злобной, Шарпийон сумела разглядеть слабые стороны характера Соблазнителя и воспользоваться ими. Понимая, что воздыхатель ее чрезвычайно самолюбив и привык к победам, завоеванным не грубой силой, но силой соблазнов, а следовательно, в случае неудачи не станет никому жаловаться и, стремясь получить свое, будет лишь увеличивать оплату, она смотрела на него как на источник дохода. Возможно, ей также было лестно водить за нос известного сердцееда. Но почему Казанова после стольких болезненных ударов по самолюбию продолжал ухаживать за Шарпийон, буквально умоляя ее одарить его своими ласками? Наверное потому, что в Лондоне, в отличие от Парижа или иного континентального города, ему было трудно отыскать ей замену. Не исключено также, что он всерьез надеялся получить с ее тетушек деньги, которые они остались ему должны. А может, он хотел одержать верх над аристократом, лордом Пембруком, одураченным Шарпийон. Встретив ее как-то в садах Воксхолла, лорд предложил ей двадцать гиней, если та согласится прогуляться с ним по темным аллеям. Девушка согласилась, но потребовала деньги вперед, и Пембрук оказался столь малодушен, что исполнил ее просьбу. Они отправились гулять, но стоило им свернуть на боковую тропинку, как она отпустила его руку и буквально растворилась в темноте.

— Вы должны были надавать ей пощечин, — заметил Казанова.

— Она бы устроила скандал, а я этого не люблю, — ответил обманутый милорд. — А вы по-прежнему влюблены в нее?

— Я, как и вы, — отвечал Соблазнитель.

— Эта паучиха опутает вас своей сетью и обманет.

Но Казанова не послушался приятеля. Человеческая природа далека от совершенства: признавая необходимость учиться на чужих ошибках, люди упорно продолжают совершать собственные.

Шарпийон была самой загадочной и самой коварной из всех женщин, с которыми когда-либо имел дело Казанова. Тщеславный, он, даже понимая, что терпит поражение, не нашел в себе сил отказаться от нее и продолжал лихорадочно делать все возможное, чтобы заполучить

красавицу и спасти свою репутацию. Но ловкая и дерзкая интриганка переиграла его, и он вышел из этой истории разбитым и истощенным морально и физически. Шарпийон не была каким-то особенным гением зла, просто Соблазнитель всегда инстинктивно сторонился подобных женщин, но лондонский туман, видимо, сбил его с проторенной дороги. И портрет Шарпийон занял особое место в галерее портретов соблазненных Казановой красавиц...

Возобновив знакомство, Шарпийон пригласила Соблазнителя на обед. Явившись, он застал свою красавицу в обществе трех пожилых дам: маменьки и двух тетушек. Едва взглянув на эту троицу, он тотчас вспомнил ее: в свое время они купили у него драгоценностей на шесть тысяч, расплатившись распиской с обещанием заплатить. Когда же пришел час расплаты, покупательниц и след простыл. «Впрочем, — подумал он, — дочь вполне могла этого не знать».

— Не угодно ли вам вернуть долг, сударыни? — обратился Казанова к трем увядшим грациям.

— Но, сударь, приглашая вас к обеду, дочь назвала нам совсем другое имя! Мы не имели с вами никаких дел, сударь!

Объяснив, что «шевалье де Сейнгальт» также является его законным именем, как и Казанова, Соблазнитель замаял разговор, понимая, что не сможет подать на мошенниц в суд, дабы взыскать деньги у матери и теток своей будущей любовницы. Но, как показало время, относительно «будущей любовницы» он жестоко заблуждался. Вскоре прибыли еще три подозрительные личности мужского пола, среди которых Казанова знал только Гудара, и все сели за стол. Обед был нехорош, застольная беседа приятностью не отличалась, и если бы не обходительность Шарпийон, Соблазнитель бы сразу покинул эту компанию. Трапеза завершилась, и все перешли в салон играть в карты. Казанова играл плохо, ибо все мысли его были заняты капризницей Шарпийон. Очень скоро он обнаружил, что кошелек его пуст. Отыгрываться или играть в долг он не стал, подозревая, что партнеры его ловко *подправляли Фортуну*. Но не выяснять же отношения в присутствии обожаемой красавицы!.. А красавица весело резвилась, однако близко к себе Казанову не подпускала. В конце концов они договорились, что через день Шарпийон явится к нему на ужин, и злой и разочарованный венецианец удалился домой; мужчины остались в доме — делить выигрыш, как потом объяснил ему циничный Гудар. Человек проницательный и осмотрительный на месте Казановы никогда бы не вернулся в этот дом, полный алчных и лицемерных женщин и их нахлебников, и навсегда отказался бы от малышки Шарпийон. Но то ли

чувство самосохранения на этот раз подвело Соблазнителя, то ли бог любви решил отомстить ему за тех девиц, для которых встреча с ним оказалась роковой, но он продолжал надеяться на успех и дома приказал своему повару приготовить такой ужин, на который не стыдно было бы пригласить самого короля.

В назначенный день Шарпийон явилась к нему рано утром и заявила, что ей надобно сто гиней для бедствующей тетушки. Располагая этой суммой, она сможет наладить производство «бальзама жизни», от продажи которого они мгновенно разбогатеют. Выслушав столь циничное предложение, Казанова ответил девице, что готов заплатить требуемую сумму, но только в обмен на ее любовь. С видом оскорбленной добродетели куртизанка ответила, что ее любовь не продается и он никогда и ничего от нее не добьется ни посулами, ни угрозами. Однако, добавила она, он может надеяться на ее дружбу, если, оставаясь с ней наедине, будет вести себя кротко, словно ягненок. Соблазнитель покорно обещал выполнить все ее условия, и девица упорхнула, напомнив об их вечернем совместном ужине.

Но и после великолепного ужина, на который Шарпийон явилась в сопровождении своих мегер-телохранительниц, ничего не произошло, хотя Соблазнителю и удалось уединиться с ней у негр в кабинете. Она отвергла все его ухаживания, а когда он попытался поцеловать ей руку, едва не дала ему пощечину. В прескверном настроении венецианец отправился спать, а довольная Шарпийон удалилась, шелестя складками роскошного платья. На следующий день от нервного расстройства у Соблазнителя поднялась температура. Неделью он пролежал в постели, борясь с жестокой лихорадкой. Во время болезни он принял решение никогда больше не видеться с «мерзавкой Шарпийон». Но едва он начал выздоравливать, как к нему заявила одна из тетушек дерзкой куртизанки и сообщила, что племянница ее тяжело больна и причина ее болезни — его оскорбительное поведение. «Вместо того чтобы честно завоевать любовь моей милой, чувствительной девочки, вы решили нагло купить ее! Так порядочные люди не поступают!» — надменно заявила тетушка и тут же напомнила, что он обещал пожертвовать сто гиней на производство «бальзама жизни». Вспоминая в своих «Мемуарах» историю «перерождения» маркизы д'Юрфе, Казанова написал, что грех не одурачить того, кто сам только и мечтает, чтобы его одурачили. В истории с Шарпийон в роли желающего быть одураченным оказался сам Казанова. Приняв слова тетки за чистую монету, он мгновенно со всем согласился, собрался и помчался к «несчастной больной». Как и следовало ожидать, Шарпийон чувствовала себя превосходно: она принимала ванну. Расчет был точен: от столь

откровенного зрелища Соблазнитель просто обезумел и, не раздумывая, выложил на стол чек на сто гиней, даже не потребовав расписки. Добившись своего, куртизанка вновь выставила его ни с чем.

Далее в игру вступил Гудар. Он стал часто навещать Соблазнителя и, получая приглашения остаться на обед, «в благодарность» рассказывал ему истории из жизни Шарпийон, не давая хозяину дома забыть о прелестях наглой девицы. Сам Гудар познакомился с куртизанкой совершенно случайно через итальянского посланника Морозини, выступив при нем в роли сводника. Заметив Шарпийон в Воксхолле, посланник пожелал заполучить ее и отправил Гудара вести переговоры. Сначала куртизанка также пригласила его к себе на обед, во время которого ее маменька и тетушки усиленно убеждали Морозини в глубочайшей порядочности малютки Шарпийон. После обеда гостя обыграли в карты и оставили ни с чем. Тогда посланник передал через Гудара свои условия: он снимает на год особняк и поселяет в нем Шарпийон вместе с одной служанкой, которую он сам подберет. В течение года, то есть того времени, которое посланнику предстояло пробыть в Лондоне, Шарпийон должна была жить в этом особняке, никуда не отлучаться и никого не принимать, кроме Морозини. Каждый раз, когда посланник решит прийти к ней на ужин и остаться на ночь, она станет получать небольшое вознаграждение, и ежели будет вести себя благоразумно, то по истечении срока сего договора получит еще некоторую сумму. От себя же Гудар прибавил, что, коли все условия контракта будут соблюдены, ему, как посреднику, в качестве оплаты будет причитаться одна ночь любви прекрасной Шарпийон. Морозини давно покинул Англию, после него Шарпийон успела сменить нескольких знатных любовников, но долг Гудару она так и не вернула. Для большей убедительности проходимец действительно достал из кармана контракт и протянул его Казанове. «Поэтому я и не могу с ней расстаться», — тяжело вздохнул он. Не зная, что и думать, Соблазнитель вернул бумагу Гудару; в душе он прекрасно понимал его.

Еще Гудар поведал ему, что три сестры Аугшпургер, младшей из которых являлась матушка Шарпийон, были родом из Берна, откуда их выслали за распутное поведение, и они нашли пристанище во Франции, где стали существовать за счет изготовления шарлатанского «бальзама жизни». Потом родилась Шарпийон, подросла, и мать ее, к этому времени увядшая куртизанка, решила превратить хорошенькую девочку в источник дохода. Однако сводник, с которым она связалась, оказался мошенником, и им срочно пришлось бежать в Англию. Здесь маменька с помощью своих сестер взяла дело в свои руки, и оно, судя по всему, шло весьма успешно,

ибо четверем женщинам удавалось содержать не только себя, но и французского мошенника-сводника.

Подогреваемый рассказами Гудара, Соблазнитель вновь стал тосковать по Шарпийон, и когда авантюрист явился к нему с приглашением прибыть на обед к красоте, он, не колеблясь, принял приглашение. Но, как и следовало ожидать, все пошло по уже известному сценарию. В отчаянии Соблазнитель заявил, что готов заплатить за ночь любви сто гиней.

— Давайте, — не моргнув глазом, ответила Шарпийон.

— Вы получите их утром, — твердо заявил венецианец.

Все женщины тотчас начали громко возмущаться его грубостью, а Казанова, хлопнув дверью, отбыл к себе. На этот раз он решил навсегда забыть и коварную Шарпийон, и ее приятеля Гудара. Однако сделать это было не так-то просто, ибо Шарпийон вовсе не хотела, чтобы он ее забыл. Поэтому когда вечером, гуляя в саду Ранелаг, Казанова, увидев роковую для него куртизанку, быстро свернул в сторону, она сама догнала его и, властно взяв под руку, потребовала объяснений.

— Поговорим за чашкой чая, — сказала она, увлекая его за свободный столик в беседке.

— Я предпочел бы поужинать, — ответил Казанова.

— Я с удовольствием разделю с вами трапезу, — ответствовала девица.

За ужином Шарпийон всплакнула, назвала его коварным обманщиком, заверила, что уже почти влюбилась в него, а он все разрушил своим мерзким предложением купить ее любовь. Теперь ей стыдно смотреть ему в глаза, ибо он посчитает ее продажной девкой, а мать требует с нее обещанные им сто гиней. Наверняка понимая, что перед ним разыгрывают спектакль, Соблазнитель тем не менее не мог остаться безучастным к чарам Шарпийон и покорно спросил, как он может загладить свою вину.

— Вы должны ухаживанием своим завоевать мою любовь. Я даю вам две недели, за это время вам надлежит всеми приличествующими способами завоевать мое сердце. И не смейте говорить мне про деньги, — с видом оскорбленной добродетели завершила она свою речь.

И вот потянулись томительные две недели. Уподобившись куртуазному воздыхателю, Казанова каждый день являлся к Шарпийон, дарил ей дорогие подарки, говорил комплименты и исполнял все ее повеления. Куртизанка держала себя скромно, иногда позволяла целовать руку и большей частью развлекала гостя тем, что усаживала его играть с тетушками в карты, причем последние неизменно выигрывали. При этом Соблазнитель вспоминал об имевшихся у него расписках, и ему неизменно

хотелось отнести их в полицию. Но понимая, что подобный поступок навсегда рассорит его с Шарпийон, он молчал, в то время как сердце его преисполнялось великой злостью к трем отвратительным мегерам.

Наконец «испытательный срок» был завершен и Казанова мягко, но решительно потребовал расплаты, дерзнув даже намекнуть маменьке Шарпийон на уже полученные ею сто гиней. Матрона скривилась и велела ему приходить вечером. Окрыленный Казанова едва дождался урочного часа и ровно в указанное время уже звонил в дверь заветного дома. Его впустили, девица провела его в комнату, где стояла единственная кушетка, и принялась методично гасить свечи. Готовый смириться с не слишком удобным ложем, Казанова не собирался лишать себя удовольствия любоваться восхитительным телом Шарпийон и попытался воспрепятствовать ей. В ответ последовала реплика: «Или в темноте, или никак». Смирившись и с этим условием, Казанова разделся и лег на кушетку. Погасив все свечи, красавица, судя по шелесту платья, тоже начала раздеваться. Когда же наконец девица легла в постель, Казанова обнаружил, что она облачена в длинную плотную рубашку и вдобавок лежит, свернувшись калачиком, опустив голову и поджав ноги. И никакие просьбы, никакие уговоры и ласки не смогли заставить ее принять иную позу. Она лежала молча, не устаивая своего кавалера даже ответом. Соблазнитель постепенно свирепел. Он попытался силой развернуть девицу, даже схватил ее за шею, но она молчала и, кроме дыхания, не проявляла никаких признаков жизни. Не выдержав подобной пытки, разъяренный венецианец разорвал у нее на спине рубашку и впился ногтями в нежное тело куртизанки. Но и тут она не издала ни звука и не переменила позы. Промучившись три часа, вконец озверевший Соблазнитель кое-как оделся в темноте, выскочил из комнаты, разбудил служанку, приказал ей отпереть входную дверь, ударом ноги распахнул ее и выскочил на улицу. Ему было плохо.

На следующий день он обнаружил, что желудок его отказывается принимать пищу. При виде еды ему становилось дурно. Запершись у себя в спальне, он проклинал тот день, когда дьявол свел его с Шарпийон, проклинал Лондон и чопорных английских девиц с бесчувственными сердцами, проклинал страну, где нельзя безнаказанно побить куртизанку, и гнусных мегер, опекавших девицу и помогавших ей вытягивать деньги из почитателей ее красоты. Более недели Казанова просидел дома, никого не принимая и не читая писем. Когда же гнев его начал понемногу утихать, он решил ознакомиться с письмами. Таковых оказалось немного, зато записочек от Шарпийон и ее церберов — целая гора. Сначала тон их был

исключительно возмущенный. Маменька и тетушки обвиняли Казанову в избиении их дочери и племянницы и утверждали, что несчастная лежит при смерти. Постепенно гнев стихал, уступая место робким оправданиям. Наконец, сама Шарпийон дерзнула написать, что она горько раскаивается в содеянном и умоляет простить ее. Поведение свое она объясняла исключительно минутным капризом и, чувствуя свою вину, обещала постараться загладить ее. Повинная Шарпийон вновь разбередила душу Соблазнителя, пробудила в нем желания. Тут, словно по волшебству, появился Гудар, прекрасно осведомленный обо всем, что произошло между Шарпийон и ее незадачливым поклонником. С собой Авантюрист приволок кресло, снабженное потайным механизмом. Сядь в это кресло, женщина (предназначалось сие изобретение именно для прекрасного пола) автоматически приводила в действие скрытую пружину, спинка откидывалась, выбрасывались вмонтированные в ручки и сиденье захваты, и жертва оказывалась лежащей на спине; отбиваться она, разумеется, не могла, ибо руки и расставленные ноги ее были плотно прижаты захватами к креслу. Продемонстрировав работу механизма на Казанове, Гудар предложил ему купить кресло и с его помощью овладеть коварной Шарпийон. Соблазн был велик, однако любое предложение, исходившее от Гудара, вызывало у Казановы подозрение, и он, несмотря на уговоры, от покупки отказался.

Следом за Гударом явилась сама Шарпийон. Рыдая, она просила прощения, выставя напоказ синяки и царапины, якобы сделанные Казановой в ту ночь, когда ее каприз помешал ей удовлетворить страсть венецианского воздыхателя. Подобно кролику, замороженному мертвящим взглядом удава, Соблазнитель взирал на роскошное тело, покрытое синяками, и яд желания вновь разливался по его жилам. Не будь он столь возбужден зрелищем обнажаемых один за другим участков тела Шарпийон, он, вероятно, задумался бы, отчего спустя почти две недели синяки и царапины на ее теле выглядели совершенно свежими. Убедившись, что сладострастный воздыхатель вновь в ее власти, куртизанка перешла к делу. Она предложила ему последовать примеру Морозини и снять для нее домик, где она станет жить одна, без родственников. Но будучи несовершеннолетней и не имея права распоряжаться собой, часть своего содержания ей придется выдавать матушке, а значит, определяя его сумму, он должен помнить об этом. Иначе матушка ее явится и заберет ее к себе. Возбужденный и одновременно растроганный Казанова согласился и, призвав Гудара, поручил ему снять для него небольшой домик на окраине города, что тот и сделал незамедлительно.

Желая обезопасить себя от суровых английских законов, Казанова решил заключить договор о «найме Шарпийон» не с самой девицей, а с ее матушкой. Та тотчас потребовала у него сто гиней, утверждая, что он задолжал ей их за ту ночь, которую он провел с ее дочерью. Получив деньги, мегера дозволила дочери собрать вещи и отбыть в фиакре вместе с Казановой к новому местожительству.

Весь день Соблазнитель провел вместе с Шарпийон; девица была сама кротость, сама ласка, сама доброта, и к вечеру он окончательно уверился, что сегодняшняя ночь пройдет восхитительно. Однако когда влюбленные легли в постель, Шарпийон, потупив взор, заявила, что из-за причин вполне естественных она сегодня не может подарить Казанове свою любовь. Возразить воздыхателю было нечего, и он, отвернувшись, уснул беспокойным сном. Проснувшись рано утром, он решил убедиться, не стал ли он вновь жертвой обмана дерзкой куртизанки; предчувствие его не обмануло. Разъяренный, он влепил сонной Шарпийон пощечину и попытался овладеть ею. Та стала сопротивляться, и Казанова, мгновенно позабыв о своем вожделении, надавал ей оплеух, собрал свои вещи и, прихватив с собой ее чемодан с платьями, уехал домой.

На следующий день к нему явился Гудар и попросил вернуть чемодан, утверждая, что в противном случае мамаша Шарпийон станет жаловаться в полицию и венецианца обвинят в воровстве. Казанова ответил, что вернет чемодан только самой Шарпийон, ежели та соблаговолит лично за ним приехать. Гудар обещал передать его ответ обитательницам проклятого дома. В тот же день вечером Казанова получил от маменьки Шарпийон вполне мирное письмо, в котором она уверяла его в своей дружбе, во всем винила дочь и приглашала его на чашку чая. Коварная паучиха вновь расставила свои сети, и муха тотчас в них запуталась. На следующий день Казанова вместе с чемоданом явился к Шарпийон и провел вечер у нее в гостинной, сидя в углу и взирая на красотку с опухшим лицом, которая, потупив взор и ни разу не посмотрев в его сторону, чинно вышивала платочек. Так продолжалось целую неделю. Преисполнившись жалости и желая загладить свою вину, Казанова подарил Шарпийон дорогой сервиз из тончайшего китайского фарфора и трюмо. Когда на следующий день он увидел, с каким вкусом и любовью девица расставила его подарки, он радовался, как ребенок. Через несколько дней, когда щечки Шарпийон обрели присущий им нежно-розовый цвет, маменька ее сообщила Казанове, что сегодня ночью дочь ее готова его принять. Обрадованный Соблазнитель решил сделать Шарпийон королевский, по его мнению, подарок: вручить ей долговые расписки, некогда данные ему ее маменькой и тетками и,

разумеется, неоплаченные. На основании этих бумажек он мог привлечь их к суду, им пришлось бы или уплатить ему заявленную в расписках сумму, или же сесть в долговую тюрьму.

Поздно вечером Соблазнитель с кожаным портфелем под мышкой явился в дом к Шарпийон, и ее маменька лично проводила его в спальню дочери. Когда она ушла, Казанова запер дверь и вынул из портфеля расписки. Объяснив Шарпийон, какой подарок он собирается ей сделать и в чем его ценность, он попросил ее сохранить эти расписки и ни в коем случае не давать их ни матери, ни теткам. А еще лучше вовсе не говорить им, что теперь они хранятся у нее. Растроганная девица облобызала Соблазнителя, назвала его благородным человеком, принялась ласкаться к нему, но как только он захотел перейти к делу, разрыдалась и продолжала рыдать до тех пор, пока он, разозлившись, не ушел, хлопнув дверью. Расписки вместе с забытым портфелем остались лежать на камине мстительной куртизанки.

Вернувшись домой и как следует отоспавшись, Казанова сообразил, что совершил непростительную глупость: «за просто так» отдал Шарпийон долговые расписки. Самолюбие его разыграло, и он написал куртизанке письмо, в котором в изысканнейших и вместе с тем весьма жестких выражениях потребовал вернуть ему расписки вместе с портфелем. Вместо ответа явился Гудар и заявил, что Шарпийон готова вручить ему расписки в том случае, если он лично явится за ними к ней в дом. Понимая, что партия проиграна, Соблазнитель тем не менее решил еще раз попытаться вернуть свое и написал еще одно послание, на этот раз уже маменьке ядовитой девицы. К вечеру пришел ответ: матрона сообщала, что знать не знает ни о каких расписках. Ежели он и отдавал что-то ее дочери, то пусть с нее и спрашивает.

Поражение было полным. Оставалось только навсегда забыть коварную красотку и утешиться в чьих-нибудь милосердных объятиях.

Кстати подвернулось приглашение на обед в тот самый дом, где он повстречался с Шарпийон. Помня об этом, Казанова обстоятельно выпросил хозяина обо всех приглашенных и, не обнаружив среди них никого, кто был бы ему неприятен, пообещал прийти. Однако посреди обеда в дом, подобно легкокрылой бабочке, влетела Шарпийон. Увидев, что все сидят за столом, она бесцеремонно выразила желание присоединиться к ним и, как нарочно, втиснулась между Казановой и его соседкой. Все оставшееся время Соблазнитель сидел как на раскаленных углях: Шарпийон то и дело обращалась к нему, всем своим видом показывая, что она в него влюблена. А когда Казанова имел неосторожность пригласить

всю компанию на загородную прогулку, уточнив, что восемь человек как раз разместятся в двух экипажах, Шарпийон весело воскликнула, что она будет девятой, а чтобы все смогли разместиться, посадит хозяйскую дочь к себе на колени. Соблазнитель побелел от гнева, но не нашелся, что ответить.

На следующий день во время поездки комедия продолжилась. Шарпийон усиленно разыгрывала безответную влюбленность. Глядя на нее и Казанову, веселая компания потихоньку хихикала. После обеда, когда все отправились осматривать обширный парк, Шарпийон, словно клещ, вцепилась в руку Казановы и, едва они остались одни, принялась упрекать его в невнимательности и черствости. От щебета Шарпийон у Соблазнителя закружилась голова. Кое-как взяв себя в руки, он потребовал вернуть ему расписки.

— Отчего вы так резки со мной? Разве я отказываюсь исполнить вашу просьбу? Они лежат у меня дома, приходите, и вы их получите.

Не зная, что на это ответить, Соблазнитель молчал. Инициатива вновь перешла к Шарпийон. Она увлекла венецианца в лабиринт из можжевельных кустов и, выбрав уголок поуютнее, заставила его улечься рядом с ней на мягкую траву. Уверая его в своей любви, она принялась распалать его страсть, не давая ему ни встать, ни отвернуться. Венецианец сопротивлялся недолго. Увлечшись игрой, он начал отвечать на ее ласки, целовать красавицу и наконец привлек ее к себе, намереваясь утолить свой любовный пыл. Внезапно его словно ледяной водой окатили.

— Что с вами? Я дарю свою любовь только друзьям, а причислить вас к ним никак не могу.

И выскользнув из его объятий, она вскочила, отряхнулась и с усмешкой направилась по тропинке к выходу. Не выдержав подобного оскорбления, Казанова налетел на нее, схватил за руки и, вытащив кинжал, приставил его к ее груди.

— Если вы сделаете мне больно, я никуда отсюда не пойду, и вам придется объяснять, куда вы меня дели и что со мной сотворили.

Увы, плутовка была права: Соблазнитель отступил, а Шарпийон как ни в чем не бывало пошла вперед, щебеча что-то о красотах местной природы. А едва они вышли из лабиринта, как она вновь повисла на руке у Казановы и принялась разыгрывать нежную влюбленную. Соблазнитель угрюмо молчал и только время от времени скрипел зубами. Компания укладкой посмеивалась, решив, что «милые бранятся — только тешатся».

Мысль вернуть долговые расписки не покидала Казанову. И вот, вооружившись на всякий случай пистолетами, пригодными, по его мнению,

для устрашения посещавших дом подозрительных личностей, он, дождавшись наступления темноты, отправился к Шарпийон. Возле дверей ее дома он наткнулся на неожиданное препятствие в лице молоденького парикмахера, являвшегося каждый четверг завивать волосы девицы в мелкие кудряшки. Решив подождать, пока парикмахер уйдет, он спрятался поодаль и стал наблюдать. Вскоре из дома вышел французский сводник, любовник маменьки Шарпийон. Это означало, что ужин завершен. Через некоторое время следом за ним отправилась и маменька. «Тем лучше, — подумал Казанова, — некому будет поднимать шум». Вспоминая про тетюшек, он надеялся, что те при виде пистолетов упадут в обморок и будут лежать, пока он не покинет дом. Из нежелательных свидетелей оставался только парикмахер, но тот, похоже, уходить не собирался.

Наконец терпение Соблазнителя лопнуло, и он позвонил в дверь. Оттолкнув открывшую ему служанку, он ворвался в гостиную и увидел на кушетке сладкую парочку: Шарпийон дарил свою любовь молодому парикмахеру. Подобно разъяренному быку, Казанова налетел на любовников и принялся колотить тростью направо и налево. Парикмахер оказался шустрее, ему почти ничего не досталось, зато Шарпийон приняла немало ударов, прежде чем вскочила с кушетки и, распахнув дверь, выбежала на улицу. Догонять ее Казанова не стал. Гнев его мгновенно прошел, и он, обеспокоенный, послал перепуганную служанку на поиски девицы. Когда появилась маменька Шарпийон, ни служанка, ни девица еще не вернулись. Сразу сообразив, что произошло, мегера стала громко причитать, призывая на голову Казановы громы и молнии, и тот почел за лучшее ретироваться.

На следующий день к Соблазнителю явилась служанка Шарпийон и заявила, что хозяйка ее при смерти и, быть может, не дотянет даже до вечера. Все обитатели дома рыдают горячими слезами и проклинают тот день, когда красавица встретила Казанову. Отведенную ей роль служанка сыграла виртуозно. Поверив каждому ее слову, Соблазнитель разрыдался. Ему было жаль убитую им Шарпийон, но еще больше жаль себя, ибо теперь английский суд наверняка приговорит его к смерти. Старая мегера найдет нужных двух свидетелей, подаст жалобу, и он окончит дни свои на плахе.

Преисполнившись сих горьких мыслей, венецианец сложил в шкатулку остатки драгоценностей, сверху положил прощальное письмо, в котором просил венецианского посланника известить о его смерти сенатора Брагадина, зарядил пистолет и, набив карманы кафтана свинцом, в сумерках вышел на улицу и направился к Темзе. Он намеревался подойти к

перилам Вестминстерского моста и выстрелить себе в висок, дабы тело его упало в воду и тотчас пошло ко дну. Он не хотел, чтобы после смерти труп его попал в руки хирурга-анатома, как это нередко случалось с телами безвестных утопленников. Ведь у него в Англии не было ни родных, ни близких...

Возле моста Казанова встретил одного из своих знатных приятелей-англичан. Отрешенно-торжественный вид Соблазнителя поразил приятеля, тот принялся тормошить его и просить рассказать, что случилось. Некоторое время Казанова отмалчивался, но когда приятель предложил ему вместе поужинать, приглашение принял, и они отправились в таверну. С наслаждением съев огромный полусырой бифштекс, Казанова попросил вина, и когда хмельные пары ударили обоим мужчинам в голову, венецианец поведал о своих злоключениях. Выслушав его, приятель посоветовал ему махнуть на все рукой и как следует повеселиться. Для начала он пригласил к ним за столик двух жриц продажной любви. Но в тот вечер Казанова не сумел вкусить любовных радостей: Шарпийон лишила его былой силы. После куртизанок они отправились на танцы в сад Ранелаг. Каково же было изумление Казановы, когда среди танцующих он увидел Шарпийон — бодрую, живую и здоровую! А он-то уже почти похоронил и оплакал ее! Наконец-то он осознал, что девица всегда его обманывала и все ее заигрывания были направлены на то, чтобы вытянуть из него побольше денег. Ее лицемерие обошлось ему в две тысячи гиней! Бросившись к приятелю, он излил ему всю накопившуюся в нем горечь и злость. Приятель посоветовал ему подать в суд за вымогательство. Женщин арестовали, но те, в свою очередь, обвинили его в насилии. Казанову посадили в тюрьму, но он внес залог, и его освободили.

Очутившись на свободе, он купил попугая, выучил его говорить фразу «Шарпийон — еще большая шлюха, чем ее мамаша» и поручил своему слуге несколько раз в день гулять с птицей по самым людным местам в Лондоне. Скоро над выдумкой Казановы смеялась вся английская столица, а старая мегера пригрозила снова подать на него в суд. К сожалению, попугая нельзя было осудить за оскорбление личности, ибо птица — существо безответное, а чтобы привлечь хозяина, нужны были два свидетеля, готовые подтвердить, что именно он научил птицу говорить эту фразу, а не купил ее уже говорящей. По словам Казановы, лжесвидетелей в Лондоне было хоть отбавляй, но всем им надо было платить, а этого ни Шарпийон, ни ее маменька делать чрезвычайно не любили. (Приятель Казановы Гудар также подрабатывал ремеслом лжесвидетеля.)

Казанова тяжело переживал историю с Шарпийон. Бывало, женщины

отказывали ему, но никто и никогда не издевался над ним столь жестоко и в столь изощренной форме. Куртизанка Шарпийон уязвила его самолюбие, поколебала его веру в свою неотразимость, уничтожила его морально, заставив поступиться всеми своими принципами, высмеяла его щедрость, подорвала его здоровье, которым он дорожил и о котором неустанно заботился. По сути, она превратила его в анти-Казанову, ибо когда Соблазнитель наконец вырвался из ее паутины, в нем уже нельзя было узнать прежнего самоуверенного сердцееда. К счастью, увлечения Казановы никогда не были продолжительными, и здоровый эгоизм, любовь к самому себе взяли свое. Начав оправляться от полученного удара, он почувствовал настоятельную потребность утешиться.

Сначала таковым утешением стала Сара, будущая жена Гудара. Затем Гудар, продолжавший числиться среди приятелей Казановы, подыскал ему знатное, но нищее семейство, состоявшее из матери и пятерых дочерей, старшей из которых было двадцать два года, а младшей — четырнадцать лет. Семейство прибыло в Лондон из Ганновера, поэтому сестры получили от Казановы прозвище ганноверских барышень. Мать безуспешно добивалась от двора денежной компенсации за покойного мужа, а дочери утешали ее, пытаясь вести жалкое хозяйство. Когда Казанова явился к ним, семейство пребывало в крайней нужде: девочкам не на что было купить хлеба к обеду, а мать с минуты на минуту ожидала появления квартального, ибо не могла заплатить за комнату, и хозяин пригрозил заявить в полицию. Воспоминания о Шарпийон были еще свежи, поэтому Казанова напрямую предложил матери деньги в обмен на невинность ее дочерей. Но женщина гордо ответила, что ее дочери благородного происхождения и не станут заниматься проституцией. Понимая, что для любого вельможи заплатить ее долг квартирохозяину ничего не стоит, она стала взывать к милосердию Казановы, как уже до этого ее девочки пытались разжалобить нескольких придворных. Если бы история с Шарпийон была не столь свежа в его памяти, Соблазнитель, быть может, и расчувствовался бы, ибо, надо отдать ему должное, жалость ему была не чужда, особенно по отношению к женщинам. Но в то время он видел в каждой девице, просящей у него помощи, пиявку, готовую присосаться к его кошельку и ничего не дать взамен.

Крайне раздосадованный, Соблазнитель покинул убогое жилище барышень: все пятеро ему приглянулись, и ему чрезвычайно хотелось продолжить знакомство, разумеется, на собственный манер. Досадовал он недолго: после того как мать девушек заключили в долговую тюрьму, все пятеро явились к Казанове, готовые на все, лишь бы он внес залог и

освободил мать из тюрьмы. Первой к Соблазнителю пришла старшая сестра. Венецианец принес в жертву божеству Любви ее невинность, однако удовольствия ему это не доставило, он полагал, что, ложась с ним в постель, любовница не только исполняет свою работу, но и получает удовольствие. Ганноверская же барышня явно приравняла любовь Соблазнителя к каторжным работам. Выставив ее за дверь, он заявил остальным, что каторжанки ему не нужны и платить им он не собирается. К счастью, одной из сестер, Габриэли, Соблазнитель действительно приглянулся, и для нее потеря невинности в его объятиях не стала тяжким наказанием, ниспосланным свыше за грехи. И хотя в конце концов Казанова приобщил к радостям Венеры всех сестер, Габриэль дольше всех оставалась его любовницей и даже успела привязаться к нему. Обожая верховую езду, она ездила вместе с Казановой на прогулки и, можно сказать, излечила его раны, нанесенные Шарпийон. Со своей стороны Соблазнитель исполнил свои обещания и обеспечил семейству вполне сносное существование. Он даже вызволил из тюрьмы жениха старшей барышни, неаполитанского маркиза Петина, личность, по словам Казановы, весьма бесцветную и уродливую. Тем не менее старшая барышня сбежала с маркизом, написав в оставленной родным записке, что у себя на родине маркиз собирается на ней жениться. Так что когда семейству пришла пора возвращаться к себе в Ганновер, расставание их с Казановой было даже сердечным. За время их знакомства Соблазнитель успел по-своему полюбить барышень, а те — привязаться к своему «покровителю».

Вспоминая историю с ганноверскими барышнями, Казанова называет себя *libertin de profession*, «истинным либертеном», иначе «записным распутником». Порожденная XVIII столетием философия либертинажа, распространенная среди верхушки общества, являла собой культ чувственного наслаждения, которое превращало любовь во влечение, а страсть — в каприз, порождение не чувствительного сердца, но извращенного ума, отчего наслаждение нередко шло рука об руку с жестокостью. Либертенами именовали просвещенных распутников, умных, циничных, знающих жизнь и свет, многоопытных в любовных делах и готовых ради получения наслаждения унижать предмет своей любовной страсти. Либертен не верил в Бога, смеялся над Божественным провидением и богохульствовал. В литературе того времени герой-либертен уподоблялся воину на поле любовной брани. Задачей этого воина было разбить и уничтожить врага, роль которого отводилась женщине. Покаяние и унижая свою жертву, либертен самоутверждался. Возлюбленная не интересовала его как личность, она привлекала его прежде всего как

предмет удовлетворения его страсти. Блестящее воспитание, превосходное образование и острый ум либертена сочетались с душевной испорченностью, крайним эгоизмом и цинизмом. Классическими примерами персонажей-либертенов стали герои печально известных романов де Сада «120 дней Содома» и «Жюльетта, или Благодеяния порока», адепты преступной философии порока, проповедники безнаказанности и вседозволенности для избранных натур.

Мог ли Казанова называться либертеном? Если принять рассудочную жестокость за одно из неотъемлемых качеств либертена, то, скорее всего, он не мог в полной мере претендовать на это звание, ибо на обдуманное злодейство был неспособен, равно как и на коварный расчет при выстраивании любовной интриги. Отличаясь импульсивностью, склонностью к стихийным действиям, он сначала совершал поступок, а уже после размышлял, стоило ли его совершать. Но, будучи фаталистом, подобными мыслями он задавался крайне редко, недаром его любимый девиз *sequere Deum*, «следуй Господу», постоянно присутствует на страницах его «Мемуаров». Казанову обвиняли в атеизме, но он был, скорее, деистом, ибо, не принимая всерьез церковные институты, он верил в Бога и Провидение, хотя для него эти два понятия были одно и то же. Не соблюдая обрядов, не посещая церковь и общаясь только с просвещенными церковниками, он верил в наличие Высшей силы и боялся ее гнева. В повседневной же жизни он руководствовался исключительно собственной эгоистической философией. Любовниц своих он также предпочитал видеть радостными и довольными, по крайней мере то время, которое они были с ним, ибо их радость, а отнюдь не страдание, являлась для него необходимым компонентом чувственного наслаждения. Не исключено, что откровенно принуждая ганноверских барышень одаривать его своими милостями, Казанова в глубине души признавал неприглядность, даже жестокость своего поведения и, называя себя либертеном, он как бы оправдывался: «Мне вас жаль, но мои взгляды не позволяют мне поступить иначе...» А взгляды его и поступки действительно во многом соответствовали философии либертинажа, начиная с главного ее постулата — культа чувственного наслаждения и служения ему.

После отъезда ганноверского семейства Казанова обнаружил, что окончательно издержался и кругом в долгах. Он уволил слуг, оставив себе одного лакея, продал дом, почти весь свой гардероб, все имевшиеся у него драгоценности, включая часы, цепочки, кольца, дорогие табакерки и бриллианты, коими он когда-то украшал свой орденский крест. Табакерки большей частью были подарены ему на память многочисленными

возлюбленными, украшавшими модные коробочки своими портретами. Перед тем как снести табакерки в лавку скупщика. Любовник аккуратно вынул из них милые его сердцу изображения. Переехав в скромную квартирку, он написал письмо Брагадину, прося перевести на его имя немного денег.

В ожидании перевода он начал играть, пытаясь таким образом поправить дела текущие, и кое-что выиграл. Тут случай свел его со старым знакомцем, бароном Стенау, картежником и аферистом. Они сели играть, и Казанова выиграл у него сто гиней. Наличных денег у барона не было, и он расплатился векселем. Половину этой суммы Казанова, собравший всю оставшуюся у него наличность, передал соблазнительной любовнице Стенау, согласившейся подарить ему ночь любви. Утром Казанова получил деньги по векселю, данному ему бароном, а через несколько дней банкир, с которым он был в приятельских отношениях, прислал ему письмо, где сообщал, что вексель оказался фальшивым, и требовал в двадцать четыре часа вернуть ему деньги. Конечно, он будет рад, если Казанова отыщет обманщика и заставит его возместить ущерб, но если этого не случится, иск будет предъявлен Казанове как подателю векселя. В панике Казанова бросился в гостиницу к Стенау, но того уже и след простыл. Не имея возможности достать денег и не желая окончить дни свои на лондонской виселице, уготованной подателям фальшивых векселей, Соблазнитель молниеносно принял решение бежать из Англии. Он собрал все имевшиеся в квартире деньги, затем помчался к портному, у которого заказал себе два новых костюма и за бесценок продал эти костюмы самому портному, потом занял, где смог и сколько смог, сознавая, что никогда не отдаст эти долги, и, взяв с собой Датури, помчался в порт. За шесть гиней капитан небольшого суденышка согласился доставить обоих итальянцев на континент.

Венецианец Датури вошел в жизнь Казановы неожиданно, можно сказать, свалился как снег на голову. Однажды за завтраком, когда Казанова уже проживал в скромной квартирке миссис Мерсьер, лакей принес ему измятое письмо. В нем молодой итальянец по имени Датури, уверяя Казанову, что он его крестник, умолял помочь ему. Молодой человек сидел в долговой тюрьме, куда его упекли за то, что он не смог вовремя заплатить долг в два фунта. У него совсем нет денег, он голодает, и если крестный не поможет ему, то он умрет голодной смертью. Не припомнив никакого Датури, Казанова тем не менее решил отправиться в тюрьму, дабы познакомиться с крестником.

В тюрьме ему показали высокого, красивого молодого человека лет двадцати, назвав его Датури. Казанова был твердо уверен, что видит юношу

впервые. Тот тоже видел посетителя впервые. Казанова протянул ему его письмо, юноша радостно вскрикнул и в ответ предъявил Казанове замусоленное свидетельство о крещении, где крестным отцом действительно был записан Джакомо Казанова. Таинство крещения было совершено в одном из приходов Венеции. Датури добавил, что мать его часто рассказывала ему о крестном, говорила, что тот постоянно путешествует по Европе и ежели его попросить, помочь не откажется. В Англию Датури прибыл с труппой акробатов, но потом поссорился с товарищами, наделал долгов и угодил в тюрьму без всякой надежды освободиться. В газете он увидел имя Казановы, отыскал его адрес и решил обратиться к нему за помощью, ибо больше у него в Лондоне никого не было.

Пока молодой венецианец рассказывал свою нехитрую историю, Казанова вспомнил его мать и связывавшие их нежные отношения, вспомнил яркий солнечный день, когда держал над купелью маленького Датури. Скорее всего, этот юноша — его сын...

Как бы там ни было, Казанова вызволил крестника из тюрьмы и стал выдавать ему ежедневно по два шиллинга. Узнав, что крестный срочно покидает Англию, Датури попросил взять его с собой, Казанова согласился и ни разу об этом не пожалел. Как писал он впоследствии, из Датури вышел превосходный камердинер.

ВСТРЕЧА С ФРИДРИХОМ II. ПОИСКИ СИНЕКУРЫ

В Кале Казанова прибыл измученный морским переходом и страдая от дурной болезни, которой за пятьдесят гиней наградила его любовница барона Стенау.

Остановившись в гостинице, той самой, где, отправляясь за Ла-Манш, он оставил на хранение свою коляску, он лег в постель и призвал к себе лучшего в городе врача. Три дня все, включая самого больного, думали, что усилия лекаря будут напрасны, но на четвертый день, после очередного кровопускания, больной проспал почти сутки, а потом пошел на поправку. Далее Казанова установил для себя строжайший режим и, неуклонно его придерживаясь, через две недели почувствовал себя вполне окрепшим, чтобы ехать дальше. Но куда? Находясь в Англии, Соблазнитель хотел совершить путешествие в Португалию. Однако сейчас, когда здоровье его еще не восстановилось, кожа была желта и покрыта фурункулами, и денег оставалось в обрез, поездка в Португалию не представлялась возможной.

Казанова направился в Брюссель, отписав Брагадину, чтобы тот перевел туда вексель, отправленный в Лондон. Сам написать в английскую столицу он не решился. В Турнэ Авантюрист имел встречу с графом де Сен-Жерменом. Знаменитый маг собирался завести в тамошнем краю шляпную фабрику — «для собственного увеселения», а пока жил затворником, никого не принимал и производил у себя в лаборатории опыты по превращению различных металлов в золото. Но, узнав о прибытии знаменитого путешественника и «сотоварища по ремеслу», Сен-Жермен изменил своему правилу и пригласил его к себе, что совпадало с желанием Авантюриста.

Увидев, что гость его плохо выглядит, Сен-Жермен стал уговаривать его остаться в Турнэ, обещая исцелить его своими эликсирами и пилюлями. Однако к продукции мага Казанова был настроен весьма скептически, а посему от всего отказался. Сен-Жермен обиделся, но виду не подал, а попросил у Авантюриста мелкую монетку, у него на глазах превратил ее в золотую и с насмешливым поклоном протянул гостю. Казанова был уверен, что Сен-Жермен подменил монетку, однако не мог сказать, каким образом ему это удалось, ведь он ни на секунду не выпускал из виду маленький металлический кружочек. Сам он прежде не раз пытался проделать этот трюк, но то ли у него не хватало веры в невозможное, то ли он не обладал

такой мощной силой внушения, каковой, несомненно, был наделен Сен-Жермен, только у него ничего подобного никогда не получалось. А в том, что возвращенная ему монета была золотая, он имел возможность убедиться.

Расставшись со «знаменитым ученым и обманщиком», как именует он Сен-Жермена в своих «Мемуарах», Казанова направился в Брюссель, куда спустя несколько дней после его прибытия наконец пришел вексель от Брагадина на двести голландских дукатов. Теперь можно было ехать дальше, в Берлин, где Казанова надеялся поступить на службу к прусскому королю Фридриху II Великому, слывшему покровителем философов и меценатом. Датури предложил ему сначала отправиться в Брауншвейг, где, как он узнал, сейчас обреталось все его семейство. Он уверял крестного, что его близкие с радостью примут у себя Казанову. В его доме за ним будут ухаживать, как за родным, он сможет окончательно излечиться от своих недугов. Предложение было принято, тем более что Соблазнителью было любопытно через двадцать лет увидеть мать Датури.

Однако подорванное здоровье не позволило Казанове доехать до дома Датури. Прибыв в гостиницу города Везеле, он слег и пролежал больше месяца, пользуемый местным доктором и окруженный заботами его сестры. Болезнь совершеннейше извела Казанову, и он, желая наконец от нее избавиться, беспрекословно терпел все процедуры и неукоснительно выполнял все предписания. При расставании доктор и его сестра заявили, что столь терпеливого и скромного пациента они еще не видели. В «Мемуарах» же Казанова замечает, что тогдашние его добродетели проистекали исключительно из-за болезни. Нельзя судить о человеке, когда он болен или сидит в тюрьме, ибо подлинный нрав свой проявляет он только здоровым и на воле.

В Брауншвейге он встретился с матерью Датури. Увидев, что за двадцать лет, которые они не виделись, эта женщина изрядно подурнела, ему стало досадно, и он пожалел, что захотел этой встречи. Также он писал, что мать Датури сознавала, что стала безобразной, отчего очень смущалась. Увы, лицо женщины быстро теряет свою красоту и свежесть...

Все еще ощущая слабость в теле, Казанова покинул город, суливший ему множество развлечений, и направился в Вольфенбюттель с намерением посетить тамошнюю библиотеку, одну из самых богатых в Европе. Неделью Авантюрист отдыхал телом и утолял свою страсть к штудиям, все дни проводя в величественных сумрачных читальных залах, полностью отрешившись от жизненной мирской суеты. Всегда, когда здоровье не позволяло ему предаваться наслаждениям чувственным, он припадал к

источникам наслаждений духовных: сочинял, переводил, изучал, читал и перечитывал классиков. В период умственных трудов ему казалось, что добродетель всегда влекла его к себе гораздо больше, чем порок, а грешил он исключительно от *веселости сердца*. Поэтому он с грустью покидал Вольфенбюттель и его библиотеку, прославившуюся своими манускриптами и инкунабулами, знакомство с которыми доставило Авантюристу истинное удовольствие. Его деятельная (и суетливая) натура гнала его вперед, не давая долго засиживаться на одном месте.

Свой первый визит в Берлине Казанова нанес Кальзабиджи-младшему, тому самому, с кем он в 1757 году в Париже учредил лотерею Военной школы, которая потом стала называться королевской лотереей. В столице Пруссии Кальзабиджи также организовал лотерею, уговорив короля поручить ему руководство ею и выговорив себе процент от сбора, а заодно и заманчивый титул тайного советника. Однако сделать лотерею прибыльным делом ему не удалось, и хотя убытков она тоже не приносила, через два года король отказался поддерживать ее материально, приказав напечатать на афишах, что в дальнейшем монарх к сему предприятию касательства не имеет. Именно в эти неприятные дни к Кальзабиджи и явился его старый приятель Казанова. Памятуя, как в свое время Авантюрист доказал совету Военной школы, что лотерея может приносить большую выгоду, лотерейщик воспринял его появление как знамение свыше и принялся просить его повторить былой подвиг, то есть уговорить короля остаться гарантом выигрышей. Уговаривать короля Казанова отказался, но свой проект, как поправить дела лотереи, написал, только Кальзабиджи не сумел им воспользоваться. Впрочем, когда в беседе с Фридрихом зашла речь о Кальзабиджи и его лотерее, Казанова сумел замолвить словечко за приятеля, и тот со своей лотереей сумел продержаться еще несколько лет и даже кое-что заработать. Но в конце концов он все равно обанкротился и поехал доживать свой век в Италию.

Уяснив, что лотерейщик — не тот человек, который сможет составить ему протекцию у короля, Казанова отправился к еще одному своему давнему знакомцу, престарелому милорду-маршалу Кейту^[59], с коим он последний раз виделся в Лондоне. Маршал пребывал в благодушном настроении, но протезировать отказался, сказав, что Фридрих принимает всех, кто желает его видеть. Протекция же только навредит просителю. Впрочем, при случае маршал разрешил Казанове ссылаться на него.

По совету маршала Авантюрист написал королю прошение об аудиенции, подписавшись «Венецианец», и ответ пришел незамедлительно. В письме, написанном секретарем, но подписанном «Фридрих»,

сообщалось, что король будет ждать просителя в саду Сан-Суси ровно в четыре часа пополудни. Облачившись во все черное, Казанова явился в сад заранее. Ровно в четыре появился Фридрих в сопровождении чтеца, швейцарца Ле Ката и любимой испанской ищейки. При первом же взгляде на надменную осанку Фридриха становилось ясно, что этот человек рожден повелевать и не терпит возражений. Обожающий оружие, войско и войну, король носил мундир, который, как шептались придворные, не снимал даже ночью, столь велико было его презрение к штатскому платью. Фанатик порядка и пунктуальности, он презирал удобства, спал на соломенном матрасе, ел мало, предпочитал простую пищу, и всюду гордо заявлял, что создал самую могучую армию в Европе. В юности он любил хорошеньких женщин, однако после ряда неудач на любовном поприще он стал импотентом и приверженцем однополый любви. Высокие статные гренадеры приводили его в экстаз, однако не брезговал он и юными пажами. Этот поистине удивительный монарх успевал все: вести заседания правительства и военные кампании, играть на флейте и любить своих гренадеров, устраивать парады и читать, писать книги и поддерживать переписку с просвещенными умами Европы, спорить и ссориться с обожаемым им Вольтером, чьи сочинения он знал почти наизусть.

Назвав Казанову по имени, Фридрих слегка приподнял старую шляпу, с которой никогда не расставался, и фамильярно спросил его, чего он, собственно, желает. Растерявшийся Авантюрист ответил:

— Побеседовать.

— Вот и прекрасно. Давайте беседовать, — согласился король и без промедления стал задавать ему вопросы, без всякой связи переходя от одного предмета к другому. Такова была манера Фридриха, заставлявшая теряться многих из тех, кто получал у него аудиенцию.

Он спросил Казанову, как тот находит его сад Сан-Суси, и Авантюрист, не будучи садовником, постарался дать ему ответ, хотя, по его словам, любому другому ответил бы, что ничего в садах не смыслит. Затем король завел разговор о воде, которой не хватает в его саду, потом без перехода спросил о войске, которое в случае войны могла бы выставить Венецианская республика, далее последовал вопрос о налогах. Завершая сей своеобразный разговор, Фридрих изрек: «А вы красивый мужчина». Казанова, который на протяжении их диалога исполнял роль то инженера-гидравлика, то специалиста-военного, то финансиста, облегченно вздохнул и, изобразив на лице удивление; заметил: неужели после их высокоученого разговора король обнаружил в нем достоинство гренадера? Ласково улыбнувшись, король пообещал поговорить с милордом-маршалом об

устройстве Казановы и, вновь с усмешкой приподняв шляпу, проследовал дальше. У Казановы отлегло от сердца: впервые в жизни он беседовал на равных с великим монархом и, кажется, выдержал это испытание.

Ожидая ответа Фридриха, Казанова вернулся к обычным своим занятиям, то есть принялся знакомиться со здешними театрами, увеселениями, игорными залами и злачными местами. В театре он увидел на сцене танцовщицу, чье лицо показалось ему знакомым. Узнав ее имя, он понял, что это та самая девочка, которую некогда называли Панталончиной, ибо отец ее, актер в итальянской комедии, исполнял роль Панталоне. Он познакомился с Панталончиной (Джованной Коррини), когда ему было двенадцать лет, а ей восемь. В то время матушка Казановы отправлялась в Саксонию и, пожелав перед отъездом повидаться с сыном, вызвала его вместе с наставником в Венецию. Отправившись вечером в театр, юный Казанова увидел на сцене девочку, великолепно танцевавшую менуэт; девочка так понравилась будущему сердцееду и соблазнителю, что тот, заняв цехин у воспитателя, тут же купил кольцо и преподнес его малютке. Когда вечером он смущенно стал просить мать вернуть цехин господину Гоцци, та попросила его рассказать, зачем ему понадобилось занимать этот цехин у наставника. Покраснев, Джакомо поведал о кольце и тут же пылко прибавил, что влюбился в девочку.

— А разрешила ли она тебе поцеловать себя за такой подарок? — насмешливо спросила его мать.

Джакомо смутился еще больше, ибо ему даже в голову не пришло попросить об этом Панталончину. Так мать преподнесла ему первый урок обольщения. С тех пор Казанова, делая женщине подарок, всегда срывал у нее поцелуй.

С тех пор минуло двадцать семь лет, Панталончина стала именоваться госпожой Дени, по имени мужа, коего, к счастью, на тот момент в Берлине не случилось, но, как показалось Соблазнителю, она была столь же хороша и свежа, как и в ранней юности. Пройдя за кулисы, Казанова представился ей, и она, радостно бросившись к нему на шею, заявила, что всегда помнила их встречу и была уверена, что они еще непременно свидятся. Правда, предаваясь воспоминаниям молодости госпожа Дени категорически отказалась, иначе присутствующие вокруг непременно бы догадались, что она почти ровесница Казановы. А для актрисы возраст старше тридцати уже губителен, поэтому Панталончина всем говорила, что ей двадцать семь, когда на самом деле ей было все тридцать пять. Впрочем, Казанова никогда не опровергал истину, утверждавшую, что женщине столько лет, на сколько она выглядит. Панталончина же выглядела

великолепно, и Соблазнитель не замедлил в нее влюбиться; вскоре страсть его получила желаемое удовлетворение. Почтенный покровитель актрисы ревновать не стал, ибо она всем представляла Казанову как своего дядюшку, а тот на людях называл ее не иначе как милой племянницей.

В доме новой любовницы Казанова встретился со многими своими знакомцами, итальянскими актерами и танцовщиками, колесившими по Европе от двора ко двору и демонстрировавшими свое искусство, почитавшееся всеми просвещенными вельможами. Там же он возобновил знакомство и с виолончелистом Джузеппе Даль Ольо, возвращавшимся на родину из Петербурга. Именно Даль Ольо подал Казанове мысль поехать в Россию, ежели Фридрих не сыщет ему приличествующего занятия. Заверив приятеля, что при дворе просвещенной императрицы Екатерины он непременно получит и должность, и состояние, он на всякий случай снабдил его отличными рекомендациями.

Любознательный путешественник съездил вместе со своей красавицей в Потсдам, где присутствовал на смотре, устроенном королем своим гренадерам, а также ознакомился с королевским дворцом и покоем самого Фридриха, свидетельствовавшими о спартанских вкусах монарха. В одной комнате помещались и кабинет, и спальня. Там стояли старенькое бюро с письменными принадлежностями и канапе; тут же за простой ширмой находилась узкая кровать, возле которой из ночных принадлежностей лежал только старый ночной колпак.

Наконец милорд-маршал передал Казанове предложение Фридриха. Государь предоставлял венецианцу место наставника в кадетском корпусе для дворянских недорослей. Корпус был учрежден королем недавно, в нем числилось пятнадцать воспитанников, на которых полагалось пять наставников. Жалованье наставника составляло шестьсот экю в год, столовался он вместе с учениками и тратиться должен был только на мундир. В обязанности его входило всюду сопровождать вверенных ему трех недорослей, особенно в дни празднеств. Четверо наставников уже были найдены, и государь требовал скорого ответа, ибо незавершенных дел чрезвычайно не любил. Найдя предложение сие *вздорным*. Авантюрист тем не менее испросил два дня на раздумье и высказал желание посетить место, где ему предлагалась служба.

Прибыв в корпус, он увидел дурно одетых и плохо причесанных дворянских отроков, слоняющихся по холодным пустынным залам, где почти не было мебели, или сидящих у себя в убогих клетушках, вся обстановка которых состояла из грубой койки, стола и пары деревянных стульев. Столь же скверно были одеты и наставники, выглядевшие скорее

слугами, нежели учителями недорослей. Они недоверчиво взирали на разодетого Казанову, облаченного в новый щегольский кафтан из тафты с сияющим орденом на шее. Авантюрист уже собрался покидать унылое заведение, как вдруг верхом, в сопровождении одного из друзей, прискакал сам Фридрих. Быстрым шагом он обошел заведение и, не замечая Казановы, вперил гневный взор в ночной горшок одного из воспитанников; содержимое сего сосуда источало отнюдь не благовоние. Виновником неопрятности монарх счел не кадета, коему принадлежал горшок, а его наставника и устроил ему разнос. Оправдываясь, учитель сослался на нерадивость слуг, обязанных заботиться о чистоте помещений. Оправдание было принято, король развернулся и покинул корпус столь же стремительно, как и приехал. А ошарашенный Казанова отправился к милорду-маршалу — поблагодарить за пожалованную должность и отказаться от нее. Внутри него все кипело, он чувствовал себя оскорбленным, но понимал, что вряд ли великий Фридрих примет его претензии.

Выслушав его рассказ, почтенный милорд-маршал без труда догадался, какие чувства обуревали Казанову. Посоветовав венецианцу поскорее покинуть Берлин, он взялся сам сообщить Фридриху о его отказе от места. Поразмыслив немного, он все же велел Казанове письменно поблагодарить короля за оказанную милость, однако письмо писать никак не раньше завтрашнего дня и на свежую голову, дабы ненароком не выразить истинных своих чувств.

Скорее всего, Казанова надеялся на некую «благородную синекуру», придворную должность, не требующую дела, но приносящую доход и позволяющую блистать в свете. Но такие должности раздавались обычно по протекции и только дворянам. Иногда, правда, они доставались умам прославленным и просвещенным, но Авантюрист не мог причислить себя ни к первым, ни ко вторым. Милорд-маршал, неплохо относившийся к Казанове и бывший в свои восемьдесят лет весьма снисходительным ко всем заблуждениям человеческой натуры, понимал это и, возможно, потому и отказался стать рекомендателем венецианца. Быть посредником между ним и королем — еще куда ни шло, но поставить вровень со своим древним именем имя итальянского комедианта... Не исключено также, что слухи о скандальном бегстве Авантюриста из Англии уже дошли до Берлина, не способствуя укреплению его отнюдь не безупречной репутации. А может, Казанова не был готов обременить себя какой-либо ответственностью... Как бы то ни было, в «Мемуарах» он не пишет, что более всего уязвило его в предложении Фридриха и какие, собственно, надежды он возлагал на

прусского короля. Подробно рассказывая о сокровенных мыслях Любовника и Соблазнителя, Казанова редко касается потаенных дум Авантюриста. Видимо, потому, что он не мог не сознавать, что далеко не все поступки красили творимый им для Истории образ, но, подчиняясь прихотливой памяти, он записывал все, что она ему диктовала, оставляя трактовку его поступков будущим читателям.

Потерпев фиаско в Берлине, Казанова, вспомнив советы Даль Ольо, решил отправиться в Россию. Написав письмо Брагадину с просьбой рекомендовать его какому-нибудь петербургскому банкиру, дабы тот выплачивал ему потребную для безбедного житья сумму, он стал подыскивать слугу, без которого путешествовать было просто неприлично. Судьба послала ему Ламбера, юношу неотесанного, обманщика и плутишку, не имеющего средств к существованию, но чрезвычайно сведущего в математике. Последнее качество столь поразило Казанову, что он предложил ему отправиться вместе с ним искать удачу в Петербург. Парень радостно согласился и пообещал, что в дороге станет с удовольствием ему прислуживать. На том они и порешили.

Перед отъездом Казанове случилось еще раз поговорить с Фридрихом. Дело было на плацу, король уже знал, что венецианец направляется в Петербург, и спросил, чего он хочет найти в тех далеких краях.

— Того же, что искал тут, сир, понравиться господину.

— А вас рекомендовали императрице?

— Нет, сир, только банкиру.

— Что ж, это гораздо более полезная рекомендация. Если будете возвращаться через Берлин, я с удовольствием послушаю ваш рассказ о тамошних краях. А теперь прощайте.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ. БЕСЕДЫ С ЕКАТЕРИНОЙ II, ИЛИ ОТВЕРГНУТЫЕ УТОПИИ

За годы своей карьеры Авантюриста Казанова поистине стал вечным странником. По сравнению с ним даже итальянские комедианты, самое непоседливое тогдашнее племя, могли показаться домоседами. Путешествие — это проверка себя, своей неотразимости, своего везения. Путешествие в чем-то сродни игре: подобно игроку, путешественник взыскует милостей Фортуны. И для игрока, и для путешественника не существует границ, игорный стол везде одинаков, путешественник везде в гостях. Путешественник Казанова ухитрялся везде устраиваться с максимальным комфортом, зачастую не имея денег вовсе. Никто, кроме него, так ловко не умел напомнить о себе случайным знакомым, что те тотчас приглашали его на обед и бросались оказывать всяческие услуги, не мог столь быстро договориться с женщиной, отчего на любом постоялом дворе к его услугам всегда была готова хорошенькая постоялица или служанка. «Тот, кто не любит путешествовать, поистине жалкий тип», — написал великий Моцарт. Благодаря путешествиям Казанова — шулер, аферист, сластолюбец, философствующий оратор — почитался личностью значительной, был интересен всем, и все его принимали. Он любил путешествовать как вельможа, в просторной карете, где можно было отлично выспаться, вытянув свои длинные ноги, любил шумно въехать в город, остановиться в лучшей гостинице, заказать шикарный обед... Таким вот знатным господином, в четырехместном экипаже, запряженном шестеркой выносливых лошадей, в середине сентября 1764 года Казанова прибыл в Митаву (современная Елгава) и остановился в лучшем трактире. Правда, денег у него было всего три дуката — все, что осталось от двухсот, с коими он отправился в путешествие. Но в дороге, по его собственному признанию, ему встретилась веселая компания, и после разудалой пирушки толстобокий кошель Авантюриста совершенно отощал. Зато своего он добился — в Митаве его посчитали знатным вельможей, трактирная прислуга обращалась с ним подобострастно, а местные дворяне устроили в честь его прибытия бал-маскарад. Довольный, Казанова подарил свои последние дукаты хорошенькой горничной, и об этом тотчас стало известно. Хозяин трактира склонялся в три погибели, надеясь на щедрую

плату. Тут же явился и ростовщик-еврей, предложивший ему либо обменять прусские деньги, не имевшие хождения в России, либо ссудить иными другими деньгами, дабы он вернул долг рублями. Описав сей случай в «Мемуарах», фаталист Казанова заключил: «Ничто в мире не происходит само по себе, а все зависит единственно от деяний наших и причуды Фортуны. Не будь этого сумасбродства с тремя дукатами, я бы ни гроша не сыскал в Митаве».

Герцог Курляндский^[60] пригласил Авантюриста на дружеский обед, на котором присутствовали одни мужчины. Зашел разговор о рудах и минералах здешнего края, составлявших главное его богатство. Не зная, что за столом есть истинные знатоки сего вопроса, Казанова принялся рассуждать о добыче и использовании с выгодой подземных богатств, пуская, по его собственному признанию, *пыль в глаза*, ибо предмет сей до тонкостей ему известен не был. Камергер, главный знаток рудного дела, заспорил с ним, но венецианец так уверенно возражал ему, что после обеда герцог Курляндский отозвал гостя в сторону и, попросив его задержаться на какое-то время в Митаве, предложил поехать осмотреть железорудные и меднорудные месторождения.

— А после поездки, — завершил свою речь герцог, — мне желательно было бы получить от вас письменные соображения об экономном управлении рудным хозяйством.

Казанова сразу принял предложение герцога: надежда получить «приличное место» вспыхнула в нем с новой силой. Осмотрев рудники, Казанова составил длинную записку, приложив к ней выполненные им самим рисунки. Герцог оценил его работу и предложил ему выбрать себе награду: драгоценный перстень или его стоимость деньгами. Авантюрист честно ответил, что предпочитает деньги, но если бы не стесненные обстоятельства, прибавил он, то он удовольствовался бы единственной и наивысшей наградой — дозволением поцеловать герцогу руку. Рука для поцелуя была пожалована, равно как и чек на четыреста золотых талеров.

Но так как службы Казанове никто не предложил, то он отбыл в Петербург, куда после двухмесячного пребывания в Риге приехал в самый разгар зимы. В России Казанова провел девять месяцев.

В Петербурге, на улице Миллионной Авантюрист снял две теплые комнаты с огромными печами. Искусство, с коим в России клали печи, настолько поразило его, что он сравнил его с искусством своих соотечественников обустраивать водоемы и источники. В устах венецианца это была высшая похвала. Посещая разные края, Казанова имел обыкновение наблюдать местные обычаи и нравы; его описания

российской жизни принадлежат к наиболее занимательным. Возможно, потому, что в этой далекой стране, которую он впервые увидел скованной льдами, покрытой снегами и освещенной ослепительно ярким морозным солнцем, его больше интересовала сама страна, ее устройство и жизнь ее обитателей, нежели любовные приключения. Возможно, это объяснялось тем, что он всерьез собирался там остаться. Любознательный путешественник посещал массовые увеселения и играл в карты, наблюдал за крещением детей в проруби на покрытой льдом Неве (подлинность данного эпизода оспаривается) и совершал прогулки белыми ночами, ходил на охоту и в оперу, заходил в крестьянские избы и побывал в русской бане, осмотрел Петропавловскую крепость и пригородные резиденции вельмож и императрицы, едва не отморозил ухо (оно уже побелело, но какой-то офицер, заметив это, растер его снегом) и смирился с дурной погодой («За весь 1765 год в России не выдалось ни одного погожего дня», — писал он), побывал в православном храме и отстоял службу в часовне императрицы, видел церковные праздники и военные парады, обедал в трактирах и кутил с вельможами, посетил Москву («кто не видал Москвы, не видал России») и познакомился с хваленым московским гостеприимством (открытый стол, потчуют в любое время, приходи и приятелей с собой приводи), осмотрел московские фабрики и памятники старины, библиотеки и собрания редкостей. Сравнивая Петербург и Москву, Казанов заметил, что жители столицы, все поголовно, лишены душевной чувствительности, в Москве же люди покладистее и в обращении более свободны, а женщины — красивее.

Имея множество рекомендаций, он всюду находил отменный прием. Благодаря собственной любознательности, он сумел завязать различные знакомства. Все образованные люди говорили по-французски, петербургские жители могли объясниться на немецком, так что языкового барьера Казанов не ощущал совершенно. Когда же нужно было поговорить с *мозик* и *шевошик* (мужиком и извозчиком), всегда находился кто-нибудь, кто мог перевести его слова. В Петербурге он встретил множество соотечественников, старинных приятелей и приятельниц, в том числе и чаровницу Баре, бросившую мужа и бежавшую сюда со своим любовником. Однако в России галантные похождения явно не занимали основного места в жизни Казановы. Судя по его запискам, основное внимание его было поглощено новыми впечатлениями, новыми лицами и новыми местами. Неожиданным выглядит намек Казановы на его галантное похождение с молодым Луниным, родственником декабриста Михаила Лунина. Соблазнитель не был поклонником гомосексуальных отношений, хотя зрелище сапфической любви доставляло ему немалое

удовольствие. Главным амурным приключением Казановы стала покупка крестьянской девушки, названной им Заирой. Однажды в Екатерингофе Соблазнитель, бывший там вместе с гвардейским офицером Степаном Степановичем Зиновьевым, увидел удивительной красоты крестьянку. При попытке приблизиться к ней девушка умчалась к себе в избу или, говоря словами венецианца, в *хижину*, где при виде появившихся на пороге вельмож забилась в угол, словно затравленный заяц. О чем-то переговорив с ее отцом, Зиновьев вместе с Казановой вышли на улицу, и Зиновьев сообщил, что девушку готовы отдать за сто рублей.

— Что значит «отдать»? — поинтересовался Соблазнитель.

— Это значит, что она будет обязана служить вам и вы будете вольны спать с ней, — отвечал офицер.

— А ежели она не захочет?

— Тогда посеките ее, вы же ее хозяин.

— А коли она мне приглянется, и я захочу ее у себя оставить?

— Я же сказал: она переходит в полную вашу собственность. Если она сбежит, вы вправе приказать арестовать ее и доставить к вам в дом. До тех пор, пока вам не вернут сто рублей, она — ваша.

— И какое жалованье я должен ей положить?

— Никакое. Кормите ее, поите, отпускайте по субботам в баню, а по воскресеньям — в церковь — вот и все послабления.

— А если я захочу взять ее с собой?

— Тогда вам придется получить специальное разрешение и оставить залог, ибо, хотя вы ее и купили, она все равно остается государевой крепостной.

Удивляясь сказанному Зиновьевым и решив, что обращаться с красавицей как с рабой ему не пристало, Казанова попросил приятеля помочь ему с покупкой девушки — раз уж иначе ее нельзя заполучить. На следующий день они приехали к крестьянину в дом, Соблазнитель удостоверился в девственности приобретаемой красавицы, приятель его Зиновьев отсчитал отцу сто рублей, покупатель и два свидетеля, слуга и кучер, расписались в купчей. Казанова посадил девушку в карету, и они поехали. Поблагодарив Зиновьева и распрощавшись с ним, Соблазнитель привез Заиру к себе и потом четыре дня не выходил из дому, вкушая венерины радости с неискушенной крестьянкой. Единственное неудобство, а именно незнание русского языка, поначалу мучило Казанову, но Заира оказалась способной ученицей и за три месяца настолько освоила итальянский, что вполне могла на нем объяснить, чего ей надобно. Заира явилась к Казанове в одном холщовом платье, он же одел ее с головы до ног

по французской моде. Постепенно девушка полюбила Казанову, а потом даже стала ревновать и, обладая бурным темпераментом, едва не погубила его из ревности.

Когда в его доме стала жить Заира, Казанове пришлось рассчитать своего слугу Ламбера, ставшего в России совершеннейшим пьяницей. Он исчезал с утра и приходил вечером, не будучи способным ни к какой работе. Казанова пробовал не давать ему денег, однако тот где-то ухитрялся находить их, тем более что, как неоднократно отмечал Казанова, в России в те времена все было дешевле, нежели в иных странах. Дав Ламберу денег на дорогу до Берлина, он отослал его. Как раз в эти дни Соблазнитель вознамерился ехать в Москву и, опасаясь, как бы в отсутствие его не увели у него Заиру, ставшую еще большей красавицей, чем прежде, он решил не нанимать нового слугу, а взять любовницу с собой. Девушка, делавшая большие успехи в итальянском, понемногу прислуживала Соблазнителю, была с ним мила и оставляла его совершенно довольным. Правда, был у нее один недостаток: она верила картам и гаданиям, а те почему-то все время говорили ей о том, что любовник изменяет ей, от этого она становилась ревнива и однажды чуть не покалечила Соблазнителя. Случилось это, когда он прокутил всю ночь в трактире, не предупредив свою милую, которая в тревожном ожидании металась по комнате, раскидывая то так, то этак карты, дабы узнать, что поделявает сейчас ее полюбownik. Когда утром Казанова вошел в дом, Заира в гневе швырнула в него бутылкой, и та, пролетев совсем рядом с головой его, врезалась в дверь и разбилась. Заира при этом громко кричала и, путая русские и итальянские слова, винила его в том, что он провел ночь с непотребными девками, и пыталась царапаться. Разозлившись, Казанова швырнул в огонь карты и в сердцах объявил, что, пока она живет у него, она должна вышвырнуть всяческое гадание из головы. Впрочем, добавил он, остывая, вряд ли она у него задержится: сегодня она чуть его не убила, а посему он завтра же отошлет ее домой. И, оставив Заиру растерянную и в слезах, отправился спать. После пирушки голова у него гудела, он мгновенно заснул, а когда проснулся, увидел, что рядом с ним на кровати свернулась клубочком Заира. Красавица напоминала побитую кошку. Едва заметив, что Любовник открыл глаза, она принялась ласкаться к нему и умолять простить ее. Любвеобильное сердце не выдержало, и хозяин нежно заключил покорную рабу свою в объятия.

В Москве Заира сопровождала Казанову повсюду, и никто не интересовался, кем она ему приходилась: дочерью, любовницей или служанкой, что чрезвычайно ему нравилось. Девушка была в восторге,

когда ее на равных сажали за стол с гостями. За время этого путешествия она очень привязалась к Любовнику, и он горестно думал, как тяжело будет ему расставаться с ней. Заира же об этом не думала и была весела и счастлива. Единственное, что омрачало ее настроение, — это его отлучки из дома. Иногда она даже пыталась ему препятствовать, вцепляясь в рукав или повиснув на шее. Тогда Казанова по русскому обычаю колотил ее, но она нисколько не обижалась. «Бьет, значит, любит», — смеясь, говорила она, переводя для Казановы эту русскую поговорку на итальянский. Полагаясь более на силу слова, Казанова считал обычай бить слуг «для вразумления» странным и старался не следовать ему. Однако вскоре он вынужден был согласиться, что, как говорили ему чужестранцы, долго прожившие в России, иного действенного способа вышколить слугу не существует, ибо, выпив водки, *мозик* (мужик) либо звереет, либо дуреет и лезет в драку. Крепкое сложение Казановы, его физическая выносливость и отличное владение дубинкой не раз выручали его на российских просторах.

В Петербурге Казанова продолжал наслаждаться счастьем, которое Заира, сущее дитя, искренняя и непосредственная, дарила ему. Он не только обучал ее итальянскому, но и прививал благородные манеры и с удовлетворением убеждался, что усердствует не зря. Он часто возил ее в Екатерингоф к родителям, и она была ему благодарна, получая удовольствие как от свидания с родными, так и от прогулки в карете со своим господином. Каждую такую поездку Казанова давал ее отцу рубль, за что тот осыпал его благословениями. Девушка полюбила выезжать вместе с Казановой и использовала любой предлог появиться с ним на людях. Желая доставить удовольствие Заире, Казанова принял приглашение на смотр инфантерии. Торжества должны были продлиться три дня, ожидалось фейерверк и разнообразные увеселения на воздухе: было время белых ночей и темноты не наступало вовсе. После путешествия в Москву Казанова стал искушенным российским путешественником и предусмотрительно отправился на смотр в огромном дормезе, спальней карете, ставшей ему с Заирой на три дня смотра настоящим домом. Они не только ночевали в нем, но при случае и обедали. Многие приглашенные завидовали ему, ибо отыскать место для ночлега было крайне трудно, а приличное место — практически невозможно.

Покидая Петербург, Соблазнитель расстался с искренней и безответной Заирой, готовой следовать за ним на край света. Сам он писал, что нашел себе попутчицу, в которую тотчас влюбился, а потому не смог взять с собой Заиру. Но даже если бы его не увлекла новая любовь, вряд ли он взял бы на себя ответственность за наивную и непосредственную

девочку, которую он рано или поздно все равно бы бросил. Желание взять ее с собой было сродни временами возникавшей у него фантазии жениться. Впрочем, с возрастом он вспоминал об этом все реже и реже. По-своему привязавшись к Заире, Казанова понимал, что вернуться домой в *хижину* ей будет нестерпимо трудно, поэтому он нашел ей покровителя в лице семидесятилетнего итальянского архитектора Ринальди, жившего в России уже сорок лет и прекрасно говорившего по-русски. Ринальди, давно просивший Казанову оставить ему красавицу, ежели, конечно, он не увезет ее с собой, заплатил Казанове, а затем родителям Заиры, чем несказанно их осчастливил, и забрал девушку к себе в дом, где она и прожила до самой его смерти. За все это время Ринальди ни разу не обидел ее.

В России Заира была для Казановы идеальной любовницей. Любя и почитая его, она никогда не отвлекала Соблазнителя от написания различных прожектов, которым он посвящал немалую часть своего времени. Записки свои он доводил до сведения как императрицы, так и приближенных к ней вельмож. С самой Екатериной Казанова имел возможность говорить четыре раза, хотя встречал ее чаще. Впервые он увидел ее в Риге, где она поразила его своим величием и спокойствием, хотя особой женской красоты он в ней не усмотрел. Второй раз он имел возможность наблюдать ее в Петербурге, в маскараде, устроенном в Зимнем дворце. Императрица была в маске, однако манеры ее, осанка и походка не оставляли сомнений в том, кто за этой маской скрывался. Видимо, надеясь отыскать тех, кто все же не распознал ее, государыня подсаживалась то к игрокам, то к утомившимся от танцев придворным и начинала вести задушевные беседы, желая выведать то, о чем обычно не рассказывают монархам.

Как и в Берлине, Казанова, несмотря на обширный круг знакомств, в том числе и среди русской знати, не мог найти того, кто отрекомендовал бы его императрице. И только когда он собрался уезжать и сообщил всем об этом своем намерении, граф Панин^[61] стал уговаривать его повременить, ибо не пристало соискателю государевой службы отчаиваться, не поговорив с государыней. И Панин назвал день, в который Казанова должен будет явиться в Летний сад, куда по утрам обычно приходила гулять Екатерина. Авантюрист попросил, чтобы во время этой встречи Панин был неподалеку.

В урочный день Казанова пришел. Государыня появилась в сопровождении графа Григория Орлова^[62] и двух придворных дам. Сзади, как хотел Казанова, вышагивал Панин. Заметив прижавшегося к живой

изгороди венецианца, Екатерина улыбнулась и, поманив его к себе, принялась расспрашивать об увиденном. Целый час венецианец расписывал достоинства, обнаруженные им в Петербурге, императрица же милостиво кивала, выслушивая похвалы своей столице. Когда же Казанова к слову упомянул короля прусского, она попросила его поподробнее рассказать о их беседе.

— Увы, ваше величество, король Фридрих ни разу не дослушивал до конца ответы на вопросы, которые сам же и задавал.

Екатерина снова улыбнулась. Она обладала чудесным даром возбуждать к себе любовь всех, кто искал знакомства с нею.

На этом разговор венецианца с российской императрицей завершился. Но через несколько дней Панин сообщил, что государыня о нем справлялась, и посоветовал вновь постараться ее увидеть, дабы она, коли он выскажет ей свое желание поступить на службу, в нужный момент вспомнила о нем. Не ведая, какую службу ему хотелось бы исполнять, Казанова тем не менее стал по утрам гулять в Летнем саду. Заметив его, императрица прислала к нему офицера с просьбою подойти. Едва венецианец приблизился, как она стала расспрашивать его о празднествах, устраиваемых у него на родине, и он обстоятельно рассказал обо всех, немало ее позабавив. «В Венеции климат более счастливый, нежели в России, ибо погожих дней нам отпущено больше, однако ваш год моложе нашего на одиннадцать дней», — заключил Казанова. И, пользуясь выпавшей ему удачей, стал излагать императрице свой проект реформы российского календаря и выгоды, с ним связанные. Екатерина внимательно слушала, но неожиданно, заметив кого-то, прервала венецианца и, пообещав вернуться к этому вопросу, любезно с ним распрощалась. Огорченный Авантюрист каждое утро направлялся в сад, одолеваемый дурными предчувствиями, что государыня сочла его предложение дерзким. Глядя издали, как Екатерина беседует с гуляющими, которых в саду было немало, и совершенно его не замечает, он с каждым днем мрачнел все больше. Однако, рассуждая о Екатерине, Казанова полагал, что гений ее выше и обширнее гения короля Пруссии. Ведь Фридриху помогала Фортуна, а российская самодержица сама обеспечивала себе успех.

Через неделю государыня вновь соизволила побеседовать со словоохотливым венецианцем. Прекрасно помня, чем завершилась их предыдущая беседа, она толково изложила ему, отчего России не надо отказываться от юлианского календаря и переходить на григорианский.

— А главная причина в том, что хотя в голос никто возражать не станет, зато все друг другу на ухо твердить будут, что я в Бога не верую.

Хула глупая, но приятного мало. Народ наш перемен не любит, — подвела итог разговору императрица.

Вскоре, узнав от Панина, что императрица отбыла в Красное Село, Казанова бросился следом, чувствуя, что если и в этот раз он ничего не добьется, то дальше и стараться не стоит. Предчувствие его оправдалось: ученая беседа завершилась ничем, кроме, конечно, удовольствия, которое получал каждый, кого Екатерина Великая удостаивала своим вниманием. Усилия Казановы поступить на службу в Российской империи оказались тщетными.

Расчет Авантюриста на свое обаяние, умение нравиться и приспосабливаться не оправдался. Не помогла и опустевшая к концу его пребывания в стране шкатулка, где он хранил солидный запас рекомендаций, полученный им и от вельмож, и от комедиантов. Казановист Александр Строев полагает, что Авантюрист, собираясь в Россию, надеялся на содействие российских масонов. Милорд-маршал Кейт мог рекомендовать Казанову петербургским братьям. Полковник, а потом артиллерийский генерал Петр Иванович Мелиссино, к которому в первую очередь отправился Казанова в российской столице с письмом от синьора Даль Ольо, был одним из руководителей российских масонов. Большинство из тех, с кем Авантюрист общался в России, также принадлежали к активным членам масонских лож, в том числе и Никита Иванович Панин. В обществе масонов Казанова скорее всего занимался алхимическими опытами и практиковал духовный мистицизм. Братья-масоны помогли венецианцу познакомиться с русскими аристократами и войти к ним в доверие. Но ни масоны, ни вельможи не смогли оказать (или не оказали) ему содействия в поступлении на службу и получении должности.

Венецианец делал попытки закрепиться в России не только посредством связей. Склонный по натуре к систематизации, обустройству и завершенности (железное соблюдение режима и диеты, устройство жизни и быта со всеми потребными мелочами на каждом новом месте, стремление пристроить каждую свою любовницу), он написал ряд трактатов и системных проектов по различным хозяйственным вопросам. Чешский историк Йозеф Полишенский приводит выдержку из одного из них, посвященного перспективам развития сельского хозяйства в России: «Погода не самая благоприятная, почва не самая плодородная. И пройдет время, пока Россия, как, впрочем, и Америка, станет великой державой. Из Америки Россия могла бы ввозить не только металлы, но и новые сельскохозяйственные продукты», видимо, имея в виду картошку и кукурузу. Историк считает, что Казанова хотел получить место советника

по экономическим вопросам, для чего составил рекомендации по импорту овец из Шотландии, а также план колонизации Поволжья и Сибири.

Казанова приехал в Россию в 1765 году. В этом же году в Россию переселялись крестьяне из Германии, которых селили на Волге в районе Саратова. Туда же приехало и некоторое количество французов. И президент Академии наук Григорий Николаевич Теплов, желая составить конкуренцию астраханским армянам-шелководам, собрался выписать с Юга Франции людей, которые смогли бы начать разводить под Саратовом шелковичных червей. Казанова, зная о поволжских поселениях иностранцев и о намерениях Теплова, составил скрупулезнейший проект разведения шелковичных червей. Проект состоял из двух частей. В первой венецианец давал общие советы по сельскому хозяйству и рекомендовал вовсе изменить его экономическую систему. Выступая против натурального хозяйства и общинного земледелия, он предлагал своего рода вариант фермерского хозяйства, когда крестьянин живет возле своего надела и покупает все, что ему нужно. Для проведения в жизнь этих идей он предлагал создать особый пост в департаменте по сельскому хозяйству, давая понять, что готов занять сей пост или в крайнем случае пост инспектора по сельскому хозяйству при департаменте экономики. Вторая часть проекта была целиком посвящена шелковичным червям. Казанова подробно описывал жизнь этих червей, все стадии их превращения, рассказывал, как их надо кормить, лечить, каким образом регламентировать их воспроизводство и сколько нужно бабочек-самок на каждую бабочку-самца. То есть постепенно объект повествования очеловечивается и превращается в некую искусственную утопию, модель мира, организованную извне высшей силой. Александр Строев полагает, что подобные описания явились результатом чтения Казановой накануне поездки утопических сочинений Бэкона^[63], Мора^[64] и Кампанеллы^[65], а также оккультных трактатов о мире подземных духов.

Но ни один из российских проектов Казановы не оказался востребованным. «Я писал о различных материях, дабы попытаться поступить на государственную службу, и представлял свои сочинения на суд императрицы, однако старания мои были напрасны. В России почитают только тех, кого сами пригласили. Тех же, что прибыли по своей воле, ни в грош не ставят. Может, они и правы», — мрачно заключил венецианец, покидая очередную страну, так и не ставшую для него землей обетованной. Перед отъездом он устроил в Екатерингофе праздник для друзей, с фейерверком и великолепным ужином, при этом содержимое его кошелька изрядно пострадало, зато приличия были соблюдены как должно, с русским

размахом.

ВАРШАВСКАЯ ДУЭЛЬ. БЕССЛАВНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ

Путь Казановы лежал в Польшу. Большую его часть он проделал в громоздком дормезе, положив в него огромную перину. В Кенигсберге Соблазнитель продал свою «кровать на колесах» и взял место в почтовой карете до Варшавы. Путешествие это, занявшее шесть дней, было прескверным. 10 октября 1765 года Казанова прибыл в Варшаву.

В польской столице он сразу отправился к своему приятелю Кампиони, державшему там школу танцев, дабы тот просветил его, что и где есть интересного в городе. Второй визит он нанес князю Адаму Чарторыскому^[66], к которому он имел рекомендацию от английского посла в Петербурге. В письме на четырех страницах посол превозносил таланты венецианца. Князь Адам представил Казанову королю Станиславу Понятовскому, принявшему при восшествии на престол имя Август, а Кампиони представил комедиантам и записным игрокам. С Авантюристом выразил желание познакомиться и славный воевода российский Август Чарторыский^[67], отец князя Адама. Узнав, что в России Казанова только и делал, что развлекался, воевода Чарторыский пообещал свести его со светскими людьми в Варшаве и обещание свое сдержал. Приемы и представления требовали быть одетыми по последней моде, держать слуг, ездить в карете и жить в приличном месте. Пятидесяти цехинов, получаемых Казановой ежемесячно из Венеции, не хватало, и он скоро залез в долги. В периоды безденежья, равно как и болезней, когда амуры и карты становились Казанове недоступны, у него, более всего на свете страшившегося скуки, резко обострялся интерес к штудиям. Во время варшавского оскудения он воспылал интересом к богатой библиотеке монсеньора Залусского, епископа Киевского, куда он хаживал каждый день.

Неожиданно эрудиция Казановы вкупе с его любимым поэтом Горацием, коего он знал наизусть, принесла ему доход в размере двухсот золотых дукатов. На ужине, где присутствовал король, зашел разговор о «приятной сатире», и король, обращаясь к Казанове, спросил, какую сатиру Горация он мог бы назвать приятной. Венецианец ответил: «Те, кто молчать перед царем о бедности могут, получают больше, чем тот, кто просил». На следующий день, выходя из церкви, Станислав Август, стесняясь, сунул в руку Казанове сверток с двумя сотнями дукатов, коими тот расплатился с

неотложными карточными долгами. С этого времени Авантюрист стал приходить по утрам к королю, и пока того причесывали, развлекал его всевозможными занимательными историями или же беседовал с ним о литературе. Все складывалось на редкость удачно, и попроси в эти утренние часы Казанова себе должности, он наверняка бы получил ее. Рассчитывая на место королевского секретаря, он, возможно, ждал, когда король сам предложит ему службу. Однако рок рассудил иначе.

В это время в главном городском театре владычицами сцены и сердец мужской части зрителей были две известные балерины: Анна Бинетти и Катерина Катай. Соперничество актрис породило соперничество среди поклонников; партию обожателей Катай возглавил Казанова, воздыхателей Бинетти — граф Браницкий^[68] (быстро ставший любовником балерины). Бинетти была старая знакомая Казановы, он знал ее еще в Венеции и был ей многим обязан. Поэтому, увидев его среди своих противников, она разобиделась на него и стала гнать его из театра. Соблазнительно сие было чрезвычайно неприятно, ибо выступал он на стороне Катай исключительно потому, что ее поддерживало покровительствовавшее ему семейство Чарторыских.

Бинетти попросила своего любовника отомстить Казанове за нанесенное, как она полагала, ей оскорбление. Браницкий выбрал время, и когда после спектакля венецианец зашел в уборную к балерине Терезе Казаччи, вошел следом и оскорбил Казанову. В словесном поединке победителей не было, однако поле боя осталось за Браницким. Выразительно посмотрев на эфес шпаги, Казанова покинул уборную актрисы: он не хотел ввязываться в скандал из-за актрисы, к которой еще не успел вспылать нежными чувствами. Но стоило ему сделать всего несколько шагов, как в спину полетели слова: «Трус венецианский!» — услышанные несколькими офицерами, ставшими свидетелями оскорбления. Обернувшись, «трусливый венецианец» пригрозил убить «польского храбреца» и покинул театр, решив дожидаться обидчика возле входа. Браницкий все не шел, Казанова продрог до костей и, не выдержав, отправился ужинать к Чарторыским. Так как среди гостей уже ходили слухи о столкновении Казановы и Браницкого, Авантюристу пришлось поведать обо всем воеводе российскому.

— И как вы советуете мне поступить? — завершив рассказ, спросил он.

— Тут я вам не советчик, — отвечал воевода. — Надобно делать либо все, либо ничего.

Вернувшись домой, Казанова лег спать, полагаясь на справедливость

изречения «Утро вечера мудренее». Физически крепкий Казанова обычно спал долго, давая организму своему хорошенько отдохнуть. Но проклятые слова Браницкого, а главное, сознание того, что им есть свидетели, которые уже разнесли весть об оскорблении по всей Варшаве, не давали ему покоя. Пробудившись задолго до рассвета, Казанова написал Браницкому вызов и, призвав лакея, приказал тому отвезти письмо графу, отдать в собственные руки и не возвращаться без ответа. В ожидании Казанова места себе не находил: ответ графа Браницкого означал для него не просто быть поединку или нет. Если граф примет его вызов, значит, он почитает его за равного и ему не важно, что за Авантюристом не тянется длинный шлейф сиятельных предков... Граф вызов принял. Казанова преисполнился счастья и восторга. Гражданин мира встал вровень с сильными мира сего. Своим умом, своими познаниями он давно уже обогнал многих из них, но признан был впервые.

Затем начались переговоры об оружии. Авантюрист хотел драться на шпагах, ибо фехтовальное искусство знал до тонкостей, Браницкий же предпочитал пистолеты и лично приехал уговаривать Казанову. Тот согласился. Дуэль решено было не откладывать, дабы слух о ней не дошел до короля. В тот же день, в условленный час, берлина, запряженная шестеркой рысаков, остановилась возле трактира, где проживал Казанова; в берлине сидел Браницкий с несколькими приятелями; забрав Казанову, они поехали за город, к месту, выбранному для дуэли. Прибыв туда, польский граф предложил венецианцу самому выбрать пистолет, и тот, взяв наугад, громогласно объявил, что будет стрелять в голову (так сказать, психологически надавил на противника). Браницкий побледнел и, отшвырнув шпагу, рванул на груди рубашку, обнажив грудь. Вынужденный последовать его примеру, Казанова с сожалением расстался со шпагой и расстегнул камзол. Быстро разойдясь, соперники встали в позицию; Авантюрист предложил Браницкому стрелять первым, тот занервничал, рука его задрожала и в результате оба выстрелили одновременно. Казанова был ранен в левую руку, Браницкий же упал, обливаясь кровью. Отбросив пистолет, Казанова устремился к поверженному противнику, но тут над головой его взметнулись сабли друзей графа...

— Канальи! Уважайте благородного человека! — раздался возглас поверженного поляка, и сабли убрались в ножны.

Браницкий был тяжело ранен в живот, и Казанова отвел его в трактир, где постарался разместить с наибольшими удобствами; все сопровождавшие знатного вельможу побежали: за лекарем, за хирургом, за священником, за родными и близкими...

— Бегите, — слабым голосом проговорил Браницкий, — иначе дойдет до государя, и не сносить вам головы. А ежели у вас нет денег, то вот, возьмите.

И он, собрав остатки сил, вытолкнул из кармана тяжелый кошелек, со звонким стуком упавший на пол. Венецианец поднял кошелек и бережно, стараясь не потревожить раненого, вложил его обратно к нему в карман:

— Благодарю вас, граф, однако ж кошелек мне ваш не надобен. Коли я окажусь повинным в вашей смерти, я сам явлюсь к королю. Но хочется надеяться мне, что рана ваша окажется несмертельной.

Поцеловав в лоб поверженного противника, Казанова вышел из трактира и, завидев вдали повозку, запряженную парой лошадей, попросил сидевшего за кучера крестьянина отвезти его в Варшаву. Не зная языка, он прекрасно договорился с помощью дуката и слова «Варшава». Забравшись в повозку, он прикрылся рогожкой, и крестьянин погнал коней во весь опор. Вскоре навстречу ему с саблей наголо промчался на взмыленном рысаке Бининский, закадычный друг Браницкого, и Казанова порадовался, что тот не заметил его под рогожкой. «Иначе непременно зарубил бы своей саблей», — с грустью подумал он.

Авантюрист намеревался просить убежища у князя Чарторыского, но того дома не случилось. Тогда он отправился в расположенный неподалеку от дома князя францисканский монастырь. Приняв Авантюриста за преступника, желающего скрыться от правосудия, монахи сначала не захотели его впустить, но когда он, рассвирепев, чуть не сломал дверь и отколошматил привратника, монахи взяли его под руки и отвели в тесную келью, более похожую на темницу. Уверенный, что подобное неудобство — ненадолго, Казанова послал за слугами и за врачом. Но всех опередили восторженные поклонники — князя и воеводы, недолюбливавшие Браницкого, они приехали выразить Казанове свою поддержку. Некоторых из них Авантюрист видел впервые.

Келья, куда поместили Казанову, не могла вместить всех желающих поглядеть на него, знатные визитеры стали возмущаться, и перепуганные монахи тотчас отвели пострадавшему две удобные и просторные комнаты. Многие предлагали Казанове свои кошельки, но он, упоенный неведомым ему прежде чувством публичного признания, от них отказался, о чем потом, как он сам признался, горько жалел. Принимал он единственно провизию, всякий день посылаемую князем Адамом Чарторыским. Сторонники же Браницкого, напротив, злились, а великий коронный маршал Белинский с драгунами даже собирался окружить монастырь и взять его штурмом, ежели венецианца не выдадут добровольно. Король,

однако, был к Казанове благосклонен, и в записке к воеводе российскому написал, что не станет дуэлянта наказывать, даже если Браницкий умрет. Враги тоже постепенно унялись.

Тем временем пясть левой руки Казановы, куда угодила пуля, нагноилась и распухла, и три хирурга, его пользовавшие, в один голос заявили, что сие есть гангрена и кисть надо ампутировать. В ответ пациент ответил, что он хозяин своей руке и не намерен расставаться с ней по чужой воле; сам же он гангрены не видит. Возмущенные лекари, почитавшиеся лучшими в Варшаве, ушли, на смену им явились доброжелатели, оскорбленные тем, что раненый отверг предложенную ему помощь. Казанова всех успокоил, всех поблагодарил, но позволить отрезать кисть отказался. Он был уверен, что заражения нет, а гной постепенно выйдет. Вечером к нему пришли уже четыре хирурга, сняли повязку, увидели, что рука вдвое толще обычного, и постановили отрезать ее до локтя. Уставший от споров раненый попросил их явиться завтра со всеми инструментами, необходимыми для ампутации. Хирурги тотчас разнесли новость сию по городу. А на следующий день Казанова велел слуге никого к нему не пускать. На том дело и кончилось. На Пасху, когда Казанова окончательно покинул монастырь и вернулся в свои комнаты в трактире, рука его висела на перевязи.

Король, увидев явившегося ко двору венецианца, протянул ему руку для поцелуя и осведомился, что у Казановы с рукой (хотя знал прекрасно всю историю лечения). Казанова сослался на ревматизм, и монарх посоветовал ему впредь беречься. Разговаривал он с Авантюристом дружелюбно, но холодно.

Второй после выздоровления визит Казанова нанес Браницкому. Он знал, что, несмотря на тяжелую рану, противник его пошел на поправку. Во время пребывания Авантюриста в монастыре к нему почти каждый день являлся лакей графа, чтобы справиться о его здоровье. Посему, покинув монастырь, Казанова почел своим долгом навестить бывшего врага. Знатный поляк принял его в постели (он еще не вставал), говорил с ним любезно и всячески показывал, что зла на него не держит. Он даже пошутил, что, к счастью для себя, решил не обедать перед дуэлью, поэтому пуля миновала его пустой желудок, ведь, будь он полон, она бы непременно пробила его.

— А я, ваше сиятельство, плотно пообедал, — признался Казанова, — из страха, что обед этот станет последним в моей жизни.

Еще Браницкий признался, что перед поединком сходил в костел исповедаться и причаститься. Слушая его, Казанова вспомнил те несколько

слов, с которыми он обратился к Господу, когда узнал, что дуэль состоится: «Господи, если противник меня убьет, я попаду в ад. Так не дай же ему убить меня».

Так незаметно пролетело несколько часов. Казанова еще раз попросил Браницкого простить его за нанесенную ему тяжкую рану, а также поблагодарил за честь, которую Браницкий оказал ему, приняв его вызов. Расстались они вполне в приятельских отношениях. Свой рассказ о дуэли, как и рассказ о побеге из Пьемби, Казанова опубликовал отдельной брошюрой, имевшей, по свидетельству современников, большой успех, не меньший, чем устный рассказ, исполнявшийся автором чрезвычайно охотно. Ведь для плебея Казановы дуэль с потомком старинного рыцарского рода была чем-то вроде пожалования дворянства. Две недели разъезжал он по званым обедам и ужинам, рассказывая всем любопытствующим о своей дуэли. Иногда на этих приемах бывал сам король, однако он делал вид, что не слушает Авантюриста. Но однажды, отозвав его в сторону, Станислав Август спросил:

— А ежели бы на родине вас обидел венецианский дворянин, вы вызвали бы его на поединок?

— Нет, ваше величество, он не стал бы со мной драться, — откровенно сказал Казанова.

— А что бы вы тогда сделали?

— Постарался бы обуздать себя. Но коли он обидел бы меня на чужбине, то непременно бы вызвал и заставил вызов принять, — убедительно произнес венецианец.

Король дуэли не любил и задир не жаловал, и хотя Казанове было даровано помилование, отношение к нему монарха теперь оставляло желать много лучшего. И Авантюрист решил на время покинуть Варшаву, дабы улеглись все слухи, споры и сплетни. Объехав большую часть земель тогдашнего царства Польского, он наконец вспомнил и об удовольствиях, о которых за время истории с дуэлью он как-то подзабыл. В замке на берегах Вислы ему приглянулась миловидная крестьяночка и он купил ее — так же, как в Екатерингофе Заиру, с той лишь разницей, что с полькой он провел всего неделю и обошлась она ему не в пример дешевле. Поняв, что гость готов платить за приглянувшихся ему девиц, управляющий замком стал предлагать ему их во множестве; только хорошеньких среди них было мало. Казанова сказал ему об этом.

— Так ведь не с лица воду пить, — ответил управляющий.

Вернувшись в Варшаву, Казанова обнаружил, что положение его несколько не улучшилось, а, можно сказать, вовсе стало невыносимым. Ко

двору его более не приглашали, знакомые отказывались здороваться, в домах, где прежде принимали, теперь на порог не пускали, а там, где привечали, впускали, но обходились скверно — не разговаривали и внимания почти не обращали. Наказание молчанием было для Авантюриста хуже смерти. Лишенный слова, он напоминал выброшенную из воды рыбу, что, тяжело дыша, отчаянно шлепает губами, глядя на мир обиженным стекленеющим взором. Окончательно удручило его анонимное письмо, извещавшее, что король более не желает видеть его, ибо до него дошли сведения о неблагоприятных поступках венецианца во Франции, где он прикарманил изрядную сумму из лотерейной казны, и Италии, где он зарабатывал на жизнь низким ремеслом бродячего комедианта. Понимая, что опровергнуть клевету ему не удастся, Казанова в сердцах повелел собирать чемодан, но вскоре отменил приказание. У него совершенно не было денег: ни на дорогу, ни для того, чтобы рассчитаться с долгами.

После получения подметного письма Казанова затворился у себя в комнатах, виделся только с Кампиони, выполнявшим время от времени кое-какие его поручения, и писал письма, пытаясь раздобыть хоть сколько-нибудь денег. Неожиданно к нему прибыл один из офицеров, который был свидетелем его дуэли с Браницким, и передал ему от имени короля приказание в неделю покинуть город и его пределы.

— Я не склонен подчиняться подобному приказу, — низко кланяясь, ответил Авантюрист. — Иначе я вынужден буду сообщить всем, что делаю это не по своей воле.

— Поступайте, как сочтете нужным, — отвечал ему офицер. — Я доложу государю, что исполнил поручение.

Казанова был в ярости. Он давно уже собирался покинуть Варшаву, но по доброй воле (а если бы нашел способ скрыться от кредиторов, то наверняка бы уже уехал). Теперь же, когда ему приказывали это сделать, его вольнолюбивая натура преисполнилась возмущения. Недолго думая, он сел и написал длинное гневное письмо королю, где многословно доказывал, что честь его не позволяет ему в одночасье сняться с места и отправиться на все четыре стороны. Подписавшись, Казанова задумался: с кем передать его величеству подобное послание? Его самого король более не принимает, он в опале, так кто же рискнет взять на себя сей труд?

Пока он размышлял, явился новый посетитель, граф Мошинский, приближенный ко двору. Так как целью его визита было единственно выражение сочувствия впавшему в немилость путешественнику, тот решил прочесть ему письмо и спросить совета, как доставить его королю. Выслушав дерзкое послание, Мошинский тяжело вздохнул и пообещал

лично вручить его Станиславу Августу. Однако есть основания полагать, что он не отдал послания, дабы еще более не настроить монарха против непокорного венецианца, а изложил суть дела на словах. Но как бы там ни было, утром Мошинский вновь явился к Казанове и передал ему от имени Его Величества тысячу дукатов.

— Королю, — сказал он, — было неведомо ваше стесненное положение. Отсылает же он вас только потому, что желает вам добра. Сейчас многие готовы вызвать вас на дуэль, но драться вам нельзя. А посему люди эти, когда вы не примете их вызов, попросту попытаются вас убить.

Обстоятельная речь графа Мошинского, равно как и привезенная им сумма улучшили настроение Авантюриста. Он попросил графа поблагодарить монарха от его лица за неустанные заботы и попечение, а граф в ответ попросил Казанову принять от него лично скромный подарок — карету, ибо ему было известно, что таковой у путешественника на тот день не было. На прощание Мошинский и Казанова обнялись словно давние друзья.

Через несколько дней Казанова отбыл в Дрезден, прихватив с собой очаровательную польку, прекрасно говорившую по-французски. Девушка собиралась наниматься в гувернантки к дочерям одной знатной особы. Соблазнитель же предложил ей стать его «гувернанткой», то есть отправиться вместе с ним и по дороге оказывать ему разные мелкие услуги. Жалованье, которое он обещал платить ей, было раз в десять больше того, что давали ей у знатной особы. На всякий случай Казанова сразу дал ей два дуката задатка. Утром, когда путешественник садился в карету, легкое и гибкое создание юркнуло в карету. Весь багаж новой «гувернантки» состоял из маленького узелка с парой рубашек и носовых платков.

До самого Дрездена Казанова приглядывался к новой спутнице, находя в ней все больше и больше достоинств и надеясь, что она сама проявит к нему вполне определенный интерес. Но красавица была скромна и послушна, не более. Казанова держался до самого Дрездена, но когда они прибыли в город и остановились в гостинице, он без обиняков предложил ей место в своей постели. Она быстро и с радостью согласилась, сказав, что давно об этом мечтала, только не знала, как ему сказать. Успешно приобщившись после долгого воздержания к радостям Венеры, Казанова, желая отблагодарить новую любовницу, одел ее с головы до ног. В Дрездене жили матушка Казановы и его брат Джованни, художник, ставший директором Дрезденской Академии художеств. Казанова хотел

повидаться со всеми родственниками, а также с многочисленными друзьями, которые у него имелись в этом городе, поэтому большую часть времени он проводил в разъездах. Матон (так звали его теперешнюю любовницу) оставалась в гостинице. Чтобы ей не было скучно, Казанова приставил к ней горничную, которая должна была помогать ей разбирать наряды и исполнять мелкую женскую работу. Когда же Соблазнитель брал Матон на прогулку, любопытных мужчин, провожавших счастливую парочку завистливыми взглядами, было не счесть. Увы, история завершилась плачевно. Красавица оказалась больной дурной болезнью и наградила ею Казанову. Сначала Любовник хотел поколотить обманщицу, но та плакала и уверяла, что обнаружила болезнь свою совершенно случайно и надеялась, что она сама пройдет. Слезы возымели свое действие, он переселил девицу в другую гостиницу, отдал ей все купленные им наряды и дал пятьдесят цехинов, предупредив, что более слышать о ней не желает. Сам же принялся составлять план лечения.

Услышать о легкомысленной полчке ему все же довелось. Стоило ей зажить отдельно от любовника, как к ней стали наведываться молодые люди. Она им не отказывала, и вскоре все ее посетители были заражены той же болезнью, что и Казанова. Разъяренные кавалеры обвинили во всем Соблазнителя. Они утверждали, что он привез к ним в город заведомо зараженную дамочку. На что тот резонно отвечал, что едва он прознал про болезнь своей возлюбленной, так тут же с ней расстался. В утешение легкомысленным он признался, что сам успел подхватить ту же болезнь. Но слухи распространялись быстро, обвинения сыпались градом, и Казанова решил покинуть город. Попрощавшись с родными, он отправился в Вену, по дороге он завернул в Лейпциг, на знаменитую осеннюю ярмарку поест знаменитых лейпцигских жаворонков, специально отлавливаемых в первые осенние дни, когда они особенно жирные. Тамошние трактиры славились своими блюдами из жаворонков, а так как мясо этой птицы почиталось особенно питательным, венецианец полагал, что оно благотворно скажется на его здоровье и он сумеет поправиться, ибо за время варшавских потрясений, а также после очередного лечения он основательно похудел. Благодаря *разумной экономии* он увозил из Дрездена около четырех сотен дукатов, выигранных им в карты, а также кредитное письмо к одному из лейпцигских банкиров, по которому он мог получить три тысячи экю. Комната в лучшей гостинице и диета из жаворонков были обеспечены.

В Вену Соблазнителя сопровождала очаровательная жена аптекаря из Монпелье. Впрочем, женщина эта, склонная к авантюрам не меньше, чем сам Казанова, давно забыла о своем законном супруге, путешествуя по

Европе с друзьями сердца, которые менялись постоянно. Казанова познакомился с ней в Лондоне, когда все мысли его были заняты зловредной Шарпийон, и он не оценил аптекаршу по достоинству. По дороге Авантюрист на три дня задержался в Праге, где встретился с певицей Калори, *alias* Терезу-Беллино.

В австрийской столице, куда Казанова прибыл в начале января 1767 года, неприятности Казановы умножились. О его пребывании прознал бывший его приятель Пассано, от которого в свое время венецианец с трудом откупился в Марселе, когда тот пытался препятствовать ему в деле с «перерождением» маркизы д'Юрфе. Пассано, проходимец мелкого пошиба, жил за счет темных делишек и карточной игры; он давно уже считал бывшего приятеля врагом. Заманив к себе Казанову, он вместе с парой сообщников мускулистого телосложения отобрал у него кошелек, наговорив при этом кучу мерзостей. Авантюрист готов был вспылить, но рассудок подсказал, что один против трех — не воин. Пришлось уйти без кошелька. Не вызывать же мерзавцев на дуэль?! Последствия встречи были плачевны. На следующий день его вызвали к штатгальтеру, графу Шраттенбаху, предъявили колоду карт (виденную им впервые), кошелек (его собственный, почти пустой), обвинили в пристрастии к азартным играм, запрещенным императрицей, и приказали в двадцать четыре часа покинуть город. Оправданий штатгальтер слушать не пожелал, кричал, припомнил его варшавские похождения, и только «малодушная любовь к жизни» помешала Казанове выхватить шпагу и проткнуть «толстую свинью Шраттенбаха», посмеявшегося повысить на него голос.

Во многих городах, где останавливался Авантюрист, он попадал в поле зрения полиции и даже имел с ней кое-какие неприятности, Впрочем, достаточно незначительные, так что он даже не всегда вспоминал о них в «Мемуарах». Американский казановист Ривз Чайлдз отмечает, что Казановой интересовалась полиция многих стран: римская — в 1745 году, парижская — в 1759-м и 1767-м, кёльнская — в 1760-м, флорентийская — в 1760-м и 1771-м, туринская — в 1762-м, варшавская — в 1766-м, венская — в 1767-м, барселонская — в 1768 году... Иначе и быть не могло, ведь Казанова усиленно посещал злачные места — бордели, игорные дома и притоны. Но пока у него имелось множество знатных друзей и покровителей, полиция к нему не слишком цеплялась: всегда находился кто-нибудь, готовый поручиться за него. Тем более что серьезных преступлений он не совершал, и к проступкам его более подходило название «недозволенные шалости». Когда же Фортуна повернулась к Казанове спиной, власти быстро припомнили ему грехи и старые, и

новые...

Казанова, по обыкновению не смирявшийся ни с какими приказами, помчался к канцлеру, князю Кауницу, слывшему меценатом и покровителем искусств. Венецианец с ним знаком не был, но полагал, что канцлер непременно о нем наслышан, а посему примет его. Надежды его оправдались наполовину: Кауниц принял его и, выслушав, посоветовал обратиться к императрице с просьбой отсрочить исполнение приказа. О неподчинении речи не было. Князь предупредил, что Мария Терезия не милует ослушников.

И Авантюрист написал прошение:

«Сударыня,

уверен, ежели Ваше Величество, шествуя по дорожке, услышали бы голос мелкой букашки, молившей не раздавить ее, вы бы непременно чуть-чуть подвинули ножку, дабы не лишать жизни сие несчастное существо.

Я и есть та букашка, сударыня, коя дерзает вас просить приказать господину штатгальтеру Шраттенбаху помедлить еще неделю, прежде чем он раздавит меня туфелькой Вашего Величества. Может статься, что после столь незначительного промедления он не станет меня давить, быть может, Ваше Величество изымет из рук его августейшую туфельку, врученную ему исключительно для подавления мошенников, а не заезжего венецианца, который, невзирая на совершенный им побег из Пьомби, всецело подчиняется законам Вашего Величества.

Писано 21 января 1767 года. Казанова».

Послание имело огромный успех. Князь Кауниц переписал его себе на память, венецианский посланник в Вене отослал копию в сенат развлечь сенаторов, а Казанова получил недельную отсрочку.

Из Вены путь Казановы лежал в Париж. Миновав Линц и Мюнхен, он остановился в Аугсбурге, решив прожить там несколько месяцев, дабы отдохнуть от выпавших на его долю за последнее время передряг. Денег, по его собственному признанию, у него было мало, однако и потребностей тоже. Он играл «по маленькой» и пытался подыскать недорогую любовницу. Но как часто бывало с ним в последнее время, он, собираясь в путь, испытывал сильнейшую нужду в деньгах, ибо, даже играя *по маленькой*, нередко проигрывал. Он решил попросить денег у князя Карла Курляндского^[69], который в то время находился в Венеции, куда Казанова

дал ему несколько рекомендательных писем. Желая придать просьбе о деньгах более политесный вид, Казанова решил поведать князю секрет изготовления философского камня, проще говоря — изготовления золота. Так как князь не был посвящен в тайну магического шифра, Авантюрист не стал шифровать рецепт, о чем и уведомил адресата, попросив его сжечь письмо после прочтения. Первую просьбу — о деньгах — князь исполнил, вторую — нет, и послание Авантюриста вместе с адресатом попало в Бастилию, а после разрушения крепости — в архив, с прочими бастильскими документами. Досужие охотники за сокровищами перевели рецепт на разные языки, о чем в свое время стало известно Казанове, однако сведений о том, что кто-то сумел на его основании получить золото, к нему не поступило. Вероятно, никто не сумел сконструировать нужной плавильни, а также проделать весь процесс с необходимым тщанием, на чем особенно настаивал Казанова.

Вот этот рецепт: «Возьмите четыре унции серебра и опустите их в крепкую водку, то есть в азотную кислоту, получив надлежащий раствор, произведите осаждение серебра при помощи медной пластины. Вновь получив металлическое серебро, промойте его теплой водой, дабы отделить от него всевозможные окисленные вещества; потом серебряный порошок хорошенько высушите, добавьте к нему пол-унции аммиаковой соли, достаточно все смешайте и засыпьте в реторту (сосуд этот Казанова буквально называет „черепахой“), коя становится приемником. Осуществив указанные приготовления, возьмите фунт жженных квасцов, фунт сурьмы, четыре унции меди, четыре унции самородной киновари и две унции серы. Сотрите все в порошок и, перемешав, как подобает, засыпьте в колбу таковой величины, чтобы порошок занимал не более половины колбы. Колбу сию поместите на плавильную печь с четырьмя поддувалами, ибо огонь потребно будет раздуть до четвертой степени. Начинать же нагревать следует на слабом огне, дабы изгнать „субстанции флегмические“ или же „гидропические“. Когда станут появляться спирты, взять реторту с серебром и аммиаковой солью. Затем оба сосуда соединить „замазкой премудрости“. Спирты будут перегоняться, а вь смело доводите огонь до третьей степени горения. Когда же начнется возгонка, без колебаний откройте четвертое поддувало, однако с опаской, как бы возгон не проник в сосуд с серебром. После все охладить,

разъединив сосуды. Когда оба сосуда остынут, возьмите сосуд с серебром, заткните его пузырем, свернутым „в три двойных“, и поставьте его в печь с воздушным круговращением; пузырь же должен смотреть вверх. Потом двадцать четыре часа держите на слабом огне, обдувая со всех сторон воздухом; затем уберите пузырь, поверните реторту к центру, чтобы могла начаться перегонка. Увеличивайте огонь для выпаривания спиртов, дабы в массе не оказалось влажных субстанций; так до полного высушивания. После достаньте реторту и процедуру повторите трижды. Получится золото. Если к нему добавить еще две унции золота, получится целых четыре унции драгоценного металла. Золото сие устойчиво ко всем испытаниям, совершенно по весу, ковкое, однако бледного цвета».

НЕГОСТЕПРИИМНАЯ ИСПАНИЯ И РОКОВЫЕ ИСПАНКИ

По прибытии в Париж Казанову постигло еще одно ужасное горе: в Венеции скончался старый сенатор Брагадин. Уже много лет Казанова не виделся со своим приемным отцом, однако продолжал питать к нему теплые чувства. Брагадин никогда не забывал о своем приемном сыне, всегда помогал ему, отчего в конце концов влез в долги, и оставшееся после него имущество было пущено с молотка для удовлетворения кредиторов. Последнее, что он сумел сделать для Джакомо, — за сутки до смерти завещать ему вексель на тысячу экю; вексель этот был приложен к письму сенатора Дандоло, извещавшего Казанову о кончине его покровителя. Получив горькое известие, Казанова разрыдался, и на него с новой силой нахлынула тоска по родине; больше всего на свете ему сейчас хотелось вернуться в Венецию, проплыть в гондоле по ее каналам, постоять на шатких мостиках, повидаться с немногими оставшимися там друзьями... Три дня безвыходно провел он в доме своего брата Франческо, куда пришло страшное для него письмо. Пожалуй, впервые в жизни Казанова чувствовал себя потерянным. Гражданин мира тосковал по единственному городу, клочку земли и кусочку моря, где он мог сказать себе: «Я — дома» и наконец остановить калейдоскоп стран, городов и лиц, беспрерывно проплывавших у него перед глазами. Но путь в этот город был ему заказан.

Париж также перестал быть для Казановы другом, всегда готовым раскрыть объятия ему навстречу. Старых знакомых в нем почти не осталось: одни покинули город, другие — этот свет, третьи разорились, четвертые разбогатели. Повсюду выросли новые дома, появились новые улицы, исчезли старые дворцы. Куда бы он ни шел, везде приходилось заново отыскивать дорогу. В театрах ввели новые порядки, на сцене играли другие актеры и актрисы, все подорожало... «Ни один другой город не смог бы столь разительно измениться всего за пять-шесть лет», — с тоской подвел итог Казанова. Он не знал, сколько времени намеревается пробыть в Париже. За него это решил король. Однажды утром королевский офицер доставил ему приговор, известный под названием *lettre de cachet* и выносимый без суда и следствия на основании одной лишь воли короля. А король предписывал Казанове в двадцать четыре часа покинуть Париж и в двадцать один день — пределы Франции. Если же указанный Казанова откажется исполнить предписание, король оставляет за собой право

действовать по отношению к нему по своему усмотрению. Потребовав расписаться в получении, офицер, глядя на изменившееся лицо венецианца, успокаивающе произнес:

— Не волнуйтесь, это простая формальность. Собирайтесь спокойно, только дайте мне честное слово, что, пока не уехали, не будете ходить пешком ни в театры, ни на балы.

— Даю вам слово, сударь, и благодарю вас. Можете на меня положиться.

И Казанова стал писать письма и собирать рекомендации для поездки в Испанию. Узнать причину своей высылки ему не удалось — как, впрочем, и многим французам, заточенным на основании *lettre de cachet* в Бастилию или иную, не менее мрачную тюрьму. Впоследствии появились основания полагать, что причиной были родственники маркизы д'Юрфе, добившиеся высылки Казановы из страха, что тот возобновит свои отношения с их «полоумной» теткой и та отдаст ему свое состояние. Формальным поводом могла послужить угроза Авантюриста дать пинка под зад двадцатилетнему юнцу, маркизу де Лилю, племяннику мадам д'Юрфе, который публично обвинял венецианца в том, что тот ограбил его тетку и порывался затеять с ним ссору.

Приказ был получен шестого ноября, а уехал Казанова двадцатого. Уезжал он нерадостный, однако без тревожений, ибо в кошельке у него лежало сто луидоров, а в кармане — вексель на восемь тысяч франков, получить которые ему причиталось в городе Бордо. Он был совершенно здоров, ехал в страну, где еще не бывал и куда въезд ему не был заказан. Последнего ему признавать не хотелось, ибо после кончины Брагадина его стало посещать чувство одиночества, которое для себя он определил как «наступление возраста». А, как известно, возраст не в почете ни у женщин, ни у Фортуны.

В Испании Казанова провел почти год и оставил об этой стране поистине незабываемые воспоминания. Ни в одной другой стране не сталкивался он с таким множеством предрассудков и с насквозь пропитанной ханжеством моралью, вызывавшей у него яростное чувство протеста. Суеверные испанцы, лицемерно разыгрывающие святош перед чужестранцами и собственными инквизиторами, не понравились ему сразу. Верхом лицемерия он полагал обычай, согласно которому воздающие дань утехам Венеры прикрывали платками распятия и поворачивали лицом к стене картины с изображениями святых и сцен из Писания. К счастью, правила это соблюдали не все, иначе, по мысли Казановы, население Испании, не имея прироста, значительно сократилось бы. Сам Казанова в

свои сорок два года стал утрачивать былой пыл на полях любовных сражений, хотя желание вступить в бой присутствовало в нем постоянно. На страже нравственности испанцев, а еще более путешествующих стояла инквизиция. В первую же ночь, которую Авантюрист провел на испанской земле, он столкнулся с пристальным вниманием инквизиции к своей персоне. В гостинице, где он остановился, задвижка на двери была не со стороны комнаты, а снаружи. Потерпев раз-другой подобные неудобства, возмущенный венецианец решил устроить скандал, но возница погасил его в самом зародыше, объяснив, что здесь так принято: святая инквизиция должна знать, чем по ночам занимаются чужестранцы в своих комнатах.

— А до чего особенно любопытна ваша святая инквизиция? — поинтересовался Казанова.

— А до всего. Не едите ли вы скромное в постный день. Один вы спите, с женщиной или с мужчиной, а коли с женщиной, есть ли у вас брачное свидетельство. Святая инквизиция, дон Хайме, заботится о нашем спасении.

Видимо, возница также вменил себе в обязанность заботиться о спасении Казановы, и когда им встречался священник со Святыми Дарами, он вынуждал его выходить из кареты и, невзирая на состояние дороги, преклонять колени. Поэтому в Мадриде венецианец решительно с ним распрощался.

Воздух Мадрида, легкий и прозрачный, был, по словам Казановы, исключительно вреден для иностранцев и подходил только для самих испанцев, худых и тщедушных, которые при малейшем ветерке начинали замерзать и кутаться в длинные плотные плащи. Мужчины, на его взгляд, были ограничены до крайности по причине изобилия предрассудков, женщины, напротив, отличались в основном свободными манерами, но и те и другие были подвержены пылким страстям, воспламенению которых весьма способствовала легкость воздуха. Мужчины не любили иноземцев, но какой-либо вразумительной причины тому не находили; нелюбовь эта была у них в крови, вкупе с презрением, с коим они взирали на каждого, кому не повезло родиться в Испании. Женщины сознавали несправедливость подобного отношения к путешественникам и охотно дарили им свою любовь украдкой; испанские мужчины были чрезвычайно ревнивы, однако нередко сами изменяли. Возможно, причина была в том, что в Испании среди мужчин безобразных было гораздо больше, чем красавцев. Женщины почти все были красавицы, пылкие, страстные, обожающие дерзких и решительных кавалеров гораздо больше, нежели робких воздыхателей. Они в совершенстве владели языком взглядов, и тот,

кто его понимал, мог быть уверен в успехе; но тот, кто не понимал обращенного к нему взора, на успех мог не рассчитывать. Желая пообедать вдвоем с возлюбленной, следовало смириться с тем, что слуга, прислуживающий за столом, не выйдет из комнаты ни на секунду, так как хозяин хотел быть уверен, что гости его только едят и пьют, и ничего более. Тем не менее все ухитрялись обходить запреты. Жриц продажной любви в Мадриде было хоть отбавляй и разврат процветал.

Сняв комнату в гостинице, Казанова прежде всего сел писать письма. Одно из них было адресовано другу покойного Брагадина, почтенному патрицию Дандоло, которого Авантюрист просил собрать для него нужные рекомендации и отослать их венецианскому посланнику, дабы тот в случае надобности отрекомендовал его при дворе. Было известно, что испанский король, прежде чем принять чужестранца, справлялся о нем у посланника. Понимая, что без письма посланник вряд ли его примет, Казанова тем не менее отправился в венецианское посольство, представился секретарю, синьору Гаспару Содерини, и изложил ему свое дело. Секретарь был с ним любезен, попросил изложить все то же самое на бумаге и пообещал лично доглядеть, чтобы записка его попала в руки к посланнику. Казанова цветистым стилем составил прошение и отдал его Содерини.

Через день к нему явился красивый молодой человек, представившийся венецианским графом Мануцци. Слушая его, Казанова сообразил, что перед ним сын того самого Мануцци, который, будучи осведомителем инквизиции, некогда выманил у него колдовские книги, ставшие главным орудием в руках обвинения. Нынешний юный Мануцци был *сердечным другом* посланника Мочениго, известного своими противоестественными наклонностями. Видимо, за *близость* к Мочениго юный Мануцци и был удостоен графского титула; отец его был простым огранщиком. Однако зла на него Авантюрист не держал, поэтому они дружески обнялись, и посланец сообщил, что Мочениго настроен к Казанове весьма благосклонно, но до получения рекомендательного письма может встретиться с ним исключительно как частное лицо. Мануцци пригласил Казанову прибыть после обеда в указанную кофейню выпить чашечку кофе, намекнув, что попозже к ним присоединится посланник. В Мадриде Мочениго часто появлялся в обществе своего возлюбленного, но несмотря на это пользовался любовью и уважением испанцев. Хотя, как замечает Казанова, наверняка уважение бы несколько поубавилось, ежели бы стало известно, что в этой парочке роль мужа чаще всего исполнял Мануцци. Осведомленность в подробностях скрытой от посторонних глаз жизни юного графа впоследствии сыграла роковую роль в судьбе Казановы.

В ожидании рекомендаций Соблазнитель принялся приобщаться к увеселениям испанской столицы. Он побывал в театре, на корриде, у жриц продажной любви. Но более всего ему понравились публичные балы и танец фанданго, исполняемый несколькими парами под звуки гитары и ритмический перестук кастаньет. На каждом балу непременно наступало время для фанданго, и он с завистью смотрел на выстраивавшихся друг напротив друга танцоров и танцовщиц. Движения были чувственными и возбуждающими, и он был уверен, что после танца ни одна из танцовщиц не смогла бы отказать своему партнеру в любви, ежели бы он захотел от нее таковой. Несмотря на свои сорок два года он решил непременно научиться танцевать фанданго и преуспел в сем искусстве как благодаря умелому учителю, так и собственному старанию.

На мадридских балах Казанову познакомили с довольно необычной местной традицией: кавалер, желавший танцевать, должен был приходить со своей дамой, так как найти свободную было невозможно: женщины без сопровождения мужчин на бал не допускались. Казанова обратился за помощью к Мануцци. Молодой венецианец сказал, что тот, кто, подобно Казанове, не имеет в городе знакомых красавиц, может постучаться в любой дом, где есть девушка, и попросить дозволения у родных пригласить ее потанцевать. А так как все девушки бредят танцами, то родные, желая избежать девичьих слез и криков, следующих за отказом, обычно давали согласие, особенно когда кавалер был вовсе не знакомым, а значит, бал не станет предлогом для свидания с тайным любовником. После бала кавалер был обязан доставить девушку домой. Вместе с девицей обычно отправляли слугу проследить, чтобы кавалер, сговорившись с красавицей, не умыкнул ее на время для более пикантных удовольствий.

Казанова последовал совету Мануцци. Так, он познакомился с доньей Игнацией, дочерью испанского сапожника, занимавшегося исключительно починкой обуви и почитавшего за унижение снимать мерку с ноги клиента и производить примерку. Набожная донья Игнация долго сопротивлялась ухаживаниям Соблазнителя, боясь адского пламени и прочих мук, уготованных грешникам. Но опытному искусителю удалось сломить сопротивление красавицы, и не только ее. Отец доньи Игнации, очарованный манерами и обхождением Казановы, согласился на их любовь, полагая, что иностранец, сознавая, какую честь ему оказывают, женится на его дочери. Он дал понять, что решение сие далось ему с большим трудом, ибо ни один чужеземец по благородству и родовитости не может сравниться с испанцем. Соблазнитель всегда с легкостью давал любые обещания, а когда наступало время, с еще большей легкостью не исполнял

их: не судьба... Так же поступил он и с доньей Игнацией, которая в конце концов вышла замуж за настоящего сапожника, самолично снимавшего мерку с ног клиентов. Отец ее скрепя сердце вынужден был согласиться с ремеслом зятя.

Донья Игнация утешала Соблазнителя все время его пребывания в Мадриде. Однако молва, точнее, одно из изданий «Мемуаров», приписывает Казанове еще одно мадридское приключение, совершеннейше в духе мадридских тайн и сочинения господина Потоцкого^[70].

Напротив гостиницы, где остановился Казанова, стоял дом. Улочка, разделявшая два здания, была столь узка, что из окон одного дома было прекрасно видно, что делается у соседей. Через несколько дней, после того как Казанова поселился у себя в номере, он заметил, что каждое утро в окне напротив появлялась очаровательнейшая девушка, черноволосая, с алыми губками и огромными влажными глазами. Некоторое время она смотрела на улицу, а потом исчезала. Весь день в доме не было заметно никаких признаков жизни. Казанова махал красавице рукой, улыбался, закатывал глаза, но она делала вид, что не замечает его призывов (он был уверен, что она именно «делает вид»). Однажды вечером, размышляя о загадочной красавице, Соблазнитель вышел на улицу и принялся расхаживать напротив дома, где жила возбуждавшая его чувства девица. Неожиданно ставень на окне красавицы приотворился, показалась изящная белая рука и к ногам венецианца упали ключ и записка. Ключ был от узкой потайной двери загадочного дома, а в записке говорилось, как этим ключом воспользоваться.

Ровно в полночь, как и было указано, Казанова проник в темный дом. Женщина, плотно закутанная в плащ, взяла его за руку и осторожно повела по лестнице. Войдя в комнату, Долорес (так звали красавицу) сбросила плащ и приказала упавшему к ее ногам Казанове дать клятву, что он действительно ее любит. Целуя подол ее платья, пытаясь дотянуться до тонкой прелестной ручки, венецианец поклялся. Сейчас он вообще был готов пообещать все, что угодно, лишь бы Долорес согласилась подарить ему свою любовь. Глаза Соблазнителя постепенно привыкали к густому полумраку, и когда девушка приподняла полог кровати, он отчетливо различил на смятых простынях полуобнаженный труп молодого человека. Любовный фарс начинал оборачиваться драмой.

— Этот юноша был моим возлюбленным, — глухим голосом произнесла Долорес. — Но он обманул меня, и я его убила.

Выдержав паузу, она продолжила:

— Вы поклялись, что любите меня. Теперь поклянитесь, что избавите

меня от этого трупа. Его надо вынести отсюда и бросить в реку.

Казанова поклялся еще раз. Он полагал себя истинно галантным кавалером, к тому же в нем проснулся азарт игрока: неожиданная развязка приключения будоражила его воображение. Такого с ним еще не случалось.

Через несколько минут он уже был на темной мадридской улице, удерживая на плече тяжелый сверток, где лежал труп убитого неизвестно кем человека, и, повинувшись женщине, не подарившей ему даже поцелуя, тащил труп к берегу. Вернувшись к себе, он хорошенько запер дверь и всю ночь промаялся без сна, пытаясь отогнать от себя навязчивые кровавые видения. Красавица в окне напротив больше не появлялась.

А через несколько дней у Казановы начались неприятности. Местным властям стало известно, что он хранит у себя под матрасом пистолеты. Обвинив его в тайном ввозе оружия в столицу, что по закону строжайше запрещено, его арестовали и посадили в тюрьму. А может, причиной были вовсе не припрятанные пистолеты, а выброшенный им в реку загадочный труп? Есть и такое предположение, хотя при аресте о ночной истории не было сказано ни слова. Впрочем, рассматривать ночные похождения при ярком свете дня бывает опасно...

Казанова оправдывался: путешественнику никак нельзя без оружия, эти пистолеты сопровождали его уже одиннадцать лет, без них он не раз стал бы добычей лихих людей. Оправдания не помогли, и Казанову отвели в многолюдную темную камеру, где ему с трудом удалось отыскать себе место на скамье. Поначалу венецианец хотел потребовать, чтобы ему принесли чистый соломенный тюфяк, но, убедившись, что пол обильно залит мочой, решил, что даром потратит силы и деньги, ибо через несколько часов тюфяк станет мокр и гадок. И он потребовал бумагу, чернила и перья. Не без труда (и не бесплатно) получив просимое, он тут же написал несколько писем и отдал их тюремщику, приказав непременно их отправить. Сиятельные имена адресатов (посланник Венецианской республики синьор Мочениго, всесильный министр, глава правительства граф Аранда^[71], придворный художник Антон Рафаэль Менгс и прочие вельможи) произвели впечатление, и послания честь по чести были опущены в общественный почтовый ящик (в те времена почтовые услуги оплачивал получатель).

В камере, где царила невыносимая грязь и правили бал вши (Казанова с ужасом отмечал, что эти мелкие насекомые, тотчас на него набросившиеся, видимо, смущали его одного; остальные их просто не замечали), вместе с воришками и мошенниками сидели бедолаги, ставшие жертвами испанских предрассудков и пустого кармана. Некий бродяга-

итальянец привлек внимание полиции тем, что, живя в Мадриде, не имел видимого источника дохода. Другой, кажется француз, завел себе умывальник с фигуркой голенького ангелочка, а краном для подачи воды служило крохотное мужское достоинство младенца. К несчастью для владельца умывальника, ваятель изобразил над головой младенца нечто, напоминавшее нимб, отчего кто-то из набожных соседей решил, что фигурка изображает Христа, и донес на владельца, обвинив его в том, что тот каждое утро умывается священной Христовой мочой.

Но каковы бы ни были истинные и мнимые проступки сокамерников, Казанова не нашел никого, кто смог бы душевно побеседовать с ним. Поэтому всю свою злость на местные порядки, весь свой яд он излил в письмах, прямо обвинив власти в желании погубить его. Ведь он предъявлял свои пистолеты на таможне, но почему-то там никто не посчитал нужным обратить на них внимание. Результат вовремя произнесенного (пусть письменно) слова не замедлил сказаться. Слуга, присланный Менгсом, принес хороший обед, что было отнюдь не лишним, ибо жидкий суп и грубый хлеб, коими кормили узников, не насыщали и были отвратительны на вкус. Ночь Казанова провел на лавке, лишь ненадолго забываясь сном: он боялся свалиться на покрытый нечистотами пол, а также что во сне у него вытащат кошелек или часы. Утром к нему прибыл посетитель: граф Мануцци. Казанову вывели из камеры и отвели в закуток, где можно было спокойно поговорить и приготовить шоколад, который Мануцци захватил с собой, дабы побаловать узника. Несмотря на усталость после дурно проведенной ночи, Казанова с жаром принялся обвинять мадридские власти, тюремные порядки, посланника, не считающего долгом своим защищать законопослушных соотечественников... С трудом уняв разбушевавшегося Авантюриста, Мануцци сообщил, что граф Аранда сам займется его делом и не позже следующего дня Казанова будет на свободе. Принес он и еще одну хорошую новость: Мочениго получил из Венеции рекомендации на Казанову и в ближайшее время он собирается представить венецианца королю.

Выйдя из тюрьмы, Казанова воспользовался гостеприимством Менгса, великого художника, учеником которого когда-то был его брат Джованни. Сам он с художником успел познакомиться в Риме. Сиятельные особы ласкали Казанову, советовали ему подать жалобу на начальника полиции, ибо, как утверждали они, в Испании чтят законы и каждый имеет право жаловаться и требовать возмещения ущерба как морального, так и материального, если, конечно, дело не было возбуждено инквизицией.

Посещая званые обеды и ужины, Казанова познакомился со многими вельможами, был представлен королю и несколько раз был приглашен на заседание комиссии по заселению пустынных, но плодородных земель в Сьерра-Морене, где, как известно, совершал подвиги Дон Кихот Ламанчский. Испанское правительство решило пригласить на эти земли известных своим трудолюбием швейцарцев, разумеется, католического вероисповедания; посему обустроить тамошнюю жизнь предполагалось на испанский католический манер. Получив позволение высказать свои соображения, Казанова произнес целую речь, содержащую критику существующего проекта и предложения по его улучшению. Справедливо полагая, что ежели колония будет управляться испанцами и действовать там будут испанские законы, то швейцарцы скоро почувствуют *Heimveh*, ностальгию по родным местам, и, несмотря на получаемый ими прибыток, уедут обратно. Венецианец предлагал вместе с крестьянами пригласить из Швейцарии священников и судей, а также поселить рядом со швейцарцами некоторое количество испанцев, и оба народа должны будут соединиться посредством брачных уз и таким образом укорениться в этих местах. Речь произвела впечатление, Казанове было поручено составить письменный проект о колонизации земель в Сьерра-Морене. Уверенный в успехе, Казанова с усердием принялся за составление проекта. Расписывая устройство будущей колонии, он, в частности, предложил к трудолюбивым швейцарцам присоединить прилежных баварцев.

Приблизившись ко двору, он почувствовал себя защищенным от всяческих нападков и клеветы; прежние неприятности постепенно стали забываться. Он познакомился с великим инквизитором, оказавшимся милейшим человеком, и Авантюрист даже поведал ему одну пикантную историю, изрядно позабавившую их обоих. В одной из мадридских церквей Казанова увидел великолепное изображение Мадонны, кормящей грудью младенца. Мадонна была хороша собой, а грудь ее была выписана столь великолепно, что возбуждала отнюдь не благочестивые мысли. В церкви сей всегда толпился народ, пожертвования текли рекой. Насладившись созерцанием картины, Соблазнитель тоже внес лепту в церковную копилку. Через некоторое время он решил вновь полюбоваться соблазнительной Мадонной, но его ожидало беспрецедентное разочарование: на ослепительную грудь и очаровательный ротик младенца Христа, пухленькими губками впившегося в жизнедающий сосок, был рукой неумелого рисовальщика наброшен платок. Обычной толкотни в храме не было. Возмущенный порчей произведения искусства, Казанова отправился к священнику, выяснить, кто сотворил сие кощунство. Оказалось, повинен в

этом был сам служитель Господа: стоило ему во время проповеди бросить взор на изображение, как в голову ему лезли суетные мысли, а язык начинал заплетаться. Когда же Казанова предложил святому отцу заказать другую картину с Мадонной, дабы вновь привлечь публику в церковь, тот наотрез отказался.

Однако злой гений уже распростер над Авантюристом свои крылья. На Пасху Казанова вместе с художником Менгсом отправился в Аранхуэс, где в то время находился двор. Казанова с удобствами разместился в доме посланника; неожиданно с ним сделалась горячка, следом обострился геморрой, а возле заднего прохода начался абсцесс. Перепуганный Мануцци, проживавший в то время в доме посланника, вызвал лекаря и хирурга. Пока врачи совещались, абсцесс стремительно развивался. Было решено вскрыть его; оттуда вышел гной. Так Казанова промучился всю Пасху. Художник давно уехал в Мадрид; неожиданно от него пришло письмо. В нем он сообщал, что священник прихода вывесил на дверях церкви список тех, кто не исповедался и не причастился на святую Пасху. В этом списке было и имя Казановы, проживавшего тогда в доме Менгса. Сам Менгс, недавно перешедший в католичество, скрупулезно соблюдал все обряды и более всего на свете боялся быть обвиненным в религиозном нерадении. Поэтому он написал Казанове не слишком любезное письмо, в котором предлагал ему по возвращении в Мадрид более к нему в дом не приезжать, а прислать новый адрес, куда он отправит его вещи: навлекать на себя подозрения инквизиции из-за венецианца он не собирается. Казанова несказанно возмутился такому письму, разорвал его и ответа ожидавшему посланцу не дал. На другой день Казанова вызвал носилки, отправился в местную церквушку и, переговорив с тамошним монахом-кордельером, исповедался и причастился, а затем монах составил ему бумагу, где свидетельствовал, что вышеозначенный Джакомо Джироламо Казанова исполнил все пасхальные обряды как подобает христианину, хотя и с небольшим опозданием по причине тяжелой болезни. Эту бумагу Казанова предъявил священнику, потребовав вычеркнуть его из списка «нарушителей», что и было сделано. С Менгсом Казанова более не разговаривал, но в отместку посвятил ему несколько ядовитых страниц в своих «Мемуарах», где выставил его ничтожным живописцем и дурным подражателем Рафаэлю, капризным и несносным человеком.

Пока Казанова боролся с одной неприятностью, следующая была уже не за горами. В испанскую столицу прибыл барон Фрайтур из Льежа, распутник, мошенник и игрок. Познакомившись с ним за игорным столом, Казанова поведал ему, что собирается посетить Испанию, и теперь, по

утверждению Авантюриста, Фрайтур специально отыскал его, дабы воспользоваться его связями и знакомствами.

Сам Казанова никогда не считал себя профессиональным игроком и всегда возмущался, когда его знакомцы по карточному столу почитали его таковым. Однако Соблазнитель лукавил, не желая разрушать созданный им образ вольного странника, философа и почитателя женских прелестей. В случае нужды он делал из игры источник существования, *подправлял Форту*ну, а также привлекал в игорные залы состоятельных знакомцев, неискушенных в тонкостях карточных игр. Барон, путешествовавший вместе с приятелем, необъятных размеров французом (что само по себе редкость), был с Казановой отменно любезен, венецианец отвечал ему тем же, и после пары обедов решил, что не будет ничего дурного в том, ежели он снабдит Фрайтура несколькими рекомендациями, а также познакомит его с некоторыми людьми.

Через какое-то время Фрайтур, явившись к Казанове, заявил, что у него вышли все деньги и он хочет занять у него пистолей тридцать-сорок.

— У меня есть кое-какие мысли, как повернуть хорошенькое дельце, после которого денег у нас будет в достатке, — завершил свою просьбу барон.

— Во-первых, я не знаю, что за дельце вы замыслили, а во-вторых, куда оно принесет доход, я, дав вам денег, принужден буду лишиться необходимого, ибо сам стану испытывать нужду в деньгах, — ответил Казанова.

— Тогда хотя бы поговорите с нашим трактирщиком, дабы он перестал грозить нам и требовать уплаты.

— И этого я сделать не могу, ибо он уверится, что я за вас поручился, и станет требовать денег с меня, а я сейчас сам в стесненных обстоятельствах.

Несмотря на отказ Казановы Фрайтур продолжал бывать у него. Однажды на прогулке они встретили Мануцци, и Казанова представил барону своего приятеля. Мануцци, также игрок, денег Фрайтуру не дал, однако познакомил с ростовщиком, который по знакомству дал ему беспроцентный заем. Молодой итальянец несколько раз встречался с новым знакомцем уже без Казановы, который, поглощенный романом с доньей Игнацией и проектом по обустройству колонии и разведению овец и прочей живности в Сьерра-Морене, с легкостью позабыл про Фрайтура. Тем временем в Мадрид на смену Мочениго прибыл новый посланник Кверини; Мочениго направился посланником в Версаль. Фрайтур, не добившись успеха в Испании, тоже решил отбыть во Францию, но ему

требовались деньги, чтобы заплатить трактирщику и на дорогу. Ни Мануцци, ни Казанова не были расположены давать их ему.

И вот как-то утром к Казанове пришел взволнованный Мануцци и сообщил, что на днях он отказал в деньгах барону Фрайтуру, тот поднял шум, и пришлось приказать более не впускать его. Однако сегодня ему принесли от него записку, где он грозился пустить себе пулю в лоб, коли Мануцци не даст ему взаймы сто пистолей.

— Три дня назад он говорил мне то же самое, а я ответил, что стреляться из-за ста пистолей глупо. Разобидевшись, он стал вызывать меня на дуэль, но я отказался. Советую и вам не давать ему денег.

— Не могу. Вот сто пистолей. Отнесите их ему от моего имени и попросите расписку, какую подобает, где он пообещает непременно вернуть долг.

Восхищенный подобным великодушием, Казанова отправился к Фрайтуру и нашел его в чрезвычайно возбужденном состоянии. Полагая, что волнение барона проистекает из-за безденежья, он вручил ему пистолы, получил в ответ требуемую расписку и, распрощавшись, пожелал ему доброго пути. Уходя, Казанова заметил, что Фрайтур по-прежнему был вроде как не в себе. Пообедав с новым посланником, обласкавшим Казанову еще более, чем предыдущий, он направился домой, три дня никуда не выходил, а затем, как было договорено, вновь отправился обедать к посланнику. Но в дом его не пустили, сообщив, что принимать не велено. Такой прием был подобен грому среди ясного неба. Казанова быстро написал записку Мануцци, прося его разъяснить причину столь резкой перемены отношения к нему, и отправил ее со слугой. Записку вернули нераспечатанной и сообщили, что отныне двери дома для него закрыты. Изумленный донельзя Казанова пообедал без всякого аппетита и, по испанскому обычаю, отправился на сиесту, дабы в это спокойное время все обдумать. Тут как раз принесли письмо от Мануцци, но дожидаться ответа посланец не стал.

В конверте оказалось два письма; автором одного из них был барон Фрайтур, и адресовано оно было Мануцци. Это послание Казанова прочел первым. Барон просил Мануцци дать ему сто пистолей безвозмездно, а взамен обещал вывести на чистую воду врага, который, по его словам, давно и успешно прикидывается лучшим другом молодого человека. Во втором письме, написанном самим Мануцци, Казанова обвинялся в предательстве и лицемерии. Молодой венецианец с гневом заявлял, что Казанова, обманом выведав все о его прошлом, о происхождении его титула, равно как и прочие подробности из его жизни, рассказал все

Фрайтуру (не исключено, что и еще кому-нибудь). Поэтому он советовал Казанове без промедления покинуть Мадрид, ибо вряд ли приличные люди станут водить компанию с наглецом и предателем. Мануцци подробно расписал, что поведал ему Фрайтур, и Казанова с ужасом осознал, что все это мог рассказать барону только он один. Сам того не желая, он действительно совершил предательство по отношению к Мануцци, разболтав (просто так, к слову пришлось) случайному знакомцу то, чего воистину рассказывать не принято, тем более про друзей. Да, но он считал Фрайтура порядочным человеком! Хотя тут он, конечно, лукавил: он прекрасно знал, с кем имеет дело, но стихия слова увлекла его... Однако совет Мануцци показался ему дерзким: как он смеет ему указывать, он сам знает, когда ему уезжать! Решив прибегнуть к поистине спасительному лекарству — сну, Казанова в смятении отправился спать; на душе у него было гадко, на совести — нечисто, в голове — ни единого решения.

Пробудившись, он написал соотечественнику длинейшее письмо; таких признаний он никогда не делал даже исповеднику в церкви. Он предложил Мануцци вызвать его на дуэль. И тем не менее в конце послания заявлял, что только он и Господь могут решать, когда ему покидать Мадрид. Соотечественник не ответил. Тогда Казанова отправился к одному из своих сиятельных друзей. Лакей в прихожей ответил, что пускать его не велено. Так было еще в трех домах. Разъяренный Казанова помчался к себе и написал еще одно письмо Мануцци, где, не помня себя от злобы, называл его трусливым мстителем. «Желая унижить меня в чужих глазах, — источая яд, писал Авантюрист, — вы разъезжаете по городу и, повествуя всем о своих неблагоприятных поступках как о вымысле, уговариваете не принимать меня. Что ж, тем самым вы подтверждаете, что все низости, кои вы пытаетесь опровергнуть, являются отнюдь не клеветой, но правдой». Письмо это он, не запечатывая, отправил в канцелярию посольства.

Ответа и на этот раз не было. Все двери, куда бы ни стучался Казанова, были для него закрыты. Тогда он отправился к всесильному министру, графу Аранде, полагая, что его приемная открыта для всех. Он не ошибся: граф его принял и тут же спросил, что ему надобно. Авантюрист попросил дозволения рассказать, что случилось. Молча выслушав его, министр промолвил:

— Вы дурно поступили. Но что сделано, то сделано.

Ваш посланник, разумеется, не станет рекомендовать вас королю, так что на придворные должности не рассчитывайте. В городе же можете жить столько, сколько вам угодно, ибо пока вы не нарушаете наших законов, мы к вам претензий не имеем.

Засим аудиенция закончилась. Казанова пробыл в городе еще несколько недель не столько для того, чтобы до последней капли насладиться любовью доньи Игнации, сколько чтобы доказать всем своим бывшим друзьям, что никто не волен им распоряжаться. Вельможи перестали его замечать. Проект о Сьерра-Морене остался невостребованным.

Наконец Казанова, не выдержав бездействия и сложившегося вокруг него заговора молчания, отправился в путешествие по Испании. Перед отъездом он ухитрился, как уже бывало, сделать небольшой заем, который, по его собственным словам, так и не сумел отдать. Авантюрист побывал в Сарагосе, Валенсии, Малаге, Аликанте, Картахене. Возможно, ему удалось бы осмотреть и больше, ибо кое-где он сумел завести удачные знакомства, благодаря которым он имел и отличный обед, и кров. Гостиницы же испанские путешественник находил чрезвычайно неудобными, еду — невкусной, а достойных собеседников чаще всего не было вовсе. Испанцы поражали Казанову своей леностью, ее причиной он считал плодородные земли и богатства недр, которые были столь щедры, что, не требуя большой работы, давали достаточные средства к существованию. Заокеанские владения не менее щедро снабжали Испанию своими дарами. Благодатный климат также способствовал благородному безделью. Возможно, подобные размышления одолевали Казанову по причине дурного настроения, в коем совершал он свою поездку. Изгнание из столицы — пусть не *de jure*, но *de facto* — больно задело его самолюбие.

Проезжая через Каталонию, Казанова увидел удивительной красоты женщину. Остановившись, он поинтересовался у своего тогдашнего спутника, кто это. Ему ответили: «Ваша соотечественница, танцовщица Нина Бергонци. Она находится на содержании у графа Риклы, вице-короля Каталонии, проживающего в столице провинции Барселоне, и обходится ему в пятьдесят дублонов в день. Барселонский епископ запретил девице селиться у него в городе, и сейчас граф уехал торговаться с епископом, дабы тот отменил свой запрет. Сам вице-король покидать вверенную ему Барселону надолго не может, равно как и не может обходиться без Нины».

— Граф Рикла, — прибавил сопровождающий, — всегда был образцом честности, благородства, бескорыстия и справедливости, пока не связался с этой ведьмой. Она делает с ним, что хочет.

Взглянув еще раз на ослепительную красавицу с порочным взором, Казанова почувствовал, что прекрасно понимает графа, и ощутил сильнейшее желание познакомиться с ней. Судя по тем взглядам, которые бросала она в его сторону, знакомство было желательно также и для нее.

Приблизившись к красотке, он заговорил о погоде. Положив свою хорошенькую белую ручку, усыпанную дорогими кольцами и унизанную драгоценными браслетами, на смуглую руку Казановы, она, глядя на него хищным плотоядным взором, пригласила его прибыть завтра к ней на обед.

— Не пожалеете, — многозначительно добавила она.

— Я непременно воспользуюсь оказанной мне честью, — с поклоном ответил Казанова, целуя блестящие ноготочки, единственно свободные от драгоценностей.

Здоровенный детина, следовавший за красавицей на расстоянии, возмутился и широким шагом направился к ним. Заметив это, Нина махнула на него рукой, словно отгоняя назойливое насекомое, и он, скривившись, вновь занял свое место в отдалении. Вскоре Казанова узнал, что верзилу звали Молилари, он был музыкант, родом из Болоньи, а при Нине исполнял роль шпиона, приставленного к ней графом Риклой.

На следующий день Казанова в указанный час прибыл по указанному адресу в хорошенький особняк, где проживала Нина Бергонци. Его впустили. Где-то рядом кто-то что-то оживленно обсуждал, время от времени испуская то возмущенные, то восторженные вопли. Осторожно приоткрыв одну из дверей, он увидел торговца-галантерейщика, разложившего свой товар. Вдоль сей выставки ходила Нина и отбирала понравившиеся ей вещи. Казанова увидел, как она, не сойдясь в цене за какое-то кружево, схватив ножницы, мгновенно изрезала его на куски. Заметив Казанову, она небрежно бросила стоявшему в углу Молилари: «Заплати!» — и направилась навстречу гостю. Когда верзила попытался возразить, она с размаху дала ему пощечину. «Шлюха!» — процедил в ответ болонец, но покорно полез за кошельком. Казанова смотрел во все глаза: давно уже на его пути не встречалось столь дерзких, обворожительных и порочных красавиц.

Во время необременительной трапезы Казанова узнал, что Бергонци — фамилия мужа красавицы, с которым она давно уже не живет. Отца ее звали Пеланди, он был известен всей Венеции как шарлатан и изобретатель целебного масла, которое продавалось хорошо, однако от чего вылечивало — она не припомнит. (Казанова действительно знал некоего Пеланди, жулика и прохвоста, кончившего свои дни на эшафоте.) После подобных признаний Нина предложила ему прийти на ужин. Приглашение было принято: Соблазнитель уже чувствовал, что голос разума не сможет обуздать его влечения к этой насквозь порочной, но такой заманчивой женщине!

За великолепным ужином, обильно орошаемым лучшими винами

Испании, Нина поведала ему множество любовных историй, случившихся с ней за двадцать два года ее жизни. Казанова смеялся от души, распалившись, он был готов перейти к делу, но присутствие Молилари стесняло его. Соглядатай сидел молча, ел за двоих, а пил, видимо, за четверых. Нина тоже воздала дань Вакху. Когда винные пары окончательно ударили ей в голову, она быстро скинула с себя одежду, подбежала к Молилари и с мастерством, достойным продажной служительницы Венеры, заставила его удовлетворить себя. Обмывшись, она как была, без одежды, села рядом с Казановой; Соблазнитель понял, что сейчас настанет его очередь доставить удовольствие хозяйке. Молилари тем временем от выпитого вина и потраченных усилий сделалось плохо, и он удалился. Происходящее подействовало на Соблазнителя удручающе, и он почувствовал, что выполнить просьбу хозяйки уже не в силах. Он сказал ей об этом.

— Что ж, приходите завтра, — ответила она, — а раз он вам так противен, то обещаю, завтра его не будет.

— Куда же вы намереваетесь его спровадить? — поинтересовался Казанова.

— У него будет несварение желудка, — ответила она.

— Неужели вы хотите его отравить? — обомлел Казанова.

— Нет, ни в коем случае, он мне еще понадобится. Вы же видели, как я его использую.

Вспомнив только что увиденное, Казанова поморщился. Внимательно наблюдавшая за ним куртизанка рассмеялась:

— Вы что, никогда не видели, как пользуются годемише? Я именно так и использую этого болвана.

— Но ведь обладать вами — истинное счастье! — верноподданнически воскликнул Соблазнитель.

— Я точно знаю, что он меня ненавидит; если бы я заподозрила, что он любит меня, я бы лучше умерла, чем отдалась ему. Моя ненависть к нему не имеет предела.

Казанова прекрасно понимал ее чувства, однако вынужден был признать, что никогда не слышал подобных слов от женщины.

Между Соблазнителем и Ниной Бергонци завязался страстный роман. Он узнал, что все боятся даже лишний раз посмотреть в сторону его новой любовницы, так как она находилась на содержании у всемогущего вице-короля и тот любит ее до безумия. Она же, по собственному признанию, терпела графа исключительно для того, чтобы разорить его.

— Но так как он несметно богат, то, похоже, это вовсе невозможно, —

усмехнулась она.

— А что будет, если он узнает о наших с тобой ужинах наедине? — спросил Казанова.

— Ничего, — отвечала она. — Чем больше я ему досаждаю, тем сладостнее ему наши примирения. К тому же примирения стоят дороже.

Красивая, как ангел, и злобная, как дьявол, Нина была создана на горе тех мужчин, которые имели несчастье влюбиться в нее. Соблазнитель же вздыхал радостно и с облегчением: куртизанка его развлекала, но нежных чувств он к ней не испытывал. Связь с ней была своего рода мстью тем вельможам, которые подвергли его ostracismu в Мадриде; он мстил им, отняв у незнакомого графа Риклы обожаемую любовницу. Но и самого Казанову уже поджидал его давний враг, жаждущий отомстить ему.

Граф Рикла добился тайного согласия епископа привезти любовницу в Барселону и сам приехал за ней. Не располагая временем, он приказал быстро собрать ее вещи, посадил красавицу в карету, и они умчались. Придя в назначенное время в дом к Нине, Соблазнитель узнал от слуг, что она уехала вместе со своим возлюбленным; ему дали адрес, где она станет жить в Барселоне. Граф уже купил и обставил ей небольшой особняк, куда лакей должен был привезти багаж, который она не успела забрать с собой. И Казанова решил ехать в Барселону. Он еще не был знаком со столицей Каталонии, и ему было любопытно взглянуть на этот край, откуда рукой подать до Франции; также ему хотелось немного пофлиртовать со своей любовницей под самым носом у ее цербера: подобные приключения всегда подогревали любовный пыл Соблазнителя.

Прибыв в Барселону и отыскав дом, где поселилась Нина, он отправился к ней в такое время, когда графа там быть никак не могло. Расчет его оправдался. Кроме его любовницы в доме находилась только ее сестра, женщина небольшого роста со сморщенным лицом. Она была замужем за танцовщиком, итальянцем по фамилии Скицца, которую можно перевести с итальянского как «недоделанный». Лицо его действительно было уродливым по причине чрезвычайно короткого и вдобавок приплюснутого носа. Как потом оказалось, синьора Скицца была старше Нины на шестнадцать лет. Сестры отдыхали в гостиной и беседовали с заезжим художником, в нем Казанова тотчас узнал своего давнего недруга Пассано. К несчастью, тот тоже его узнал...

Отозвав Нину в сторону, Казанова объяснил, что сидящий у нее в гостиной художник, во-первых, таковым не является, а во-вторых, он — его смертельный враг, а посему ноги его здесь больше быть не должно. Нина согласилась и распорядилась, чтобы сестра выставила гостя вон.

— Ты об этом еще пожалеешь, — сквозь зубы процедил Пассано, бросив исполненный ненависти взгляд на Казанову.

На следующий день, когда Казанова возвращался вечером от Нины, в темном переулке на него напали четверо в масках. Выхватив шпагу и наугад нанеся удар, Казанова рванулся и побежал. Вслед ему загремели выстрелы. Прибежав в гостиницу, он обнаружил, что лезвие его шпаги в крови, а плащ в двух местах пробит пулями. Хозяин посоветовал ему поскорее уезжать, пока не нагрянула полиция. Казанова, разумеется, решил остаться: ему всегда казалось, что советы, от кого бы они ни исходили и из каких бы побуждений они ни давались, ущемляют его свободу.

Утром следующего дня Казанова отправился на место ночного происшествия и, к величайшему удивлению, ничего там не нашел, его расспросы о ночном происшествии также ни к чему не привели. А вечером в гостиницу явился офицер, потребовал у венецианца все его бумаги и паспорта и, составив опись, сунул их к себе в карман, пообещав отдать, когда все разъяснится. Самого же Казанову в сопровождении двух солдат он отвел в местную крепость и посадил под замок в одиночную камеру. По обыкновению, Авантюрист сразу потребовал бумагу, перья и чернила. Ему сказали, что это строжайше запрещено, потом, сжалившись, ему принесли бумагу и карандаш. Тут Казанова задумался. Если в мадридской тюрьме он написал не менее чем десяти адресатам, то здесь ему, в сущности, писать было некому. Разве что трактирщику, дабы повелеть ему сохранить за ним комнату и оставить в неприкосновенности его вещи. Да еще заказать себе обед: вряд ли в барселонской тюрьме будут кормить лучше, чем в тюрьме мадридской. Нине Бергонци он по понятным причинам писать не стал.

Казанова был уверен, что мерзкий Пассано донес на него ревнивому вице-королю, и тот устроил засаду, которую Соблазнитель столь удачно избежал. Убедившись, что убить соперника не удалось, вице-король решил уморить его в тюрьме. Таковы были печальные размышления узника. Они навели его на мысль написать в Париж брату и в Венецию Дандоло, обрисовав обоим свое бедственное положение и попросив помощи. Хотя как они могли ему помочь, он не представлял. Тем не менее он написал и трактирщику, и брату, и в Венецию, и приложил эти письма к записке, адресованной слуге. Слуга должен был переписать послания чернилами и отправить их по назначению.

На следующий день явился прежний офицер и сообщил, что у властей появились подозрения, что бумаги венецианца и паспорта подложные, и дабы опровергнуть это, требуется тщательная проверка, а значит, и время. Пока же бумаги будут проверять, он останется в крепости. Попытки

Авантюриста выяснить, в чем, в сущности, его обвиняют и что произошло той злополучной ночью, ни к чему не привели.

Почти два месяца провел Казанова в одиночной камере. Карандашей, бумаги и свечей ему давали вволю, а также отменно кормили. Обеды присылали ему с воли, причем столь обильные, что он всегда разделял их со своими часовыми. Солдаты гарнизона ссорились за право стоять на часах возле его камеры. Дабы отвлечься от грустных мыслей, Казанова начал писать «Опровержение» сочинения столетней давности под названием «История государства Венецианского», принадлежавшего перу французского дипломата Амло де Ла Уссе, который опубликовал его в 1677 году. Труд сей был задуман Казановой давно, опубликовав его, он рассчитывал получить прощение инквизиторов и добиться разрешения вернуться на родину. Писание чрезвычайно занимало его и помогало скоротать однообразие тюремных дней. Ведь больше всего на свете Авантюрист боялся скуки.

Наконец настало долгожданное освобождение. Явившийся за Казановой офицер аккуратно, по описи, вернул ему все бумаги и паспорта, подтвердив их правильность, а затем вручил приказ генерал-губернатора, согласно которому вышеуказанный венецианец Казанова должен был в три дня покинуть Барселону, а через неделю — пределы Каталонии.

— Впрочем, если вы не согласны с приказом, вы вправе ехать в Мадрид и жаловаться, — вежливо сказал офицер.

— Я уезжаю во Францию, — мрачно ответил Казанова.

— Счастливого пути, сударь. Завтра я прикажу доставить вам в гостиницу подорожную.

Все вещи Казановы, оставленные им в гостинице, были в целости и сохранности. Хозяин передал ему пришедшие на его имя письма, а также шляпу, ту самую, которую он потерял в злополучную ночь столкновения с наемными убийцами в масках. Правда, каким образом шляпа Казановы вернулась в гостиницу, хозяин так и не рассказал, равно как и не сказал, кто оплатил венецианцу комнату и роскошные обеды, каждодневно посылаемые ему трактирщиком.

Последний свой вечер в Барселоне Казанова провел в опере. Хозяин гостиницы, добрый малый, явно благоволивший Казанове, от души посоветовал ему не пытаться повидать Нину Бергонци, из чего Соблазнитель сделал вывод, что в крепости он находился по воле могущественного любовника Нины, узнавшего о их связи от негодяя Пассано. На этот раз он к совету прислушался.

Утром следующего дня Казанова вместе с сопровождавшим его до

границы слугой сел в нанятую им карету и отправился во Францию. Чемодан его был легкий, кошелек почти пуст. Испанию он вспоминал с досадой, и только упоминание о донье Игнации вызывало у него теплые чувства. О Нине Бергонци вспоминать ему не хотелось.

По дороге до самой границы карету Казановы преследовали трое подозрительных типов, чрезвычайно похожих на наемных убийц. К счастью, все обошлось и в Перпиньяне они отстали. Впоследствии выяснилось, что людей этих подослал Мануцци, дабы они расправились с Соблазнителем; но они это сделать не сумели, а выслеживать его дальше, во Франции, у них резона не было.

НИ ДЕНЕГ, НИ ПРИСТАНИЩА. У ВЕНЕЦИАНСКОГО ПОРОГА

В самый разгар карнавала Казанова прибыл в Экс-ан-Прованс, славный своим парламентом. В то время в городе в гостях у брата находился известный в те времена писатель Жан-Батист де Буайе, маркиз д'Аржанс^[72], с которым Казанова решил непременно повидаться. Маркиз встретил Авантюриста приветливо, рассказал, что много о нем наслышан от людей замечательных и сведущих. Именно д'Аржанс усиленно отговаривал Казанову от написания «Мемуаров», утверждая, что ежели писать правду — выставишь себя на посмешище, а ежели правду скрывать — то и писать незачем, но уговоры его, как обычно, оказались напрасны.

В гостинице, где остановился Казанова, в то время проживала пара молодых паломников, возвращавшихся пешком из Галисии, куда они ходили поклониться святому Иакову Компостельскому. Звали паломника Джузеппе Бальзамо, через несколько лет он примет имя Калиостро, под которым прославится на всю Европу как маг, алхимик, магнетист, пророк и основатель Египетской масонской ложи. Паломницу звали Серафиной (по другим источникам Лоренцой) Феличиани, она сначала была любовницей Калиостро, потом стала его женой, а когда он чем-то ей сильно досадил, выдала его властям. Его арестовали за попытку основать масонскую ложу в Риме и посадили в крепость, где он после неудавшейся попытки побега умер (по другой версии — сошел с ума). Впрочем, личность Бальзамо-Калиостро породила столько легенд, что, возможно, кончина его была совсем иной. Сам он, во всяком случае, почитал себя бессмертным. Казанове он приглянулся: взгляд у него был цепкий и умный, лицо некрасивое, но привлекательное. Серафина была необычайно хороша собой, и ежели бы Соблазнитель встретил ее лет пять назад, он наверняка сумел бы отбить ее у спутника. Поговаривали, что Бальзамо использует красоту своей подруги, заставляя ее зарабатывать на дорогу и пропитание.

Не успел Казанова как следует насладиться красотами Прованса и приятными знакомствами, как тяжелый недуг надолго приковал его к постели. Пребывание в барселонской крепости не укрепило его здоровье, здесь же его угораздило провести несколько часов на сквозняке, в открытой коляске, отчего у него началось воспаление легких. Его трясло, он кашлял кровью, впадал в забытие. Почти месяц проболел Казанова, и все это время

за ним ухаживала немолодая, незнакомая ему женщина. Однажды, когда ему стало лучше, Авантюрист спросил ее, кто она такая, и она ответила, что ее прислал доктор. Но как только больной начал вставать, женщина исчезла, а Казанова обнаружил, что все его расходы за время болезни оплачены, а за гостиницу заплачено даже вперед. Загадка эта так и не разрешилась. Многие полагают, что таинственная дама была Анриетта.

Из Экса путь Казановы лежал в Марсель.

Там он случайно встретился с синьорой Скицца, направлявшейся с мужем в Ливорно. Она подтвердила его догадки относительно причин его ареста, а также сказала, что, узнав о его освобождении, Нина стала ждать от него весточки и даже была готова — ежели бы, конечно, он предложил — бежать вместе с ним из Барселоны. При этих словах Казанова невольно поежился и еще раз порадовался, что в тот раз прислушался к доброму совету. Что бы он стал делать с распутной красавицей, будучи в два раза старше ее и вовсе не при деньгах?

Сестра Нины поведала ему, что граф Рикла по-прежнему влюблен в Нину, но, кажется, той удалось совершить невозможное: граф близок к разорению. Вероятно, проведав об этом, епископ вновь начал с ним тайную войну, желая выслать Нину не только из Барселоны, но и из Каталонии, что, возможно, ему и удастся. Впрочем, такое чудовище, как ее сестра, наверняка везде найдет себе жертву, к коей присосется пиявкой, подобно тому, как присосалась она к графу Рикле, разоряя его и доводя своими выходками до безумия.

— Я вижу, вы удивлены моим словам, — продолжала синьора Скицца, — но послушайте дальше, и вы сами убедитесь, что я права. Знаете, как она сумела околдовать графа Риклу?

Казанова изобразил на лице живейшее любопытство.

— Сестра моя вышла замуж в Португалии, но через два года бросила мужа и приехала в Барселону. Там она поступила в театр танцовщицей, и ее взяли, хотя танцевала она прескверно. Удавался ей всего один прыжок, который она исполняла столь виртуозно, что юбка ее взлетала вверх до самых ушей, позволяя зрителям видеть ее панталоны. В партере после ее прыжков долго не смолкали крики и аплодисменты. Однако согласно правилам танцовщицы не имели права поднимать ноги так высоко, чтобы становились видны их панталоны. Тех, кто дерзал демонстрировать свое нижнее белье публике, нещадно штрафовали. Следили за соблюдением сих правил и сбором штрафов специальные цензоры. Нину цензор, разумеется, приметил сразу, ибо прыгала она охотно и всегда была готова повторить прыжок на бис. Когда же цензор потребовал у нее штраф, она устроила

скандал и наотрез отказалась платить. Как раз в тот день в театре случился генерал-губернатор; он унял цензора, сам заплатив штраф за хорошенькую актрису. На следующий день Нина вовсе не надела нижнего белья, и когда она начала свои прыжки, распаленный партер просто завыл от восторга. Примчался цензор и приказал остановить спектакль. Но Нина надменно заявила ему, что в правилах говорится только о запрете являть зрителям нижнее белье. Про отсутствие одного там не говорится ничего. Растерянный цензор снова бросился за помощью к графу Рикле. К нему и привели Нину. Гордая своей уловкой, разгоряченная прыжками и стычкой с цензором, она была невероятно хороша. Сердце графа дрогнуло, и он увез ее с собой. Поначалу, мне думается, он искренне любил ее, это потом она превратила его страсть в морок, в клейкий дурман...

«Нет, я все-таки когда-нибудь убью это чудовище, я имею на это право», — с грустью произнесла Скицца.

Последние слова ее поразили Казанову.

— Но отчего вы так к ней суровы? Разве вы не дети одной матери?! — воскликнул он.

— Нет, — с мрачной тоской ответила синьора Скицца. — Ее мать — я, впрочем, и сестра тоже. Наш негодяй-отец изнасиловал меня, когда мне было пятнадцать лет, и я родила Нину.

— А она об этом знает?

— Знает. Когда ей исполнилось одиннадцать, он сам сообщил ей об этом, срывая цветок ее невинности. Она бы непременно родила ему внука, если бы этого мерзавца не настигла смерть. Она — порождение порока и сама не знает, что творит.

Нельзя сказать, чтобы история рождения Нины поразила воображение Казановы. В глубине души он не усматривал в ней ничего особенно предосудительного, кроме насилия. Ежели бы все делалось полюбовно...

В Марселе Казанова вновь сел за игорный стол: нужда в деньгах мучила его, но везения не было. Тогда он измыслил иной способ пополнить свой кошелек. Как и повсюду, в городе у него нашлись старые знакомые, а также появились новые. Всем им он предложил подписаться на его будущий труд «Опровержение „Истории государства Венецианского“». На этот раз Казанова, в сущности, никого не обманывал: книга в основном была написана, оставалось только переписать ее набело и напечатать, что ему давно хотелось сделать. Предложение было встречено с энтузиазмом, многие подписывались на десять и более экземпляров. Собрав достаточно денег на дорогу и начальные расходы, Казанова отправился в Швейцарию, в Лугано, городок, славившийся своей типографией. В Лугано он провел

несколько счастливых спокойных месяцев. Поселился он на озере Лаго Маджоре, в маленьком доме на одном из островов. Там он писал, правил и постепенно, по кускам, печатал свое «Опровержение». Когда же работа была завершена, Казанова пожалел, что это случилось так быстро. Интерес книга вызвала большой, ее быстро раскупили, однако венецианское правительство осталось равнодушным к ее автору. А он так стремился домой! В Лугано, проводя время в умственных упражнениях в тишине на маленьком островке, у него вновь случился приступ ностальгии. После всех приключений, выпавших на его долю, Казанове захотелось уюта и покоя. Но надо было жить и искать средства к существованию, а значит, вопрос о получении места по-прежнему стоял очень остро.

И Казанова решил отправиться в Ливорно, откуда в скором времени, а именно в апреле 1770 года, в Константинополь должна была отплыть русская эскадра под командованием графа Орлова. Памятуя о своем знакомстве с графом, Казанова решил предложить ему свои услуги, тем более что у него для этого были основания: он бывал в Константинополе и знал тамошние обычаи и нравы. По пути в Ливорно, который он проделал в обществе почтенных англичан, он только и говорил о том, как он жаждет помочь Орлову разгромить турок, строил всевозможные планы, лихорадочно исписывая стопки бумаги, и физически, всем телом ощущал, что без него граф не пройдет Дарданеллы.

Однако усилия Казановы оказались тщетными. А может, ему просто не повезло. Граф Орлов принял его великолепно, обнял, вспомнил, как они встречались в Петербурге, и пригласил обедать к себе на корабль, пообещав «после поговорить». Осматривая судно, Авантюрист не раз ловил на себе косые, хмурые взгляды матросов. Пытаясь попасть к командующему, у которого, как ему показалось, выдалась свободная от посетителей минута, он был остановлен дежурным офицером, вежливо попросившим его отойти, коли ему не было назначено время. Венецианец почувствовал, что отправиться в плавание он сможет только при официальной должности, да еще желательно бы в мундире с эполетами. Так что когда граф Орлов, извинившись, что не может подыскать ему подходящего места, пригласил его плыть с ним в качестве «его друга», Казанова отказался. Он не хотел оказаться в положении шута, которым волен помыкать каждый.

Эскадра не прошла Дарданеллы. Впрочем, Казанова не утверждал, что, будь он на ее борту, она прошла бы обязательно.

Начались скитания Авантюриста по Италии: Пиза, Сиена, Парма... Из Пармы Казанова решил направиться в Рим, где он давно не был. Попутчицей его стала юная англичанка, ехавшая к своему жениху. Жених

сей показался Соблазнителю странным, ибо он не только не оплатил невесте еду в трактирах, но и не дал ей с собой даже маленького чемоданчика с самым необходимым. Девушка была необычайно мила, любезна, скромна — словом, принадлежала к тому типу женщин, который всегда нравился Казанове. Соблазнитель принялся опекать англичанку: сажал ее с собой за стол, купил ей кое-какие необходимые мелочи и даже — дабы обошлось дешевле — ночевал с ней в одной комнате и спал в одной постели, но при этом вел себя как невинный ангелочек. Когда же, наконец, долгожданный жених, именовавший себя французским графом де л'Этуаль, появился, Казанова сразу раскусил в нем мошенника, интересовавшегося не столько девицей, сколько возможностью сколько-нибудь подзаработать на ней. Дело дошло до того, что жених сей на пари предложил Казанове провести ночь с его невестой. Соблазнитель, который давно об этом мечтал, но не хотел торопить события, назвал его негодяем, и они расстались. Мерзавец оказался жалким актеришкой, так что и на дуэль вызывать его не было смысла. Убедившись, что жених ее не достоин, юная англичанка сама упала в объятия Соблазнителя. Оставшийся путь в Рим, куда должен был прибыть чемодан с вещами девицы, они проделали как любящие супруги.

По дороге англичанка постепенно поведала ему свою нехитрую историю. Она была дочерью состоятельных родителей, но мать умерла, отец же постепенно разорился и тоже умер. Бетти (так звали юную англичанку) пришлось покинуть пансион, ибо за ее обучение стало некому платить. К великому изумлению Казановы оказалось, что Бетти была в том же пансионе, где по сей день находилась его дочь Софи. Девушки были подружками, и несколько вечеров подряд Бетти рассказывала Соблазнителю о его дочери, восторгаясь то красотой ее, то умом, то обходительностью, а тот, растрогавшись, внимал ей с восхищением. Но в отличие от Софи Бетти, к сожалению, пришлось покинуть пансион и переехать к дальнему родственнику, согласившемуся приютить ее у себя. Чувство благодарности, испытываемое ею к родственнику (лорду Б. М.), которого она называла дядюшкой, постепенно переросло в нежную привязанность, несмотря на изрядную разницу в возрасте. Лорд не остался равнодушным к чарам опекаемой им девицы и, не имея возможности оказывать ей внимание в Англии, увез ее в Италию, где она случайно встретила с этим негодяем, комедиантом л'Этуалем, выдававшим себя за французского графа. Он сумел вскружить ей голову, убедить, что материальные его затруднения временны и в Риме, куда они уедут, они непременно поженятся и все будет расчудесно. Неопытная и наивная Бетти

поддалась на уговоры мнимого графа, бежала от нежно любящего ее родственника и теперь ужасно об этом жалела.

— А если вы повинитесь перед лордом Б. М., примет он вас обратно? — спросил Казанова.

— Непременно примет! — обрадованно заявила девушка.

— Что ж, значит, получив в Риме ваш чемодан, мы вернемся в Парму. Пока вы напишете и отправите милорду покаянное письмо, и будем надеяться, что он вас простит.

— Но как же вы? — удивленно спросила Бетти. — У вас, наверное, в Риме дела, раз вы туда ехали.

— Я — свободный человек, и в Рим ехал исключительно потому, что давно не видел этот дивной красоты город. Дел у меня там нет никаких, я люблю вас, а посему стану сопровождать вас, пока не передам в надежные руки, дабы вы, столь милая, юная и наивная, пребывали под надежной защитой.

С помощью Казановы письмо было написано и отправлено, правда, в указанном трактире, куда они просили прислать ответ, вместо ожидаемого письма их встретил сам родственник, лорд Б. М. Решив, что Казанова и есть тот самый негодяй-комедиант, умыкнувший его милую подопечную, милорд, не разобравшись, чуть не застрелил Соблазнителя. Но недоразумение быстро разрешилось, и Казанова вручил «спасенную» им девицу состоятельному покровителю. Сделавшись друзьями, лорд поведал Казанове, что желал бы осмотреть знаменитые города Италии, где ему до сих пор не довелось побывать. Казанова предложил начать осмотр с Вечного города, а затем, ежели милорд не возражает, направиться в Неаполь (венецианец хотел проведать старых друзей). Милорд был не против, и Казанова — в который раз! — вновь направил свои стопы в Рим. Постепенно утрачивая интерес к путешествиям, Авантюрист все больше мечтал где-нибудь остановиться. Но так как судьба упорно отказывалась даровать ему такую возможность, он ехал туда, куда гнал его ветер, тем более что лорд Б. М., благодарный ему за заботу о Бетти, взял все дорожные расходы на себя. Разумеется, Соблазнитель не стал посвящать милорда в некоторые подробности его совместного путешествия с юной Бетти, а продолжать нежные отношения за спиной у лорда ни он, ни она желания не имели. Хотя иногда у Казановы проскальзывала мысль, что, случись это приключение с ним лет десять назад, никакой милорд не помешал бы ему всю дорогу продолжать пользоваться ласками молоденькой англичанки. Но с возрастом покой приобретал для Казановы все большую ценность.

В Неаполе, куда Казанова прибыл в компании лорда Б. М., его очаровательной подопечной и своего лондонского знакомого, лорда Балтимора, его ожидало глубокое разочарование. Гостеприимный герцог Маталоне умер, а вместе с ним исчезли все связи и знакомства, на которые рассчитывал Казанова. Теперь ему не оставалось ничего, кроме как разыгрывать из себя знатока этих мест и путешествовать по живописным окрестностям города, блистая эрудицией перед своими новыми друзьями. Сэр Б. М. и Бетти слушали его, широко раскрыв глаза: лучшего проводника они и желать не могли.

Неожиданно к лорду Балтимору явился с визитом Анж Гудар, который, разумеется, не мог обойти стороной и Казанову. И вскоре Соблазнитель уже осматривал великолепный дом Гудара, царицей которого являлась жена Гудара Сара, та самая ирландская девица, что когда-то прислуживала в дешевом трактире, даря свою любовь всякому, у кого тугой кошелек. За прошедшие с той поры годы она сильно изменилась, пожалуй, только красота ее осталась по-прежнему вызывающей. Она много и прилежно училась: Гудар, женившись на ней, не жалел денег на учителей, особенно по манерам и этикету. Сделав из нее настоящую светскую красавицу, он не сумел изменить ее темную и продажную душу. Впрочем, и сам Гудар, несмотря на светский лоск, оставался прежним мошенником и проходимцем. Как-то раз, после ужина с обильными возлияниями, он даже поведал Казанове, что собирался уложить Сару на место покойной маркизы де Помпадур, в постель к Людовику XV. Но, увы, их опередила шлюха по имени Дюбарри.

В поисках везения начались странствия парочки по Италии, однако безуспешные. Наконец они обосновались в Неаполе, где Сара с большой помпой отреклась от англиканской церкви и приняла католичество, чем заслужила особую милость королевы Неаполитанской. (Услышав об этом, Соблазнитель усмехнулся про себя: будучи ирландкой, Сара и без того была католичкой, следовательно, спектакль сей был ей нужен, чтобы втереться в доверие к королеве.) Теперь супруги жили исключительно азартными играми (фараон, бириби), превратив, по сути, свой дом в игорный зал. Великолепное убранство и сиятельное общество, собиравшееся там, чтобы поиграть в карты, не позволяли называть заведение супругов Гудар притоном, однако в нем процветало мошенничество.

Давно отощавший кошелек Казановы требовал пополнения, просить денег у английских знакомцев, которые и без того на него изрядно потратились, было неудобно, а посему, распрощавшись с англичанами, отправившимися далее осматривать прекрасную Италию, Казанова остался

в Неаполе. Скоро он свел знакомство со всеми достойными людьми города и всем им доставил удовольствие облегчить кошелек в заведении очаровательной мадам Гудар. Однако страсти, все еще вскипавшие в груди Казановы, побуждали его не только приводить к Гударам неумелых игроков, но и самому пытаться счастье за зеленым сукном стола, где Фортуна не всегда была к нему милостива. Когда же средства его совершенно исчерпались, Провидение вспомнило о нем: он встретил свою бывшую любовницу, которая нынче была замужем за адвокатом и процветала. Увидев, сколь жалко положение прежнего ее возлюбленного, она вернула ему все драгоценности, те, что когда-то Казанова подарил ей. Соблазнитель принял шкатулку, облобызав красавице ручки. Нет, он еще вполне был способен на подвиги, что и доказал, соблазнив молоденькую приятельницу своей бывшей возлюбленной.

Неаполь поистине стал для Казановы городом неожиданных встреч. В приличном трактире он встретил бледную, но чисто одетую девицу, показавшуюся ему знакомой. Пригласив ее к себе за стол и начав расспрашивать, он быстро понял, что перед ним старшая из пяти ганноверских барышень, та, которая уехала в Неаполь со своим возлюбленным, некрасивым маркизом Петина. Она рассказала, что так и не вышла замуж за маркиза, ибо вскоре после их приезда Петину осудили и посадили в тюрьму за мошенничество, где он и пребывает до сих пор. Все эти семь лет она жила проституцией, пытаясь заработать на хлеб себе и узнику. При этих словах Казанова понимающе закивал: он хорошо знал, как скудно и дурно кормят в тюрьмах. Но силы ее иссякли, она мечтает вернуться домой, однако, не имея денег на обратную дорогу, пытается поступить горничной к какой-нибудь немке или англичанке, дабы вместе с ней добраться до Ганновера или хотя бы до голландского побережья. Вспоминая историю с ганноверскими барышнями и очаровательную Габриэль, к которой он в то время успел вспылать поистине нежными чувствами, Казанова расчувствовался и совершенно безвозмездно рекомендовал девицу одной английской леди, с которой он свел знакомство еще в Лондоне и которая теперь находилась в Неаполе и осматривала его достопримечательности. Из любопытства он также посетил в тюрьме маркиза Петину. Петина сидел вместе с младшим братом, обвиненным в изготовлении фальшивых банкнот. Узнав Казанову, о котором ему, видимо, рассказывал старший брат, младший немедленно предложил Авантюристу выкупить его из тюрьмы, дабы вновь заняться изготовлением фальшивых денег, уверяя, что теперь-то их будет никак нельзя отличить от настоящих. Оскорбленный подобным предложением Казанова в гневе покинул братьев,

не оставив им ни гроша на пропитание.

В Неаполе он встретил Аранду-Помпеати, сына Терезы Корнелис. Молодой человек путешествовал по Европе с целью самообразования.

— И как долго вы путешествуете? — спросил Казанова рослого юношу.

— Полгода, и уже собираюсь домой. Надеюсь, мне удастся доказать маменьке, что она не напрасно потратила деньги на мое путешествие.

— И во сколько оно вам обошлось?

— Сто гиней.

— Невероятно! И это за полгода?

— Да. А ежели постараться и тратить поэкономнее, можно и в меньшее уложиться.

— Но вас, наверное, рекомендовали кому-нибудь?

— Нет. Я путешествую один. У меня английский паспорт, меня считают англичанином и беспрепятственно везде пропускают.

Казанова, помнивший то время, когда юный Аранда-Помпеати был гораздо менее суров и щепетилен, пригласил юношу на обед, но тот отказался, сославшись на то, что дал слово не принимать ни от кого ни приглашений, ни даров.

— Но, кажется, для меня можно сделать исключение, — возразил Казанова.

— Нет, — лаконично ответил Помпеати. — Мое слово одинаково для всех.

В Салерно, куда Казанова отправился из любопытства, он решил повидаться с донной Лукрецией, проживавшей, как ему было известно, где-то в окрестностях этого города. Узнав адрес, он послал ей записку с просьбой принять его. Ответ был дан незамедлительно. Его ждали с распростертыми объятиями. Там же, в окрестностях Салерно, состоялась встреча Соблазнителя с Леонильдой, ставшей женой богатого престарелого эрудита, маркиза К., жестоко страдавшего от подагры. В роскошном саду, окружавшем беломраморный дворец маркиза, Соблазнитель при попустительстве Лукреции несколько раз предавался преступной любви с собственной дочерью, которая, если верить «Мемуарам», родила от него сына, то есть его внука.

Если этот эпизод правдив, то, скорее всего, все случилось при попустительстве самого маркиза К., который, будучи масоном и философом, быстро нашел с Авантюристом общий язык. Во всяком случае, когда Казанова покидал Юг Италии, в кошельке его было пять тысяч дукатов, врученных ему маркизом К. Как пишет Л. Флем, когда возраст и

здоровье не позволяют просвещенному человеку иметь необходимое для передачи родового имени и состояния потомство, почему бы не принять помощь от просвещенного собрата? Так, возможно, рассуждал маркиз, подкрепляя благодарность полновесными дукатами для вящей уверенности в молчании помощника. Через двадцать два года, когда маркиз К. уже отошел в мир иной, в Праге Казанова присутствовал на свадьбе молодого маркиза К., красивого рассудительного молодого человека.

— Ах, он как две капли воды похож на покойного отца, — говорил престарелый Соблазнитель всем, кто стоял с ним рядом.

По словам Казановы, его дети — сыновья и дочери, рассеянные по всей Европе и иногда попадавшие в поле зрения родителя, — вызывали у него смех (но чтобы не обидеть их матерей, смеяться приходилось про себя). Он никогда и никому не собирался давать свое имя. Восторги, высказываемые им при виде отпрысков, относились не столько к ним, сколько к его бывшим любовницам, прежде всего тем из них, которые хорошо сохранились. Каждой матери приятно услышать похвалу ее ребенку.

Приободренный и при деньгах, Казанова покинул Неаполь и отправился в Рим. Роман с Леонильдой был его последним ярким любовным приключением. Дальше начиналась старость.

В Риме Казанова нашел своего давнего приятеля де Берни. Пятидесятипятилетний кардинал, прибывший в качестве французского посланника при папском дворе, потолстел и теперь пытался похудеть, питаясь исключительно овощами. Он имел любовницу, однако чувства питал к ней платонические; только иногда он позволял себе полюбоваться зрелищем лесбийских игр. Он также стал ценителем покоя. Когда его приятель вновь поиздержался, он поддержал его, вручив по старой дружбе изрядную сумму. А может быть, это была помощь масонских братьев? Ведь де Берни был масоном и несколько лет спустя вместе с княгинями Реццонико и Санта-Кроче стал членом Калиостровой Египетской ложи, первой из масонских лож, куда стали принимать женщин. Авантюрист Калиостро, похоже, быстро сообразил, какие выгоды можно извлечь из всеобщего увлечения тайными организациями и как подчинить их своему влиянию. Если Казанова испытывал силу своих «колдовских чар» на одиноких персонах вроде суеверной маркизы д'Юрфе, то Калиостро создал целую организацию, сочинив для нее специальный устав, являвший собой переработку найденного им в Лондоне манускрипта некоего Джорджа Кофтона, излагавшего свои поистине фантастические мысли по преобразованию масонства. Система Калиостро, основанная на людском

легковерии, служила в первую очередь собственному обогащению мага. Члены же организации полагали, что их ведут к совершенству, которое должно наступить через физическое и нравственное перерождение, достигавшееся главным образом с помощью философского камня, который должен был даровать человечеству вечную молодость и бессмертие. (У Казановы, как известно, был свой рецепт получения философского камня, однако он предлагал воспользоваться им для более приземленных целей, а именно извлечения золота, которое он и «получал», продавая сей секрет.) С первой же встречи угадав в Калиостро натуру неординарную, Казанова впоследствии еще несколько раз встречался с ним и, возможно, обсуждал также и масонские дела.

Де Берни примирил Казанову с Мануцци, сначала наговорив ему массу хороших слов про сего молодого человека, а потом сведя их вместе. Мануцци был бодр, весел, об обиде, нанесенной Казанове (или, наоборот, Казановой), умолчал, сказал только, что не стоит поминать старое. Он отдал Авантюристу сто пистолей, занял ему (без возврата) денег, похвалил его «Опровержение „Истории государства Венецианского“», и мир был заключен. «И снова, уже в который раз, сердце мое предало разум», — вздохнул Казанова.

В своих прогулках он как-то раз добрался до виллы Лудовизи; гуляя по саду, он внезапно остановился: двадцать семь лет назад на этом месте он впервые познал любовь донны Лукреции! «Я смотрел на этот уголок и находил, что он стал еще красивее, — записал Казанова. — Я тоже изменился, но вовсе не к лучшему, и все способности мои, которыми я столько злоупотреблял, истощились, прибавился единственно разве опыт, ничтожное приобретение, располагающее к печали и подводящее к безжалостной мысли о смерти, которой я был не в силах смотреть в лицо». В ту пору ему было сорок шесть лет, и он чувствовал неумолимое приближение старости. Даже любовь уже не доставляла ему прежней радости; проспав всю ночь, он не чувствовал себя выспавшимся, садясь за стол, он, как прежде, не испытывал удовольствия от утоления голода. Женщины перестали обращать на него внимание, и чтобы привлечь их, ему приходилось очень много говорить, раздавать пустые обещания и мириться с изменами. Самыми доступными оставались жрицы продажной любви, однако они не устраивали Казанову. Чем старше он становился, тем больше ум и сердце его тянулись к женщинам образованным, способным не только полюбить, но и поддержать ученую беседу; тело же, наоборот, возделело нежных, трепетных ласк маленьких красоток, жаждало обладать их податливыми телами. В Риме он нашел себе тринадцатилетнюю

любовницу; ею стала Гильельмина, внебрачная дочь его брата Джованни. Размышляя в ту пору о женщинах, которых он соблазнил, он пришел к выводу, что все они, кроме, пожалуй, Кортичелли, были счастливы и благодарны судьбе за встречу с ним. Заявление самонадеянное, вполне в духе Соблазнителя, однако в какой-то степени он, несомненно, был прав.

Не сумев, несмотря на покровительство де Берни и некоторых высокопоставленных особ, получить должность при папском дворе, он покинул Рим и отправился искать счастья во Флоренцию. В кошельке его лежало восемь сотен римских экю. Еще он мог рассчитывать на ежегодные шесть цехинов, завещанных ему умершим недавно сенатором Барбаро, и еще на шесть, выплачиваемых ему сенатором Дандоло, последним оставшимся в живых из неразлучной тройки друзей и единственным, кто искренне желал возвращения Казановы в Венецию и пытался ему в этом помочь. У Казановы, как всегда, было множество дорогих безделушек, к которым он питал слабость; продавая их в тяжелую минуту, он при первой же возможности вновь ими обзаводился. Сейчас у Казановы не было в них недостатка: часы, табакерки, перстни с камнями. Разумеется, нынешние побрякушки Соблазнителя не шли ни в какое сравнение с его былыми драгоценностями, но тем не менее он имел вид вполне состоятельной персоны, а неумное честолюбие заставляло впечатление это поддерживать, тратить деньги не считая. Осознав сию истину, Авантюрист заставил себя поступить мудро, прибыв во Флоренцию в скромном платье и без роскоши. В таком виде, полагал он, когда придет нужда продавать мебель, он вряд ли привлечет лишнее внимание к своей особе. Подобные печальные мысли все чаще охватывали его. «Порок не является преступлением, — записывал он, — можно быть порочным, но не быть преступником. Всю свою жизнь я был порочен, но осмелюсь заявить, что с точки зрения порочности я нередко бывал добродетелен; воистину порок должно противопоставлять добродетели, однако же ни один порок не нарушает всеобщей гармонии. Я всегда удерживал свои пороки при себе, давая им волю только когда хотел соблазнить; однако соблазнение являет собой совершенно особый случай, ибо я соблазнял только будучи уверенным, что меня самого уже соблазнили. Записной соблазнитель отвратителен, ибо соблазняемого почитает врагом своим. А коли при этом он наделен всеми качествами, соблазнителю потребными, то его и вовсе следует почитать преступным, ибо он злоупотребляет ими, насаждая вокруг себя несчастных».

С этими невеселыми думами Казанова покинул Флоренцию и отправился в Болонью — быть может, там Фортуна пожелает ему

улыбнуться. Снова напрасно. В это время в город прибыла его бывшая любовница Нина Бергонци. Она была беременна, гордилась своим положением до чрезвычайности, всюду являлась с огромным животом и требовала от кавалеров повышенного к себе внимания. Злые языки шептались, что она все еще продолжает принимать мужчин по ночам. Ребенок, по словам Нины, был от вице-короля Каталонии, и она хвасталась, что отец приедет к родам или сразу же после рождения младенца. Зная буйный нрав Нины и ее непостоянный характер, Казанова решил ей на глаза не попадаться. Хотя расстались они вполне трогательно и даже не без приключений, он решил не искушать судьбу. Вскоре Нина разрешилась от бремени, но мальчик родился мертвым. Куртизанка была в ярости и во всем обвиняла акушерку, которой даже пришлось скрыться от ее гнева. Осознав непоправимость случившегося, Нина уехала, а потом, как сообщила Казанове случайно встретившаяся ему ее сестра, через два года умерла в бедности.

В Болонье Авантюрист получил письмо от Дандоло, последнего оставшегося у него покровителя, и его молодого друга, патриция Пьетро Дзагури. Они предлагали ему перебраться в Триест, поближе к Венеции. Несколько общих друзей заняли важные посты в управлении Республикой, и с их помощью Дандоло и Дзагури надеялись получить прощение для Казановы. Признав мысль справедливой, Казанова перебрался в Триест. Дорога была дальняя, переход по морю изрядно утомил его, и несколько дней после прибытия Казанова восстанавливал силы, гуляя по городу, а по вечерам посещая театры. На одном из спектаклей он увидел Ирэн, дочь графа Ринальди, ту самую, которая некогда в Марселе позволила ему купить ее девственность, чтобы заработать денег для семьи. Сейчас она была замужем и имела очаровательную семилетнюю дочь. На сцену она вышла вслед за мужем-актером и была принята в труппу. У них был свой дом, где по вечерам собиралось небольшое общество и играли «по маленькой». Она пригласила и Казанову.

Сидя вечером за карточным столом и наблюдая, как Ирэн держит банк, он вспомнил о ее былом везении, некогда поразившем его. Теперь, приглядевшись, он увидел, как она виртуознейшим образом передергивает. Проиграв несколько монет и обидевшись, что его не предупредили, он ушел раньше времени, а на следующий день рассказал обо всем своей бывшей любовнице. Мило улыбнувшись, она ответила, что заранее забыла поговорить с ним об этом, а потом при всех — не могла, ибо азартные игры здесь запрещены. Ирэн чистосердечно предложила вернуть ему проигрыш. Казанова деньги не взял, однако ходить к ней зарекся. Скоро она вместе с

трупной уехала из города.

Вскоре Казанова получил письмо от Дандоло: тот рекомендовал его местному начальнику полиции, барону Питтони, к которому Авантюрист и отправился с визитом. Постепенно завязывались знакомства, появились связи. Дзагури, оказавшийся в городе проездом, поведал Казанове, что через год он, видимо, получит долгожданное разрешение вернуться на родину. Услышав эту весть, венецианец чуть не расплакался. За время, проведенное в Триесте, он разительно изменился. Жил он теперь на пятнадцать цехинов в месяц, во всем соблюдал строжайшую экономию, граничащую со скарденностью, не играл и не ухаживал за женщинами. Иногда, правда, взор его загорался при виде хорошенькой юной мордашки, однако внутренний голос начинал стыдить его, и он отводил взгляд. Время стало медленным и тягучим, а сам он чувствовал себя неприметной песчинкой в бескрайней пустыне, медленно движущейся к оазису среди нескончаемых песчаных барханов, отчего ей кажется, что она стоит на месте. Однако в глубине души подобное положение его устраивало: он отдыхал.

Однако не только образцовое поведение Авантюриста и хлопоты друзей смягчили инквизиторов, но и услуги, которые Казанова сумел оказать Республике, пребывая в Триесте. Благодаря приятельству с австрийским губернатором, графом Вагенсбергом, он сделал так, что почтовая карета, курсировавшая раз в неделю между Триестом и Венецией, стала делать остановку в Удине. При содействии своих сиятельных знакомых Казанова не раз помогал принимать решения в торговых и прочих спорах в пользу государства венецианского, чем и заслужил его благодарность. Не гнушался он и помогать инквизиторам, тем самым, которые некогда посадили его в тюрьму, а потом, после побега, изгнали из родного края. «Я нисколько не стыжусь оказывать услуги трибуналу инквизиции и уверен, что честь моя от этого нисколько не пострадает, ежели только я не стану делать ничего против естественных прав человека», — писал он.

Располагая избытком свободного времени, Казанова, по обыкновению, принялся за штудии и взялся за перо. В это время он усиленно работает над «Историей польской смуты», начатой еще в Варшаве, пишет комедию, посвящает стихи своим друзьям. «В сорок девять лет я уже ничего не ждал от Фортуны, сердечного друга юношей и заклятого врага мужей зрелых», — подводил он итог своего пребывания в Триесте. С каждым годом он все больше увлекался философствованием.

СТАРОСТЬ И СОБЛАЗНИТЕЛЬ — ПОНЯТИЯ НЕСОВМЕСТИМЫЕ. ПРОЩАНИЕ С ВЕНЕЦИЕЙ

Через восемнадцать лет Казанова вернулся на родину. На этом чрезвычайно важном для себя событии он без всяких объяснений оборвал свои «Мемуары». Известно, что изначально он намеревался довести записи до 1797 года, но сделать этого не успел — в 1798 году смерть забрала его к себе. Одни казановисты считают, что Авантюрист собирался прожить по меньшей мере еще лет пять после указанной даты: так нагадал ему оракул. Но на этот раз оракул ошибся. Поэтому бумаги и рукописи, оставшиеся после Казановы, пребывали в полнейшем беспорядке. Оказалось, что «Мемуары» завершались рассказом о поездке Казановы в Париж в 1782 году. Другие полагают, что последнюю часть автор написал, но не опубликовал по причине того, что многих поступков, совершенных им по возвращении в Венецию, он стыдился.

Обе версии вполне правдоподобны. Если Казанова писал свои записки исключительно, чтобы вновь пережить лучшие годы своей жизни, то естественно утверждать, что завершил он их воспоминаниями о своем пребывании в Триесте. Дальше жизнь его покатила под уклон, становясь все беднее и постепенно превращая его в затворника. Не имея достаточных средств к существованию, Казанова делал попытки вернуться в свет, но безуспешно. У него уже не было никого, кто был бы в состоянии ему помочь. Ежели все-таки он продолжил описание своих злоключений, то, возможно, после прочтения он уничтожил их, не пожелав хранить воспоминания о не самых приятных и достойных годах своей жизни.

«Мемуары» обрывались, но жизнь автора продолжалась.

3 сентября 1774 года трое инквизиторов, входивших в состав зловещего трибунала (Франческо Гримани, Франческо Сагрето и Паоло Бембо), подписали разрешение, согласно которому изгнанник Казанова получал право свободного проживания в Венецианской республике, а 10 сентября венецианский консул в Триесте вручил Казанове долгожданное помилование. Хотя Авантюрист давно ожидал этого решения и в глубине души был уверен, что непременно его получит, но, увидев бумагу, он застыл как изваяние. Затем, осторожно взяв документ из рук консула, он медленно поднес его к глазам. Не имея ни сил, ни желания вчитываться в

текст, он смотрел на него, как смотрят на страницу из редкой рукописи, любясь четко выписанными силуэтами букв и замысловатыми росчерками пера. По щекам его медленно катились слезы. Впервые в жизни Казанова плакал от радости. Через двадцать четыре часа он уже был в Венеции.

«Мне казалось, что в Венеции я буду жить счастливо и перестану нуждаться в милостях слепой богини. Я рассчитывал зарабатывать на жизнь своими способностями, уверенный, что никакие несчастья мне более не грозят, ибо вооружен я был многострадальным опытом, и все заблуждения, способные увлечь меня в пропасть, были мне ведомы. Мне также казалось, что государственные инквизиторы считали себя обязанными предоставить мне в Венеции какое-нибудь занятие, дабы вознаграждение за него позволило бы мне, одинокому и без семьи, жить безбедно, довольствуясь необходимым и с охотой обходясь без излишеств», — написал Казанова на последней странице «Мемуаров».

Прибыв в Венецию, он первым делом бросился к своему покровителю Дандоло. Старик обнял его, а потом долго расспрашивал, внимательно слушая его рассказ. Когда они наконец распрощались, Казанова отправился домой: Дзагури предоставил в его распоряжение принадлежавший ему дом. Переступив порог своего нового жилища, Казанова расчувствовался: наконец-то он дождался наисчастливейшего дня в своей жизни. В ту минуту он думал так совершенно искренне. Обустроившись, Казанова отправился во Дворец дожей, где заседали инквизиторы: он чувствовал себя обязанным лично выразить свою признательность. Произнося благодарственную речь, он даже повинился в своем побеге из Пьомби, заявив, что был неправ: его непременно вскорости оправдали бы, ибо никаких преступлений он не совершал. Его благосклонно выслушали, а затем пригласили на обед, во время которого он, разомлев, подробно рассказал о своем побеге из Пьомби. И хотя история эта была известна уже, по крайней мере, половине Европы, хотя случилась она много лет назад, сотрапезники слушали, затаив дыхание и восхищаясь изобретательностью и целеустремленностью героя. Рассказчик был доволен: ему внимали патриции и сенаторы, а именно их благоволения он теперь добивался. Когда-то ему, актерскому сыну, благодаря дерзости и недюжинным талантам удалось завоевать этот город, стать вхожим в лучшие его гостиные, и теперь он хотел повторить сей подвиг, полагая, что сделать это будет легче: надобно только отыскать прежние связи, нащупать нужную ниточку.

К сожалению, время нельзя повернуть вспять. Его приемный отец Брагадин, всегда поддерживавший его своими влиятельными связями и

цехинами, умер, разоренный Казановой. Никогда не отказывая ему ни в деньгах, ни в протекции, патриций постепенно снискал себе дурную славу и оставил после себя одни долги. Барбаро тоже умер, а влияние престарелого Дандоло постепенно сходило на нет. Дзагури, который был моложе Дандоло и которому было что терять, не был расположен к постоянной поддержке Авантюриста, памятуя о его неприятностях с полицией разных государств. Женщины, способствовавшие в свое время возвышению Казановы, искали теперь иных любовников. Не утратив ни шарма, ни обаяния, ни остроумия, Соблазнитель *более не был молод*. Он по-прежнему точно знал, когда следует говорить комплимент, когда приложиться к ручке, когда сорвать нежный поцелуй, а когда пригласить на ужин. Он прекрасно танцевал, великолепно одевался, превосходно разбирался в модных нарядах, как мужских, так и женских, был готов говорить на любые темы, исторгая фейерверк познаний в самых различных областях человеческих знаний. Но он *более не был молод*. Пытаясь компенсировать наступление старости ярким платьем и удвоенной говорливостью, он вызывал в лучшем случае жалость, а в худшем — насмешку. Тем более что тело его все чаще отказывалось повиноваться его воле. Оставался последний способ — деньги, но их у него не было. Никогда не пытаясь откладывать на черный день, не задумываясь о дне завтрашнем, он очутился в поистине безвыходном положении, и если бы не крохи, оставленные ему Барбаро и выделяемые Дандоло, ему пришлось бы голодать. К счастью, у него было где жить. Даже поправить дела свои игрой — как было ему привычно — он не мог, ибо за два месяца до его приезда закрыли игорные залы Ридотто, где можно было играть, не снимая маски. Конечно, другие заведения, где стояли столы, покрытые зеленым сукном, оставались, однако посещать их он не решался, сознавая, что находится под бдительным оком инквизиции.

Не имея более ни кошелька с цехинами Брагадина, ни безграничного кредита у д'Юрфе, Казанова столкнулся с пренеприятнейшей проблемой: где брать средства к существованию, тем более что существовать он привык на широкую ногу. Единственным, хотя и не слишком привлекавшим его способом добывания денег была работа, ибо иные способы получения денег (то есть разновидности «благородного мошенничества») в Венеции были для него под запретом. Для начала Казанове предложили вести хронику венецианских событий, но он отказался: платить либо не собирались вовсе, либо не сразу. Затем ландграф Гессен-Кассельский попросил его занять место его личного представителя в Венеции, посулив щедрое вознаграждение. К сожалению,

пришлось отказаться: власти Республики косо смотрели на своих граждан, служивших иностранным государям. Попытавшись предложить свои услуги, он везде получил отказ: слухи о его похождениях, неприятностях с полицией и принадлежности к масонам исправно доходили до Венеции, и не только власти, но и многие сограждане поглядывали на него с опаской. Тогда он решил попробовать зарабатывать на жизнь пером и талантом и принялся делать комментированный перевод «Илиады». Ему удалось заручиться поддержкой трехсот тридцати девяти подписчиков, и в 1775 году он издал первый том перевода. Однако дохода, на который рассчитывал Казанова, издание не принесло, равно как и публикация двух томов «Истории польской смуты», и его вновь стали посещать мысли о необходимости найти место. Издание третьего тома также не обогатило его.

Работу Казанова нашел у своих давних врагов-инквизиторов, предложивших ему должность штатного осведомителя. Пересилив себя, Казанова согласился. Чтобы подписывать отчеты, он взял себе псевдоним: Антонио Пратолини. По мнению казановистов, Авантюристу пришлось занять столь незавидное место не столько из-за нужды в деньгах, сколько от острого, давно мучившего его желания обрести наконец ощущение безопасности, почувствовать себя защищенным, негонимым. Прощенный, он вернулся в родной город, но следом на крыльях молвы примчалась и его дурная слава. Оказавшись под жестким надзором властей, он в полной мере почувствовал, как прошлое довлеет над ним. Никто не считал его преступником, однако говорили о нем разное. К тому же недавно в Венеции была раскрыта запрещенная по тем временам масонская ложа, среди членов которой оказалось много знатных патрициев. Обнаружил существование этой ложи старый знакомец Казановы, Джанбаттиста Мануцци, отец того самого графа Мануцци, с которым Казанова смертельно разругался в Мадриде и помирился в Риме. Молодой Мануцци, несомненно, знал о принадлежности Авантюриста к вольным каменщикам и вполне мог сообщить об этом отцу, по-прежнему служившему осведомителем, а тот, в свою очередь, рассказать об этом своим начальникам. Следовательно, власти имели основания подозревать Казанову в тайных сношениях с местными масонами, то есть с людьми, занимавшимися противозаконной деятельностью, а возможно, и в стремлении восстановить разгромленную ложу. И вот, руководствуясь пословицей, бывшей в ходу еще у римлян: «Ворон ворону глаз не выклюет», Казанова принял предложение инквизиторов: он хотел обезопасить себя от любых подозрений.

В департаменте, кроме Казановы, состояли еще трое. В их обязанности

входило все замечать и составлять отчеты обо всех нарушениях порядка. Отчеты писали о разном: о подозреваемых в шпионаже и в государственной измене, об изменявших женам и об оскорблявших общественную нравственность, об авторах непристойных стихов и богохульниках. Решения и меры на основании этих отчетов принимали начальники-инквизиторы. Все, что согладалаи узнавали на службе, они были обязаны хранить в глубокой тайне; нарушителей ожидало суровое наказание, поэтому таковых не было. Возможно, поэтому о периоде службы Казановы в департаменте инквизиции известно немного, и в основном из косвенных источников.

Серьезных поручений Авантюристу не давали, памятуя о его прошлом. Ему было поручено наблюдать за нравами и время от времени исполнять роль цензора новых книг и спектаклей. Первый гневный отчет Казановы был направлен против роскоши, разврата, проституции и той легкости, с которой церковь стала соглашаться на разводы. Последнее явление он приписывал коррумпированности священнослужителей, готовых развести супругов из-за любого пустяка, лишь бы получить обещанную плату. В сущности, он лицемерно хулил ту жизнь, которой всегда жил сам, неизменно получая от нее удовольствие. Пожалуй, только развод возмущал его искренне, Ибо сам он всегда был сторонником брака, полагая сей институт наилучшим способом устройства женской судьбы. При этом супружескую верность он вовсе не почитал обязательной. Панегирик нравственности в устах (и под пером) Казановы звучал насмешкой; все понимали, что, отрекаясь от прошлого, Авантюрист пытается упрочить свое нынешнее, весьма шаткое положение. В искренность его, разумеется, не верил никто.

Тем временем Казанова переживал не лучшие дни. Страх вновь впасть в немилость и быть отправленным в изгнание не оставлял его ни на минуту. Каждое утро внутренний голос нашептывал ему: новая ссылка неминуемо будет означать, что он больше никогда не увидит Венецию. И Казанова исписывал лист за листом, критикуя пороки, присущие человеческой натуре, и не указывая ни на кого конкретно. Отчеты его более всего напоминали хвалебные трактаты во славу ханжества и лицемерия и нисколько не походили на доносы. Временами ему чудилось, что Венеции угрожает внешний враг, и тогда он принимался расписывать потенциальных противников Республики и изобретать всевозможные способы ее обороны. Его стали почитать визионером, однако докладам этим значения не придавали. А когда пустые рассуждения его вконец наскучили, было решено отправить его в Триест — наблюдать за

маневрами австрийцев, стремившихся поставить под контроль порт Фьюме (теперь Риека), находившийся на подвластной Республике территории Далмации, угрожая тем самым торговым интересам венецианцев.

Вернувшись из Триеста, Казанова продолжил лихорадочно писать отчеты. С гневом обрушился он на книгопродавцев и читателей, дерзавших продавать, покупать и читать нечестивые сочинения Вольтера и Руссо, переводы трактатов Спинозы, не говоря уже о сочинениях Макиавелли или Аретино. Еще большее возмущение вызывали у Казановы студенты художественной академии, дерзавшие рисовать обнаженные тела натурщиков и натурщиц. Прилежание Авантюриста в сочинительстве инвектив было поистине похвальным, однако у всех, кто знал Казанову ранее, оно вызывало только усмешку. Чем больше он старался, тем меньше верили в его искренность. Его это обижало; страшный призрак изгнания, беспрестанно витавший над ним, вселил в его душу такой панический ужас, что временами он сам начинал верить тому, что сочинял по долгу службы. Желчное настроение Казановы нашло свое отражение в анти-вольтеровском памфлете «Размышления над похвальными словами господину де Вольтеру» (1779), где он ядовито и небеспристрастно высмеивал изданное французами собрание академических похвал скончавшемуся год назад великому просветителю, которого продолжала оплакивать безутешная Европа. Сознывая, что подобное сочинение не принесет ему славы, он, выливая на его страницы всю накопившуюся за многие годы неприязнь к Вольтеру, надеялся, что оно сослужит ему полезную службу в глазах инквизиторов, ибо в Венеции, как и во многих других европейских государствах, книги Вольтера были внесены в списки запрещенных. Ремесло доносчика ему явно не давалось, и он хотел доказать свою благонадежность хотя бы как критик и полемист. Памфлет никому не понравился, и Казанова пожалел, что потратился на его издание.

Подавленному состоянию Казановы в немалой степени способствовал его новый образ жизни. Привыкший сорить деньгами, быть центром внимания общества, окружать себя красивыми женщинами, посещать увеселения и театры, он теперь жил скромно, редко появлялся на людях, а на спектакли ходил по долгу службы, дабы иметь повод очередной раз разразиться возмущенной речью против падения нравов.

Приставленный шпионом к римскому консулу Агостино Дель Бене, Казанова последовал за ним в Чезену. Там обнаружилось, что консул приехал туда не по дипломатической надобности, а к своей тамошней любовнице. Сам же Казанова встретил в Чезене свою давнюю приятельницу, танцовщицу Бинетти, и та тотчас вовлекла его в вихрь

развлечений: балы, празднества, концерты, танцы, ужины. После долгого перерыва Авантюрист вновь вернулся к прежней, привычной для него жизни и, забыв об инквизиторах и старости, веселился от души. Донесения, писанные им в театрах во время антрактов и перерывах между званым обедом и интимным ужином, отличались краткостью и бессодержательностью. Когда же поставленные над ним инквизиторы призвали его к ответу, он, оправдываясь, написал, что всеми способностями своими, всеми знаниями и силами, всем сердцем и умом желал бы он послужить Республике, но, кажется, всего этого ей не требуется. А ремеслом шпиона он заниматься не обучен. Пленник страха вырвался на свободу и стал дерзить сильным мира сего. Ему простили эту дерзость, понимая, что он, вернувшись, сам пожалеет о ней.

В ноябре 1776 года в Дрездене, в возрасте семидесяти семи лет, умерла Дзанетта Фарусси, мать Казановы. Благодаря своему таланту и поддержке курфюрста Саксонского, чьей любовницей она была, Дзанетта стала поистине выдающейся актрисой, и все сорок лет, что она прожила в Дрездене, она играла в придворном театре и выходила на сцену только в заглавных ролях. С самого детства Казанова редко виделся с матерью, которая всегда была где-то далеко, и посему смерть ее не слишком его опечалила, и вскоре он забыл о ней. Через несколько месяцев, в июле 1777 года, его постигла еще одна утрата: от тяжелой болезни скончалась Беттина, его первая юношеская любовь. Ее смерть Джакомо переживал тяжело, ведь вместе с Беттиной исчез безвозвратно кусочек его юности, частичка его самого. Беттина сделала его мужчиной, ей первой он поклялся в вечной любви. Вспоминая свою любовь к Беттине, он невольно начинал вспоминать тех женщин, что дарили ему свою любовь, и душа его покрывалась мраком; жизнь Соблазнителя стремительно уходила в прошлое, Авантюрист превращался в философа.

В том же году Казанова познакомился с Лоренцо Да Понте, личностью примечательной и по-своему выдающейся. Выходец из семьи обратившихся в христианство евреев, Да Понте стал священником (1773) и какое-то время преподавал в семинарии в Тревизо. Быстро перессорившись со своими собратьями по ремеслу, он бросил семинарию и предался дебошу, разврату и азартным играм, совершенно позабыв о своей обязанности служить Господу. Изгнанный в 1781 году из Венеции за предосудительное поведение и безбожие, Да Понте зашвырнул подальше рясу и отправился в Вену, где стал вести жизнь авантюриста, проходимца и распутника. Получив превосходное образование и не обиженный талантами, он писал стихи, трактаты, сочинял либретто для опер Сальери,

Мартини и Моцарта («Свадьба Фигаро», «Дон Жуан», «Так поступают все женщины») и пользовался поддержкой многих меценатов. В конце жизни Да Понте уехал в Америку, где обучал итальянской литературе юношей в Колумбийском колледже (теперь университет) и написал объемные воспоминания, занимательный очерк нравов литературной богемы XVIII столетия. Скончался он в Нью-Йорке в 1838 году, там же и был похоронен. Будучи на двадцать четыре года моложе своего знаменитого соотечественника, он пережил его на семнадцать лет.

Казанова сразу почувствовал в Да Понте родственную душу и насторожился. Да Понте тут же вовлек его в спор о латинской просодии и своими вольными и дерзкими суждениями тотчас настроил его против себя. Всегда ревниво относившийся к чужой славе, к старости Казанова стал завистником. Молодость и бесшабашность Да Понте, в соединении с широтой взглядов и остротой ума, раздражали его. Картежник и волокита, эрудит и латинист, он был слишком похож на Авантюриста в молодости. Вспоминая о их первой встрече в своих записках, Да Понте заметил: «Этот странный человек никогда не желал признавать свои ошибки». Покидая Венецию, Да Понте не счел нужным даже проститься с Казановой. Однако в следующую их встречу, состоявшуюся через семь лет в Вене, они примирились. Казанова несколько раз встречался с Да Понте, но из-за внутреннего соперничества отношения их всегда были напряженными. Основной причиной их разрыва стало нежелание Казановы положительно отзываться о стихах Да Понте. В Венеции у Казановы был еще один повод для ревности: в то время, когда Казанова служил осведомителем, Да Понте некоторое время был секретарем у Дзагури, полуофициального покровителя Казановы. Тем не менее, расставшись, друзья-соперники продолжали обмениваться письмами и Да Понте называл Казанову «милым другом» и «возлюбленным синьором Джакомо».

В 1778 году в Венецию проездом из Неаполя прибыл Джузеппе Бальзамо вместе со своей неразлучной Серафиной. Теперь, став основателем влиятельной масонской ложи, проповедником собственного учения, он именовался графом Калиостро, носил дорогое элегантное платье, сверкал драгоценностями, ездил в собственной карете и останавливался в лучших гостиницах. Как только о его приезде стало известно, так сразу же вокруг «бессмертного обладателя философского камня» закружились поклонники и поклонницы. Последних, правда, отпугивала Серафина, ставшая женой загадочной личности и ревновавшая его к особо рьяным адепткам. Казанова предложил Калиостро свои услуги в качестве чичероне, и они несколько дней путешествовали в гондолах по

каналам и лагунам, плавали на острова, а вечерами сидели в маленьких тавернах, с удовольствием поглощая дары моря и запивая их молодым белым вином. Видимо, в силу различия характеров Казанова прекрасно нашел общий язык с Калиостро. Расставались они друзьями, и Казанова посоветовал приятелю держаться подальше от Рима, но маг не внял ему. Когда в 1795 году Калиостро скончался в замке Святого Льва в Риме, Казанова вспомнил о своем предсказании и тяжело вздохнул: «Я ему говорил, а он меня не послушался...»

Жалованье, получаемое Казановой в должности осведомителя, было равно пятнадцати дукатам или ста двадцати венецианским лирам в месяц; еще двести шестьдесят четыре лиры он получал в качестве ренты от покойного Барбаро и здравствующего Андреа Дандоло (по шесть цехинов в месяц от каждого), следовательно, ежедневно он мог позволить себе тратить не более тринадцати венецианских лир. Для человека, привыкшего расплачиваться цехинами, золотыми дукатами и полновесными экю, это была нищета. Разум Казановы, а еще более его плоть восставали против такого существования. Отдельная оплата особых поручений, равно как и дары друзей положения не спасали. Авантюрист страдал от невозможности завести хороший стол, Соблазнитель — купить любовь продажной девки. Нужда в деньгах становилась все острее, и Казанова, не разбогатев как автор, попытался заработать ремеслом издателя. В январе 1780 года он начал выпускать литературный ежемесячник под названием «Литературная смесь» («*Opuscoli miscellanei*») и продавать его по две венецианские лиры за экземпляр. Содержание журнала было вполне достойно пера графомана: в нем были напечатаны отрывки из «Истории польской смуты», дифирамбы, адресованные душе господина де Вольтера (попытка реабилитироваться за злобный памфлет), рассуждения о стыде, трактат об оптических свойствах стекла, рассказ о дуэли господина Казановы с графом Браницким, различные письма и рецензии. Но несмотря на разнообразие публикуемых материалов (принадлежавших одному автору) альманах успеха не имел и через полгода издание его прекратилось. Следует отдать должное издателю: читатели, заранее оплатившие годовую подписку на «Литературную смесь», в возмещение ущерба получили бесплатно новую книгу «Венецианские истории»^[73].

Неудача с альманахом повергла Казанову в печаль и оцепенение. Его самолюбию автора был нанесен удар, а вопрос, как раздобыть достаточно денег, встал с еще большей остротой. Прежде изобретательный и упорный в достижении цели, нынешний Казанова растерялся, но ненадолго. Вскоре он решил выступить на поприще театральной антрепризы. Сын

комедиантов, видевший все крупные театры Европы, имевший друзей и знакомых во всех знаменитых труппах, знавший всю подноготную театральной жизни, он имел все основания добиться успеха даже в Венеции, где искушенная в театральных зрелищах публика позволяла театрам вести ожесточенную борьбу за ее кошелек. И все же Казанова нашел пустующую нишу: в его любимом городе не было постоянной французской труппы, которая бы, подобно труппе театра Итальянской комедии в Париже, из года в год знакомила бы зрителей с французскими пьесами и французской манерой игры. Узнав, что во Флоренции гастролируют французы, он вместе с неким Боттари, личностью весьма подозрительной, отправился туда и ангажировал труппу играть в Венеции.

7 октября 1780 года на сцене театра Сант-Анджело французы показали «Заиру» ненавистного Авантюристу Вольтера. Желая сделать новой труппе рекламу, Казанова приступил к выпуску восьмистраничного театрального обозрения «Посланец Талии» (*«Messagero di Talia»*), где кратко пересказывал содержание спектаклей, указывал состав актеров и публиковал репертуарный план. Сначала издание выходило по-французски, потом по-итальянски, но ни на одном языке успеха не имело и после одиннадцатого номера прекратило свое существование. Недолго просуществовал и французский театр: в феврале труппа покинула Венецию. Для Казановы это был удар, еще более жестокий, чем предыдущий, ибо на этот раз пострадало не только его самолюбие, но и кошелек. По-прежнему единственным стабильным источником его дохода оставалась служба в качестве соглядатая.

Казанова продолжал писать донесения, сиречь докладные записки со своими рассуждениями о различных материях: о религии, о коммерции, об общественной безопасности, о мануфактурах, и спустя некоторое время инквизиторы решили отказать ему в жалованье — видимо, «за ненадобностью». Казанове пришлось «на коленях» умолять их не лишать его и его семейство источника существования, подразумевая под последним молодую швею по имени Франческа Бускини и ее родных: мать, брата и сестру. После недавней кончины последнего своего покровителя Дандоло Казанова покинул свое жилище и переселился в дом, расположенный в густонаселенном квартале Кастелло, где вместе с ним поселилось и вышеуказанное семейство. Франческа, простая, милая, набожная и сообразительная девушка, влюбилась в Казанову с первого взгляда. Любил ли ее Соблазнитель — неизвестно, скорее всего, он испытывал к ней просто нежность. Тем не менее впервые в жизни Казанова согласился взять к себе не только возлюбленную, но и ее семью, то есть

позволил обустроить в своем доме семейный очаг, сознательной потребности в котором он никогда не испытывал, хотя с возрастом желание уюта и покоя не раз охватывало его. Надев тапочки и домашний халат, гражданин мира с нескрываемым изумлением обнаружил, что оседлая жизнь тоже имеет свои прелести. Открытием этим он обязан был прежде всего Франческе, старавшейся изо всех сил доказать любовнику, что выбор его был правильным. Она следила за его одеждой, помогала причесываться, предупреждала малейшие его желания, готовила его любимые блюда. Следуя за ним подобно тени, она стала его утешительницей, поверенной его тайных помыслов. Когда ему случалось отлучаться из города, он писал ей письма и она немедленно ему отвечала. Даже когда он окончательно покинул Венецию, они еще какое-то время продолжали писать друг другу письма: он — длинные и замысловатые, она — короткие, трогательные, полные грамматических и прочих ошибок. Ни одна женщина не была с ним так добра, как Франческа, и ни об одной Казанова не сохранил таких теплых воспоминаний.

Любая семейная жизнь увеличивает расходы, и перед Казановой — в который раз! — встал вопрос о подыскании еще какой-либо доходной должности. Опросив приятелей и друзей, он наконец нашел место секретаря при маркизе Спиноле. Уроженец Генуи, Спинола был богат, взбалмошен и ленив; жена наставляла ему рога, и он изменял ей направо и налево. Жил он то в Венеции, то в своих поместьях, обожал устраивать лукулловы пиры, пышные празднества и веселиться до упаду. Согласившись занять место при богатом ветрогоне, Казанова ощутил предчувствие надвигающейся беды и не ошибся. В доме Джанкарло Гримани ему довелось познакомиться с графом Карлетти, офицером. Узнав, что Казанова служит секретарем у Спинолы, Карлетти рассказал ему, что несколько лет назад заключил с маркизом пари, выиграл его, но выигрыш, двести пятьдесят цехинов, не получил до сих пор.

— Ежели вы поможете мне получить эти деньги, — заявил граф, — я в долгу не останусь.

В иное время Казанова почел бы недостойным участвовать в таком деле, но времена переменились.

— Скажите, на сколько я могу рассчитывать? — спросил он Карлетти.

— О, деликатность не позволяет мне... — начал граф.

— Оставим деликатность, граф. Скажите прямо: сколько вы мне заплатите?

— Пусть это решит хозяин дома.

— Согласен, слово Гримани — лучшее поручительство.

Получив со Спинолы долг, Казанова потребовал свою долю, но в ответ услышал лишь невнятное бормотание о каких-то процентах. Казанова напомнил, что речь шла о наличных деньгах, граф принялся оскорблять его, началась ссора. Присутствовавший при ней Гримани принял сторону офицера, и обиженный Казанова удалился, хлопнув дверью. Вскоре весь город обсуждал случившееся. Все считали Казанову низким трусом, позволившим Карлетти безнаказанно оскорбить себя. Подобный позор можно было смыть только кровью, вызвав обидчика на дуэль. Однако, не сделав это сразу, Казанова опоздал: Карлетти уже покинул Венецию. Не имея возможности защитить свою честь в поединке, Казанова взялся за перо, и через несколько дней в городе стали продавать памфлет под названием «Ни любви, ни женщин, или Очищенные конюшни». Действующими лицами памфлета были мифологические персонажи, в образах, словах и поступках которых легко угадывались действующие лица скандала, случившегося в доме Гримани. Однако автор не ограничился одним происшествием, он разразился гневной филиппикой против злоупотреблений, допускаемых некоторыми аристократами. Но самое страшное оскорбление своим памфлетом Казанова нанес семейству Гримани, утверждая (разумеется, в аллегорической форме), что он является сыном законной жены Микеле Гримани, и Себастьяна Джустиньяни, а вовсе не Дзанетты Фарусси и Микеле Гримани. Эти рассуждения вызвали настоящую бурю, ибо Казанова не только утверждал свое родство с Гримани, но и требовал причитающуюся, по его мнению, ему долю их богатств. Брошюра шла нарасхват, и пока цензоры принимали решение конфисковать тираж, он успел разойтись. Гримани молчаливо снес оскорбление, только отказал Авантюристу от дома, то же самое сделали его друзья и знакомые. Казанова понял, что он перестарался. Он попытался было отступить назад, но было поздно. Прокуратор Республики настойчиво посоветовал ему поскорее оставить Венецию. Казанова моментально собрал свои нехитрые пожитки и бежал в Триест.

Оттуда он написал прокуратору Морозини, где признавал свое заблуждение и упрекал Гримани в том, что тот закрыл перед ним двери, не дав ему возможность оправдаться. «Мне пятьдесят восемь лет, — писал он, — и мне трудно ходить пешком, особенно когда зима не за горами; думая о том, что мне вновь предстоит скитаться по градам и весям, я гляжу на себя в зеркало и смеюсь: нет, вернуться к былому я уже не могу».

Через месяц он вернулся, написал несколько пустых докладов для инквизиторов, собрал свои вещи, попрощался с Франческой и покинул город. Внутренний голос говорил ему, что это навсегда. «То ли я не создан

для Венеции, то ли Венеция не создана для меня, или же мы оба не созданы друг для друга», — написал Казанова. Это случилось в январе 1783 года. Почти девять лет провел он на родине, и теперь он покидал ее — усталый, разочарованный и не питающий никаких надежд. Друзья и знакомые от него отвернулись, ему осталась верна одна Франческа.

Казанова уехал в Вену, где несколько месяцев прожил за счет приятелей, посещая званые обеды, завтраки и ужины.

Затаив неприязнь к изгнавшим его властям, Казанова, пользуясь своей известностью предсказателя, решил им отомстить. Спустя несколько недель после его отъезда инквизиторы получили анонимное письмо, в котором утверждалось, что 25-го числа текущего месяца в Венеции начнется землетрясение, оно разрушит город до основания. Письмо посеяло панику, многие патриции стали срочно покидать город, особенно когда узнавали, что автором письма являлся некий Казанова, ухитрившийся вложить свое послание в дипломатическую почту. Оракул Казановы был известен многим, и его предсказания в основном сбывались. К счастью, не на этот раз.

И вновь Казанова вынужден странствовать. Во Франкфурте он познакомился со знатной и богатой англичанкой, которая предложила ему сопровождать ее в Амстердам. У англичанки была одна странность: она желала говорить только на латыни, а Казанова прекрасно знал этот язык. Но однажды, когда они почти добрались до цели, после одной из трапез Казанова заявил своей спутнице: «Я покидаю вас, сударыня, дабы отправиться туда, куда призывает меня мой каприз. Удержать меня невозможно». Что произошло между ними и кем была эта загадочная англичанка — неизвестно. Она оставила Казанове двадцать пять гиней, что в его положении было весьма кстати. В одном из писем, намекая на этот таинственный эпизод из его жизни, Казанова написал: «Возможно, когда-нибудь станет известно, предвестницей каких великих событий она была». Другой намек был еще загадочнее: «Не стану рассказывать, кто была эта англичанка, но поведаю вам, отчего я отказался ехать на Мадагаскар». Иными словами, покинув Венецию, Казанова преисполнился всевозможных планов, в том числе самых невероятных. Но иметь дело с дамами *a la* маркиза д'Юрфе он, видимо, зарекся.

Хаотичные переезды из города в город привели Казанову в Париж; он не узнал его. Изменилось все — возможно, потому, что изменился он сам. Прежние друзья и приятели либо не узнавали его, либо он не узнавал их. Город утратил прежнюю веселость, отличавшую его еще тридцать лет назад, которая делала пребывание иностранцев в нем особенно приятным.

В обращении парижан не было прежнего радушия, вместо улыбок на лицах появилось выражение заносчивой дерзости. Веселое и непринужденное настроение сменилось озабоченностью, былых зевак на улицах как не бывало. Нравы упростились, в них чувствовалось больше свободы, однако повсюду царила внутренняя настороженность, воздух был напоитан беспокойством. Древняя монархия раскачивалась словно корабль перед началом шторма. «Дела, затруднения, заботы, планы — все это написано на лицах. В обществе восемнадцать человек из двадцати только и делают, что изворачиваются, чтобы как-нибудь покрыть издержки, вызванные жизнью на широкую ногу», — писал певец Парижа, замечательный французский философ Луи-Себастьян Мерсье^[74]. Лица прохожих в большинстве своем выражали неподдельную тревогу. Страна была накануне банкротства, а возле дверей ее стоял грозный и величественный призрак Революции. Единственно неизменным в Париже оставалось влияние женщин; желающим преуспеть необходима была поддержка сильной и нежной женской ручки. Но Казанове уже шестьдесят, а в таком возрасте без денег искомую поддержку найти трудно.

Однако предгрозовый воздух Парижа вернул Авантюристу былую энергию. Он отыскал старых знакомых, с их помощью завел новых, стал общаться с философами, дипломатами, литераторами, познакомился с доктором Бенджаминном Франклином^[75], посещал заседания Академии, стал завсегдатаем модных гостиных. Он был совершенно не против обосноваться в Париже, однако для этого также потребна была должность, предполагавшая достаточное вознаграждение, а таковой ему никто не предлагал. И в ноябре он вместе с братом Франческо уехал в Вену. Там он вновь попытался пробудить интерес Венецианской республики к своей персоне, завязав отношения с ее посланником Фоскарини. Но Республика не желала распахивать свои объятия блудному сыну, высмеявшему знатнейших ее граждан. В доме Фоскарини Казанова познакомился с графом Вальдштейном; знакомство сие и определило его судьбу. Графу не было еще и тридцати, он был членом масонской ложи и вел рассеянный образ жизни, много путешествовал, играл, интересовался магией и преклонялся перед Парацельсом. Казанова без труда очаровал графа, посвятив его в тайны своего оракула и философского камня. Прощаясь, граф предложил ему отправиться с ним в Богемию, в местечко Дукс (современный Духцов, Чехия), где находился принадлежавший ему замок.

Серая громада графского жилища произвела на Авантюриста удручающее впечатление; по его мнению, она более напоминала тюрьму,

нежели приют отдохновения. Ему показалось, что жизнь в таком замке равносильна заточению. Поэтому в гостях у графа он не задержался и отправился в Дрезден, где, как это уже случалось, поссорился с братом Джованни и вернулся в Вену. В Вене его ждало письмо от Франчески. «Милый мой любимый друг, — писала она, — как могу, выражаю вам свою признательность, ибо никого другого кроме вас у меня на свете нет». Как всегда, подробно излагая ему домашние новости, она поведала ему о болезни брата и попросила прислать немного денег, ибо на докторов сильно поиздержалась: «Желаю вам счастья и довольства. А коли появятся у вас деньги, помогите чем можете, ибо пребываем мы все в большой нужде, а обратиться у меня кроме вас не к кому». Время от времени Казанова действительно посылал Франческе кое-какие крохи, однако сейчас он не мог дать ей ни гроша; положение его было таково, что ежели бы не помощь посланника, то ему пришлось бы ночевать на улице. Фоскарини взял его на должность посольского секретаря, доверив ему разборку поступавших депеш. Жалованье было не велико, зато пища и кров предоставлялись бесплатно. Еще Авантюрист подрабатывал чичисбеем у некой дамы преклонных лет, однако поприща сего стыдился и делал это втайне. Не теряя надежды вновь заслужить прощение, Казанова написал несколько памфлетов против врагов Республики, а когда стал назревать дипломатический скандал, выступил в защиту Фоскарини. Время от времени он отсылал статьи в издававшийся в Триесте альманах «Обозреватель», за что, видимо, получал вознаграждение не только моральное, но и материальное.

Посольская работа была монотонной, но спокойной, Казанову она устраивала. Но вскоре жизнь его круто изменилась. В апреле скончался Фоскарини. В отчаянии Авантюрист решил удалиться от мира в монастырь; двадцать пять лет назад, в Швейцарии, его уже посещало подобное желание. Но ни тогда, ни теперь призвания к монашескому служению он не чувствовал, просто решил поддаться минутному порыву. Один из друзей напомнил ему пословицу: «Ряса не делает монаха монахом», чтобы стать отшельником, требуется «кое-что другое», а этого «другого» у него никогда не было, и он это понимал. В который раз брошенный в закрытом теперь для него мире, он вспомнил о графе Вальдштейне и отправился к нему в Теплице. Из Теплице вместе с графом Казанова поехал в Дукс.

БИБЛИОТЕКАРЬ ГРАФА ВАЛЬДШТЕЙНА. ЛЕГЕНДА О КАЗАНОВЕ, НАПИСАННАЯ ИМ САМИМ

Как и в первое свое посещение, вид замка удручил Казанову. Не умея видеть красоту в природе, он остался равнодушен к прекрасному парку, окружавшему серое строение, к радужным листьям, кружившимся в погожий день в золотистом сентябрьском воздухе. Для Казановы осень была предвестником зимы, холодной и безрадостной. Выросший под ослепительным солнцем Италии, под плеск переливчатых волн голубой венецианской лагуны, он не любил сырость, дожди и холод. Приезжая в замок, граф устраивал приемы, охоту, выезды и празднества, держал стол, но когда он уезжал, жизнь в замке замирала. Однако наезды его были редки, он предпочитал шумное веселье больших городов: Парижа, Лондона, Вены... Казанова был бы рад составить ему компанию, но он был стар, без средств, без крыши над головой и без надежды обрести все это в ином месте. Устав стучаться в закрытые двери, он остался в Дуксе. Жизнь во всех ее проявлениях более его не радовала, из блистательного собеседника, завораживавшего всех своими искрометными речами, он превращался в занудливого резонера, живущего воспоминаниями о былом. Настоящее от него отвернулось, и в отместку он тоже не желал его замечать.

Граф сделал его хранителем своей обширной — более сорока тысяч томов — библиотеки, отвел самую удобную комнату в замке, назначил стол и приказал слугам почтительно исполнять любое повеление Казановы. Сделав надлежащие распоряжения, граф тепло простился с новым хранителем книжной премудрости и уехал. Казанова остался в одиночестве, сером, унылом, плотно окутавшем его со всех сторон словно могильный саван. Никогда, даже в Пьомби, Казанова не чувствовал себя таким одиноким. Актер, драматург и режиссер пьесы под названием «Моя жизнь», он не мог обходиться без зрителей — без них театр мертв.

Возможно, пребывание в Дуксе было бы почти сносным, ежели бы прислуга, объединившись, не ополчилась против него. Главными ненавистниками Казановы стали мажордом Фельткирхнер, грубый солдафон с тощей перекошенной физиономией, и его закадычный дружок, кучер Видерхолт, обладатель еще более омерзительной рожи, нагло

утверждавший, что происхождение имеет благородное, хотя на деле был полным ничтожеством. Эти два субъекта более всех старались досадить Казанове и сделать его и без того невеселую жизнь совершенно невыносимой. Средства, выбираемые ими, были самыми что ни на есть подлыми и бесчестными. Более всех ярился Фельткирхнер, приставленный графом прислуживать Казанове. Он почитал библиотекаря бесполезным нахлебником и не желал мириться с теми привилегиями, коими наделил его граф.

Джакомо изо всех сил пытался избегать мажордома, с утра уходил в библиотеку или закрывался у себя в кабинете, где занимался каталогизацией книг, читал или писал. Штудии помогали ему забыть грубости и унижения, коими подвергал его Фельткирхнер и его клеветы. В библиотеке Вальдштейна были все любимые Казановой классики: Гомер, Сенека, Гораций, равно как и его излюбленный Ариосто, которого, впрочем, читать ему не требовалось, ибо он знал его наизусть и мог в любой миг продекламировать любую строфу из «Неистового Роланда». Еще одним утешением служили письма — те, что приходили, и те, что он писал сам. Его письма были длинными, на одно письмо иногда уходил целый день. В них он подробно описывал свое здоровье, жаловался на мерзкую погоду, рассказывал о книгах, которые читал и которые намеревался прочесть, делился своими планами написать о том или об этом, с гневом обрушивался на Фельткирхнера и беспрестанно вспоминал о днях своей юности и о молодых своих проделках.

Между тем Фельткирхнер делал все, чтобы настроить против Казановы не только слуг в замке, но и всю округу. Так, он обвинил библиотекаря в том, что тот соблазнил двадцатилетнюю дочь привратника Анну Доротею Клеер, и Казанова не только опроверг эту чудовищную клевету, но и выяснил, кто отец будущего ребенка. Им оказался проживающий неподалеку художник Шетнер. Когда Казанова вместе с родными девицы явился к нему, молодой человек повинился и через неделю женился на Анне Доротее. Впрочем, не все казановисты принимают эту версию, некоторые считают, что прав был мажордом и отцом будущего ребенка действительно был Казанова, к которому она по утрам приходила убирать в комнате. В драме Марины Цветаевой «Феникс», посвященной последним годам жизни Соблазнителя, выведен образ юной рыжеволосой красавицы, являющейся к старцу Казанове. В ряде драм, посвященных последним годам младшего современника Казановы, маркиза де Сада, проведенным им в больнице для умалишенных, тоже присутствует образ юной дочери надзирателя, регулярно посещающей узника-пациента и

являющейся для него единственной отрадой. Может быть, Анна Доротея — тоже образ, сотканный из сплетен и стремления Соблазнителя, еще не забывшего свои подвиги на амурном поприще, обзавестись послушной и нетребовательной любовницей. Принимая во внимание возраст Соблазнителя, его сильно пошатнувшееся здоровье и любовную немощь, первая версия кажется предпочтительнее. Тем более что за долгую карьеру Любовника Казанова обучился искусству любви без последствий и, если бы и попытался обольстить наивную девицу, вряд ли допустил бы, чтобы дело зашло так далеко. Дукс — маленький городок, где все обо всех известно, а портить себе и без того не лучшую репутацию было не в его интересах.

В Богемии Казанова попытался обратить взор свой и помыслы к Господу, существование которого он никогда не отрицал. Он всегда считал себя верным сыном католической церкви, не лучше, но и не хуже других, признавал ее догматы и даже упрекал Вольтера за безбожие и дерзкие выпады против папства. В Дуксе Казанова свел знакомство с местным священником и не без удовольствия вел с ним теологические дискуссии. Это была одна из счастливых возможностей поговорить. Однако, когда протестантский пастор стал пытаться обратить его в свою веру, он гневно отказался и прекратил с ним общение.

Привыкнув к кочевой жизни, Казанова с трудом выносил долгое пребывание на одном месте. Едва у него появлялись несколько лишних дукатов, он покидал замок, отправляясь то в Прагу, то в Дрезден, то в Вену, и возвращался только тогда, когда карманы его были пусты.

Так, летом 1787 года он отправился в Прагу с благовидной целью издать два своих труда: сатирическую фантастическую утопию «Икозамерон, или История Эдуарда и Элизабет, проведенных восемьдесят один год у мегамикров, коренных жителей Протокосмоса в центре земли» и небольшую брошюру «История побега из Пьомби». Многотомный роман «Икозамерон», написанный в подражание великим утопистам прошлого (Сирано де Бержераку, Кампанелле, Мору), рассказывал о подземной империи мегамикров, двуполых людей, питавшихся грудным молоком и сумевших создать цивилизацию по последнему слову тогдашней техники. Изобретения подземных жителей — это своего рода компендиум научных познаний Казановы, который, подобно Жюльо Верну, попытался предугадать возможное использование достижений современной ему науки. Однако большую часть романа занимает поистине бесконечный рассказ о постепенном завоевании, точнее, вытеснении жителей подземного мира земными людьми. Заклучая между собой инцестуальные

брачные союзы, люди начинали размножаться в геометрической профессии, производя на свет исключительно разнополых близнецов. Когда количество землян превысило численность подземных жителей, земляне принялись устанавливать привычный для них монархический строй. Изобилующий длиннотами и перегруженный дотошными описаниями роман успеха не имел и по сей день воспринимается как курьез, коих немало в истории литературы. «Чтобы дочитать „Икозамерон“, чудовище среди утопических романов, надо обладать овечьим терпением в ослиной шкуре», — написал в своем очерке о Казанове С. Цвейг. Жизнь Казановы была гораздо богаче его фантазии, и все сочинения его блекли на фоне его воспоминаний. В отличие от «Икозамерона», «История побега из Пьомби» разошлась мгновенно.

Тем временем навестить родовое гнездо в Дукс прибыл граф Вальдштейн. Приезд владельца замка сулил развлечения и увеселения, коим истосковавшийся по обществу Казанова предался воистину с юношеским пылом. Он даже принял участие в устроенных графом скачках, но свалился с лошади и сильно расшиб ногу. Граф предложил ему целебный пластырь, но венецианец отверг его, предпочитая примочки собственного изготовления. Излечившись, он написал своему другу, графу Ламбергу: «Вот я и снова здоров, прибавил в весе, ем как волк и сплю как сурок». Привыкнув всю жизнь заботиться о своем физическом здоровье, Казанова терпеливо восстанавливал силы.

Оправившись, он вновь уехал в Прагу, тем более что для поездки у него появился прекрасный повод: вышла его «История побега из Пьомби». Прочитав ее, друг Казановы, Ж. Ф. Опиц, восхищенный живостью авторского стиля, тотчас рекомендовал брошюру всем своим друзьям. Иное дело «Икозамерон»; роман был издан в пяти книгах, успеха не сыскал и разорил автора совершеннейше, ибо издание сделано было полностью за его счет. Ни подписчиков-читателей, ни книгопродавцев, пожелавших выкупить тираж, Казанова не нашел. В Праге Казанова встретился с Да Понте, как раз завершавшим работу над либретто к опере Моцарта «Дон Жуан». Уже была назначена премьера, Да Понте торопился, и Казанова принял участие в последней редакции либретто. Работа была напряженной, отношения между Казановой и Да Понте, как обычно, были натянутыми. Вдобавок Казанова пребывал в подавленном состоянии по причине провала «Икозамерона», и, ослабев духом, он быстро стал жертвой инфлюэнцы, свирепствовавшей в то время в Богемии. Однако, уверенный, что знает собственный организм лучше любых врачей, Казанова сам назначил себе лечение: режим, строгую диету и чай без ограничения. Чай был любимым

напитком Казановы (в отличие от Вольтера, предпочитавшего кофе).

Вернувшись в Дукс без гроша в кармане, он сразу почувствовал, что ему здесь не рады. Прислуга, объединившись, возобновила травлю. Казанова принялся защищаться и даже пошел в наступление. Будучи вспыльчивым и обидчивым от природы, к старости он совершенно перестал себя сдерживать. Он цеплялся к пустякам, поднимал скандалы на ровном месте: жаловался на собак, мешавших ему спать своим лаем, на кучера, избравшего для него самую скверную дорогу, на кухарку, испортившую его кушанье. В ответ кухарка, склочная и злобная бабенка, отказалась готовить и подавать Казанове отдельно, и ему пришлось обедать вместе с ненавистным ему Фельткирхнером. Тут Казанова разошелся: он бушевал из-за стакана молока, который ему забыли подать, из-за неправильно приготовленных макарон и вчерашнего кофе, из-за кислого соуса и подгоревшего жаркого. Сварливый и вечно чем-то недовольный, он ухитрился поссориться даже со своим гостеприимным хозяином. Матушка Вальдштейна мечтала женить сына, надеясь, что после свадьбы он остепенится, прекратит колесить по Европе и беспутствовать. Но вместо женитьбы Вальдштейн соблазнил юную девицу по имени Каролина, служившую в замке камеристкой, и сделал ее своей любовницей. Не сумев повлиять на сына, о романе которого судачила вся округа, старая графиня обратилась к Казанове с просьбой вразумить графа. Подобные поручения никогда не смущали Авантюриста, желание указать и распорядиться было у него в крови; он согласился. И потерпел полное фиаско, ибо, забывшись, взял неверный тон — принялся свысока, по-отечески увещевать графа. Вальдштейну это не понравилось, и он сухо ответил, что не нуждается ни в чьих советах, и уж тем более в советах библиотекаря. После такой беседы Казанова несколько дней не разговаривал с графом, но потом они помирились; узнав, что Казанова остался без гроша, граф купил у него все его рукописи. Таким образом замок Дукс стал естественным хранилищем рукописей Казановы, его архивом (каковым он и является по сей день; в нем же расположен музей Казановы).

Война с Фельткирхнером продолжалась; одно время мажордом даже начал уставать от столь продолжительных военных действий, но Казанова, похоже, наоборот, вошел во вкус. Целыми днями в доме раздавалось его брюзжание; он обижался не только на прислугу, но и на графа: почему тот отдает книги из библиотеки, не предупреждая его об этом? Почему, когда в замке собирается много гостей, ему непременно не хватает места за общим столом? Почему граф не считает нужным знакомить его с гостями? А уж от прислуги только вреда и ожидай: кучер не снял шапку, горничная забыла

вовремя поменять белье, суп подали слишком горячий, башмаки плохо почистили, парик причесали из рук вон плохо... Более всего раздражал Казанову смех. Сам он даже в лучшие годы смеялся редко, в основном заставлял смеяться других над своими рассказами и историями. Ирония по отношению к себе у него отсутствовала вовсе, и в старости это стало для него источником мучений. Хотелось ли ему поговорить по-немецки, почитать французские стихи, декламировать отрывок из любимого Ариосто — смеялись все вокруг, а жизнь без слова для Казановы была равносильна смерти.

В прошлом молодой задор, броская красота, сверкающий наряд и бьющее через край жизнелюбие заставляли слушателей забывать о бестактности и напыщенности его речей, о банальности самого оратора, и он пользовался великой популярностью как собеседник и рассказчик; теперь задор угас, распыленные таланты, многочисленные, но поверхностные, развеялись житейским ветром, а сосредоточенности, воли и самоуглубленности, делающих интересными любого, и в королевской мантии, и в рубище, у него никогда и не было. В результате вынужденный жить в четырех стенах, довольствуясь главным образом обществом несносной челяди, что было еще хуже, чем одиночество, Казанова, стержнем характера которого был эгоизм, не знал более, о чем говорить, ведь он всегда говорил только о себе.

Но если прежде, рассказывая о себе, о своих знакомствах, своих вкусах и привычках, он неизменно живописал и окружающий его мир, то теперь, лишенный подпитки извне в виде новых впечатлений и знакомств, он растерялся и не знал, как привлечь к себе внимание тех, в чьем обществе ему приходилось доживать свой век. Его талант рассказчика, благодаря которому объявление войны или финансовый кризис выглядели событиями ничтожными по сравнению с теми, что происходили с его собственной персоной, теперь спроса не имел, ибо с ним более не происходило ничего, что бы заслуживало специального рассказа. Мышиная возня вместо героических баталий, скучная синекура, где нельзя ни пустить пыль в глаза, ни *подправить Форту*ну, а главное — никакой свободы. Вернее, он абсолютно свободен, предоставлен самому себе, имеет кров, пищу для тела и ума, немного денег. Но такая свобода не для Казановы; при такой свободе надо быть, творить, лепить свое или служить другим. Все это не для Казановы; он привык быть в центре внимания и развлекаться; сегодня ему интересно добывать философский камень, а завтра заниматься окраской тканей, послезавтра — сочинять комедии, а еще через неделю писать проект о создании табачных плантаций в Испании. Сегодня он требуется

здесь, завтра — там, послезавтра к его услугам прибегают дипломаты, через неделю — финансисты. Он нужен везде и нигде, всем и никому. Он бесшабашно сорит деньгами, дарит свою дружбу и любовь и беззаботно мошенничает, предает друзей и бросает женщин. Будучи гражданином мира, он поспевал везде и за всеми, состарившись, от стал не нужен нигде и никому. Сознать свою ненужность мучительно, для Казановы невозможно вовсе. Отсюда его многочисленные промашки; являясь к графским гостям то в старомодном костюме, то проделывая немыслимые поклоны, бывшие в моде никак не менее полувека назад, он не мог не вызывать улыбок у собравшихся, отчего злился невероятно. Однажды, вспыхнув, он высокомерно заявил:

— Я стрелялся на дуэли с польским генералом и чуть не прикончил его! Пусть я по рождению не дворянин, но я сам сделал из себя дворянина!

Граф Вальдштейн, к которому была обращена сия тирада, про себя рассмеялся, но решил проучить сварливого старика. С бесстрастным лицом он снял со стены пистолеты и, протянув один Казанове, предложил ему стреляться, ибо слова его он «воспринимает не иначе как оскорбление». Решив, что граф и в самом деле вызывает его на поединок, Казанова патетически воскликнул:

— Я никогда не посмею поднять руку на моего благодетеля!

Тут граф захохотал, обнял престарелого Авантюриста, и мир был восстановлен.

Единственным местом, где Казанова теперь чувствовал себя отратно, была библиотека, куда он приказал поставить для себя письменный стол. В обществе книг ему было привольно, это были старые друзья, они никогда не смеялись над ним, никогда его не подводили, ничего не требовали и всегда были готовы дать ровно столько, сколько требовал от них Казанова. Еще он писал письма — графу Ламбергу, родственнику графа Вальдштейна принцу де Линю, Лоренцо Да Понте и даже Франческе Бускини, отсылая на ее имя весточки не только ей, но и всем своим венецианским знакомцам. Франческа исправно служила Казанове почтальоном. Через нее, например, он писал находившемуся на государственной службе Пьетро Дзагури, не желая компрометировать последнего перепиской с изгнанником. Впрочем, к тому времени, когда Казанова окончательно обосновался в Дуксе, вряд ли Венецианская республика уже считала его серьезным противником. Имей он силы и желание, быть может, он сумел бы вновь добиться прощения, но в глубине души он понимал, что податься в родном городе ему будет некуда, а ведь ему надо жить, поддерживая все функции его большого и требовательного тела, которое, лишившись радостей любовных,

становилось все более восприимчивым к радостям, доставляемым пищей и теплом. Писал Казанова обо всем — о своей простоте и свойствах математических фигур, о бессмертии души и о мерзком мажордоме, изводившем его своими придирками. Слушателей было найти трудно, корреспондентов — хоть отбавляй. Цепкая наблюдательность, легкий слог (когда речь не заходила о высоких материях), любопытные воспоминания, яркие характеристики общих знакомых и коронованных особ побуждали адресатов Казановы с удовольствием раскошелиться, получая от него объемные пакеты.

14 июля 1789 года пала Бастилия, во Франции свершилась революция. Узнав об этом, Казанова был безмерно потрясен. Причисляя себя к людям просвещенным, он, в отличие от великих просветителей, никогда не намеревался изменить существующее мироустройство. Ему всего лишь хотелось занять место среди благородного сословия и власть предрежащих. Высмеивая венецианских аристократов (за что он вторично был изгнан из Республики), он жаждал доказать свое право встать в их ряды, а вовсе не порочность аристократического правления. Если бы все эти Карлетти и Гримани приняли его в свой круг, обошлись бы с ним как с равным, ему бы и в голову не пришло писать против них памфлеты. Французская революция разрушила уютный и понятный мир, где Казанова чувствовал себя как рыба в воде, уничтожила аристократию, за счет предрассудков и тщеславия которой процветали мошенники и авантюристы, подобные Казанове. 21 января 1793 года творцы революции пошли еще дальше: они казнили короля. Выступая против роскоши, разврата и коррупции, уничтожая сословные различия, провозглашая разум и добродетель основой мироустройства, а свободу, равенство и братство — основой отношений между людьми и народами, революционеры беспощадно уничтожали всех, кто был не согласен с их лозунгами и политикой. Вместо всеобщего братства во Франции начался террор, унесший сотни тысяч ни в чем не повинных жизней. Благими намерениями вымощена дорога в ад.

«Франция была родиной для чужестранцев. Родина ли она нынче для самих французов? Прежде деспотизм являлся нам в виде приказов об аресте без суда и следствия. То был деспотизм короля. Теперь же предстает перед нами деспотизм народа, невоздержанного, кровожадного, необузданного; он сбегается в толпы, вешает, рубит головы, убивает всякого, кто, не будучи сам народом, осмелится обнаружить свое мнение», — пишет в «Мемуарах» Казанова. В неизвестности сгинул авантюрист Сен-Жермен, сложил голову на гильотине авантюрист барон Тренк, покинул Европу Лоренцо Да Понте. Любезный сердцу Казановы Париж теперь был

закрыт для него навеки. Самым страшным ругательством в устах Казановы становится слово «якобинцы», коими именуют себя грозные сторонники революционного вождя Робеспьера, узаконившие в 1793 году кровавую политику террора. Возмущенный Казанова пишет Робеспьеру длинное письмо, пространно доказывая, что тот ошибается, уповая исключительно на людскую добродетель. Кому как не Казанове знать цену этой добродетели! Ведь он, как сказал в одной из своих речей Робеспьер, принадлежит к тому самому племени «ловких мошенников», которые, «возведя эгоизм в систему», «честность почитают не обязательной», а на мир смотрят как на свою вотчину, где каждый волен добиваться успеха любыми способами. Ответа на свое послание Казанова, разумеется, не получил. А может, неуверенный, что письмо дойдет до адресата, он его просто не отправил? Не раз на страницах писем Казановы появляются горькие реплики по поводу революционных событий во Франции. Вольнолюбивый авантюрист Казанова тяжело переживал утрату старой Франции и наступление новой эпохи, рождение новых идеалов и новых людей. Его жизнь осталась в аристократическом галантном веке, разбитом революцией.

А в замке Дукс время остановилось и замерло. Вспоминая о жарком солнце Италии, Казанова, не успевая отогреться за лето, вновь вынужден был кутаться в накидки и одеяла, спасаясь от весенне-осенней сырости и снега. Чтобы как-то скрасить постылое одиночество Казановы, Сесиль Роггендорф, последняя платоническая любовь Соблазнителя, подарила ему маленькую собачку. Авантюрист назвал ее Мелापиги (Чернозадкой). Собачка сопровождала его повсюду, ела вместе с ним, спала в его комнате, а так как Казанова не имел привычки гулять с любимым питомцем, то делала свои дела собачка прямо в комнатах, чем вызывала жгучую ненависть прислуги. В конце концов мажордом и его помощники отравили ее. Казанова долго оплакивал потерю четвероногой подружки и посвятил ей немало скорбных страниц. Узнав о гибели несчастной собачонки, княгиня Лобковиц прислала ему взамен левретку, но новая собака не сумела занять место Мелापиги в сердце Казановы, и ее пришлось у него забрать.

Постепенно писание становилось единственной отрадой старца, теперь он чаще писал, чем читал. Но ведь именно умение письменно выразить свою мысль возвышало его над той средой, откуда он вышел, и ставило вровень с титулованными избранниками, которые так никогда и не признали его своим. Постоянная переписка, многократный пересказ одних и тех же событий (адресатов было несколько) зародили в нем мысль о

написании мемуаров, тем более что опыт подобной работы у него уже был: опубликованные рассказы «История побега из Пьомби» и «Дуэль, или Очерк из жизни Д. К., венецианца» разошлись мгновенно. Еще у него накопилось немало писем, включая собственные (некоторые он, прежде чем отправлять, переписывал, оставляя себе копию), с помощью которых всегда можно было восстановить подзабытый эпизод.

И вот, сев за письменный стол, взяв перо и положив перед собой чистый лист бумаги, он принялся вспоминать шалости юности и похождения зрелого возраста, любовниц, друзей, врагов, министров, монархов, гостиницы, где протекала его жизнь, кафтаны и жилеты, которые довелось ему носить, вспоминал, сколько денег прошло через его руки и сколько раз этих денег ему недоставало; он переживал свою жизнь заново. Хорошая память, подкрепленная тщательно сохраняемой обширной перепиской, позволяла Казанове восстанавливать мельчайшие подробности своего прошлого. А когда подводила память или терялось письмо, на помощь приходило воображение; и он описывал события в угоду не столько истине, сколько себе. И Казанова вновь зажил привычной ему жизнью, его вновь окружали красивые женщины, он вновь куда-то мчался, что-то устраивал, кого-то любил. Он не стеснялся ничего, рассказывал о своем ночном горшке, о своих мошенничествах, и мелких, и крупных, о сифилисе, о приступах обжорства и вспышках гнева, о знатных любовницах и о походах к потаскухам. Он наслаждался словами, они приобретали цвет, вкус, запах, тепло. Стесняться было некого, в записках он заново проживал свою жизнь и делал это так, как привык, не отделяя хорошего от дурного, все проявления жизни почитая за благо.

Оказавшись в одиночестве в замке Дукс, Казанова-актер мучился, оставшись без зрителя, Казанова-рассказчик — без слушателей, иначе говоря без возможности самоутвердиться. Начав писать «Мемуары», Казанова приобрел читателя — совершенно иного, зато гораздо более многочисленного почитателя, которого он с самых первых страниц стал именовать своим приятелем и добрым знакомым. Дабы расширить круг будущих знакомых, он писал свои «Мемуары» по-французски, на языке просвещенной Европы, а ее знаменитый Авантюрист изъездил вдоль и поперек. Вместе с читателем он обрел славу, которой так не хватало ему при жизни, и — бессмертие.

А покидая рабочий стол и выходя за пределы кабинета, Казанова вновь оказывался в пустынных коридорах замка, среди враждебных ему слуг, старавшихся перещеголять друг друга по части измышления пакостей для библиотекаря. Всех превзошел Видерхольт. Выдрав из какой-то книжки

Казановы его портрет, он фекалиями прилепил его в уборной. Разъяренный Казанова помчался к мировому судье Дукса и потребовал сурово наказать обидчика. Судья ограничился внушением и порицанием. В былые времена Казанова непременно вызвал бы гнусного шутника на дуэль или же попросту отколотил его палкой, но сейчас ему пришлось проглотить обиду. А вскоре на Казанову обрушилось новое несчастье. Для издания своих трудов он занял у дрезденского ростовщика восемьдесят талеров под проценты. Настал срок уплаты, ростовщик грозил пожаловаться графу, и Казанова, не желая огласки, продал шубу, чтобы расплатиться. На дворе стояла зима, и Казанова писал своим корреспондентам: «Я запасаясь терпением, сижу в замке и никуда не выхожу. Все проходит, и зима тоже пройдет. Это еще не самое худшее. В комнате у меня тепло, меня окружают любимые книги, и я беседую с ними, как со старыми друзьями. Вчера приходили с приглашением на бал, должный состояться в поместье неподалеку. Будет много красивых девушек. Однако я отказался, ибо в последнее время стыжусь совершить глупость или нелепость, отчего все кругом веселятся, а мне становится дурно и я начинаю опасаться за свое здоровье. Не желая укорачивать дни свои, я более не ходок на балы». Рассуждения, достойные не Горация, но Сенеки. С годами Казанова становился истинным философом.

Однако философствовать Казанова был готов только на бумаге, в быту он по-прежнему оставался ворчливым, всем недовольным стариком, постоянно пребывавшим в состоянии войны со всеми обитателями замка. Когда приезжал граф, он бросался жаловаться графу, если вместо графа в замке гостила его матушка, он жаловался ей. Со временем Вальдштейн перестал прислушиваться к недовольному ворчанью Казановы, но матушка его, будучи возраста изрядного, пыталась утихомирить сварливого старца, советуя ему быть «добрее и любезнее» с обитателями замка. «Не судите, да не судимы будете», — часто напоминала она ему евангельскую заповедь. Библиотекарь с ней соглашался, однако предпочитал, чтобы Евангелию следовали другие. Однажды на прогулке он столкнулся с графским кучером, поссорился с ним из-за какого-то пустяка, и кучер отколотил его палкой. Разъяренный Казанова, смыв кровь и перевязав синяки, отправился к судье требовать правосудия. Судья отослал его к графу, полагая, что раз кучер служит у графа, значит, тому и определять его вину. Казанова поехал в соседнее поместье Брукс, также принадлежавшее Вальдштейну, но и там владельца не оказалось. Тогда венецианец разразился язвительными, исполненными жаждой мести «письмами к мажордому». Письма до адресата не дошли, но сохранились в архиве Казановы. Не пощадило перо

старца и поколотившего его кучера. В письме к Вальдштейну он называет его мерзким шутом, обезьяной, недостойной графских милостей, и подробно излагает, как было дело. На этот раз жалобы Казановы не остались без ответа. Порядок навел брат графа Фердинанд. Приехав в Дукс, он сурово отчитал и мажордома, и его подручных, и всю прислугу, пообещав лично оторвать голову каждому, кто посмеет неуважительно обойтись с господином библиотекарем.

Наступил период затишья. Но вскоре Казанова вынужден был покинуть Дукс и перебраться в Брукс. На этот раз он бежал не от злобного мажордома и его клевретов, а от гнева нескольких разъяренных мамаш городка, обвинивших его в соблазнении и растлении их малолетних дочерей. Сейчас уже невозможно определить, сделали ли из престарелого Казановы козла отпущения за чужие шалости или же старец, вспомнив молодость, действительно обольстил нескольких несмышленных крестьяночек. Жители городка привыкли, что летом, особенно в погожие дни, высокий сварливый старик в старомодном, плохо напудренном парике и кафтане с некогда золотым, а теперь потускневшим и почерневшим шитьем выходил погулять и, бродя по кривым улочкам, непременно заглядывался на всех проходящих мимо девушек, а иногда даже, видимо, когда его не одолевал ревматизм, пытался схватить их и обнять, а когда они вырывались, начинал ругаться на незнакомом им языке.

В начале 1793 года, после долгого отсутствия, в замок наконец явился его хозяин, граф Вальдштейн, и быстро навел порядок. Он уволил наглеца-мажордома, помирил библиотекаря с остальными слугами, заставив их повиниться в своих поступках и принести извинения Казанове. Граф заплатил все его долги и выплатил жалованье за несколько месяцев вперед. «Теперь я спокоен, — написал своим корреспондентам Казанова, — и с легким сердцем могу работать дальше над своими записками». Временами, чувствуя прилив сил, Казанова писал по двенадцать часов подряд. Однако чем дальше, тем писать становилось все труднее. Он стал плохо видеть, его мучила подагра, во время приступов рука отказывалась удерживать перо. К этому времени он успел довести свои воспоминания до 1772 года и теперь раздумывал, стоит ли продолжать их дальше, ибо, по его словам, писал он исключительно для удовольствия — собственного и читателя; далее же ему пришлось бы описывать события печальные, а он не желал удручать себя, равно как и читателя. Раздумьями своими он делился со своими корреспондентами, однако советам их следовать не собирался. Друг его, граф Ламберг, скончался, а более он никому не доверял, особенно если автор письма, ненароком описавшись, именовал его «старым», «стариком»

или просто напоминал ему о возрасте. «Я сажусь за стол, беру в руки перо и начинаю водить им по бумаге. И я уже далеко, в милых моему сердцу местах, и мне снова двадцать пять», — с гордостью писал он тем, кто напоминал ему, что совсем скоро ему стукнет семьдесят. Перо помогало ему побеждать возраст, убегать от старости. Тем не менее все чаще, особенно зимой, ему в голову приходила мысль о самоубийстве.

Разум нашептывал ему, что, поселившись безвыездно в замке Дукс, он все равно что перестал жить, однако натура противилась таким рассуждениям, а он более привык слушать натуру, нежели разум. Именно его обидчивая натура заставила его разругаться с давним своим корреспондентом Опицем, придравшись, что тот в каком-то из писем позабыл назвать его «господином». Его место, равно как место покойного графа Ламберга, в сердце Казановы постепенно занял потомственный аристократ принц де Линь, который был на десять лет моложе Казановы, а если судить по внешнему виду — то на все двадцать. Эрудит, превосходный собеседник, друг и доверенное лицо многих европейских коронованных особ, сделавший блистательную военную карьеру, принц жил в Вене, лето проводил в своем замке в Теплице, откуда часто наезжал в Дукс. Познакомившись с Казановой, он вскоре обнаружил, что его вкусы во многом совпадают со вкусами и пристрастиями старого библиотекаря. Они оба обожали Горация, с удовольствием читали классиков, ненавидели якобинцев и оплакивали монархию. Однако де Линь слишком редко приезжал в Дукс, чтобы утешить Казанову, а письма уже не могли развеять хандру Авантюриста. Даже работа более не спасала его от черной меланхолии.

И вот, попросив у принца де Линя рекомендацию к герцогу Веймарскому, Казанова совершил неразумный с точки зрения самосохранения поступок: он бежал в Веймар, оставив графу любезное и одновременно издевательское письмо. Прочитав его, Вальдштейн не обиделся, а только улыбнулся: «Вернется, никуда он не денется». Чтобы предвидеть подобное завершение приключения, не надо было быть пророком. Некоторое время Казанова скитался по городу в поисках места, предлагая свои услуги в качестве домоправителя, воспитателя, библиотекаря, секретаря, любого иного «достойного служителя», однако места ему никто не предложил. Тогда он отправился к герцогу, тот принял его с распростертыми объятиями, однако должностью также не обременил, к тому же Казанова быстро воспылил ревностью (завистью?) к Гёте и Виланду. Недовольный, он укатил в Берлин; город в этот раз ему совсем не понравился. Он поносил невежество его жителей, их суеверие и

тугодумство, обрушивался на ростовщиков-евреев, у которых сам же и брал деньги, выписывая векселя на графа Вальдштейна, который безропотно их оплачивал, уверенный, что блудный старец вскоре вернется, неся в руках оливковую ветвь. Так и случилось.

Вальдштейн был по-своему привязан к Казанове и никогда не отказывал ему ни в поддержке, ни в деньгах. Тоска Казановы проистекала из его собственного характера. Многие, знавшие Казанову, сходились во мнении: Авантюрист забыл про старость. Живя сегодняшним днем, а зачастую и часом, он никогда не задумывался о будущем, полагая, что Фортуна всегда и укажет ему дорогу, и поведет его по ней. Фортуна не подвела его: после всех перипетий и треволнений она поселила его вдали от революционных катаклизмов, окружила любимыми книгами, время от времени делала подарки в виде любезных собеседников. Одного лишь она не могла сделать: подарить ему вечную молодость. «Вы никогда не состаритесь, — стремясь утешить Авантюриста, писал принц де Линь, — у вас молодое сердце, ясная голова и крепкий желудок». Он не слишком грешил против истины, но Казанове этого было мало: он хотел блистать, на равных говорить с государями, сидеть за зеленым сукном и униженными перстнями пальцами метать карты, а потом небрежно сгребать в карман выигрыш, дабы на следующий день спустить его за тем же столом или осыпать золотом очередную любовницу. Суетность была его стихией, он жил ею, а когда ее сменил покой, он стал медленно умирать. Вместе с прошлым Казановы уходил и старый мир. В 1797 году, за год до смерти Авантюриста, в его родную Венецию вошли французские войска под предводительством юного генерала Бонапарта — «самого совершенного гения», «демонического авантюриста» (определения С. Цвейга) Наполеона, в одночасье разрушив древнюю аристократическую Республику.

Давно отказавшись от фантазий любовных, Казанове все чаще приходилось отказываться и от фантазий гастрономических, несмотря на свой все возраставший аппетит. Вскоре желудок вступил в противоречие с остальным организмом. Стоило Казанове отступить от диеты и вволю поесть устриц или обожаемых им раков, как ему становилось дурно, приходилось вызывать лекаря, ставить клистир, а потом несколько дней поститься. Всегда гордившийся своей внешностью, к старости Казанова не приобрел благообразия, а скорее, подурнел. Смуглая кожа потемнела еще больше, покрылась морщинами, могучий орлиный нос превратился в большой и крючковатый, похожий на нос с картинки из детской книжки. Пальцы на руках скрючились из-за подагры, стали распухать ноги, взор потух.

Неожиданно в Дрездене умер брат Казановы Джованни, несколько лет занимавший пост директора Академии художеств, он оставил дела свои не в лучшем состоянии. На небольшое оставшееся после него наследство претендовали любовница Джованни по имени России, а также его взрослые дети от дочери трактирщика Терезы Роланд, на которой Джованни женился в 1762 году в Риме. Детей было четверо: две дочери и два сына. После смерти отца дела семьи взяла в свои руки старшая дочь Тереза, умная и обаятельная девушка, которую принимали в лучших домах Дрездена. Казанова, внезапно вспыхнувший любопытством и решивший поехать повидаться с родственниками, прежде его не интересовавшими, был встречен сердечно и с любовью. До самой смерти они состояли в переписке, а в урочный час Тереза с мужем, Карло Мандолинист, похоронила Казанову.

Вернувшись в Дукс, Казанова совсем раскис. Смерть брата, с которым он никогда особенно не был дружен, потрясла его, как потрясает любого старика смерть близких, которые младше его по возрасту. Значит, сам он в любую минуту может покинуть земную юдоль. А несмотря на тоску, на грусть и уныние, Казанова был необычайно привязан к жизни. И помыслы его обратились к вечному. «Если душа моя существовала до меня, значит, она будет существовать и после того, как меня не станет», — размышлял он. Его стали посещать мысли о загробном мире. Каково там будет ему, его душе? Или тело и душа должны будут расстаться? Не доверяя священникам и полагая, что, будучи такими же смертными, они вряд ли больше понимают в Промысле Божьем, нежели он сам, он обсуждал эти вопросы с Сесиль Роггендорф, двадцатидвухлетней канонирской, дочерью его старинного приятеля. Они никогда не виделись, однако в письмах поверяли друг другу самые сокровенные мысли. Казанова называл девушку своей обожаемой воспитанницей, она его — своим взрослым другом. Сесиль рано потеряла родителей, жизнь обошлась с ней сурово. Их переписка с Казановой наполнена желанием поддержать друг друга, помочь словом, действие которого оба ценили очень высоко. Временами Сесиль казалось, что она любит Казанову, и не как отцовского друга, а как мужчину, как своего нежного невидимого любовника. Казанова также полагал, что любит ее не как дочь, а как возлюбленную, и между ними царит подлинная любовь, только без обладания.

Здоровье Казановы быстро ухудшалось. Он мог бы вызвать в Дукс и Сесиль, и Терезу, обе девушки немедленно приехали бы к нему. Но Соблазнитель не хотел, чтобы женщины, пусть даже самые близкие, видели, в какого немощного уroda он превратился. У него выпали почти

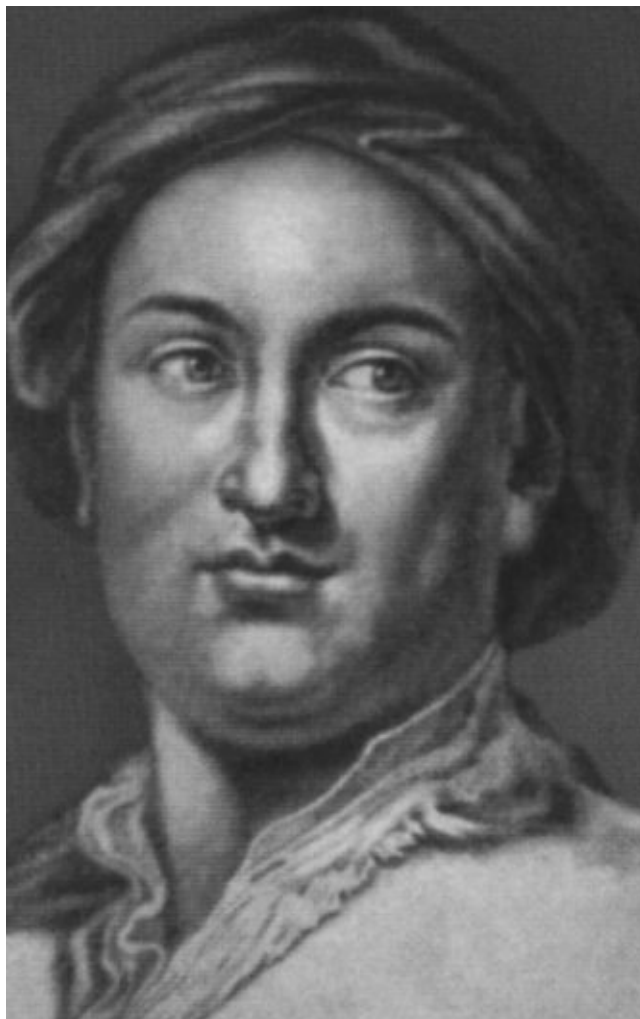
все волосы и зубы, ему было трудно ходить, и он все реже вставал с кровати, проводя большую часть времени у себя в комнате. «Я живу не хлебом насущным, а разными снадобьями», — писал он. Падение Венеции, с одной стороны, обрадовало его, ибо рухнула ненавистная ему олигархия, но, с другой стороны, крайне опечалило то, что вместе с аристократической Венецией ушел в прошлое город вечного карнавала, танцев, таинственных незнакомок под масками — иными словами, город его молодости.

Неожиданно ему вдруг остро захотелось увидеть новую, незнакомую Венецию, о чем он и написал Дзагури, с которым он также продолжал поддерживать переписку, хотя и не слишком оживленную. Друзья Казановы, те, кто были ему верны, несмотря на ставший к старости невыносимый характер, рекомендовали ему своих врачей, писали о новых средствах лечения, советовали, убеждали принять то или иное лекарство. Но болезней было слишком много. Казанова, всегда гордившийся своей физической крепостью, буквально разваливался на глазах. Сказывались многократные дурные болезни, истощившие организм, и ртутное лечение, к которому прибегал Казанова. Моральные силы давно уже покинули его. Он начал распределять свое имущество, состоявшее из мелочей: чашечки, ложечки, шкатулочки, просил заплатить долги, небольшие. Но, по мнению многих, Казанова все-таки надеялся справиться с болезнью, ибо относительно самого главного его богатства, рукописей, никаких внятных распоряжений сделано не было, в том числе и относительно рукописи «Мемуаров». Полагают, что Казанова вовсе не хотел их публиковать, ибо создавал их он прежде всего для себя, убегая от скуки провинциальной глуши и одиночества. Возможно, он все же обратился к оракулу, и тот посулил, что Казанова проживет еще сколько-то лет, поэтому он и отложил заботу о рукописях «на потом». Но 4 июня 1798 года Казанова скончался. «Я жил, как философ, и умираю, как христианин», — его последние слова прозвучали как эпитафия. Он был похоронен возле маленькой часовни Святой Варвары, и на могиле его воздвигли небольшой крест. Вскоре крест упал. Пошли слухи, что виной тому была женщина, зацепившаяся за него юбкой. Начала рождаться легенда о Казанове. Могилы его не сохранилось, зато легенда сделала его знаменитым.

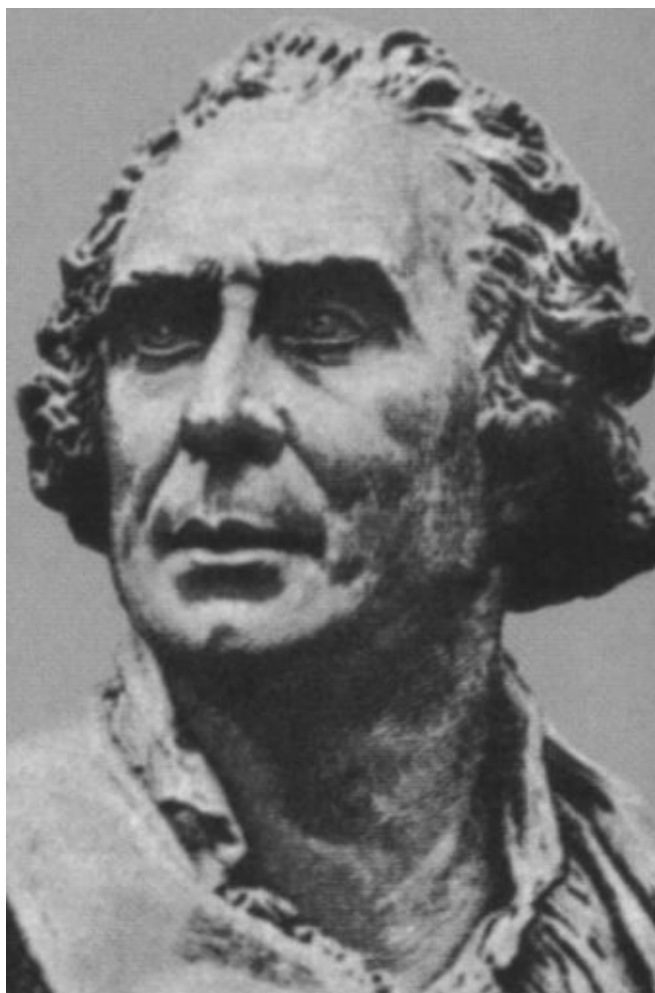
Казанова умер, остались жить его «Мемуары»; судьба их оказалась столь же причудлива, сколь затейлива была судьба их автора. На титульном листе Казанова написал: «История моей жизни до 1797 года», на деле же он довел свой рассказ всего лишь до 1772 года. Есть предположение, что он описал еще десять лет своей жизни. Со времени первого издания, осуществленного в двадцатые годы прошлого столетия знаменитым

издательским домом Блокгауз, «Мемуары» Казановы в извлечениях и эпизодах печатались несчетное число раз, причем часть рассказов вполне можно причислить к разряду апокрифов. Без «Мемуаров» не было бы легенды о Казанове. Как удивительно точно написал С. Цвейг: «Если бы граф Вальдштейн взял с собой доброго Джакомо в Париж или в Вену, хорошо бы его кормил и дал бы ему почуять женскую плоть, если бы в салонах ему оказывали *honneurs d'esprit* (честь по уму), эти веселые рассказы были бы преподнесены за шоколадом и шербетом и никогда не были бы запечатлены на бумаге». К счастью, этого не случилось.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Братья Казановы — художник Джованни Казанова

и художник-баталист Франческо Казанова.

Вид на Большой канал. А. Каналетто. 1730–1731 гг.

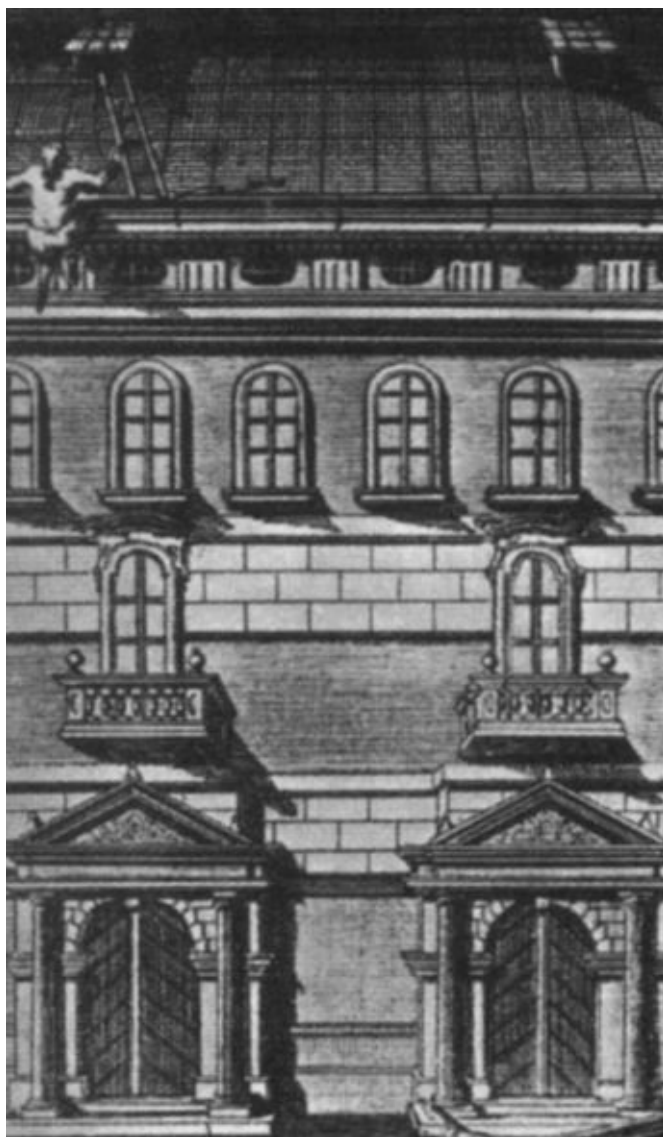
Парадный выход дожа. Гравюра из собрания Французской национальной библиотеки.

Лоренцо Да Понте, либреттист и авантюрист.

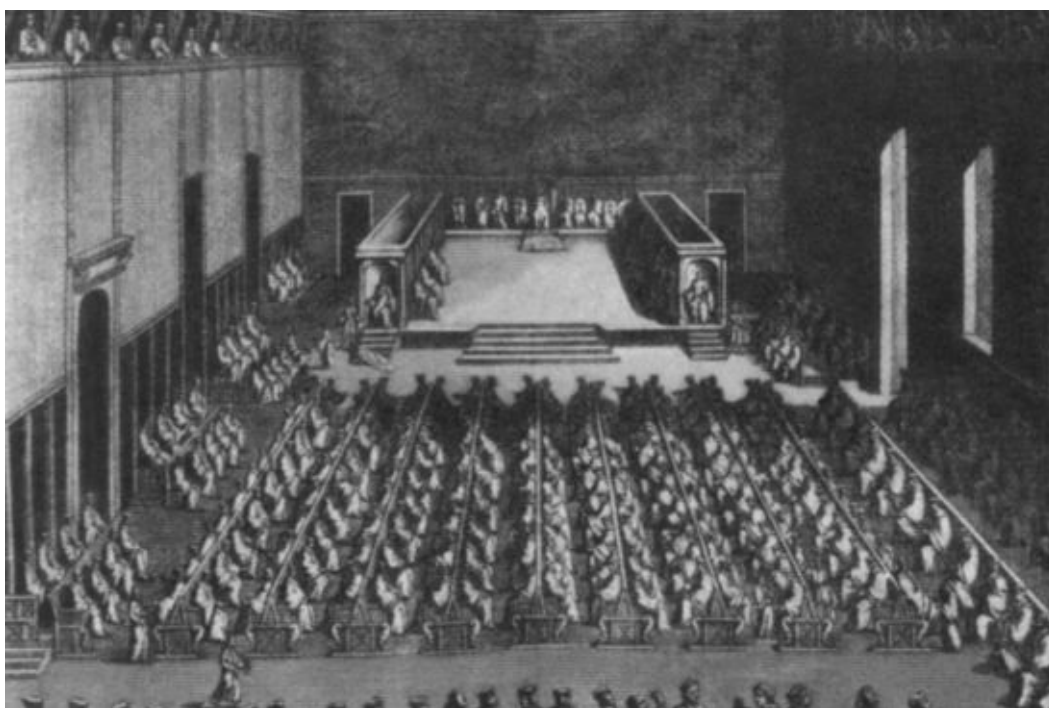
Кардинал де Берни. Неизвестный художник XVIII в.

Бегство Казановы из тюрьмы Пьомби. Гравюра 1788 г.

Джакомо в юности. Пастель Франческо Казановы.

Дворец дождей. Заседание Большого совета. Гравюра из собрания Французской национальной библиотеки.

Актриса Сильвия Балетти, мать Манон. Гравюра с портрета Ванлоо.

Манон Балетти, «маленькая жёнушка» Казановы в образе Талии. Ж. М. Наттье.

Париж в XVIII веке. Бульвар Сент-Антуан. Гравюра из собрания музея Карнавале.

Казнь Дамьена. Париж, Гревская площадь, 28 марта 1757 года. Гравюра из собрания Французской национальной библиотеки.

Мария Лещинская, супруга Людовика XV.

Французский король Людовик XV. М. К. Латур.

Вольтер в зените славы. Гравюра XVIII в.

Луиза О'Морфи. Ф. Буше. 1752.

Мадам де Помпадур. Ф. Буше.

Гулянья у стен Парижа. Гравюра с картины О. де Сент-Обена.

Герцог де Шуазель. Л. М. Ванлоо.

Джустиниана Винн, «пациентка» Казановы.

Вена в 1744 году. Гравюра М. Моль.

Маленький домик. Гравюра Л. Бине.

Принц Шарль де Линь, друг Казановы.

Канцлер Кауниц.

Художник Антон Рафаэль Менгс. Автопортрет (?).

Швейцарский ученый Альбрехт фон Галлер.

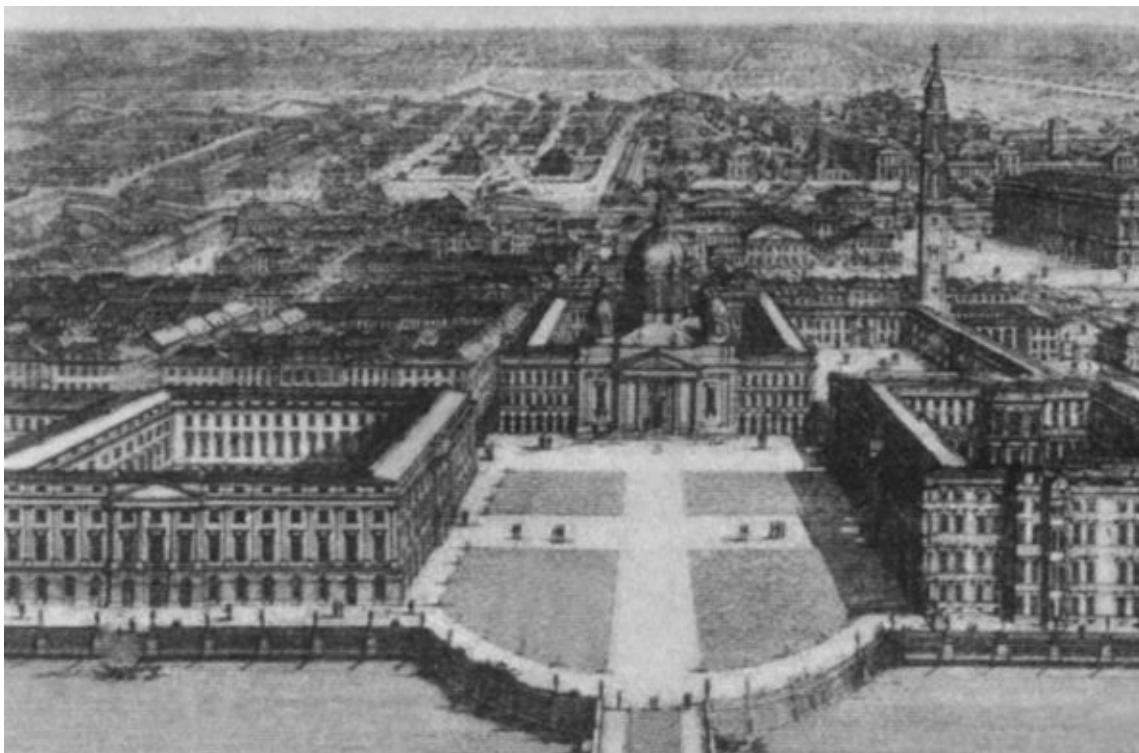
Портрет девушки. Гравюра с картины Р. Карьера.

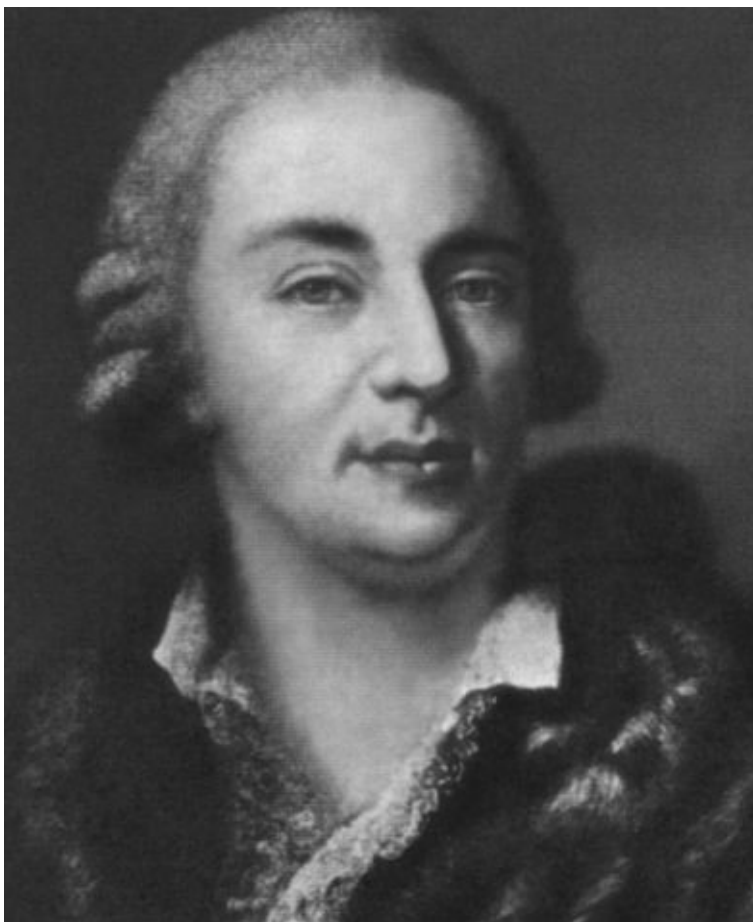
Галантный завтрак. Гравюра XVIII в.

Прусский король Фридрих II. Рисунок Д. Ходовецкого.

Берлин. Королевская площадь. Гравюра XVIII в.

Джакомо Казанова. П. Лонги.

Лондон в XVIII веке. Дьюк-стрит. Гравюра Дж. Ф. Смита.

Талантливые авантюристы — супруги Анж

и Сара Гудар.

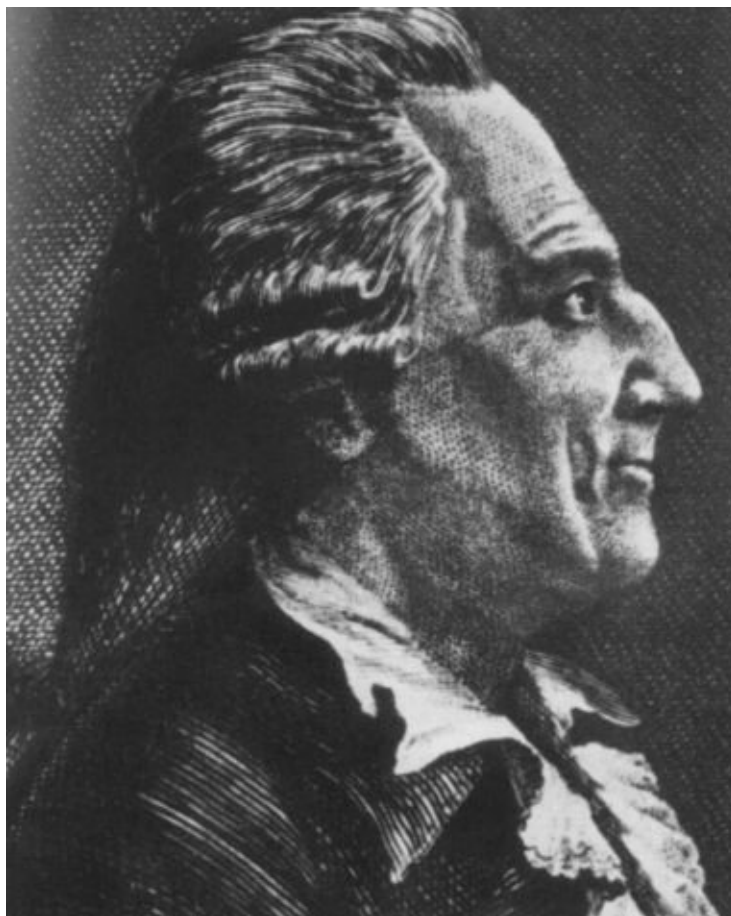
Тереза Имер (мадам Корнелис), возлюбленная сенатора Малипьеро, первого знатного покровителя Казановы.

Английский король Георг III. Гравюра из коллекции Ротшильдов.

Английская куртизанка. Гравюра XVIII в.

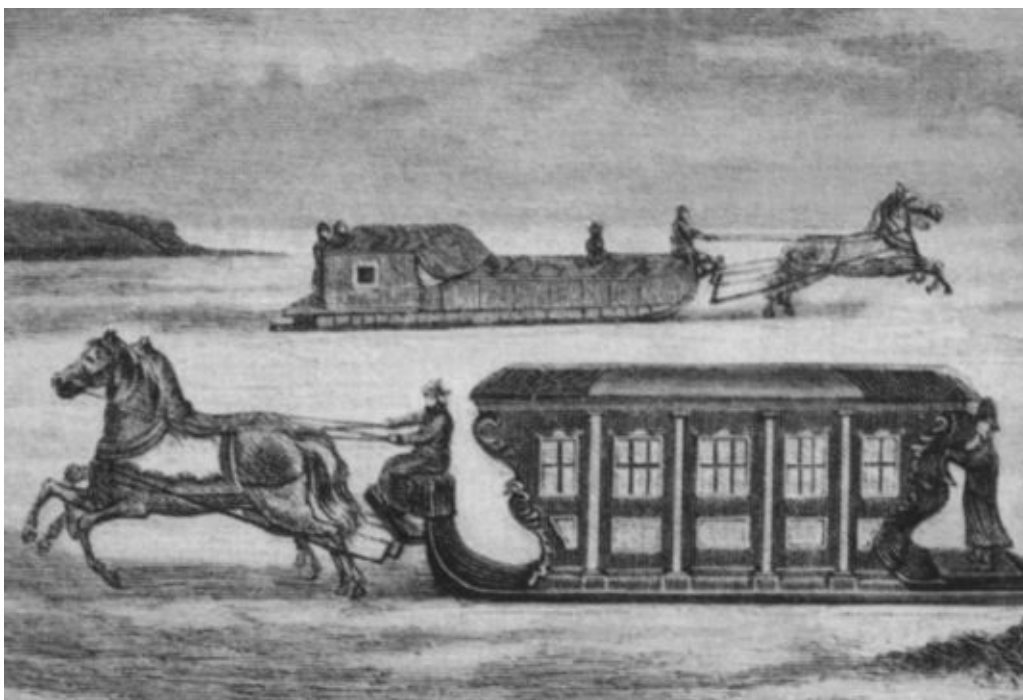
Джакомо Джироламо Казанова в возрасте 63 лет. Гравюра И. Берка.

Австрийская императрица Мария Терезия из династии Габсбургов.

Российская императрица Екатерина II. Гравюра А. Радиге.

Придворные дорожные экипажи времен Екатерины II.

Польский король Станислав Август Понятовский.

Бал. Гравюра с картины О. де Сент-Обена.

Граф Сен-Жермен. Гравюра Тома с портрета, висевшего в кабинете маркизы д'Юрфе.

Сломанный веер. Гравюра П. Гюз.

*Карикатурное изображение Джакомо Казановы, любителя
«подправить фортуна».*

Будуар. Гравюра с рисунка О. Фрагонара.

Галантная сцена в парке. Гравюра XVIII в.

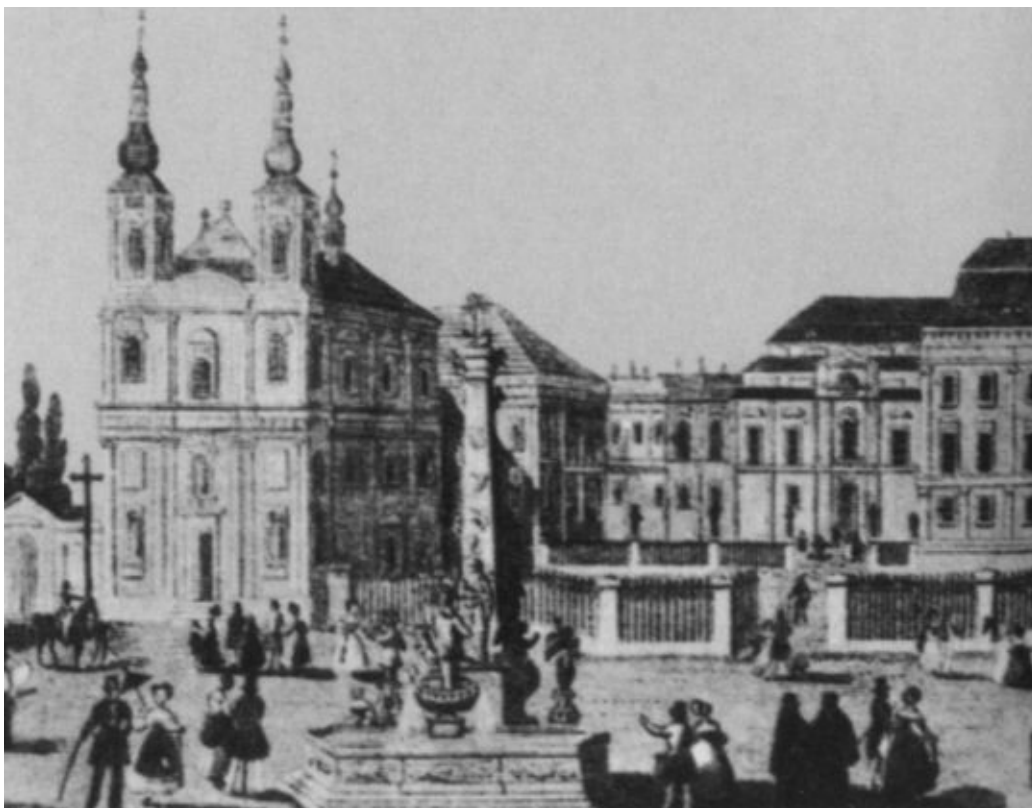
Беседа в саду. Гравюра Кошена.

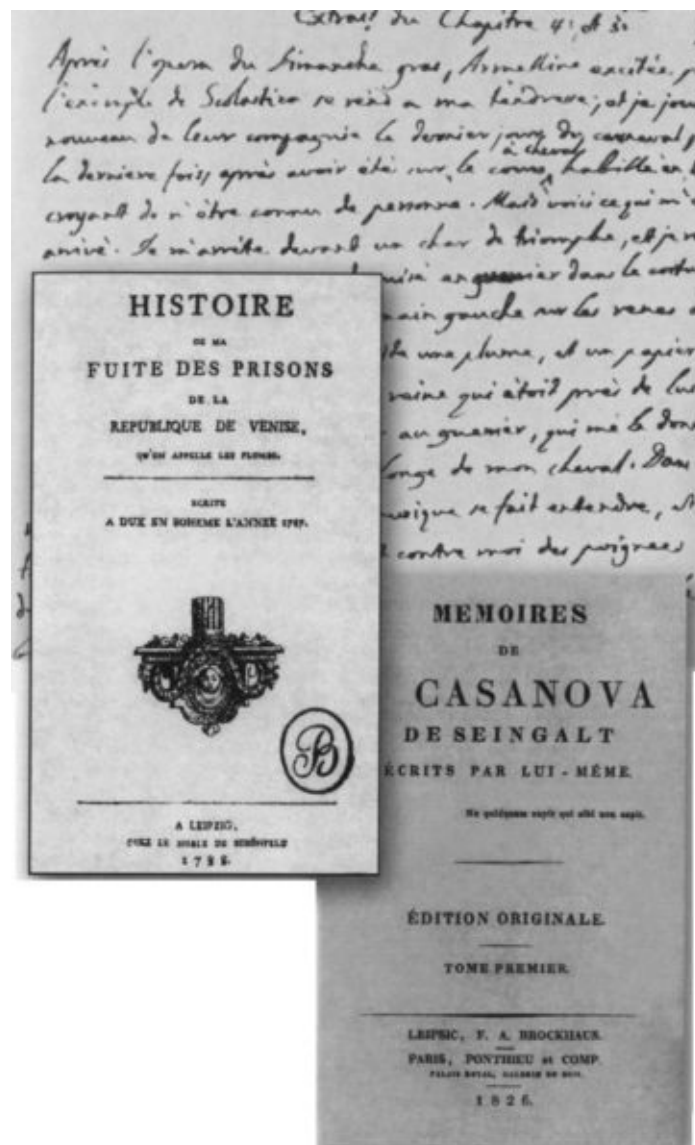
Галантная сцена. Гравюра XVIII.

Граф Вальдштейн, последний покровитель стареющего Казановы.

Чехия. Замок в Дуксе. Гравюра XIX в.

Автограф Казановы и титульные листы его книг «История моего побега из тюрьмы Венецианской республики, что прозывается Пьомби» и первого тома «Мемуаров», подготовленного и выпущенного Г. Брокгаузом и Ж. Лафоргом.

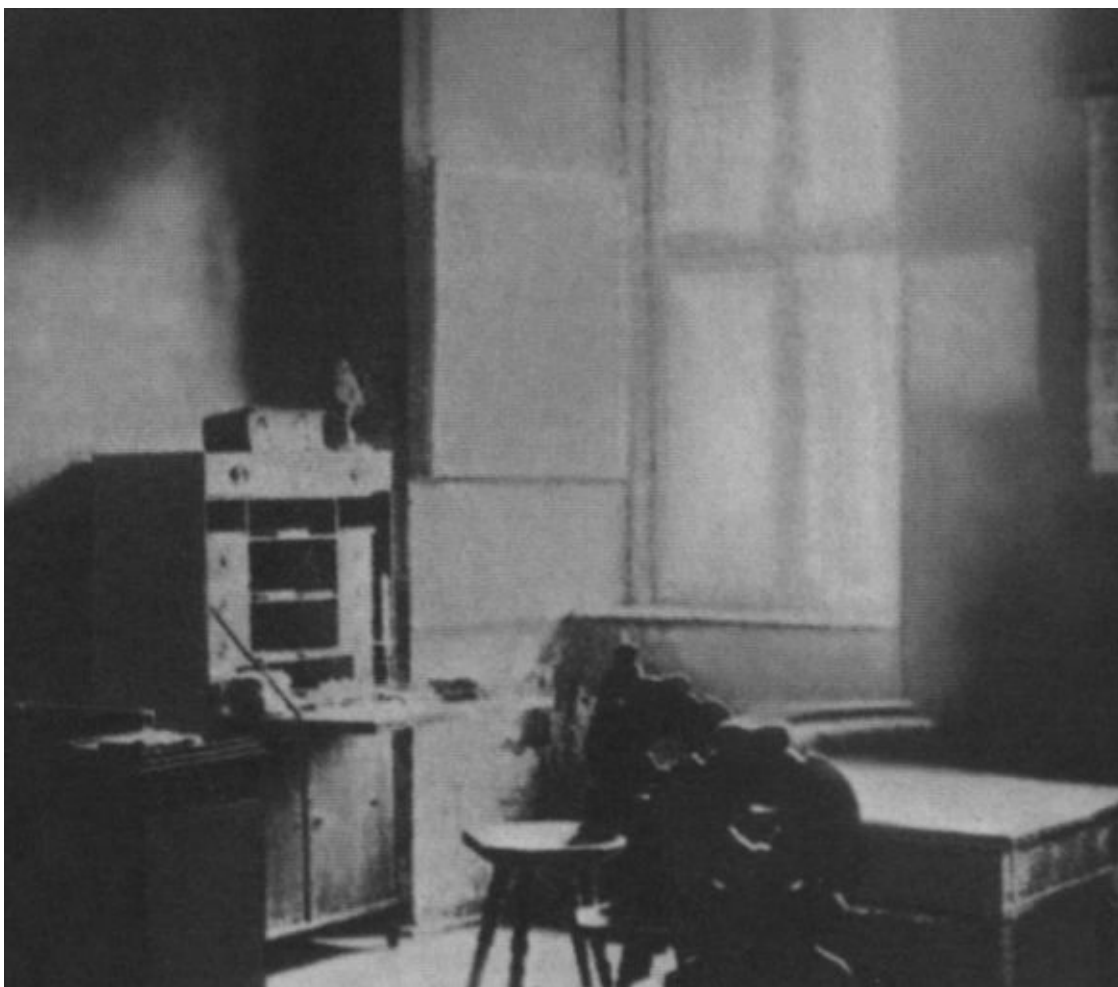
Галантные сцены, которые могли бы стать иллюстрациями к любому изданию «Мемуаров» Казановы. Гравюры XVIII в.

Галантное приключение с несчастным концом. О таком завершении любовных походов Казанова в своих «Мемуарах» не пишет...

Джакомо Казанова. Миниатюра Бодуэна.

Кабинет в замке графа Вальдштейна, где престарелый Авантюрист создавал свои «Мемуары».

Кладбище в Дуксе

и мемориальная плита начала XIX века на стене часовни Святой Варвары, свидетельствующая, что на этом кладбище покоится Джакомо Казанова.

Казанова. Скульптурная группа М. Шемякина. Фрагмент. Была установлена в 1998 году на время карнавала на набережной неподалеку от Дворца дождей в Венеции.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Основные этапы жизненного пути Казановы, дополненные событиями, происходившими в то время в Европе^[76]

1724 27 февраля	Бракосочетание Дзанетты Фарусси (1708–1776) и Гаэтано Джузеппе Казановы (1697– 1733)	1715–1774 — правление французского короля Людовика XV
1725 2 апреля	В Венеции родился Джакомо Джироламо Казанова	Скончался Петр I Основание Петербургской академии наук Вико (1668– 1744), поэт, философ: «Новая наука»
1726		Свифт (1667–1745), писатель: «Путешествия Гулливера»; 1727–1760 — правление английского короля Георга II
1730		Хогарт (1697–1764), живописец: серии картин «Карьера проститутки», 1730–1731; «Карьера мота», 1732–1735; правление Анны Иоанновны 1730–1740
1731		Прево д'Экзиль (1697–1763), писатель: «Манон Леско»; Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778), писатель: «История Карла XII»; Мариво (1688–1763), писатель: «Жизнь Марианны», 1731–1741; Во Франции отменена смертная казнь за колдовство
1733 Декабрь	Смерть Гаэтано Казановы	1733–1735 — война за польское наследство между Россией, Австрией, Саксонией с одной стороны и Францией — с другой
	Жизнь и учеба в	Вольтер: «Философские письма», 1734 Альгаротти (1712–1764), ученый, писатель: «Учение Ньютона для дам», 1735; Юм

1734–1737	пансионе у аббата Гоцци	(1711–1776), философ и экономист: «Трактат о человеческой природе», 1734; Линней (1708–1778), естествоиспытатель: «Система природы», 1735
1737	Учеба в Падуанском университете	Вольтер: «Основы философии Ньютона»
1739	Дзанетта Фарусси уезжает в Дрезден, где становится актрисой придворного театра курфюрста Саксонского.	Вольтер: «Магомет», «Век Людовика XIV». 1739–1751 Альгаротти: «Путешествие в Россию».
1740	Знакомство с сенатором Малипьеро.	Ричардсон (1689–1761), писатель: «Памела», 1740–1741. 1740–1786 — правление прусского короля Фридриха II. 1740–1780 — правление австрийской императрицы Марии Терезии. 1740–1741 — правление Анны Леопольдовны. Папой римским под именем Бенедикта XIV становится Просперо Ламбертини.
1741	Постриг. Получение младшего церковного сана.	Вивальди (1648–1741), скрипач и композитор, возглавлявший консерваторию в Венеции. Беринг (1681–1741), исследователь Арктики, открыватель Аляски. 1741–1761 — правление Елизаветы Петровны. 1741–1748 — война за австрийское наследство между Францией, Пруссией, Испанией, Баварией с одной стороны и Австрией, Англией и Россией — с другой
1742	Получение степени доктора права в Падуанском университете.	Юнг (1683–1765), поэт: «Ночные думы», 1742–1745. Галлей (1656–1742), астроном, известный своими наблюдениями за кометами. Цельсий (1711–1742), астроном, создатель температурной шкалы

1743	18 марта смерть Марции Фарусси. Семинария Св. Киприана. Заключение в форт Св. Андрея. Отъезд из Венеции.	
1744	Встреча с синьорой Лукрецией.	Пиранези (1720–1778), художник, архитектор: цикл гравюр «Темницы». Гварнери (1698–1744), мастер смычковых инструментов. Растрелли (1675–1744), архитектор, с 1716 г. работал в России
1744–1745	Служба у кардинала Аквавивы в Риме. Встреча с папой Бенедиктом XIV. Отъезд из Рима. Знакомство с Терезой-Беллино Путешествие на Корфу и в Константинополь. Возвращение в Венецию.	Вольтер: «Опыт о нравах», 1745–1751. Линней: «Путевые заметки», 1745–1751. Ломоносов (1711–1765) — профессор Петербургской академии наук.
1746	Знакомство с сенатором Брагадином. Занятия окультными науками. Жизнь веселая и беспечная.	Вольтер избран во Французскую академию. 1700–1746 — правление испанского короля Филиппа V, первого из занявшей испанский трон династии Бурбонов
		Дидро (1713–1784), энциклопедист: «Нескромные сокровища», 1748; «Письмо о слепых в назидание зрячим», 1749.Монтескье (1689–1755), писатель и философ: «О духе законов», 1748 Смоллет

1747–1749	Обвинения в богохульстве и насилии. Бегство из Венеции и странствия по Италии. Встреча с Анриеттой.	(1721–1771), писатель: «Приключения Родрика Рэндома», 1748 Филдинг (1707–1754), писатель: «История Тома Джонса, найденыша», 1749 Клопшток (1724–1803), поэт: «Мессиада», 1748–1773 Ломоносов: «Риторика», 1748. 1747 — А. С. Залусский (1695–1754) и Ю. А. Залусский (1701–1773) основывают первую публичную библиотеку в Польше. Бюффон (1707–1788), натуралист: «Естественная история», 1749–1788. Начало раскопок Помпей. 1748 — Аахенский мир, завершивший войну за австрийское наследство
1750	Расставание с Анриеттой Лион, посвящение в масоны. Прибытие в Париж.	Дидро: «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (1-й том — 1751, все издание завершено в 1772). Смоллет: «Приключения Перигрина Пикля», 1751. Грей (1716–1771), поэт: «Элегия, написанная на сельском кладбище», 1751 И. С. Бах (1685–1750), композитор: оратория «Страсти по Матфею», месса си минор, «Хорошо темперированный клавир»
1752	Путешествие по Германии. Приезд в Дрезден	Вольтер: «Микромегас». Ломоносов: «О пользе стекла»
1753–1754	Возвращение в Венецию. Любовные приключения с К. К. Ричардсон и М. М. Знакомство с де Берни.	Гольдони (1707–1793), драматург: «Слуга двух господ», «Трактирщица», 1753. Ричардсон: «Грандисон», 1754. Ломоносов: «Российская грамматика», 1754–1755.
1755	Арест и заключение в тюрьму Пьомби	Вольтер: «Орлеанская девственница». С. Джонсон (1709–1784): «Словарь английского языка». Основание Московского университета. Землетрясение в Лиссабоне. Вольтер поселяется неподалеку от Женевы в усадьбе Делис.

1756	ночь с 31 октября на 1 ноября Побег из Пьомби	1756–1763 — Семилетняя война между Пруссией и Англией с одной стороны и Австрией, Францией, Швецией, Россией и Саксонией — с другой.
1757	Покорение Парижа	Покушение Дамьена на французского короля Людовика XV
1758–1759	Организация лотереи Военной школы. Поездка в Дюнкерк с разведывательными целями. Знакомство с маркизой д'Юрфе. Поездка в Голландию по финансовым делам. Организация мануфактуры. Банкротство и заключение в долговую тюрьму. Освобождение и отъезд в Голландию.	Реомюр (1683–1757), физик, изобретатель температурной шкалы. Россия — учреждение Академии художеств, 1758. Гельвеций (1715–1771), философ: «Об уме», 1758. Вольтер: «Кандид», 1759, «История Российской империи при Петре Великом», 1759–1763 Сумароков (1718–1777), писатель: журнал «Трудолюбивая пчела». Гендель (1685–1759), композитор, органист. Папой римским под именем Климента XIII становится Карло Реццониго. 1759–1788 — правление испанского короля Карла III.
1760	Путешествие по Германии и Швейцарии. Любовное приключение с Дюбуа. Встреча с Вольтером. Впервые подписывается именем «шевалье де Сейнгальт».	Стерн (1713–1768), писатель: «Тристам Шенди», 1760–1767. Макферсон (1736–1796), писатель: «Поэмы Оссиана», 1760–1765. Дидро: «Монахиня». Г. Гоцци (1713–1786), журналист: «Венецианская газета», 1760–1786. Начало литературного движения «Буря и натиск» в Германии. 1760–1820 — правление и пребывание на престоле английского короля Георга III
	Странствия по Италии. Встреча с	Руссо (1712–1778), великий просветитель и

1760–1761	Терезой-Беллино. Встреча с синьорой Лукрецией. Париж.	писатель: «Новая Элоиза», 1761. К. Гоцци (1720–1806), драматург: «Любовь к трем апельсинам», 1761.
1761–1763	Странствия по Европе. Операция по «перерождению» маркизы д'Юрфе. Отъезд в Англию.	Дидро: «Племянник Рамо» Руссо: «Общественный договор», «Эмиль», 1762. К. Гоцци: «Король-олень», «Турандот», 1762 Гольдони: «Кьоджинские перепалки», 1762. Голдсмит (1728–1774), писатель: «Гражданин мира», 1762. 1762 — издание «Сатир» А. Д. Кантемира (1708–1744). Габриэль (1698–1782), архитектор: дворец Малый Трианон в Версале, 1762–1764. 1762–1796 — царствование Екатерины II.
1763–1764	Прибытие в Англию, жизнь в Лондоне. Неудачная любовная история с Шарпийон. Подложные векселя. Бегство на континент.	Харгривс (?-1778), изобретатель, сконструировавший первую в мире прядильную машину, названную «Дженни». Окончание Семилетней войны, в результате которой Франция утрачивает Канаду, Луизиану и большую часть колоний в Индии, а Пруссия закрепляет за собой Силезию 1764–1795 — правление польского короля Станислава Августа II Понятовского.
1764	Болезнь. Германия. Приезд в Берлин и встреча с Фридрихом II.	Вольтер: «Философский словарь». Уолпол (1717–1797), дипломат, писатель: «Замок Отранто». Беккариа (1738–1794), просветитель, юрист: «О преступлениях и наказаниях», 1764.
1764–1765	Путешествие в Россию. Беседы с Екатериной II. Приезд в Польшу.	1765–1790 — правление императора Священной Римской империи Иосифа II (до 1780 был соправителем матери, Марии Терезии).
	Дуэль с Браницким. Бегство из Польши.	Руссо: «Исповедь», 1766–1770. Лессинг (1729–1781), драматург и критик: «Лаокоон». Тредиаковский (1703–1768), поэт и филолог: «Тилемахида». Фрагонар

1766	<p>Скитания по Германии.</p> <p>Неудачное «подправление Фортуны» за карточным столом.</p>	<p>(1732–1806), живописец, график: «Счастливые возможности качелей».</p> <p>Пигаль (1714–1785), скульптор: статуя обнаженного Вольтера. Бугенвиль (1729–1811), мореплаватель, 1766–1769 — руководит первой французской кругосветной экспедицией</p>
1767	<p>Прибытие в Париж. 14 октября смерть Брагадина.</p>	<p>Вольтер: «Простодушный» Лессинг: «Минна фон Барнхельм». Виланд (1733–1813), писатель: «Агатон».</p>
1767–1768	<p>Путешествие по Испании. Встречи с испанскими красотками.</p> <p>Испанские тюрьмы. Высылка из страны.</p>	<p>Вольтер: «Царевна Вавилонская», 1768.</p> <p>Стерн: «Сентиментальное путешествие», 1768. Каналетто (1697–1768), живописец, рисовальщик и гравёр, запечатлевший виды Венеции. Генуэзская республика уступила Франции о. Корсика. 1768 — польские магнаты, недовольные королем, образовали в городе Бар конфедерацию. По просьбе Станислава Августа II (Понятовского) Россия ввела в Польшу войска.</p>
1769	<p>Прибытие в Прованс. Болезнь. Отъезд в Италию.</p>	<p>Екатерина II основывает журнал «Всякая всячина». Новиков (1744–1818), просветитель, журналист: журнал «Трутенъ», 1769–1770. Чулков (1743–1793), писатель, историк, экономист: «Пригожая повариха». Папой римским под именем Климента XIV становится Винченцо Антонио Ганганелли</p>
1770	<p>Неудачная попытка отплыть с эскадрой графа Орлова Неаполь. Встреча с синьорой Лукрецией и ее дочерью Леонильдой.</p> <p>Скитания по</p>	<p>Гольбах (1723–1789), философ: «Система природы». Русская эскадра под командованием графа А. Г. Орлова в сражении в Чесменской бухте уничтожила турецкую флотилию. Свадьба французского дофина и Марии-Антуанетты, дочери Марии Терезии</p> <p>Казот (1719–1792), писатель: «Влюбленный</p>

1771–1774 Италии.

дьявол», 1772.

Жизнь в Триесте.

Литературные
труды: «История
смуты в Польше»,
т. 1–3, 1774–
1775. Хлопоты о
получении

1772–1774 помилования и
разрешения
вернуться в
Венецию.
Получение
помилования и
возвращение в
Венецию.

Под псевдонимом
Антонио
Пратолини
становится

1775–1776 платным
осведомителем
16 ноября инквизиции.
Литературные
труды: перевод
«Илиады» Гомера,
т. 1–3

Дидро: «Жак-фаталист», 1773. Лессинг:
«Эмилия Галотти», 1772. Бюргер (1747–
1794), поэт: «Ленора», «Дикий
охотник», 1773. Виланд (1733–1813),
писатель: «История абдеритов», 1774 Гёте
(1749–1832), великий мыслитель, писатель:
«Вертер», 1774. Новиков: журнал
«Живописец», 1772–1793. 1772 — первый
раздел Польши. 1774–1792 — правление
французского короля Людовика XVI. 1773–
1775 — крестьянская война под
предводительством Пугачева.

Бомарше (1732–1799), драматург:
«Севильский цирюльник», 1775. Ретиф де
ла Бретон (1734–1806), писатель:
«Совращенный поселянин», 1775. Гёте в
Веймаре, 1775–1785

1776 Смерть Дзанетты
Фарусси.

Работает штатным
осведомителем

А. Смит (1723–1790), экономист, философ:
«Исследование о природе и причинах
богатства народов», 1776. Уатт (1736–
1819), сконструировал первую паровую
машину

Парни (1753–1814), поэт: «Любовные
стихи», 1778. Шеридан (1751–1816),
драматург: «Школа злословия», 1777. С.
Джонсон «Жизнеописания наиболее
выдающихся английских поэтов», 1779–

<p>инквизиции. Литературные труды: <i>Opuscoli miscellanei</i> 1776–1782</p>	<p>(«Литературная смесь»), десять номеров «Вестника Талии». Проживает совместно с Франческой Бускини</p>	<p>1781. Лессинг: «Натан Мудрый», 1779. Виланд: «Оберон», 1780. Шиллер (1759– 1805), поэт, драматург: «Разбойники», 1781. Херасков (1733–1807), писатель: «Россиада», 1779. Радищев (1749–1802), мыслитель, писатель: «Вольность», 1781– 1783. Гудон (1741–1828), скульптор: статуя Вольтера, 1781. Менгс (1728–1779), живописец-классицист и теоретик искусства. Кук (1728–1779), мореплаватель: в 1776 г. отправился в свою третью экспедицию, завершившуюся открытием Гавайских островов и трагически погиб. Заключение торгового соглашения между Францией и Америкой</p>
<p>1782–1783</p>	<p>Памфлет «Ни любви, ни женщин, или Вычищенные конюшни» Опала и отъезд из Венеции. Скитания: Париж, Берлин, Прага, Дрезден.</p>	<p>Шодерло де Лакло (1741–1803), инженер, писатель: «Опасные связи», 1782. Шиллер: «Коварство и любовь», 1783, «Дон Карлос», 1783–1787. Державин (1743– 1816), поэт: «Фелица», 1782. Фонвизин (1744–1792), писатель, просветитель: «Недоросль», 1782. Метастазιο (1698– 1782), поэт, автор либретто к операм Генделя, Глюка, Моцарта, Гайдна. Первый полет воздушного шара братьев Монгольфье, 1783. Фальконе (1716–1791), скульптор: «Медный всадник» 1782, Петербург.</p>
<p>1784</p>	<p>Вена: работа секретарем у посла Венеции. Знакомство с графом Вальдштейном. Странствия окончены. Вступление на должность</p>	<p>Бомарше: «Женитьба Фигаро»</p>

	библиотекаря графа Вальдштейна в замке Дукс (Чехия).	
1785–1789	Жизнь в Дуксе. Литературные труды: «Разговор мыслителя с самим собой», 1786; «Икозамерон», т. 1–5. Начинает писать мемуары. Встреча в Праге с Моцартом.	Бернарден де Сен-Пьер (1737–1814): «Поль и Виржини», 1787. Бекфорд (1760–1844): «Батек», 1786. Бернс (1759–1796), первый сборник стихов, 1786. Бюргер: «Барон Мюнхаузен», 1786. Глюк (1714–1787), композитор, создатель масштабных постановочных опер. Гейнсборо (1727–1788), пейзажист и портретист. 1787 — премьера оперы «Дон Жуан» Моцарта в Праге.
1789 14 июля		Взятие Бастилии. Революция во Франции. Принятие «Декларации прав человека и гражданина».
1789–1791	Первый вариант «Мемуаров» доведен до 1772 г.	Де Сад (1740–1814), писатель: «Жюстина», 1791. Руже де Лиль (1760–1836), инженер, поэт: «Марсельеза», 1792. Радищев: «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790. Карамзин (1766–1826), историк, писатель: «Письма русского путешественника», 1791–1792; «Бедная Лиза», 1792. Кант (1724–1804), философ: «Критика чистого разума», 1781. Лавуазье (1743–1794), ученый: «Начальный учебник химии», 1789. Моцарт (1756–1791), композитор: оперы «Свадьба Фигаро», 1786, «Волшебная флейта», 1791, симфонии, концерты, «Реквием», 1791.
1792 22 сентября		Провозглашение Французской Республики
1793	Гневное письмо Робеспьеру	Де Сад: «Алина и Валькур», 1793. Гварди (1712–1793), представитель венецианской школы живописи.
21 января		Казнь французского короля Людовика XVI.
1793–1794		Якобинская диктатура во Франции. Второй

		раздел Польши.
1794	Работа над рукописью мемуаров и передача ее на прочтение принцу де Линю.	Радклиф (1764–1823), писательница: «Удольфские тайны». Державин: «Вельможа». Кондорсе (1743–1794), философ: «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума».
9 термидора (27 августа)		Государственный переворот во Франции. Восстание в Кракове под предводительством Костюшко (1746–1816)
1795–1797	Продолжение работы над мемуарами; на форзаце рукописи делается надпись: «История моей жизни до 1797 г.»	Державин: «Памятник», 1796
1796		Дженнер (1749–1823), врач: впервые делает прививку от оспы. 1795–1799 — правление Директории во Франции. 1796–1801 — правление Павла I. 1796–1797 — Итальянский поход Бонапарта. Третий раздел Польши. 1797 — Кампоформийский мир между Францией и Австрией; Венеция отходит к Австрии.
1798	Болезнь	
4 июня	В возрасте 73 лет скончался Джакомо Джироламо Казанова	

БИБЛИОГРАФИЯ

«Мемуары» Казановы на русском языке в извлечениях и эпизодах

Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765–1766. М.: Панорама, 1991.

Казанова Д. Д. Приключения Казановы / Под ред. В. В. Чуйко. 1-е изд. СПб.: Губинский, 1887.

Казанова Д. Д. Мемуары / Пер. с фр. Е. П. Храмова. М.: Олимп, 1991.

Казанова Д. Д. де Сенгал. Воспоминания / Пер. с фр. М. Ломако. Кишинев: Sigma, 1991.

Казанова Д. Д. Мемуары / Пер. с фр. С. В. Кознова. Саратов: Изд-во С. Кознова, 1991.

Казанова Д. Д. Любовные и другие приключения Джаакомо Казановы, кавалера де Сенгальта, венецианца, описанные им самим / Пер. с фр. Д. В. Соловьева. Л.: Васильевский остров, 1991. Т. 1, 2.

Казанова Д. Д. История моей жизни / Пер. с фр. И. К. Стаф, А. Ф. Строева. М.: Московский рабочий, 1991.

Казанова Д. Д. Мемуары Казановы, венецианца / Пер. с фр. М. А. Петровского, С. В. Шервинского. М.: Книга, 1993.

Библиография на русском языке сочинений, посвященных Казанове

Бенцони Ж. Три властелина ночи / Пер. с фр. М.: Дрофа, 1993.

Гофмансталь Г. Авантюрист и певица / Пер. с нем. О. Н. Чюминой. М.: Книгоиздательство «Польза», 1909.

Казанова. — В кн. «Знаменитые авантюристы XVIII в.». Ростов н/Д.: Феникс, 1997.

Казанова. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1991.

Кестен Г. Казанова / Пер. с нем. В. В. Фадеева, А. К. Славинской. СПб.: Лениздат, 1992.

Лене П. Последняя любовь Казановы / Пер. с фр. С. В. Сурковой. М.: Молодая гвардия, 2002.

Олдингтон Р. Единственная любовь Казановы / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. М.: Республика, 1993.

Радзинский Э. С. Загадки истории: Любовь в галантном веке. М.: Вагриус, 1995.

Ростан М. Любовь Казановы / Пер. с фр. Т. Л. Щепкиной-Куперник. — В кн.: Браун Л. Письма маркизы. М.: Вече, 1994.

Строев А. Ф. Те, кто поправляет фортуна. Авантюристы Просвещения. М., 1998.

Флем Л. Казанова, или Воплощенное счастье Пер. с фр. С. В. Пригорницкой. Ростов нД., 1998.

Цвейг С. Казанова / Пер. с нем. П. Бернштейна. Л.: Роспринт, 1991.

Цветева М. И. Конец Казановы: пьесы. СПб.: Азбука, 2000.

Шницлер А. Возвращение Казановы / Пер. с нем. А. Зелениной. М.: Вернисаж, 1993.

notes

Примечания

Юлия — героиня романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза».

Вертер — герой романа в письмах И. В. Гёте «Страдания молодого Вертера».

Филипп Орлеанский (1674–1723), регент; правил Францией от лица несовершеннолетнего Людовика XV с 1715 по 1723 год.

Джон Лоу (1671–1729), шотландский финансист. С 1719 года — министр финансов Франции. Основатель банка, получившего право выпуска акций. Занимался спекуляциями, повлекшими за собой крах банка и разорение акционеров.

Андре-Эркюль Флери (1653–1743), кардинал, государственный деятель.

Жанна-Антуанетта Пуассон (1721–1764), маркиза де Помпадур.

Жанна Бекю (1743–1793), графиня Дюбарри.

Пьер де Бурдейль, сеньор Брантом (1538–1614), французский писатель, создал галерею литературных портретов, зачастую весьма фривольных.

Жан Франсуа Поль де Гонди (1613–1679), кардинал де Рец, политик и автор «Мемуаров», в центре которых находятся события Фронды.

Жедеон Таллеман де Рео (1619–1692), французский писатель, автор занимательных историй о своих современниках.

Члены этих семейств в разное время избирались дожами Венеции.

Скорее всего, речь идет об Альфонсе V (1396–1458), короле Арагона и Сицилии.

Шарль Жозеф, принц де Линь (1735–1814), австрийский фельдмаршал, вольнодумец эпохи Просвещения.

Клод-Проспер Кребийон-сын (1707–1777), французский писатель, сын известного драматурга; автор остроумных и фривольных романов.

Клод-Жозеф Дора (1734–1777), французский писатель, автор галантных любовных историй.

Анри Робер Андреа де Нерсиа (1739–1800), французский писатель, автор фривольных и скабрёзных романов.

Бенжамен Констан де Ребек (1767–1830), французский политический деятель и писатель-романтик, автор романа «Адольфа» (1816).

Венцель Антон Кауниц (1711–1794), австрийский государственный канцлер в 1753–1792 годах, определявший политику Австрии при Марии Терезии.

Лудовико Ариосто (1474–1533), итальянский поэт и драматург, его героическая поэма в октавах «Неистовый Роланд» (1500–1532) была любимым произведением Казановы.

Аретино (Пьетро Бачи) (1492–1556), итальянский писатель, публицист.

Саксонский курфюрст Фридрих Август II (1696–1763), в результате войны за польское наследство был признан польским королем Августом III.

Духовенство Венеции имело особый статус: патриарх назначался дожем, а епископы — сенатом.

Франциск Ассизский (1181–1226), проповедник, основатель ордена миноритов, иначе францисканцев.

Клод Александр, граф де Бонваль (1675–1747), он же Осман-паша, французский военачальник, поступивший на турецкую службу.

Ин., 18, 10.

Иосиф Карл Иммануил Вальдштейн (1755–1814).

Шарль Морис Талейран (Талейран-Перигор) (1754–1838), французский дипломат, министр иностранных дел. Глава французской делегации на Венском конгрессе в 1814–1815 годах.

Жан Лерон д'Аламбер (1717–1783), французский математик, философ-просветитель. Вместе с Дидро редактировал «Энциклопедию».

Жюли де Лестинас (1732–1776), высокообразованная дама, хозяйка салона, где собирались философы.

Франсуа Жоашен Пьер де Берни (1715–1794), французский государственный деятель, дипломат, поэт.

Шарль Пино Дюкло (1704–1772), французский писатель.

Анн Робер Жак Тюрго (1727–1781), французский государственный деятель, экономист. На посту генерального контролера финансов (1774–1776) провел ряд прогрессивных реформ, задевавших интересы привилегированных сословий.

Проспер Жюлио Кребийон (1674–1762), французский драматург.

Марк Пьер д'Аржансон (1696–1764), в 1757 году был военным министром.

Мария Лещинская (1703–1768), дочь польского короля Станислава Лещинского, королева Франции.

Позы Пьетро Аретино — 35 позиций, изображенных художником Джулио Пиппи (Джулио Романо, 1492–1546), учеником Рафаэля, и описанных Аретино в фривольных сонетах.

Мария де Агреда (1602–1665), испанская монахиня-визионерка, автор откровения «Град мистический» (изд. 1670).

День святого Михаила отмечается 29 сентября.

Уго Фосколо (1778–1827), поэт, писатель-романтик, автор романа «Последние письма Якопо Ортиса» (1798).

Робер Франсуа Дамьен (1715–1757), маньяк, набросившийся на Людовика XV с перочинным ножом; был приговорен к четвертованию.

Франсуа Равальяк (1578–1610), фанатичный католик, 14 мая 1610 года нанесший смертельный удар кинжалом королю Генриху IV.

Этьен Франсуа де Шуазель (1719–1785), государственный секретарь (1758–1770).

Жозеф Пари Дюверне (1684–1770), французский финансист, наиболее известный из четырех братьев Пари.

Пьер дю Террай, сеньор де Баяр (1473–1524), французский полководец, прозванный «рыцарем без страха и упрека».

Конде Луи II де Бурбон (1621–1686), французский полководец, прозванный за доблесть Великим Конде.

Екатерина Медичи (1519–1598), из знатного флорентийского рода, супруга французского короля Генриха 11 (1519–1559).

Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, прозванный *Парацельсом* (1493–1541), немецкий врач, философ и алхимик.

Роджер Бэкон (1214–1292), английский философ и естествоиспытатель.

Раймонд Льюль (Луллий) (1235-ок. 1315), философ, теолог, алхимик, поэт.

Сочинение (1670) французского вольнодумца и поэта Монфокона де Виллара (1635–1673).

Александр Жан Жозеф Лериш де Ла Поплиньер (1692–1762),
генеральный откупщик, меценат.

Роганы и Субизы — два знатных французских рода, связанные родственными узами. *Луи Рене Эдуар, принц де Роган-Гемене* (1734–1808), именуемый кардиналом Роганом, вместе с авантюристом Калиостро был замешан в деле об ожерелье королевы.

Карл Евгений, герцог Вюртембергский (1728–1793).

Джон Локк (1632–1704), английский философ-просветитель, создатель идейно-политической доктрины либерализма.

Станислас Жан, шевалье де Буфле (1738–1815), французский поэт, губернатор Сенегала.

Русский перевод любимой поэмы Казановы: *Ариосто Л.* Неистовый
Роланд / Пер. свободным стихом М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. Т. 1, 2.

Жан Расин (1639–1699), французский драматург-классицист.

Климент Александрийский (ок. 150–до 215), христианский писатель-наставник, автор трилогии «Слово увещательное», «Педагог», «Строматы».

Джордж Кейт (1683–1778), лорд-маршал Шотландии, с 1747 года состоял на службе у Фридриха II.

Эрнст Иоганн Бирон (1690–1772), с 1737 года — герцог Курляндский, фаворит императрицы Анны Ивановны.

Никита Иванович Панин (1718–1783), граф, канцлер.

Григорий Григорьевич Орлов (1734–1783), граф, масон, фаворит Екатерины II.

Фрэнсис Бэкон (1561–1626), английский философ, автор утопического романа «Новая Атлантида» (изд. 1627).

Томас Мор (1478–1535), английский гуманист, государственный деятель, автор «Утопии» (1516).

Томмазо Кампанелла (1568–1639), итальянский философ, поэт, политический деятель, автор политической утопии «Город Солнца» (1602).

Адам Казимир Чарторыский (1734–1823), князь.

Август Александр Чарторыский (1697–1782), князь, воевода
российский.

Францишек Ксаверий Браницкий (?–1819), коронный подстолий, великий коронный гетман.

Карл, князь Курляндский (1728–1801), младший сын Э. И. Бирона.

Ян Потоцкий (1761–1815), польский путешественник, этнограф, автор фантастического романа «Рукопись, найденная в Сарагосе» (1804).

Педро Пабло Абарка де Болео Аранда (1718–1798), граф, министр, проводил реформы и насаждал просвещение.

Жан-Батист де Буайе, маркиз д'Аржанс (1704–1771), французский писатель, ему приписывают авторство эротического романа «Тереза-философ» (1748).

Под этим названием Казанова издал свой перевод с французского на итальянский романа мадам де Тансен «Осада Кале» (1739).

Луи Себастьян Мерсье (1740–1814), писатель, автор многотомных очерков «Картины Парижа», где отражена жизнь французской столицы накануне революции.

Бенджамин Франклин (1706–1790), американский государственный деятель и ученый. Заключил с Людовиком XVI военный союз.

Основные литературные имена и даты даны по изданию: История всемирной литературы: В 8 т. М.: Наука, 1988.